Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия
Географический факультет

Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований

Материалы
международной научной конференции
(Шестая Ежегодная научная Ассамблея АРГО)

Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.

Симферополь 2015

УДК 911.3
ББК 65.04
П 50

Редакционная коллегия:
Воронин И. Н., д.г.н.; Вахрушев Б. А., д.г.н.;
Дружинин А. Г., д.г.н., профессор; А. Б. Швец, к.г.н., доцент

Ответственные редакторы:
Воронин И. Н., д.г.н, профессор
Дружинин А. Г., д.г.н., профессор

Сборник зарегистрирован в базе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

П 50 Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / под общей ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции (Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.). Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2015. – 556 с.
ISBN 978-5-906813-10-7

В сборник включены тезисы докладов международной научной конференции «Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований», состоявшейся в Симферополе 16-20 сентября 2015 г. в рамках Шестой Ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО).

УДК 911.3
ББК 65.04

© Коллектив авторов, 2015
© Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО), 2015
© Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского, 2015
© ИТ «АРИАЛ», 2015

ISBN 978-5-906813-10-7

СОДЕРЖАНИЕ

Бабурин В. Л. Устойчивость региональных специализаций к циклам конъюнктуры 9

Бадов А. Д. Социально–демографические проблемы регионов Северного Кавказа: общее и особенное 21

Безруков Л. А. Глобальные центро-периферические отношения в контексте континентально-океанической дихотомии 35

Бессонова Т. Н. Анализ рынка труда моногородов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 42

Блануца В. И.Поведение информационной сети при приближении и преодолении государственной границы (на примере проникновения русской почты в Китай в 1870–1920 гг.) 49

Бочарников В. Н. Дикая природа как неучтенный геосистемный инвариант в оценке экономико-географического положения азиатских регионов России 57

Быков Н. И. Факторы пространственной ориентации региональных систем «центр-периферия» 65

Быковских А. М., Колонистова А. Н. Кризис постиндустриального общества на современном этапе развития стран 69

Вольхин Д. А. География центров формирования информационного пространства Крыма: глобальный, региональный, локальный уровни 77

Галимов М. А. Изменение индекса развития региона западных районов Западно-Казахстанской области 85

Гонтарь Н. В. Макрорегиональная интеграция как значимая составляющая глобализации. 93

Горбанев В. А. Территориальная структура хозяйства Австралии 103

Горохов С. А. Факторы пространственной дифференциации религиозности населения в эпоху глобализации 112

Деточенко Л. В., Фесенко В. В. Волгоградская агломерация: специфика формирования, современное состояние и пространственные перспективы 118

Дирин Д. А.Территориально-статусная организация геокультурного пространства Горного Алтая 127

Дмитриев Р. В. Урбанизация и специфика формирования глобальных городов «спящего гиганта» 135

Дружинин А. Г. Центро-периферийная стратификация Евразийского пространства: постсоветские тренды 141

Евченко Н. Н., Андрианова-Ушакова Е. А. Меры преодоления диспропорций территориального развития в региональной политике: кейс Южной Кореи..... 148

Живанович З., Гатарич Д. Масштабы неравномерности в региональном развитии Сербии 154

Живкович М., Папич Д., Гнято С. Юго-Восточная Европа в контексте отношений «центр-периферия» 160

Житин Д. В. Опыт пространственного изучения социального неравенства в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга) 170

Зверев Ю. М. Калининградская область, Крым и Севастополь: перспективные направления сотрудничества 182

Иванова А. А., Довгалюк М. В., Семенова И. В. Опыт успешных практик развития сельских поселений в Германии и их применение в Российской Федерации 188

Имашев Э. Ж. Степень территориальной концентрации хозяйства и типология административных районов Западно-Казахстанской области по уровню социально-экономического и экологического развития..... 193

Каледин Н. В. Глобальная геополитическая система: тренды пространственно-временной центро-периферийной стратификации. 202

Киселёв С. Н. Постялтинский мир и «Малая игра» в Причерноморье 209

Клюев Н. Н. Концентрация и деконцентрация природопользования в России 220

Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В. Территориальные системы в парадигме устойчивого развития 226

Комов И. В. Современные тенденции развития системы хранения зерна в Российской Федерации 236

Красноярова Б. А. Алтайский центр полизависимой трансграничности в Азиатской России 242

Кудрявцев А. Ф.Сельская периферия Ижевского завода в 1850 году 249

Куница М. Н. Дифференциация сельского расселения Центральной России: демографические особенности процессов трансформации 255

Лазарева Ж. В. Процессы концентрации транспортной инфраструктуры Омской области в системе «центр-периферия» на локальном уровне: проблемы и условия преодоления 264

Лачининский С. С., Семенова И. В. Некоторые подходы к изучению приморских мировых городов 273

Ломакина А. И. Производственный и экспортный потенциал ресурсных отраслей Канады и России в условиях внутриконтинентального функционирования 280

Любичанковский А. В., Любичанковский В. А., Козина Г. О. Ментально-географический дискурс Европейско-Китайского взаимодействия 286

Мандич М., Маринкович Д., Майич А. Пространственная дифференциация Республики Сербской как следствие демографического развития и изменений в системе расселения . 291

Махрова А. Г. Общие и особенные черты стадии развития Московской столичной агломерации..... 299

Миненкова В. В., Филобок А. А., Воронина В. В. Азово-Черноморское побережье России в структуре нового геополитического пространства в условиях глобализации 305

Мишлицки-Томич Т., Петрашевич А. Региональная поляризация городов Республики Сербской 311

Ожегова Л. А., Сикач К. Ю. Территориальные особенности распространения наркопреступности в Украине..... 320

Панков С. В. Устойчивое развитие сельской периферии: стабилизация или деградация..... 327

Попкова Л. И. Урбанистическая структура территории Центрального Черноземья 335

Потоцкая Т. И. Деловой туризм в алмазно-бриллиантовом комплексе 341

Родоман Б. Б. Автомодельность и континуальность в отношениях «центр–периферия»..... 349

Родригес Х. М. Коррекция социалистической модели экономики и её пространственные проявления на Кубе как результат глобализации 352

Санчес Д. Ц., Хименес Л. Р. Доступность и связанность авиасообщениями в Аргентине: анализ индикаторов..... 359

Сафиуллин М. Р. Теоретико-методологические основы изучения состояния здоровья населения: макро- и микроуровни..... 362

Сафиуллин Р. Г. Эволюция пространственных моделей развития как следствие полимасштабной дифференциации 372

Сафиуллина Р. М. Геодемографические проблемы арктических территорий России 380

Сахнова Н. С., Войтеховский Д. В. Особенности применения модели "центр-периферия" для системы расселения Крыма 389

Седова Е. Ю., Поломошнова Н. В., Кротов А. В. Геоэкономические и геополитические предпосылки формирования в Крыму открытой инновационной зоны с элементами финансово-инвестиционного оффшора 395

Сергиенко А. М., Иванова О. А. Полюса и драйверы социально-экономического благополучия сельских районов приграничного аграрного региона 401

Сидоров В. П. Социально-экономическое неравенство территорий и геополитические конфликты 408

Сидорчук И. Б. Периферийность как индикатор бедности 412

Синявер Е. Е. Основные типы ресурсных вызовов Крымского федерального округа 420

Соловьев А. Б. Дифференциация муниципальных образований Белгородской области по уровню социально-экономического развития 425

Соцкова Л. М. Проблемы организации питьевого водоснабжения на территории юго-восточного Крыма 431

Сухинин С. А. Демографические особенности центро-периферийной структуры Ростовской области 439

Терещенко Т. А., Мурзатаева М. М. Социально-экономическая дифференциация регионов Казахстана 445

Тодосиева А. А., Горячко М. Д. Анализ конкурентной среды в морских портах Российской Федерации 450

Трифонова З. А. Роль мигрантов в формировании городского населения регионов России 455

Фаронова Ю. В. Городские макрорегионы Российской Федерации в экономической и урбанизационной географии страны 468

Федорко В. Н. Статистические методы типологического исследования сетей расселения сельских районов Узбекистана .. 475

Филимонова И. Ю., Ахметов Р. Ш. Ретроспективный анализ расселения населения Оренбургского региона 485

Хамина Н. В. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация территорий (на примере Красноярского края) .. 491

Чистобаев А. И. Географы-обществоведы в годы Великой Отечественной войны и восстановительный период (к 70-летию Победы) 497

Чугунова Н. В., Лихневская Н. В., Комкова А. И. Основные факторы формирования центр-периферийного развития региональной системы расселения 500

Шадрин А. И. Теоретико-методологические аспекты формирования пригородных территорий городских агломераций 507

Шарыгин М. Д., Кротов И. И. Функции места как фактор развития малого предпринимательства 513

Швец А. Б., Яковлев А. Н. О новых трендах «Нового Крыма» 520

Шупер В. А. Тектонические сдвиги в территориальной структуре России 526

Яковенко И. М. Территориальное рекреационное неравенство как тенденция развития рекреационного процесса 533

Сведения об авторах 539

УДК 910.25

В. Л. Бабурин

V. Baburin

УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ К ЦИКЛАМ КОНЪЮНКТУРЫ

THE STABILITY OF REGIONAL SPECIALIZATIONS TOWARD THE CONJUNCTURE CYCLES

В статье рассматриваются проблемы устойчивости исторически сложившихся и новых специализаций регионов России к различным циклам конъюнктуры и их стадиям. Показывается влияние естественноисторических и социокультурных факторов как на возникновение, так и удержание специализаций регионов в условиях благоприятных и неблагоприятных фаз циклов конъюнктуры.

The problem of stability of historical and new specializations of the regions of Russian Federation to various cycles of conjuncture and their stages were considered in the paper. It was shown, that natural and socio-cultural factors influence on the origin and retention of the regions specializations at favorable and unfavorable phases of conjuncture cycles.

Ключевые слова. Циклы конъюнктуры, специализация, затраты-результаты, территориальная эффективность.

Keywords: Conjuncturecycles, specialization, cost-benefit, territorial efficiency.

Территориальное разделение труда (ТРТ), являясь пространственной формой общественного разделения труда, сочетает два процесса: дифференциацию (обособление) видов труда и комплексирование их на технологическом и территориальном уровнях. Основные подходы к проблеме

изложены в трудах А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса [1]. Главным преимуществом любого разделения труда является рост производительности и снижение издержек (во многом производных от комплекса природно-хозяйственных характеристик территории), ведущие к закреплению возникающих специализаций на территории.

Большинство экономико-географов районной школы сходится в том, что ТРТ является главным районообразующим фактором и определяет преимущественное развитие отдельных отраслей. Между специализацией хозяйствующих субъектов и экономических районов есть существенное для географов отличие. Специализация предприятий достигает экономии общественного труда путем снижения номенклатуры выпуска и концентрации массового производства однотипной продукции на крупных предприятиях. Специализация района достигает экономии общественного труда, лишь отчасти за счет этих факторов, а в основном – за счет использования естественноисторических и социокультурных предпосылок для концентрации и кооперации, пространственного комплексирования.

В качестве синонима территориального разделения труда многие авторы применяют понятие **географическое разделение труда**, однако, это не диалектическая трактовка. Географическое разделение труда задается географическим положением и детерминированным природой дифференциацией ресурсов развития. Оно возникло существенно раньше ТРТ, в условиях до рыночного, до товарного производства, когда обмен и специализация определялись не задачами повышения производительности труда, а невозможностью получения данных

товаров и услуг на конкретной территории. Колониальная торговля пряностями была связана с наличием спроса на них в Европе, при отсутствии на том этапе развития производительных сил возможности выращивания данных культур на месте. Соленая торговля в Северной Африки, также была связана с дефицитом соли в «не сахарских» районах. Иными словами географическое разделение труда в определяющей мере детерминировано дифференциацией природно-ресурсного потенциала, а территориальное – в конечном итоге нормой прибыли «капитал идет туда и тогда, где норма прибыли выше среднеотраслевой», т. е. ниже издержки производства.

Результатом территориального разделения труда является формирование экономических районов в рамках единого хозяйственного комплекса страны. Но процесс глобализации существенно изменил как макроэкономические, так и геополитические условия районообразования. Происходит ослабление внутрирайонных связей и специализаций, замещение их на международные, в рамках международного разделения труда, предполагающего наличие множества ареалов специализации активно конкурирующих между собой.

Обычно выделяют несколько основных факторов, обуславливающих ТРТ:

1. Географическое положение территории (физико-географическое и экономико-географическое), которое детерминирует возможности обмена;
2. Естественноисторические и социокультурные (в т. ч. национальные) предпосылки;

3. Прохождение специализированными отраслями инновационных циклов и связанной с ними сменой технологических укладов (специализаций), а также циклов конъюнктуры;
4. Прохождение странами и районами (регионами) демографических и общественно-политических циклов.

В общем случае природное разнообразие, как условие эволюции, выступает в качестве камертона социально-экономического разнообразия стран и районов, обеспечивающих механизмы их эволюции. Даже на небольшом расстоянии можно увидеть смену разных типов хозяйства. Все это разнообразие складывается в результате естественноисторического и социокультурного процесса, который носит название географического, или территориального разделения труда.

Понятие территориальное разделение труда является важнейшей понятийной и исследовательской категорией экономической и социальной географии, позволяющей произвести процедуру отбора в каждой стране (районе, центре, местности и т. д.) из множества специализаций, те, которые являются наиболее устойчивыми к циклам конъюнктуры, меняющимся природным и общественно-политическим условиям функционирования. Следствием этого является важнейшая роль правильного определения пространственно-временных границ специализаций в стратегическом планировании, при разработке схем территориального планирования, при прогнозировании и проведении различных экспертиз.

На важность категории ТРТ обращал внимание Н. Н. Баранский, писавший, что «географическое разделение труда является … целой системой понятий, связывающей и отрасли и

экономические районы, …» [2]. То есть в определенном смысле территориальное разделение труда является объективной основой системного анализа в экономической географии, установление отношений части и целого.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что все виды пространственного разделения труда (ТРТ, ГРТ, МРТ) представляют собой систему понятий, позволяющую анализировать размещение элементов хозяйственных систем и отношений, как между самими хозяйствующими субъектами, так и между ними и обществом в рамках полимасштабного подхода, столь модного в современной отечественной географии.

ТРТ в сочетании с общественно-политическим устройством задают ритм районообразования и трансформации исторических районов. После открытия советской экономики, большинство специализаций оказались под сильнейшим прессом международного разделения труда, в условиях постоянно меняющейся конъюнктуры и «сжались» как в отраслевом, так и территориальном сегментах.

Из выделяемых видов ТРТ, для нашего исследования наиболее значимыми являются:

1. Глобальное разделение труда, которое формируется между странами и экономическими районами различного таксономического уровня. Как правило, на этом уровне рассматриваются не только макроотрасли хозяйства, но и вся система взаимосвязей между ТПХС.

3. Разделение труда, возникающее в рамках хинтерланда того или иного экономического центра или хозяйствующего субъекта (город, порт, пром- и сельхозпредприятие, ВУЗ и НИИ, и т. п.). По сути, речь в этом случае идет о сетевой составляющей ТРТ, когда

возможно пересечение множества ареалов хозяйственной деятельности. Этот вид ТРТ, по-видимому, характерен и для производственных кластеров.

4. Вертикально-интегрированное ТРТ, как правило, характерное для естественных монополий, когда стадии технологических цепочек территориально разорваны и находятся в разных пунктах.

5. «Сезонное» ТРТ, когда и производственная специализация и обмен носят меняющийся во времени характер (географический конвейер К. И. Иванова, межзональные поставки продовольствия, неравномерность урожайности под влиянием солнечно-земных циклов Чижевского, лесопромышленный комплекс и т. д.)

6. «Конъюнктурное» разделения труда, когда специализации и связанный с ними обмен, под воздействием циклов конъюнктуры разной размерности (вековые циклы Ф. Броделя, длинные волны Кондратьева-Шумпетера, циклы Джуглара-Маркса), то «возникают» и осуществляют пространственную экспансию, то сжимаются как «шагреневая кожа).

7. Эпизодическое разделение труда, когда страны решили обменяться какими-либо товарами по каким-то политическим или экономическим соображениям, хотя это и не соответствует традициям, необходимости и т.д. (например, поставки нефти и газа в Китай, закупка сахара-сырца на Кубе и т. п.)

Каждый экономический район имеет специфическую отраслевую и территориальную структуру. Как правило, выделяют отрасли специализации, определяющие место района в ТРТ, инфраструктурные отрасли, обеспечивающие условия функционирования отраслей специализации и прочих производств, сопутствующие, возникающие на основе совместного

использования ресурсов и/или переработки отходов и внутрирайонные, ориентированные на удовлетворение потребностей самого района, как правило, ориентированы на потребительский сектор.

Резюмируя, можно отметить, что ТРТ, «закрепляющее определенные отрасли производства за определенными районами страны» и странами, представляет собой одну из форм общественного разделения труда. Оно проявляется, прежде всего, в производственной специализации территорий и межрайонной товарности. Исходно концентрируясь в ареалах с наилучшими предпосылками, при высокой конъюнктуре специализации выходят за оптимальные границы, а при ухудшении конъюнктуры происходит их пространственное «схлопывание». Поэтому в современном глобализующемся мире важнейшим становится вопрос устойчивости экономических районов (их специализаций). Очевидно, что при низких издержках специализации сохраняют устойчивость даже в периоды кризисов, а при высоких они эфемерны даже при относительно благоприятной конъюнктуре (рис. 1).

В этом из множества географических факторов развития российского общества наиболее существенными являются планетарное положение, глобальные пропорция между морем и сушей, горами и равнинами, крупными природными зонами, долинными комплексами.

Для индустриальной эпохи важнейшим фактором пространственной концентрации экономики стало размещение минерально-сырьевых, а затем и прочих природных ресурсов. Законы рынка, развитие географического, затем территориального и, наконец, международного разделения труда привели к

формированию крупных индустриальных ареалов в зонах концентрации высокоэффективных природных ресурсов, как на суше, так и на море. Таким образом, природа во многом детерминирует издержки, а значит и устойчивость специализаций.

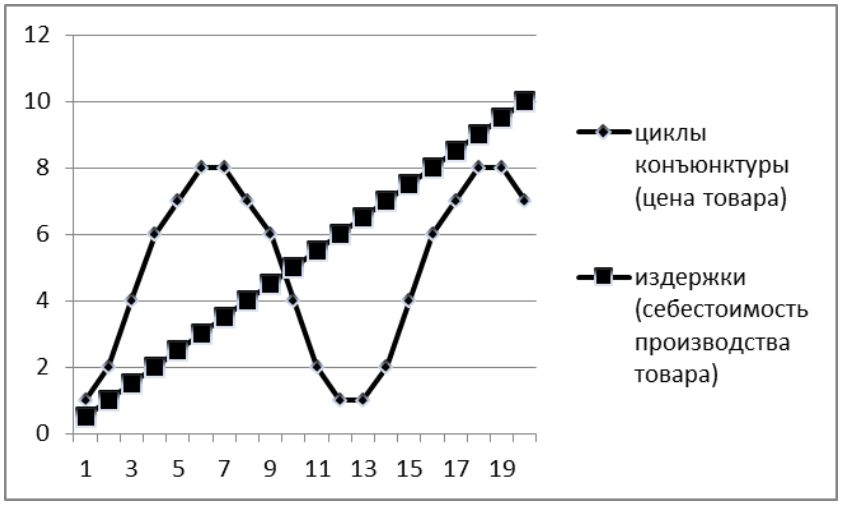


Рис. 1. Устойчивость специализаций под влиянием циклов конъюнктуры

Д. Даймонд выделил пять признаков, подрывающих устойчивость специализаций, вплоть до их «схлопывания». Это сверхэксплуатация природно-ресурсного потенциала, подрыв базы территориального разделения труда, удаленность от центров цивилизации и рынков, внешние вторжения (имеются в виду, как войны, так и экономическая, этническая и другие виды внешней экспансии), природные катаклизмы (засухи, землетрясения). «Наше безумное расточительство может сходить с рук, пока экономика в удовлетворительном состоянии. Мы забываем, что обстоятельства меняются, и мы не в состоянии предугадать, когда они изменятся коренным образом» [3].

Если говорить о более общих механизмах этих процессов, то следует помнить, что эволюция системы связана с тем, что каждый полюс роста образует вокруг себя собственное возмущение пространства и собственную волну. Сами полюса роста возникают в тех немногих точках пространства, для которых в данный момент по совокупности факторов возникают наиболее благоприятные условия, а в экономическом смысле минимизируются издержки производства и жизни населения. При этом важно и циклическое время. От того, как циклы входят в резонанс, или демпфируют друг друга, во многом зависит судьба специализаций, особенно тех, которые находятся в краевых пространственных зонах оптимальных ареалов. В разработанной П. Я. Баклановым теории пространственных систем производства, показаны механизмы и формы их интеграции в системы других уровней, в том числе – промышленно-узловые и территориальные и введено понятие плавающего оптимума, которое отражает изменчивость издержек предприятий в зависимости от динамики мирохозяйственной ситуации [4].

В связи с этим следует выделить эволюционную роль кризисов, как процесса стресс-тестирования для социально-экономических систем, когда «слабые» специализации исчезают, расчищая место для сильных. Более того, согласно тектологического принципа Богданова, процесс развития вообще может быть представлен как череда кризисов, сменяющих друг друга. Только в кризис возможно творческое разрушение и прорывные открытия. Кризис оказывает мобилизующее воздействие, стимулирует к более эффективному использованию внутренних ресурсов. Таким образом, каждый новый кризис требует

очередного «подтверждения» жизнеспособности территориальных специализаций.

Проиллюстрируем высказанные суждения на ряде примеров. Когда цена за тройскую унцию золота приближалась к 2000 долл. (около 2,5 тыс. руб. за грамм), промышленные запасы золота в Магаданской области, достигали 10 тыс. т и детерминировали ее специализацию. Когда цена упала до 1200 долл. за унцию, они сократились до 2 тыс. т, существенно подорвав потенциал специализации. А в случае, если цена упадет ниже 900 долларов за унцию, выяснится, что золота в области нет и нет условий для сохранения золотодобывающей подотрасли цветной металлургии, как специализации региона.

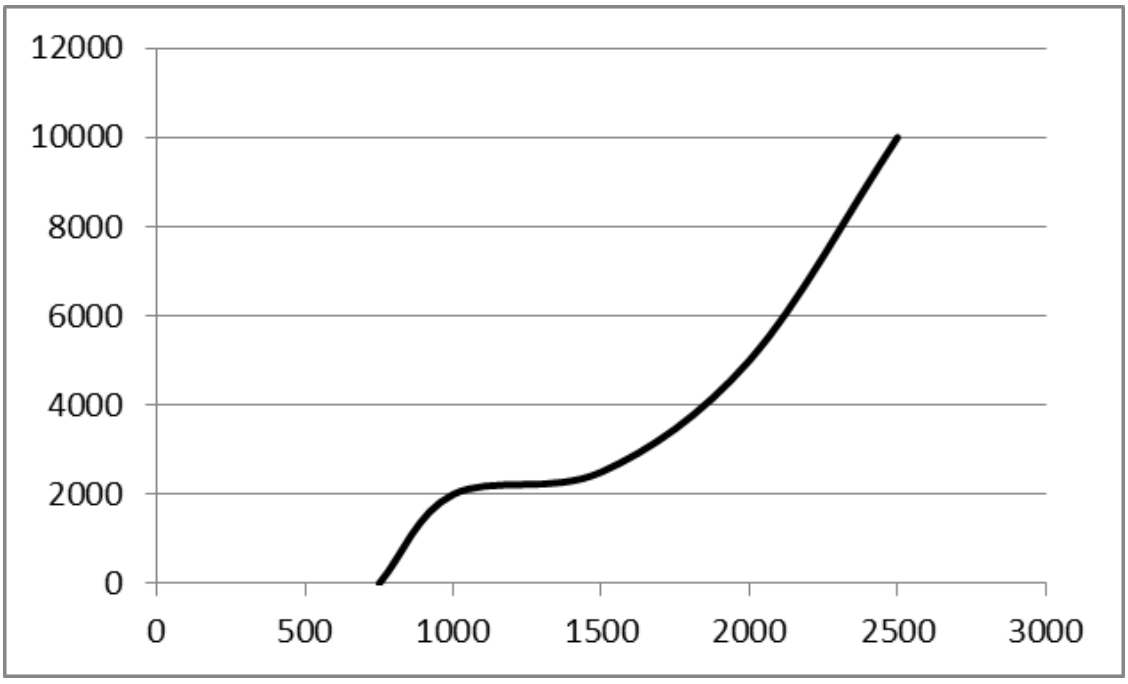


Рис. 2. Взаимосвязь цены и промышленных запасов золота в Магаданской области

Разумеется, научно-технический прогресс может изменять технологическую составляющую себестоимости (например, снизив

издержки по добычи сланцевой нефти со 100 до 50 долларов за баррель), но не природно-ресурсную, которая остается константой и проявляется через дополнительные издержки, по сравнению со среднеотраслевыми.

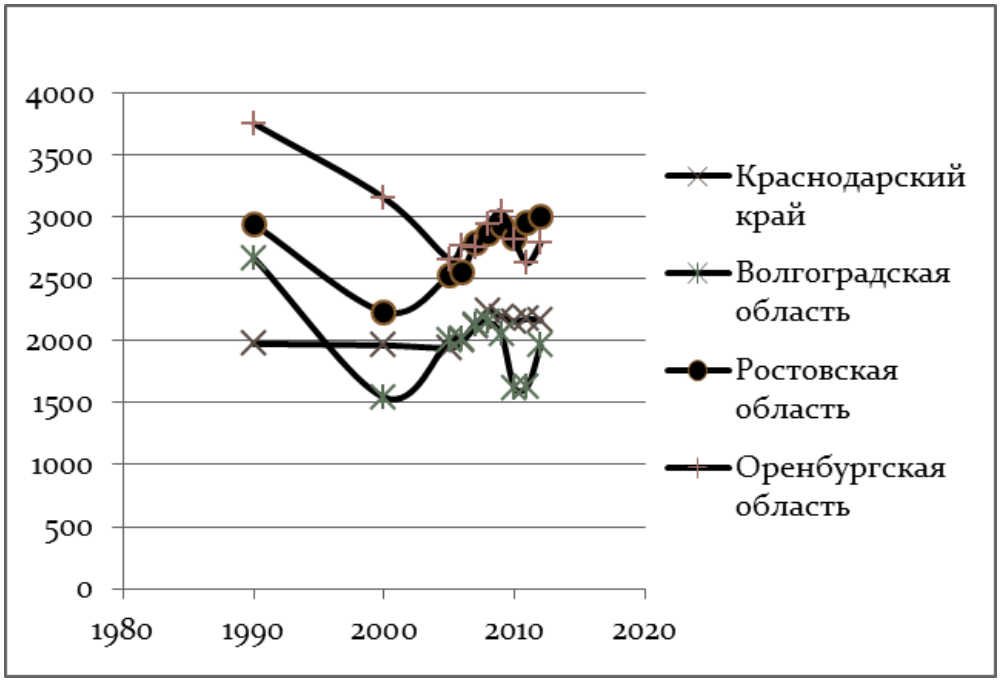


Рис. 3. Реакция зерновой специализации на кризис 1990-х гг. XX века и компенсационный подъем 2000-х гг.

Другой пример (рис. 3; 4). В «материнских» ареалах посевные площади зерновых не среагировали на кризис (Краснодарский край его просто не заметил), в полупериферийных зонах рискованного земледелия, (Волгоградская и Оренбургская области) реакция резкая – вначале обвальный спад, а затем частичное восстановление. В периферийных же зонах товарности (Костромская, Архангельская области) посткризисное восстановление вообще не наблюдается, а товарное зерновое хозяйство исчезло (схлопнулось) как отрасль специализации сельского хозяйства.

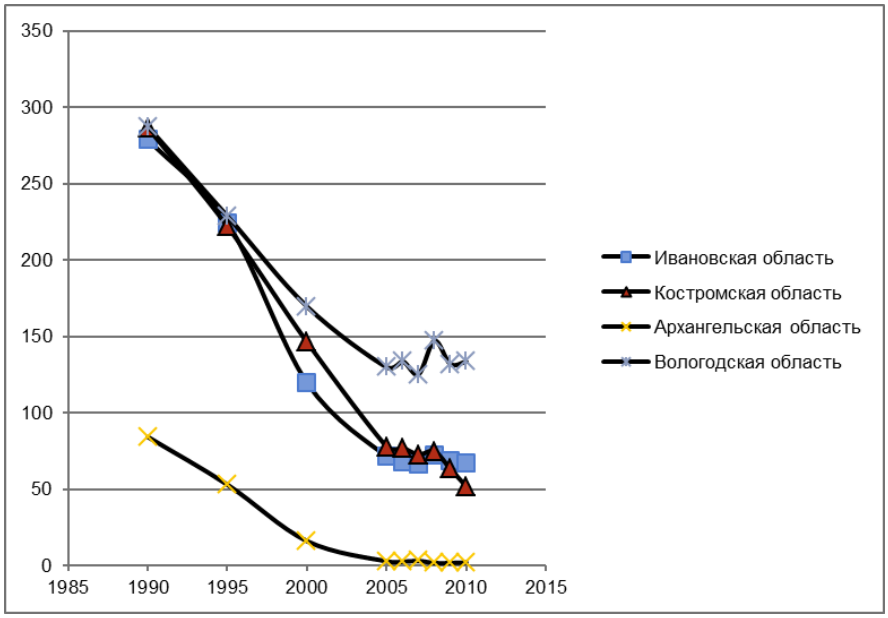


Рис. 4. Реакция зерновой специализации на кризис 1990-х гг. XX века и компенсационный подъем 2000-х гг.

При анализе устойчивости специализаций как основы ТРТ необходимо учитывать и то, что инновация (задающие специализацию соответствующего технологического уклада) не сплошь покрывает территорию, а выборочно, постепенно заполняя пространства между этими ареалами «плавающего» оптимума. Как правило, «медвежьи углы» заполняются в последнюю очередь, причем, очень немногими инновациями либо вообще не заполняются. Поэтому естественноисторический и социокультурный слой здесь самый тонкий, фрагментарный, а специализации легко уничтожаются даже при незначительных колебаниях конъюнктуры.

Полициклизм развития, экономики и общества, дополнительно осложненный глобальными изменениями в геосфере, делает принципиально важным переориентацию с прибыли как критерия эффективности, на издержки.

Издержки определяют устойчивость специализаций регионов и соответственно их места в ТРТ. В случае выхода за границы «плавающего оптимума» система становится крайне

чувствительной как к конъюнктуре мирового рынка, так и природным катаклизмам, что резко повышает вероятность коллапса территориальных природно-хозяйственных систем (районов).

В условиях возрастающей неопределенности наличие пакета алгоритмов (действий «на любой случай»), важнее прогноза. В новых условиях стратегия – это, прежде всего, наши действия по удержанию имеющихся и перспективных специализаций в границах «плавающего оптимума».

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч, 2-е изд. т. 23, 366 с.
2. Баранский Н. Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. / Н. Н. Баранский – М.: Мысль, 1980.
3. Даймонд Д. Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают / Д. Даймонд – М.: АСТ, АСТ Москва, Мидгард, 2008. – 800 с.
4. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. / П. Я. Бакланов – М.: Наука, 2007. – 239 с.

УДК 911.3:313 (470.65)

А. Д. Бадов

A. Badov

СОЦИАЛЬНО–ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE NORTH CAUCASUS REGIONS: GENERAL AND SPECIAL

В статье исследуются особенности социально-демографического развития Северного Кавказа. Рассматриваются причины дифференциации

социально-демографической ситуации в регионах, приводятся меры по оптимизации складывающейся ситуации.

This article investigates features of socio-demographic development in the North Caucasus and reasons of differentiation of the socio-demographic situation in the regions, provides measures to optimize the current situation.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Северная Осетия, демография, социальные проблемы, население, рождаемость, смертность, занятость.

Keywords: North Caucasus, North Ossetia, demographics, social issues, population, fertility, mortality, employment.

Северный Кавказ по праву называют «роддомом» России. Действительно, уровень рождаемости на Северном Кавказе заметно выше, чем в других регионах нашей страны. Однако, если присмотреться повнимательнее, мы увидим, что внутри Северного Кавказа наблюдаются существенные территориальные различия в демографическом поведении населения.

В конце XX и начале XXI вв. социально–демографическая ситуация в России была весьма неоднозначной. Девяностые годы XX в. характеризовались практически повсеместным сокращением численности населения. В целом по Российской Федерации численность населения за 1989-1999 гг. сократилась на 0,5%. Однако это сокращение было бы куда более значительным, если бы не существенный миграционный приток населения из стран ближнего зарубежья. В 1996-1999 гг., когда миграционный приток значительно сократился, темпы сокращения численности населения России увеличились. Аналогичная ситуация складывалась в Северо–Кавказском федеральном округе с той лишь разницей, что показатели естественного и миграционного прироста в СКФО были несколько лучше, чем в целом по России, и сокращение численности населения было «отложено» на более поздние годы.

Северная Осетия вошла в число регионов, где численность населения стала сокращаться с 1996 г. Из других регионов Северо-Кавказского федерального округа численность населения продолжала увеличиваться только в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае. В других регионах численность населения стабильно сокращалась.

Судя по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., численность населения в целом по Северо-Кавказскому ФО увеличилась на 562,9 тыс. чел. или на 6,3%. Однако наблюдалась существенная территориальная дифференциация в темпах роста численности населения внутри самого округа. В одних регионах наблюдался существенный рост, в других – убыль. Так, например, 71,9% всего прироста численности населения СКФО дал Дагестан (рост на 400,9 тыс. чел., увеличение на 15,6%). В то же время, наблюдалась убыль населения в таких регионах, как Кабардино-Балкария и Ингушетия, а численность населения Северной Осетии увеличилась всего на 0,4%.

На первый взгляд сокращение численности населения Ингушетии на 54,3 тыс. чел., или на 11,6% вообще выглядит весьма загадочно, если не абсурдно. За период 1994-2002 гг. численность населения республики увеличилась на рекордные 220% или на 256 тыс. чел. и вдруг – такое падение. Резкий рост численности населения Ингушетии объясняется последствиями Чеченской войны – притоком чеченцев. После переписи 2002 г. ряд авторов (Мкртчян) вообще подвергал сомнению данные по Ингушетии, Чечне и некоторым другим регионам. Предлагались даже специальные коэффициенты, позволяющие снизить численность населения северокавказских республик до «приемлемого»

уровня (!?). Завышение численности населения связывалось с Федеральным Законом о подушевом финансировании административных единиц. Снижение численности населения Ингушетии в период между 2002 и 2010 гг. выглядело загадкой: в этой республике стабильно высокая рождаемость, низкая смертность, самая высокая в стране ожидаемая продолжительность жизни населения (сопоставимая с самыми высокими мировыми стандартами), низкий уровень разводимости и т. д. При существующих темпах естественного движения население Ингушетии должно было расти на 8,5 тыс. чел. ежегодно или вырасти на 68 тыс. чел. за 2003-2010 гг. К концу 2010 г. численность населения Ингушетии должна была составлять 535 тыс. чел. или на 122 тыс. больше, чем было подсчитано. Для того, чтобы население так сократилось, надо чтобы ежегодное сальдо миграций было минус 15,2 тыс. чел. Куда же делось население?

Конечно, существенную роль сыграло качество проведения переписей. Но важнейшую роль сыграли окончание Чеченской войны и наведение правового порядка в Чеченской Республике. Судя по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., за этот период Ингушетию в массовом порядке покинули чеченцы (вернулись в Чечню или другие более благодатные края). Численность чеченцев в Ингушетии сократилась с 95 до 18,8 тыс. чел. или в 5 раз; русские (сокращение с 5,6 до 3,2 тыс. или в 1,7 раза). Таким образом, Ингушетия стала самой мононациональной республикой в Российской Федерации: 94,1% всего населения в 2010 г. составляли ингуши. Отсюда и сокращение численности населения региона и нарушение полового состава и т. д. Аналогичная ситуация, правда, в куда меньших масштабах,

наблюдалась и в Кабардино–Балкарии. Масштабы меньшие, поскольку и сокращение численности населения за 2003-2010 гг. несколько ниже, чем в Ингушетии и показатели естественного движения не сопоставимы с ингушскими.

Заметим, что численность ингушей в России за 1989-2002 гг., т. е. за 14 лет увеличилась почти в два раза (192,1%, с 215 до 413 тыс. чел.). Это проблематично, но возможно с учетом прибывшего населения из Казахстана и Средней Азии.

Таблица 1

Численность населения регионов СКФО в 2002-2010 гг.

	Численность населения, тыс. чел.		**Площадь, тыс. кв. км**	**Плотность населения, чел./кв. км**	**Динамика численности населения за 2002-2010 гг., в %**	**Доля городского населения, в 2010 г.**
	2002 г.	2010 г.				
РФ		142905,2	17098	8,3	98,4	73,2
СКФО	8933,9	9496,8	172,4	55,1	106,3	49,1
Дагестан	2576,5	2977,4	50,3	59,2	155,6	45,3
Ингушетия	467,3	413,0	3,5	118,0	88.4	38,3
КБР	901,5	859,8	12,5	68,8	95,4	54,5
КЧР	439,5	478,5	14,3	33,5	108,9	42,3
РСО-А	710,3	712,9	8,0	89,1	100,4	63,8
Чечня	1103,7	1269,1	15,6	81,3	115,0	35,0
Ставрополь	2735,1	2786,1	66,2	42,1	101,9	57,2

Составлено автором по: [2]

Динамика остальных регионов СКФО вполне укладывается в рамки показателей предыдущих лет и особенностей их естественного и миграционного движения.

Таблица 2

Прирост или убыль населения регионов СКФО в 2003 и 2010 гг.

Регионы	**Прирост (+), убыль (–) за 2003-2010 гг., чел.**
СКФО	+562,9
Дагестан	+400,9
Ингушетия	-54,3
Кабардино-Балкария	-41,7
Карачаево-Черкесия	+39,0
Северная Осетия	+2,6
Чечня	+165,4
Ставропольский край	+51,0

Составлено автором по: [2]

Один из важнейших показателей в геодемографии – соотношение городского и сельского населения, уровень урбанизации. Этот показатель оказывает влияние на многие стороны социально-демографического поведения населения. Здесь следует заметить, что на Северном Кавказе часто наблюдаются существенные отклонения от принятых положений в части определения городского и сельского поселения. Одно из них – численность населения города должна быть (в РФ) не менее 12 тыс. чел. Например, в Ингушетии в столице республики г. Магасе проживает всего 2,5 тыс. чел. (в 2002 г. – 275 чел.). Пример другого свойства из той же Ингушетии – станица Орджоникидзевская, в которой проживает 61,8 тыс. жителей. Это больше, чем в Анапе, Геленджике, Крымске, Лабинске и других известных городах Краснодарского края. При этом в Орджоникидзевской расположены важнейшие объекты республиканского значения: Ингушский госуниверситет, Национальная библиотека, Исламский институт,

колледж искусств, МЧС, аэропорт, Госкомприроды Ингушетии. Орджоникидзевская – это крупнейшее сельское поселение в России и одно из крупнейших в мире.

При таких различиях в подходах к определению города выяснить истинный уровень урбанизации весьма затруднительно. Тем не менее, по доле городского населения безусловным лидером в СКФО является Северная Осетия (63,8%) городских жителей в 2012 г. При этом в республике наблюдалось снижение доли горожан, по сравнению с 2002 г. (65,8%). Это было связано с сокращением численности населения Владикавказа и преобразованием горных поселков городского типа в сельские поселения. В этот же период доля городского населения снизилась еще в трех регионах СКФО (Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия). В трех регионах доля городского населения увеличилась.

Примечателен другой факт. В 1989 г. все пять крупных столиц регионов СКФО имели примерно равные возможности для дальнейшего роста. Численность в них колебалась в пределах 230-400 тыс. жителей: Грозный – 397 тыс., Ставрополь – 317, Махачкала – 302, Владикавказ – 299, Нальчик – 231 тыс. К 2010 г. эти города пришли с совершенно разными результатами. О проблемах Грозного известно всем: город восстанавливается из руин. Владикавказ и Нальчик практически приостановились в своем развитии. Махачкала и Ставрополь совершили впечатляющий рывок в росте численности населения: численность населения Махачкалы за 1989-2010 гг. выросла в 1,9 раза, а Ставрополя – в 1,25 раза. Махачкала, тем самым, вошла в список городов – полумиллионников. Весьма любопытна динамика численности населения Нальчика: за 1989-2002 гг. численность увеличилась почти в два раза, а за 2003-2010 гг. сократилась на 13%.

Таблица 3

Динамика численности населения региональных центров СКФО за 1989-2010 гг.

	Численность населения, тыс. чел.			**Динамика численности за 1989-2010 гг., в %**
	1989 г.	**2002 г.**	**2010 г.**	
Махачкала	302,0	462,4	578,0	191,4
Магас	-	0,3	2,5	-
Нальчик	234,5	275,0	240,1	102,4
Черкесск	113,1	116,2	121,4	107,3
Владикавказ	299,0	315,6	311,6	104,2
Грозный	397,0	210,7	271,6	68,4
Ставрополь	316,7	354,9	398,3	125,8

Составлено автором по: [2]

Таблица 4

Соотношение городского и сельского населения регионов СКФО в 2002 и 2010 гг.

Регионы	**Доля в общей численности населения**			
	2002 г.		2010 г.	
	городское	сельское	городское	сельское
СКФО	49,0	51,0	49,1	50,9
Дагестан	42,8	57,2	45,3	54,7
Ингушетия	42,5	57,5	38,3	61,7
Кабардино-Балкария	56,6	43,4	54,5	45,5
Карачаево-Черкесия	44,0	56,0	42,3	57,7
Северная Осетия	65,5	34,5	63,8	36,2
Чечня	33,8	66,2	35,0	65,0
Ставропольский край	56,0	44,0	57,2	42,8

Составлено автором по: [2]

В целом по России отрицательные показатели естественного движения стали наблюдаться с 1992 г. В Северной Осетии – несколько позже – с 1996 г. Причем изменения носят качественный характер – характер скачка. Рост уровня смертности побил все рекорды в 1993 г. (и в Северной Осетии, и в России в целом), а отрицательные показатели естественного движения стали наблюдаться впервые в мирное время в XX веке.

Если смертность населения увеличивалась, то рождаемость уменьшалась. Переломным стал опять-таки 1993 г.

Хронологически резкое ухудшение демографических показателей совпадает с маршем нашей страны в рыночные отношения. «Шоковая терапия» даром для народа не прошла.

Симптоматично, что резкие ухудшения демографических показателей в 1990-х гг. следовали сразу за кризисными явлениями в экономике страны. С улучшением экономической ситуации начинали выправляться и демографические показатели.

Таким образом, для того чтобы выравнивание рождаемости и смертности в республике было лишь коротким, малоприятным моментом в ее истории (как это было во время Гражданской и Великой Отечественной войн) необходимо срочное решение задачи коренного улучшения условий и уровня жизни населения.

Это улучшение наступило. С 2006 г. ОКЕП (У) в Северной Осетии вновь стал положительным. Потребовалось целое десятилетие, чтобы переломить ситуацию. Сказались меры, предпринятые Правительством России. Прежде всего – известный Закон о материнском капитале.

Таблица 5

Основные демографические показатели регионов СКФО в 2012 г.

Регионы	Рождае-мость	Смерт-ность	Естествен-ный прирост	Младенчес-кая смертность	Миграционный прирост, чел.	Доля безработ-ных в % к экономически активному населению
РФ	13,3	13,3	0	8,7	+294930	5,5
СКФО	17,4	8,2	9,2	14,7	-39348	13,2
Дагестан	19,0	5,6	13,4	15,5	-23958	11,7
Ингушетия	22,6	3,7	18,9	11,6	+4005	47,4
КБР	15,9	8,9	7,0	8,5	-6194	8,9
КЧР	13,5	9,7	3,8	10,0	-4694	8,9
РСО-А	15,0	10,6	4,4	11,5	-6185	7,9
Чечня	25,9	5,4	20,5	21,9	-4591	31,3
Ставрополь	12,5	12,0	0,5	11,4	+18025	5,4

Составлено автором по: [2]

Однако, в ближайшее время, как Северную Осетию, так и другие регионы России ожидают тяжелые времена. На половозрастной пирамиде отчетливо видно, что в детородный возраст вступают малочисленные когорты населения, родившиеся в 1990-х гг., «дети пьяной демократии». Их чрезвычайно мало, поэтому рождаемость будет вновь катастрофически падать. В Осетии положение пока будет спасать то, что в республике средний детородный возраст матерей в настоящее время 29 лет [1]. По этому показателю мы лишь на один год отстаем от Западной Европы и существенно опережаем большинство регионов России. Это неминуемо приведет к падению коэффициентов рождаемости

и, при сохранении высоких коэффициентов смертности, нас ожидают отрицательные показатели естественного движения.

В вузы республики в этом году будут поступать родившиеся в 1996 г. Их также чрезвычайно мало и на непопулярных специальностях нас ждут еще более сложные проблемы, чем в прошлом и позапрошлом годах. Такая ситуация будет продолжаться в течение 10 лет, до тех пор, пока не начнут поступать в вузы и ссузы родившиеся в 2006 г. – «дети путинского призыва».

У нас много говорят о том, что к 2016 г. проблема с детскими садами будет решена. Решена она будет несколько позже, но в основном из-за того, что в детские сады будет ходить некому. Действительные проблемы могут возникнуть в школах, особенно в центре Владикавказа, где остались только переполненные и без того 3, 5 и 50 школы. Проблема усугубляется тем, что в центре бурно развивается так называемая «точечная застройка».

Итак, в ближайшие 3-4 года мы будем иметь снижающуюся рождаемость, достаточно высокую смертность и вновь отрицательные показатели естественного движения. Что необходимо предпринять и какие у нас имеются резервы?

Во-первых, необходимо усиление экономической составляющей демографической политики. Материнский капитал – это хорошо и дай Бог, чтобы эта программа не закончилась. Но необходимо существенно увеличить ежемесячные пособия на ребенка. К тому же условия получения этого пособия весьма жесткие. Необходимо льготное кредитование семей с детьми и т. д. Путей решения проблемы достаточно много. Но необходимо предусматривать последствия тех или иных решений. Ситуации,

возникшие с объявлением заранее (за полгода вперед) о материнском капитале и нынешняя проблема с детсадами просто недопустимы.

Другой важнейший резерв – снижение смертности. Она у нас непомерно высока (10,6‰). Ряд демографов объясняет повышение смертности общим постарением населения. На самом деле это не совсем так. У нас резко повысилась смертность именно в молодых возрастах. Так, по данным Госкомстата за последние 20 лет смертность населения в возрасте 15-19 лет выросла в 1,7 раза, 20-24 года – в 1,9 раза, 25-29 лет – в 2 раза.

При этом смертность мужчин значительно выше, чем женщин: в возрасте 15-19 лет – в 6,8 раза, 20-24 года – в 3,3 раза, в возрасте 25-29 лет – в 6,5 раза.

В республике каждый десятый умирает от неестественных причин смерти. Из всех причин этого класса преобладают несчастные случаи, связанные с транспортом (23,1%).

В молодых возрастах картина выглядит вообще катастрофической. У мужчин в возрасте 15-29 лет на несчастные случаи, отравления и травмы приходится 62% смертей, у женщин – 45%. То, что творится у нас на дорогах, вообще не поддается никакому описанию.

Таким образом, снижение смертности населения от несчастных случаев, отравлений и травм, от различных видов заболеваний, является важнейшим резервом улучшения демографической ситуации.

Другой важнейший резерв – регулирование миграционных потоков. Мы с гордостью сообщаем, что у нас положительные показатели естественного движения, но при этом стыдливо

умалчиваем, что ежегодное сальдо миграций у нас минус 6 тыс. чел. Прибывает около 4 тыс., выбывает 10 тыс. При этом выбывает наиболее дееспособное в экономическом и репродуктивном отношении население. На учебу в другие регионы в прошлом году выбыло 1,5 тыс. чел. 6,5 тыс. чел. выбыло в другие регионы в поисках работы. Таким образом, положительные результаты демографической политики нивелируются оттоком населения. Более того миграционный отток превышает естественный прирост и численность населения республики сокращается. Поскольку в миграционном оттоке участвуют в основном молодые, население республики в целом стареет. Это же сказывается и на естественном движении.

Понятно, что миграционный отток связан с отсутствием достойной работы. И здесь существенное улучшение экономической ситуации самым прямым образом сказывается на демографии.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Анализ выявил довольно неоднозначную социально-демографическую ситуацию в регионе: с одной стороны весьма высокая рождаемость, низкая смертность и приемлемые результаты естественного движения в целом по региону, с другой – существенная территориальная дифференциация демографических показателей. Высокие положительные показатели естественного движения как в Дагестане, Чечне и Ингушетии, низкие, как в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии и отрицательные, как в Ставропольском крае. Молодое население в первых трех регионах и старое – в Ставропольском крае и Северной Осетии. Миграционный отток

населения из всех регионов СКФО, за исключением Ставропольского края.

2. Высокий уровень рождаемости и молодое население – с одной стороны, слаборазвитая экономика, низкий уровень развития социальной инфраструктуры и массовая безработица – с другой. Слаборазвитая экономика не может обеспечить население ни работой, ни какими–либо социальными благами.

3. В среде безработных к особой группе риска относится молодежь: в молодежных возрастных когортах уровень безработицы в два раза выше, чем среди всего трудоспособного населения. Особенно остро проблема занятости стоит перед выпускниками вузов. Последнее обстоятельство связано с несоответствием профессиональной и квалификационной подготовки выпускников учебных заведений конъюнктуре рынка труда. С целью оптимизации рынка труда необходимо дальнейшее проведение комплекса мероприятий, обеспечение более тесного взаимодействия всех заинтересованных служб в решении проблем получения профессионального образования и социальной защиты. Для этого необходимо: подготовка молодых специалистов соответственно спросу на рынке занятости; профессиональная ориентация, начиная со школьной скамьи; повышение качества подготовки специалистов; обучение вторым профессиям, в том числе во время обучения в вузах, ссузах и т. д.

4. Проблема особого ряда – рынок труда. Для того чтобы обеспечить быстро растущее население работой необходимо стремительное и существенное расширение рынка труда Повышение престижа рабочих специальностей. Заключение прямых договоров с работодателями из других регионов России.

5. Явная и скрытая безработица, массовое обнищание населения, значительная дифференциация уровня и условий жизни, люмпенизация и маргинализация населения приводят к взрыву преступности, появлению преступных группировок и банд, рэкета, росту заказных убийств, проявлениям терроризма и экстремизма. Рост безработицы был усугублен наплывом беженцев и вынужденных переселенцев. Особого внимания заслуживает тот факт, что удельный вес молодежи среди лиц, совершивших преступления колеблется в пределах 35-50%.

Литература

1. Бадов А. Д. Геодемография Северной Осетии / А. Д. Бадов – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. – 432 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/ Main.htm, – 2014 г.
3. Текущий архив Северная Осетия, Астата.

УДК 911.3

Л. А. Безруков

L. Bezrukov

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНТИНЕНТАЛЬНО-ОКЕАНИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ

THE GLOBAL CORE-PERIPHERY RELATIONS IN THE CONTEXT OF CONTIINENTAL-OCEANIC DICHOTOMY

Предложена экономико-географическая концепция континентально-океанической дихотомии, позволяющая углубить фундаментальные

представления о причинах дифференциации современного мирохозяйственного устройства. Раскрыт механизм перераспределения доходов между континентальными и океаническими странами в процессе международного разделения труда.

The economic-geographical concept of continental-oceanic dichotomy is suggested, which can provide fundamental insight into the causes for differentiation of the modern world-economic structure. The mechanism for redistribution of the income between continental and oceanic countries in the process of international division of labor is revealed.

Ключевые слова: континентально-океаническая дихотомия, центр, периферия, мировое хозяйство, транспортные издержки, перераспределение доходов.

Keywords: continental-oceanic dichotomy, core, periphery, world economy, transportation costs, income redistribution.

Ускорение глобализации обостряет проблему мирового и регионального неравенства, сопровождается ростом социально-экономических диспропорций, образованием и консервацией обширных зон отсталости и застоя. Причины резкой неравномерности развития стран и регионов устанавливаются с помощью различных теоретических конструкций. Наиболее известной и проработанной из них являются концепция (модель) «центр-периферия», согласно которой в основе структурирования мира и мирового хозяйства, стран и регионов и их хозяйственных систем лежит постоянное перераспределение производимой массы прибавочного продукта от периферийных и полупериферийных зон к соответствующим «процветающим» центрам. Функционирование глобальной центро-периферической системы отношений в самом общем виде объясняется действием нескольких механизмов, имеющих сугубо экономический характер, – «инновационным» механизмом с получением центром «интеллектуальной» или

«технологической» ренты, неэквивалентностью обмена продукций с различной степенью обработки, влиянием закона «средней нормы прибыли», принципиальными различиями в правовом оформлении частной собственности и возможностях ее капитализации и т. д.

Между тем можно ли ограничиться рамками одной экономической теории, отвечая, например, на следующие вопросы? Почему, отмечая неблагоприятное положение Сибири относительно главных мировых рынков – Западной Европы, США и Японии (Восточной Азии), обычно ничего не говорят о неудобствах еще более удаленных от этих рынков Австралии и Новой Зеландии? Почему самыми передовыми странами Европы в XIX в. и Азии в XX в. выступали островные государства – соответственно Великобритания и Япония? Почему вся четверка «восточноазиатских тигров» (Р. Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань) состоит исключительно из островных и полуостровных стран? С другой стороны, почему внутриконтинентальные страны Азии, Африки и Южной Америки являются, как правило, самыми отсталыми и бедными?

Совершенно ясно, что необходим всесторонний учет влияния базовых географических факторов, лежащих в основе современной неоднородности мира. К числу важнейших географических факторов, которые заметно определяют экономическую жизнь человечества, можно по праву отнести разделение поверхности земного шара на сушу и Мировой Океан, что хорошо подтверждается многочисленными доказательствами прошлого и настоящего.

По нашему мнению [1; 2], центро-периферическую модель мирового хозяйства может корректно дополнить и отчасти

объяснить экономико-географическая концепция «континентально-океанической дихотомии». Под указанной дихотомией понимается последовательное и фундаментальное раздвоение целостного мирового хозяйства на два противоположных и одновременно взаимодополняющих типа экономик – континентальный и океанический (приморский), резко различающихся в зависимости от их макроположения относительно моря организацией и эффективностью хозяйства, спецификой взаимодействия с внешним миром и путями развития. Предлагаемая концепция исходит из коренных различий в эффективности сухопутных и морских перевозок – более затратных первых и экономичных вторых, с одной стороны, и особенностей макроположения стран и районов относительно моря, – с другой.

Количественная оценка различий в эффективности сухопутных и морских перевозок выявила, что фрахтовые ставки морского транспорта в десятки раз ниже средних доходных ставок грузового железнодорожного транспорта развитых стран мира [1]. Количественная оценка макроположения стран относительно моря произведена по авторской методике на основе определения степени «транспортно-географической континентальности» стран как меры удаленности основной части их демографического потенциала от морских путей с круглогодичной навигацией. Исходя из полученных показателей данной степени, страны мира в первом приближении разделены на два геоэкономических типа: континентальные и океанические (приморские) [1; 2].

Глубокие различия в степени транспортно-географической континентальности определяют принципиально неодинаковые уровни транспортных издержек в континентальных и океанических

странах, которые формируют ощутимую разницу в ценах на товары и доходах соответствующих производителей и потребителей, что, в свою очередь, ведет в условиях международного разделения труда к постоянному перераспределению массы прибавочного продукта в пользу океанических стран. Указанный механизм перераспределения доходов обусловливает трансформацию финансово-экономических показателей работы внутриматериковых производителей и целый ряд последующих негативных социально-экономических следствий. Для обеспечения ценовой конкурентоспособности идентичной продукции на мировом рынке структура ее себестоимости в континентальных странах должна ощутимо измениться в направлении снижения оплаты труда и амортизационных отчислений, сокращения других элементов издержек, а также уменьшения прибыли. Итоговыми следствиями этих негативных изменений являются замедление экономического роста и снижение уровня жизни населения континентальных стран по сравнению с океаническими. Оценка тесноты связи между степенью транспортно-географической континентальности 37 крупнейших стран мира и уровнем их социально-экономического развития статистически подтвердила существование резких базовых различий в эффективности экономики стран континентального и океанического типов [1].

Страны океанического типа отличаются от континентальных пониженным уровнем транспортоемкости хозяйства, в связи с чем они гораздо меньше зависят от дальности перевозок. Отсюда вытекает их изначальная ориентация на интенсивное хозяйственное взаимодействие с внешним миром, выгодность для них в общем случае процессов глобализации, интернационализации и транснационализации экономики.

В то же время сильная зависимость континентальных стран от расстояний перевозки и повышенных транспортных издержек требует постоянного сокращения их удорожающего бремени и диктует существенно иной (адаптивный) стиль хозяйственной деятельности и общения с внешним миром. Для этого стиля актуальны в первую очередь ближние внутрирайонные и межрайонные экономические связи, обеспечение в общих чертах самодостаточного развития и формирование емкого внутреннего рынка, прочное закрепление территориального разделения труда и организация хозяйства на районной основе, поддержание относительно низкого уровня транспортных тарифов и т. д.

О коренных различиях континентальных и океанических стран в их геоэкономической ориентации и соответствующих геополитических приоритетах убедительно свидетельствуют современные тенденции, прежде всего продолжение политического и военно-стратегического противостояния между континентальной Россией и океаническими державами Запада, возглавляемыми США и выступающими обычно «единым фронтом». Передовые океанические державы Запада, представляющие сейчас «процветающий» центр мирового хозяйства («золотой миллиард» планеты), не только отладили «под себя» всю систему международного разделения труда, но и создали мощный инструмент ее защиты в виде военного блока НАТО.

В то же время континентальное положение России серьезно осложняет ее интеграцию в мировое хозяйство и заставляет формировать собственную систему евразийских альянсов. Например, из-за дефицита незамерзающих морских выходов и портов жизненно важный для наполнения российского бюджета экспорт нефти и газа осуществляется по трубопроводам через

территории транзитных стран, что связано как с дополнительными затратами, так и с политическими рисками. Имеющиеся ограничения обусловливают неизбежность укрепления всесторонних связей России прежде всего со своими соседями, свидетельством чему служит образование различных интеграционных структур на постсоветском и смежном пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС, Таможенный союз и др.).

Таким образом, разделение поверхности Земли на сушу и Мировой океан по-прежнему остается одной из основных линий, по которым складывается геоэкономическая дифференциация планеты, отражающая неравномерность развития государств и регионов в общей системе мирохозяйственных и геополитических центро-периферических отношений. Концепция континентально-океанической дихотомии позволяет выявить наиболее общие первичные черты формирования и структурирования мирового хозяйства независимо от тех или иных его блоковых, формационных, региональных и других группировок и членений, имеющих во многом вторичный характер, а лежащий в основе концепции перераспределительный механизм доходов оказывает сильное непосредственное и опосредованное влияние на международное развитие.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. / Л. А. Безруков – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. – 369 с.

2. Безруков Л. А. Мировое хозяйство в контексте континентально-океанической дихотомии / Л. А. Безруков – Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 6. – С. 7-18.

УДК 331.5

Т. Н. Бессонова

T. Bessonova

АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА МОНОГОРОДОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА–ЮГРЫ

MONOCITY LABOUR MARKET ANALYSIS IN KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG –YUGRA

В статье рассматривается состояние рынка труда в моногородах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Проводится анализ реализуемых целевых программ по регулированию рынка труда в данных городах.

The paper examines the state of labour market in monocities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug –Yugra. The analysis of current special-purpose programmes (target programmes) aimed at labour market regulation is made.

Ключевые слова: моногорода, региональный рынок труда

Keywords: monotone, regional labor market

Современные тенденции расселения населения связаны с увеличением доли городского населения. Уровень урбанизации в Российской Федерации на 01.01. 2013 г. составил 74%. Различия по данному показателю изменяются от 29,8% в республике Алтай до 95,8% в Магаданской области (за исключением г. Москвы и Санкт-Петербурга). Второе место по доле городского населения занимает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО).

Северные сырьевые регионы имеют отличную от других историю расселения населения. До 1960 гг. в регионах не было промышленности, и население преимущественно проживало в

сельских поселениях. Интенсивное освоение нефтегазовых ресурсов повлекло за собой коренное изменение структуры расселения населения. Доля городского населения увеличивалась высокими темпами. Возникали новые города.

Численность населения региона на 1 января 2010 составляла 1538,6 тыс. человек. Доля горожан в общей численности населения составляет 91,5 %. Население в округе вплоть до конца 80-х годов формировалось по сценарию, характерному для большинства районов усиленного хозяйственного освоения. Основной прирост населения – 82% – приходился на миграцию, интенсивность которой была чрезвычайно высокой: валовой миграционный оборот достигал 20%. Однако только 20 человек из 100 прибывших оставались в регионе. За последние пять лет численность населения округа увеличилась почти на 5% и составила более 1% населения Российской Федерации. В связи с интенсивным развитием нефтегазодобывающей промышленности за последние тридцать лет население региона увеличилось почти на 1 млн человек.

ВХМАО Министерство регионального развития выделяет 14 моногородов. Общая численность жителей моно городов данного региона в 2010 г. составила 1071тыс. человек, что составляет 70% всего населения региона.

В моногородах ХМАО представлен практически весь корпоративный бизнес-сегмент нефтегазодобывающих компаний страны. Каждый город может быть соотнесен с соответствующей корпорацией.

ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» является градообразующим предприятием для городов Когалыма, Лангепаса, Урая. Основным градообразующим предприятием региона является ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». В Нефтеюганске расположен центральный офис ООО «РН-Юганскнефтегаза» (ОАО

«НК «Роснефть»). Данная компания является градообразующей и для пгт. Пойковский. Структурные подразделения ОАО «ТНК-ВР» являются градообразующими для городов Радужный, Нижневартовск. В Нягани свою деятельность осуществляет ОАО «ТНК- ВР-Нягань».В Сургуте в ОАО «Сургутнефтегаз» работают 26576 горожан. В пгт. Излучинскосновным градообразующими предприятиями является ЗАО «Нижневартовская ГРЭС». Основным градообразующим предприятием п. Горноправдинская является ООО «Правдинская геологоразведочная экспедиция», в пгт. Новоаганск ЗАО «Аган-Бурение» ОАО «Аганнефтегазгеология» (10144).

За 2009-2012 гг. уровень регистрируемой безработицы во всех моногородах ХМАО уменьшился (табл. 1). Максимальные показатели уровня регистрируемой безработицы отмечены в городах: Урай, Нягань, Покачи, Мегион, Радужный. Самые низкие показатели регистрируемой безработицы не только среди моногородов, но и среди муниципальных образований ХМАО зарегистрированы в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Лангепасе. В целом по региону уровень регистрируемой безработицы в 2012 г. составил 0,58%.

В регионе существует дифференциация рынков труда моногородов по обеспеченности рабочими местами, наличию свободных рабочих мест. Важное значение для оценки рынки труда имеет коэффициент напряженности на рынке труда (численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения, к числу вакантных мест, заявленных в органы службы занятости населения). За 2009 -2012 гг. данный показатель в моногородах региона также уменьшился. Средний показатель напряженности на рынке труда по региону в целом составил 0,4. Лучше среднерегионального показателя зарегистрированы данные в городах Сургуте, Нижневартовске, Лангепасе, Нефтеюганске.

Таблица 1

Динамика показателей, характеризующих рынок труда в моногородах ХМАО [1]

Город	Уровень регистрируемой безработицы		Коэффициент напряженности на регистрируемом рынке труда, человек/рабочее место	
	на 1.01.2009	на 1.01.2012	на 1.01.2009	на 1.01.2012
Когалым	0,83	0,54	11,1	0,4
Лангепас	1,77	0,26	2,7	0,13
Мегион	1,93	0,85	2,3	0,6
Нефтеюганск	0,72	0,24	0,4	0,25
Нижневартовск	0,56	0,16	1,4	0,11
Нягань	4,05	0,93	13,1	1,85
Покачи	2,88	0,92		1,3
Радужный	5,68	0,85	10,1	0,8
Сургут	0,65	0,13	0,3	0,05
Урай	2,92	0,99	30,8	1,08
пгт. Горноправдинск (Ханты-Мансийский р-н)	6,5*	1,77	Нет данных	1,36
пгт. Пойковский (Нефтеюганский р-н)	0,65*	0,1	Нет данных	0,3
пгт. Излучинск (Нижневартовский р-н)	1,77*	0,39	Нет данных	0,63
пгт. Новоаганск (Нижневартовский р-н)	1,77*	0,56	Нет данных	0,56

*Приведены данные для района в целом

Структура занятости населения моногородов определяется специализацией градообразующих предприятий. В Лангепасе и Мегионе больше всего населения занято при добыче полезных ископаемых (табл. 2).Сопоставимыми по занятости населения является транспорт и связь. Высока доля занятых при строительстве (8,2% и 13,5%).В северных городах незначительно

представлено малое предпринимательство. Сказываются неблагоприятные факторы низкой концентрации спроса и роста издержек, а также возможности альтернативной занятости в высокооплачиваемых сырьевых отраслях экономики[2].

Таблица 2

Распределение занятого населения крупных и средних предприятий по видам экономической деятельности в 2010 г. в г. Лангепасе и г. Мегионе, % [1]

Виды экономической деятельности	Лангепас	Мегион
Сельское и лесное хозяйство	-	0,3
Добыча полезных ископаемых	15,7	24,3
Обрабатывающие производства	5,9	3,5
Производство и распределение электроэнергии	6,8	5,7
Строительство	8,2	13,5
Оптовая и розничная торговля	2,4	0,9
Гостиницы и рестораны	1,1	2,5
Транспорт и связь	15,7	15,8
Финансовая деятельность	1,3	1,0
Операции с недвижимостью	8,3	7,9
Гос управление и обеспечение военной безопасности	8,9	3,8
Образование	11,7	9,4
Здравоохранение	9,2	7,4
Предоставление прочих коммунальных и социальных персональных услуг	4,9	4,0
Всего	100	100

Положительная динамика показателей рынка труда в значительной степени обусловлена реализованными на территории региона целевыми программами. В 2008-2010 гг. в регионе действовали целевые программы ХМАО «Содействие занятости

населения на 2008-2010 годы» и «Программа по стабилизации ситуации на рынке труда». Реализация данных программ позволила стабилизировать ситуацию на рынке труда и снизить уровень зарегистрированной безработицы до «докризисного» уровня 1,13%. Также в это время в регионе действовали программы «Государственная поддержка агропромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2008-2011 годы» и «Программа развития малого и среднего предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2004-2010 годы», мероприятия которых способствовали содействию занятости населения. Позднее в ХМАО была реализована региональная целевая программа «Содействие занятости населения на 2011-2013 годы».

Резервом, дающим возможность создать новые рабочие места, поднять уровень занятости населения, а как следствие и его жизненный уровень, является развитие малого предпринимательства. Развитие этой сферы деятельности сопряжено с различными рисками, и не только чисто экономическими, часть из которых определяется политикой местных властей, включая правовые условия ведения бизнеса, доступность арендуемых площадей, тенденцию к монополизации рынков и др. [3].

Стимулирование развитие малого предпринимательства в ХМАО – Югре является одним из приоритетных направлений развития региона. На территории реализуется целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2011-2013 годы и на период до 2015 года». В регионе создана современная инфраструктура поддержки малого предпринимательства. Уже

несколько лет функционируют Фонд поддержки предпринимательства Югры, Фонд микрофинансирования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Окружной Бизнес-Инкубатор, Технопарк высоких технологий, Региональный центр инвестиций, Торгово-промышленная палата Ханты-Мансийского автономного округа Югры, Сургутская Торгово-Промышленная Палата, Нижневартовская Торгово-промышленная Палата, Няганская Торгово-промышленная Палата.

Проводимая в настоящее время государственная политика по регулированию рынка труда ХМАО-Югры демонстрирует хорошие результаты. Уровень регистрируемой безработицы в моногородах ХМАО-Югры в среднем ниже, чем в других городах региона и в целом по стране. Наиболее востребованный в практической деятельности органов государственной власти ХМАО-Югры программно-целевой подход позволяет оперативно решать вопросы трудоустройства населения. От того насколько удовлетворен трудовой деятельностью человек зависит не только качество его жизни, но и благополучие всего общества.

Литература

1. Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа [Электронный ресурс] – Югры. Официальный сайт – Режим доступа: http://job.dznhmao.ru/home.aspx – Дата обращения 19.10.2013.

2. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер. – М.: Экономистъ, 2007.

3. Логинов В. Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера / В. Г. Логинов – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007.

УДК 911.3 (571+510)

В. И. Блануца

V. Blanutsa

ПОВЕДЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СЕТИ ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ И ПРЕОДОЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ ПОЧТЫ В КИТАЙ В 1870–1920 гг.)

BEHAVIOR OF INFORMATION NETWORK AT APPROACH AND OVERCOMING OF FRONTIER (ON EXAMPLE OF THE RUSSIAN MAIL'S INFILTRATION INTO CHINA, 1870–1920)

Расширяющаяся информационная сеть генерирует на своих границах специфические ситуации, которые названы краевыми эффектами. На примере приближения русской почтовой сети к российско-китайской границе и преодоления этой границы идентифицировано два типа и шесть видов краевых эффектов.

The extending information network generates specific situations which are called border effects. On the example of approach of the Russian postal network to the Russian-Chinese border and overcoming of this border two types and six kinds of border effects are identified.

Ключевые слова: информационная сеть, почтовая сеть, краевой эффект, Российская империя, Китай.

Keywords: information network, postal network, border effect, the Russian Empire, China.

Пространственно-временное развёртывание социально-экономических систем генерирует некоторые специфические эффекты (на географические последствия именно развёртывания систем впервые указал К. П. Космачёв [1]). Применительно к территориально-распределённым информационным сетям –

почтовым, телеграфным, телефонным, радиоволновым и оптоволоконным – такие эффекты названы информационно-сетевыми. Возможно существование как минимум шести информационно-сетевых эффектов: неравномерности течения сетевого времени в разных точках пространства [2], образования сетевых барьеров, преобразования барьеров в фильтры, создания ловушек развития (о трех этих эффектах см. [3]), кластеризации сети (или регионализации, т. е. развёртывания сети в производные территориальные структуры – кластеры, районы и др.) и приграничного искривления сети. Последний эффект, который можно назвать краевым, никем ранее не изучался и поэтому рассматривается в данной статье.

Вне специфики различных социально-экономических процессов (включая развёртывание информационно-сетевых структур), А. И. Трейвиш [4] выделил два общих типа краевых эффектов – контактный (анализируемый процесс проникает сквозь границу) и барьерный (процесс упирается в границу). При этом в первом типе он выделил две возможные ситуации – двусторонняя (по обе стороны границы) диффузия и фильтрация (проникновение сквозь границу одних и задержка других процессов). Развивая эти идеи, покажем различные типы и виды краевых эффектов, возникавших при приближении информационной сети к государственной границе. В качестве примера возьмем хронологически первую информационную сеть – почтовую – и зафиксируем особенности ее подхода к российско-китайской границе и проникновения на территорию Китая.

Информационной основой исследования стали данные об открытии русских почтовых контор в Китае [5, 6] и база данных о развитии почтовой сети Азиатской России в 1782–1916 гг. [7].

Методологическую основу исследования составили представления о почтово-инновационных волнах и сетевой диффузии нововведений [8].

История русской почты в Китае началась в 1870 г., когда были открыты отечественные государственные почтовые конторы в Урге, Калгане, Пекине и Тяньцзине, связанные почтовым трактом с Кяхтой [5, 6]. Однако сам процесс приближения русской почтовой сети к границе с Китаем начался еще раньше.

В Сибири нами обнаружены 11 мест такого «приближения» (перечислены в хронологической последовательности с указанием направления прокладки почтового тракта, расстояния между поселениями с почтовыми учреждениями и года открытия этих учреждений): 1) Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ)→121 верста (1 почтовая верста = 1,0667 км)→ Селенгинск (1788 г.)→96 в.→Кяхта (1788 г.); 2) Верхнеудинск→697 в.→Нерчинск (1790 г.)→ 295 в.→Нерчинский завод (1793 г.); 3) Чита→1411 в.→Благовещенск (1858 г.)→841 в.→Хабаровка (1858 г.; ныне Хабаровск); 4) Владивосток→219 в.→Новгородский пост (1872 г. ныне Посьет); 5) Никольск (ныне Уссурийск)→105 в.→пост Камень-Рыболов (1872 г.); 6) Чита→256 в.→Акша (1888 г.)→85 в.→Мангут (1889 г.); 7) Петровский завод→83 в.→Мухоршибир (1888 г.)→79 в.→Бичура (1893 г.)→ 74 в.→Урлук (1893 г.); 8) Никольск→67 в.→Полтавка (1895 г.); 9) Чита→324 в.→Борзя (1900 г.); 10) Бийск→29 в.→Смоленское (1888 г.)→50 в.→Алтайское (1893 г.)→179 в.→Онгудай (1901 г.)→ 259 в.→Кош-Агач (1909 г.); 11) Иркутск→233 в.→Тунка (1881 г.)→ 40 в.→Шимки (1913 г.)→76 в.→Монды (1914 г.).

Помимо этого, почтовая сеть Российской империи подходила к границе с Китаем и со стороны Степного края и Туркестана. Однако не во всех местах преодолевалась граница путем прокладки

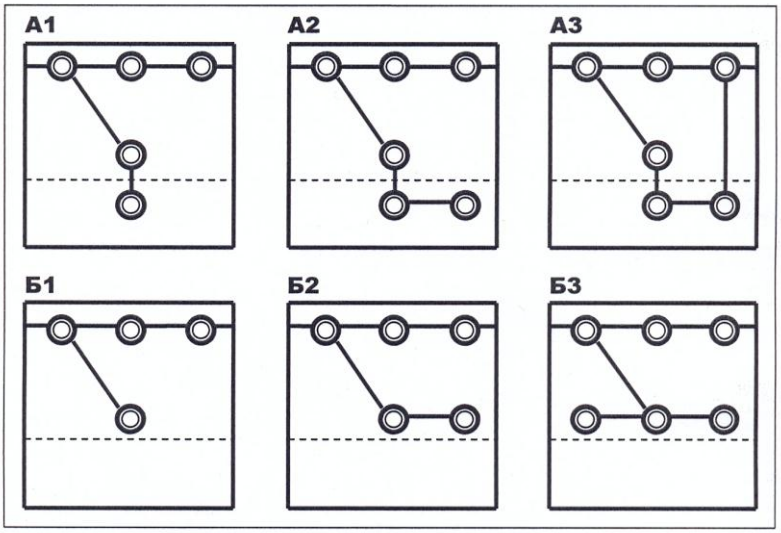
почтового тракта до китайских городов и открытия там русских почтовых контор. Всего зафиксировано 9 мест такого проникновения.

Что касается открытия русских почтовых контор в Китае, то этот процесс можно представить в виде шести пространственно-временных волн (названия, кроме первой, даны по русскому наименованию соответствующих территорий): первоначальной (Урга, Калган, Пекин, Тяньцзин; 1870 г.), восточно-туркестанской (Кульджа, Чугучак, Кашгар; 1881–1899 гг.), «застенной» («Застенный Китай»; Шанхай, Чифу, Ханькоу; 1896–1899 гг.), квантунской (Порт-Артур, Дальний; 1899–1902 гг.), маньчжурской (Харбин, Маньчжурия, Пограничная, Мукден; 1899–1903 гг.) и монгольской (Улясутай, Кобдо, Цзаин-Шаби, Хатхыл, Шарасумэ; 1913–1915 гг.). Русские конторы, расположенные в Китае, были закрыты в 1920 г, а расположенные в Монголии – в 1924 г.

Анализ различных случаев приближения почтовой сети к границе, преодоления ее и дальнейшего развития сетевых структур на заграничной территории позволил выявить два типа краевых эффектов – проникновение (тип А; контактный тип по [4]) и соприкосновение (тип Б; барьерный тип по [4]) – и шесть видов: (А1) проникновение с созданием одного узла, (А2) проникновение с созданием сети (сеть начинается с двух узлов), (А3) проникновение с зацикливанием исходной (русской) сети, (Б1) соприкосновение одиночное, (Б2) соприкосновение с однонаправленным продвижением сети вдоль границы и (Б3) соприкосновение с двунаправленным (в обе стороны от места соприкосновения) продвижением вдоль границы (рис. 1).

Нетрудно заметить, что выделенные виды краевых эффектов могут выстраиваться в цепочки последовательных действий и тем

самым являться этапами развёртывания информационной сети. Для иллюстрации возможных комбинаций краевых эффектов была составлена схема русской почтовой сети в Китае и на приграничной полосе Сибири в 1916 г. (рис. 2; учитывались только стационарные государственные почтовые учреждения).

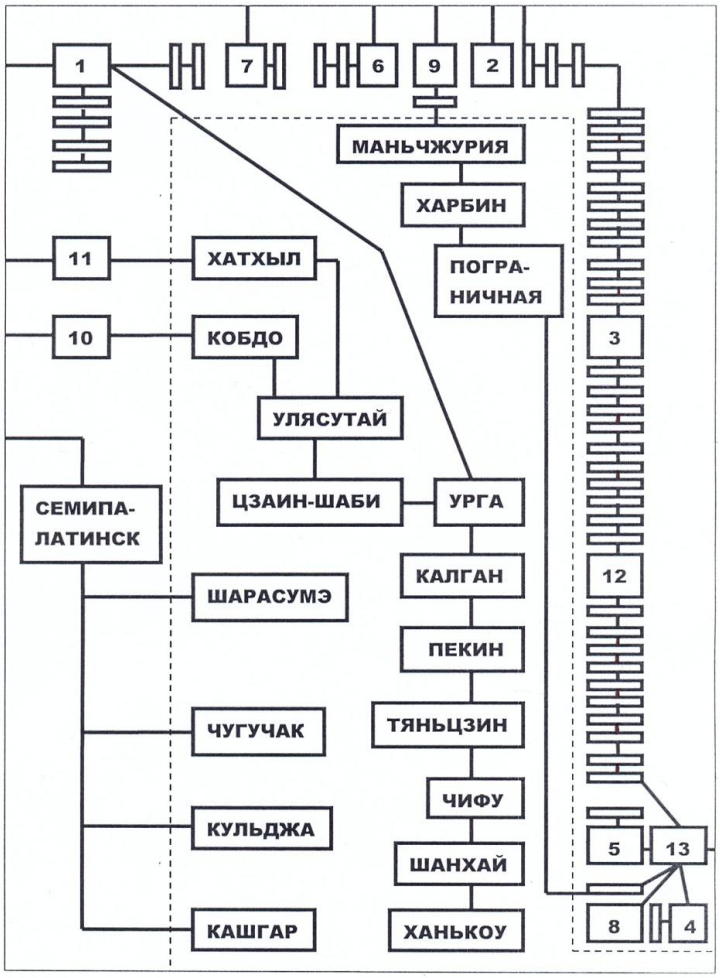


Сплошная линия обозначает почтовый тракт, пунктирная – границу между государствами, кружок – поселение с почтовым учреждением.

Рис. 1. Виды краевых эффектов при проникновении (А1 – А3) и соприкосновении (Б1 – Б3) информационной сети с государственной границей

На приведенной схеме (см. рис. 2) отмечены 18 из 21 места размещения русских почтовых контор в Китае, так как три конторы – в Порт-Артуре, Дальнем и Мукдене – были закрыты во время русско-японской войны и далее не возобновили свою деятельность из-за японской оккупации южной Маньчжурии и Квантунской области. Кроме этого, поселения с русскими почтовыми конторами, размещенными во Внешней Монголии, с 1912 г. следует называть монгольскими. Спорное китайско-монгольское поселение Шарасумэ (на штемпелях русской почтовой конторы тогда было

выгравировано «ШАРАСУМЭ МОНГОЛІЯ»; ныне город Алтай в Китайской Народной Республике) и три приграничных поселения в Восточном Туркестане (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) производили «обмен почт» через русский почтовый тракт Ош – Верный – Семипалатинск – Омск, расположенный вне Сибири.



Сплошная линия обозначает почтовый тракт, пунктирная – границу между государствами, прямоугольник – поселение с почтовым учреждением. Сибирские поселения: 1 – Кяхта, 2 – Нерчинский завод, 3 – Благовещенск, 4 – Посьет, 5 – Камень-Рыболов, 6 – Мангут, 7 – Урлук, 8 – Полтавка, 9 – Борзя, 10 – Кош-Агач, 11 – Монды, 12 – Хабаровск, 13 – Никольск-Уссурийский.

Рис. 2. Топологическая схема русской почтовой сети в Китае, Монголии и приграничной полосе Сибири (по состоянию на 31 декабря 1916 г.)

Продвижение сети анализировалось с учетом 12-месячных различий в датах открытия почтовых учреждений, т. е. если расхождения в сроках открытия учреждений было меньше, то они относились к одному действию в этом продвижении.

Результатом анализа поведения почтовой сети у русско-китайской границы стало выделение следующих краевых эффектов и их комбинаций: А1 (создание контор в Кульдже, Чугучаке, Кашгаре и Шарасумэ), (эффекты А2, Б2 и Б3 встречались только в комбинациях), А3 (открытие Мондинского почтово-телеграфного отделения и соединение Кош-Агач и Монды через Улясутай произошло в течение 12 месяцев, что исключило в данном случае Б1 и А2), Б1 (места 2 и 8 на рис. 2), Б1→Б2 (следование эффекта Б2 за Б1 происходило в местах 4, 5, 6 и 7; см. рис. 2), Б1→Б2→Б3 (только по р. Амур относительно Благовещенска), Б1→А3 (после открытия почтово-телеграфного отделения в Борзе соединение с Никольск-Уссурийским произошло в феврале 1902 г. при запуске почтовых вагонов Маньчжурия – Харбин и Харбин – Владивосток), Б1→А2→А3 (относительно места 10), Б1→А2→А3→Б3 (относительно Кяхты дольше всего формировалась сеть, завершившаяся в 1916 г. открытием почтовых отделений в русских станицах вдоль границы с Монголией).

В качестве особого типа краевых эффектов можно выделить «проскальзывание» информационной сети вдоль границы без образования узлов (тип В). В нашем примере это имело место в двух случаях. В 1857 г. русская почтовая сеть вышла к реке Амур (в месте впадения в нее р. Шилка) и продвинулась до Хабаровки (ныне Хабаровск) и далее до Николаевска (ныне Николаевск-на-Амуре) с открытием почтовой конторы только в последнем поселении.

Аналогичный случай произошел в 1868 г., когда почтовый тракт от Хабаровки пошел на юг по пограничной реке Уссури и далее отклонился на Владивостокский порт с образованием только Владивостокской почтовой конторы.

Перечисленные эффекты зафиксированы при развёртывании реальной сети. Вместе с тем, теоретически возможны и другие краевые эффекты в расширяющихся информационных сетях. К таковым могут быть отнесены отражающий (сеть после соприкосновения с границей как бы «отскакивает» от нее; Б4) и транснациональные (сеть «проходит» через соседнее государство без создания узлов и разворачивается только на территории следующего государства; А4 – А6) эффекты.

Литература

1. Космачёв К. П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). / К. П. Космачёв – Новосибирск: Наука, 1981. – 109 с.
2. Блануца В. И. Сетевое время в социально-экономическом пространстве / В. И. Блануца // География и природ. ресурсы. – 2011. – № 1. – С. 26-33.
3. Блануца В. И. Неявные сдерживающие факторы в развитии почтовой сети досоветской Сибири / В. И. Блануца // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 6. – С. 114-122.
4. Трейвиш А. И. Территориальная симметрия, ритмика и краевой эффект в их позиционном и композиционном значении / А. И. Трейвиш // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 368-390.
5. Tchilinghirian S. D. Stamps of the Russian Empire Used Abroad. / S. D. Tchilinghirian, W. S. E. Stephen – London: The British Society of Russian Philately, 1959. – 480 p.
6. Почта Большой России как историко-географический феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа (01.03.2015): – htpp://www. postalhistory.ru/forumtema16.htm.
7. Блануца В. И. Почтово-географическое положение: понятие, алгоритм измерения (на примере почтовой сети Сибири начала XX века) / В. И. Блануца // География и природ. ресурсы. – 2010. – № 4. – С. 14-22.
8. Блануца В. И. Диффузия почтовых нововведений в досоветской Сибири / В. И. Блануца // География и природ. ресурсы. – 2012. − № 4. – С. 30-39.

УДК 911.3

В. Н. Бочарников
V. Bocharnikov

ДИКАЯ ПРИРОДА КАК НЕУЧТЕННЫЙ ГЕОСИСТЕМНЫЙ ИНВАРИАНТ В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ АЗИАТСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

WILDLIFE AS UNACCOUNTED GEOSYSTEM INVARIANT IN THE ASSESSMENT OF THE ECONOMY AND GEOGRAPHICAL POSITION OF THE ASIAN REGION RUSSIA

Природа предстает материальным объектом для удовлетворения прагматичных целей современного человека, и в то же время существуют пока еще естественные природные территории (дикая природа) в пределах которых отсутствие человека является реальным условием. Научная разработка тематики взаимодействия дикой природы в единстве и универсализации многообразных процессов взаимодействия природы и общества в социально-экономической географии предстает обязательным элементом в условиях развивающегося «сжатия» геопространства.

Nature appears as a material object to meet the pragmatic goals of a humans but as yet there are wilderness areas within which no person is imperative. Adequate scientific development themes interaction wilderness, as well as the more general interaction between nature and society as the qualitative features of the process appears to be particularly important in the modern world are not presented in science nowadays.

Ключевые слова: дикая природа, экономико-географическое положение, карта антропогенной нарушенности, территория.

Keywords: wilderness, economic and geographical position, the map of anthropogenic disturbance, the area.

Дикая природа – это концепт, идея, географический образ; это – родовой архетип, философская категория, наглядное обозначение среды не присутствия человека.

Природа, в представлении философов, – предстает как момент взаимодействия человека с внешним миром; это предельное понятие, содержание которого наполняется конкретно-историческим и социокультурным смыслом, особой фундаментальной основой, различающейся в каждой эпохе.

«Назвать природу, – пишет Кант, – и её способность действовать в органических продуктах аналогом искусства…недостаточно… Она же организует сама себя…для самосохранения… органический продукт природы – это продукт, в котором все есть взаимно цель и средство» [1, с. 215-217.].

Возникает гносеологический парадокс: как мы можем узнать о том, что не «вмещается» в человеко-размерное представление, выходит за рамки нашего опыта, составляя трансцендентный смысл?

Для рассмотрения, в чем состоит научная проблема, связанная с дикой природой, воспроизведем «вечный» вопрос, переобозначенный вслед за мудрецами древности, отечественным философом М. К. Петровым: «Существуют ли в природе явления, знанием о которых мы не располагаем просто потому, что их представление в знаке выходило бы за пределы вместимости индивида?» [2, с. 114.].

Дикая природа – строго говоря, это природа без присутствия человека, она составляет первичный смысл философских, научно-логических, модельных построений. В то же время, понятие

природы конвенционально ограничено, локализовано, давно и успешно применяется в географии.

Важно здесь отметить, что еще с античности отмечается, что признание природы происходит через существования места как особой величины. Следовательно, только в географии, возможно, оперировать пространственными закономерностями, которые сами по себе рассматриваются как особый фактор развития и формирования специфики хозяйственной деятельности людей.

Географическое пространство – фундаментальная категория географии, посредством изучения которой определяются свойства, структура, взаимоотношения и связи географических объектов в пределах географической оболочки. Возврат к природе всегда был в большей и меньшей мере символичен, но только ныне таковой обретает жесткую прагматичность, характерную черту столь далекую от духовности призывов и рассуждениям Ж. Ж. Руссо.

Натурализация форм человеческого существования становится сегодня уже не соблазнительной целью, а одной из новых реальностей и непростой задачей научного исследования. Понятийно смысловая многозначность данного концептуального понятия представляет практически идеальный выбор равноправных возможностей представления различных форматов его интерпретации.

Б. Б. Родоман показывал, что «центральной темой комплексной географии является взаимодействие природы («географической среды») и человеческого общества» [3, с. 41]. В географических исследованиях, в зависимости от применяемых подходов, поставленных задач и используемой методологии выделяются,

рассматриваются и характеризуются пространственные проекции – территории.

Возвращение к природе, сейчас приобретает конкретный облик экспансии и разнообразного освоения природной среды, приобретает вполне технологический облик исправления и коррекции тела современного человека, все в большей степени, отклонившегося от встроенной биологической программы, оно происходит и в контексте исправления самого общества и отношений между людьми. И пока что, вполне очевидно, что все нетронутые природные территории формально включаются в экономику как «природные условия», «природные ресурсы», «территориальные ресурсы».

В природоохранной практике США термин «дикая природа» (wildernees) используется как официальное понятие, обозначающее одну из категорий особо охраняемых природных территорий. Место – это есть границы природы, соприкасающиеся с человеческим обществом, но это еще и сложный образ, в основе которого лежит отчуждение человеком неосвоенных им в каком-либо виде проекций геопространства.

Здесь, проблематично само по себе определение и выделение таких мест весьма. Причем быстро выявляется парадоксальная ситуация, сделано немало моделей и разнокачественных оценок степени антропогенной нарушенности территории планеты. По многим зарубежным источникам следует, что основным основанием для того, что географическое место могло быть признано участком дикой природы, следует показать способность этой природной среды функционировать естественным образом без вмешательства человека.

Очевидно, что для изучения столь сложного феномена как «дикая природа» требуется успешный инструментарий, хотя отметим, что научная методология привлекает основное внимание в те периоды, когда требуется острая необходимость в поиске новых и более успешных средств для очень сложных проблем, для которых не могут быть приемлемы решения, которые были найдены в конкретной науке ранее. При этом даже для глобального масштаба, стоит обозначить более конкретную задачу, то даже элементарная проверка результатов показывает «большую ошибку» [4].

Общее понятие «географическое положение» является принципиально важным для всей системы географических наук, а в зависимости от применяемых подходов в географии различаются: математико-географическое, физико-географическое и экономико-географическое положение (ЭГП).

Н. Н. Баранский характеризовал ЭГП как «отношение какого-то места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение, - все равно, будут эти данности природного порядка или созданные в процессе истории» [5, с. 105.]. Это понятие, с самого начала своего появления в первой трети прошлого века, было сконструировано с учетом масштабных географических задач, решаемых в нашей стране, и до сих пор не имеет полных аналогов за рубежом.

Экономико-географическое изучение территории – это выявление и оценка физических свойств самой территории как пространственного базиса размещения производительных сил, а также особенностей хозяйственного использования территории, количественная и

качественная оценка всего комплекса природных ресурсов, расположенных в ее пределах. Одной из основных характеристик ЭГП является его изменчивость, как во времени, так и в пространстве.

Советские исследователи прежде всего ориентировались на исследование географического положения объектов внутри страны, но политическая и экономическая ситуация кардинально изменилась в последние десятилетия, и если в отношении основных многих вопросов СЭГ опубликованы работы, анализирующие эти изменения, то многие темы еще и в достаточной степени не рассматривались в постсоветских условиях.

Здесь следует отметить, что в географии последней четверти XX в. понятие «геосистема» широко используется для обозначения любых территориальных комплексов и сложных процессов взаимодействия в них, существующих на поверхности планеты. Экономико-географическое положение объекта не может быть одинаковым на различных этапах развития, как самого объекта, так и его окружения. Несомненно, что эффективному изучению и составлению адекватной характеристики ЭГП способствует системный принцип такой работы, а следовательно, в географии мы способны обращаться к геосистемной концепции.

Известно, что в основе любой теории должен лежать фактический материал, и таковой в рамках получения адекватной составляющей компонента «дикая природа» пока еще необходимо организовать, требует большего прояснения и сама целесообразность существования этого понятия в социально-экономической ветви географии. Если «танцевать от печки», то

экономическая деятельность осуществляется в обязательном порядке в определенном пространстве, и таковое в социально-экономической географии определяется характером и масштабом территориального разделения труда.

Далее, считаем, правы те, кто говорит и пишет, об обязательности следования географической традиции — «игра масштабами», целесообразность которой определяется поставленной исследовательской задачей: последовательным синтезом, генерализацией и объединением территорий, аналитическим дроблением и разукрупнением [6].

Г. М. Лаппо проводит интересную мысль: «...при оценке ЭГП какого-либо географического объекта большое значение приобретает ракурс «географической геометрии» — положение относительно узлов-фокусов социально-экономического пространства, экономических линий разного рода, ареалов, выделяемых по разным критериям и существующих в определенных границах» [7, с. 77]. Е. Е. Лейзерович писал, что при конкретных исследованиях ЭГП «должно работать на создание интегрального образа экономико-географического объекта» [8, с. 10].

Наиболее обсуждаемыми в последние годы являются концепции «центральности», фактора расстояния, континуальности (и дискретности), цикличности, территориальности, диффузии, устойчивости территориальных систем. И здесь будет уместным заметить, что именно непознанная составляющая природы без человека, нуждается в особом внимании, что возможно окажется ожидаемым в исполнении в сложный текущий период.

Можно согласится с Т. И. Герасименко, которая заметила, что «в эпоху глобализации происходит «смещение» и «размывание» границ частей геопространства – многослойной мегасистемы. И одной из подсистем, которой является этнокультурное пространство» [9, с. 319.].

И тогда вполне понятным будет, что позиционирование концепта «дикая природа» в рамках СЭГ), должно происходить в признании его полярности по отношению к культурному ландшафту, что принципиально было показано еще Б. Б. Родоманом в его модели «поляризованного ландшафта».

Литература

1. Кант И. Сочинения. В 8-ми томах./ И. Кант – Т.5. – М.:Чоро,1994
2. Петров М. К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности / М. К. Петров // Человек. – № 1. – С. 5-18.
3. Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. / Б. Б. Родоман // Сб. тр. Смоленск: Ойкумена, 2007. – 368 с.
4. Carver S., J. Keeping it wild: Mapping wilderness character in the United States / S., J. Carver Tricker and P. Lanres. // J. of Environmental Management. 2013. – No. 131. – P. 239-255.
5. Баранский Н. Н. Экономико-географическое положение / Н. Н. Баранский // Избр. Тр.: Становление советской экономической географии. – М. 1980. – С. 128-129, – цит. по: Экономическая и социальная география. – М.: ВЛАДОС, 2003.
6. Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С. С. Артоболевский, П. Я. Бакланов, А. И. Трейвиш // Вестник Российской академии наук. 2009. – Т. 79, № 2. – С. 101-112.
7. Лаппо Г. М. География городов. / Г. М. Лаппо – М., 1997.
8. Лейзерович Е. Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов / Е. Е. Лейзерович // Изв. РАН, сер. геогр. 2006. – № 1. – С. 9-14.
9. Герасименко Т. И. Этнокультурные зоны в геокультурном пространстве России / Т. И. Герасименко // Феномен культуры в российской общественной географии. / под ред. А.Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого, Ростов-на-Дону – изд-во ЮФУ. 2014. – С. 301-321.

УДК 332.13

Н. И. Быков

N. Bykov

ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ»

SPATIAL ORIENTATION FACTORS OF REGIONAL SYSTEMS «CENTER-PERIPHERY»

Пространственная ориентация региональных систем «центр-периферия» характеризуется рядом показателей. Эти показатели в периферийных регионах зачастую определяются природными факторами. Историко-географические исследования свидетельствуют об изменении факторов пространственной ориентации центра и периферии.

Spatial orientation of regional systems "center-periphery" is characterized by a number of indicators. These indicators are often determined by natural factors in peripheral regions. Historical and geographical studies indicate changes in factors of spatial orientation of center and periphery.

Ключевые слова: «центр-периферия», пространственная ориентация, факторы

Key words: "Center-periphery", spatial orientation, the factors

Территориальные общественные системы полимастштабны. Это приводит к тому, что их структурирование по модели «центр-периферия» проявляется на всех иерархических уровнях. На уровне регионов в качестве центра, чаше всего, выступают их административные столицы, а периферии – аграрные территории. Таким образом, отношения «центр-периферия» пространственно выражены, то есть ими определяется пространственная морфология региона.

Пространственная морфология системы «центр-периферия» может характеризоваться различными показателями: направление, эксцентриситет центра относительно административных границ, протяженность и т. д. А одним из индикаторов положения центра на страновом и региональном уровне может выступать плотность населения.

Как правило, административные центры отличаются выраженным эксцентриситетом относительно границ субъекта. В большей степени это относится к регионам пионерного освоения территории, ресурсным и прибрежным регионам, хотя и здесь бывают исключения, в меньшей степени эксцентриситет выражен у столиц регионов старого освоения, приближенным к центрам странового уровня. В последнем случае отклонение положения административного центра от геометрического центра региона происходит часто в сторону столицы страны.

Границы системы «центр-периферия» часто не совпадают с административными границами регионов. Влияние некоторых административных столиц выходит за пределы границ регионов. Во-первых, это связано с его рангом в иерархии населенных пунктов, как например, влияние Новосибирска выходит за пределы Новосибирской области. Во-вторых, это обусловлено эксцентриситетом административного центра. В подтверждение последнего высказывания можно привести анализ географии студентов географических специальностей в университетах Омска, Томска, Барнаула, Бийска и Горно-Алтайска [1, 2], который показал, что, чем выше эксцентриситет вузовского центра, тем выше доля студентов из других регионов.

Ориентация линии «центр–периферия» может указывать на главный фактор в пространственной организации регионов. Например, в Алтайском крае центр находится в северо-восточной части региона. Здесь проживает примерно две трети населения региона. Падение плотности населения происходит в западном (в сторону Кулунды), южном (в сторону Алтая) и восточном (в сторону Салаира) направлениях. Подобная картина сложилась еще в 18 веке в период аграрного и горно-заводского освоения региона. Индустриализация региона кардинально не изменила ситуации. Таким образом, пространственная ориентация системы «центр-периферия» в Алтайском крае обусловлена первоначальным освоением территории и была связана с потребностями сельского хозяйства. Центр сформировался в лесостепной зоне наиболее благоприятной для ведения аграрного производства, характеризующейся нормальным увлажнением. Продвижение от центра к периферии здесь совпадает с отклонением от нормального увлажнения в сторону его уменьшения или увеличения.

Схожая ситуация наблюдается и в Томской области, где ориентация системы «центр-периферия» совпадает с вектором увлажнения территории.

В горных регионах наиболее часто направление «центр-периферия» совпадает с направлением увеличения абсолютной высоты местности, что обусловлено, в первую очередь, усилением суровости природных условий. Например, центры республик Алтай или Хакасия приближены к наиболее пониженным территориям регионов. В целом в умеренном поясе центры регионов, находящихся на стыке гор и равнин, смещены в сторону последних.

Однако фактор высоты местности в других климатических поясах может играть противоположную роль.

Таким образом, становится очевидным, что пространственная ориентация многих региональных систем «центр-периферия» имеет геодетерминистское измерение. Значение природного фактора в пространственной морфологии региона тем сильнее, чем выше его периферийность.

Вместе с тем, положение центра и периферии на региональном уровне в историческом плане могло изменяться. Например, в настоящее время центр в республике Алтай смещен к северной границе региона. Однако историко-географические исследования данного региона свидетельствуют о том, что в скифское время центр региона тяготел к котловинам Центрального и Юго-Восточного Алтая [3]. Это было обусловлено характером кочевого хозяйства, которое было здесь основным. Круглогодичная тебеневка скота лимитировалась площадью зимних пастбищ, доля которых росла с продвижением на юг. Кроме того, период зимнего кочевания составлял около полугода, поэтому именно здесь формировались наиболее важные периодические «центральные места». Подтверждается это предположение не только плотностью распределения могильников пазырыкской культуры (локальная материальная культура скифского времени), но и наличием здесь «царских» курганов.

Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (грант №14-05-00650).

Литература

1. Быков Н. И. Географический и социальный портрет студентов географического факультета Алтайского государственного университета / Н. И. Быков, А. П. Заболоцкий // География и природопользование Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Вып. 7. – С. 90-97.

2. Быков Н. И. Географический и социальный портрет студенчества географических факультетов западносибирских университетов / Н. И. Быков, А. П. Заболоцкий // Трансформация социально-экономического пространства и перспективы устойчивого развития России. Материалы международной научно-практической конференции (18-21 сентября 2006 г., Барнаул). – Барнаул, 2006. – С. 60-63.

3. Быков Н. И. Особенности природопользования древних номадов Алтая (пазырыкская культура) / Н. И. Быков // География и природопользование Сибири: сборник статей / под ред. проф. Г. Я. Барышникова. – Вып. 18. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 42-52.

УДК 338.12.017

А. М. Быковских, А. Н. Колонистова

A. Bykovskikh, A.Kolonistova

КРИЗИС ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СТРАН

THE CRISIS OF THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES

Статья посвящена кризису постиндустриального общества. Реализация идей неолиберализма привела к усилению противоречий между классами, развитыми и развивающимися странами, формированию глобальной системы эксплуатации.

The article is devoted to the crisis of the post-industrial society. The realization of the ideas of neo-liberalism resulted in intensified confrontation between the classes, developed and developing countries. A global system of exploitation and oppression is formed.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, неолиберальная модель, глобализация эксплуатации.

Key words: post-industrial society, ideas of neo-liberalism, global system of exploitation.

Для большинства исследователей постиндустриальное общество – неоспоримое благо. Однако они видят лишь надземную часть – научно-технический прогресс, и не видят подземной – глобализацию эксплуатации. Считается, что характерные черты постиндустриальной эпохи: неопределённость, нестабильность, вихреобразность, высокий уровень сложности.

Например, А. П. Горкин считает, что главное в постиндустриальном обществе – все более интенсивное и одновременно все более долговременное потребление времени и пространства (физического, экономического и информационного) человеком, срок жизни которого возрастает, и который в ходе данного процесса потребления создает соответствующие новые товары, технологии и виды деятельности [1]. При этом автор выделяет следующие основные задачи, которые должны решать товары и услуги:

1) «сжатие пространства», т. е. резкое сокращению времени, необходимого для перемещения людей, товаров и услуг на заданное расстояние;

2) «сжатие времени», т. е. возможность осуществлять разнообразные виды деятельности с необходимым эффектом и в реальном режиме времени или с минимальными его затратами, в основном благодаря применению электронных технологий;

3) удовлетворение возрастающих потребностей общества и каждого человека в информации (на любых носителях) – как уже созданной ранее, так и создаваемой вновь;

4) продление человеческой жизни, сохранению здоровья и созданию здорового образа жизни;

5) максимальная реализация потенциала каждого человека в творческой деятельности (искусство, литература и др.);

6) защита окружающей среды, сохранение биоты.

Безусловно, благородные цели, поставленные теоретиками постиндустриального общества, заслуживают уважения. Однако процесс внедрения их идей внес серьезные коррективы в саму суть постиндустриального общества.

Прежде всего, сжатие пространства – не равномерный процесс. Неоднородность социально-экономического пространства привела к тому, что сформировалась крайне поляризованная территориальная структура постиндустриального общества. Инновации в сфере транспорта и коммуникаций позволили сократить время перемещения в первую очередь в развитых странах, и не решили проблему внутренней периферии и сокращения освоенных территорий [2].

На протяжении нескольких веков ведущей, базовой деятельностью, цементирующей различные профессиональные области деятельности людей, системообразующим фактором организации общества являласьнаука. Именно наука была важнейшим, базовым институтом в области производства. Во второй половине XX века благодаря укреплению и установлению постиндустриального общества, определилиськардинальные противоречияв развитии науки: 1. Противоречия в строении единой картины мира, созданной наукой, и внутренние противоречия в самой структуре научного знания, которые породила сама же наука, создание представлений о смене научных парадигм (работы Т. Куна, К. Поппера и др.); 2. Современное общество не только сильно дифференцировалось, но и стало реально поликультурным.

Но главным в процессе развития науки в XX веке, становится понимание того, что триумф науки миновал. Наука переключилась на непосредственное обслуживание практики. Что говорит о прекращении расширения научных идей и теорий, приводит к узкой специализации научных направлений и потери понятия «Научно-техническая революция»[3].

Всеобщая автоматизация и информатизация производства оказалась менее выгодной по сравнению с переносом производства в регионы с дешевой рабочей силой. В результате в глобальном масштабе построено не постиндустриальное, а «разделенное индустриальное общество» [4]: в развитых странах концентрируется в первую очередь третичный и четвертичный сектора, в развивающихся – первичный и вторичный. Например, структура ВВП США за период 1980-2012 гг. отражает резкое сокращение доли обрабатывающих производств и одновременный рост доли услуг населению и бизнесу (рис. 1).

Эти изменения привели к массовому освобождению трудовых ресурсов в промышленности и к безработице, которые не смогло преодолеть даже бурное развитие сферы услуг. Отсюда вытекает проблема иждивенчества, гедонизма, застоя в образовании и науке развитых стран.

С другой стороны, развивающиеся страны остаются в положении «дешевого работника», бесправного человека, лишенного адекватной платы за труд и социальной защиты. В случае возникновения каких-либо проблем с рабочей силой (появление профсоюзов, забастовки, вмешательство национальных правительств) капитал просто уходит в другой регион.

Рис. 1. Изменение структуры ВВП США

Вышесказанное в определенной мере отражает динамика ВВП стран «Большой семерки» (рис. 2). Доля самых развитых капиталистических стран в мировом валовом продукте в 1970-2000 гг. составляла 65-70%, и лишь в 2002 гг. началось резкое сокращение – на 17% за 10 лет (рис. 3).

Причины этого, на наш взгляд, заключаются в переносе промышленных производств из развитых стран в новые индустриальные страны и перетоке капитала в инновационные отрасли Китая, Индии, Южной Кореи, Мексики и Бразилии. Следствием этого процесса стала не только негативная динамика ВВП развитых стран, но и деградация старопромышленных районов, например, Приозерного в США.

Созданная на основе теорий постиндустриального общества неолиберальная модель господствует в современном мире. Согласно этой модели, каждый человек может достигнуть благополучия, применяя свои способности в условиях свободного

рынка, хотя и в определенных институциональных границах — сильного права собственности, свободного рынка и свободной торговли. Практическая реализация этой модели стала возможна благодаря: повороту к более открытой финансовой системе в 1970-е г.; росту географической мобильности капитала; влиянию Уолл-стрит, МВФ и Министерства финансов США, вынудившим многие развивающиеся страны встать на неолиберальный путь развития [5].

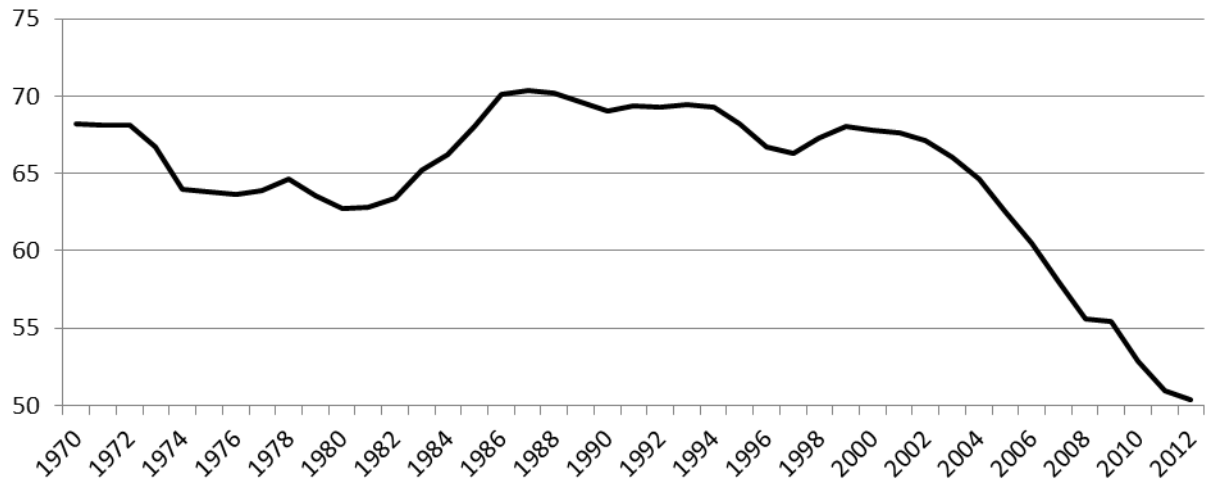


Рис.2. Динамика доли стран «Большой семерки» в ВВП мира, % [6]

Однако необходимо отметить, что основным результатом неолиберализма является перераспределение, а не создание нового богатства и доходов. Это перераспределение произошло как между классами в отдельных странах, так и между регионами мира. Например, индекс Джини, показывающий разрыв между слоями населения по доходам, в 1975-1995 гг. резко вырос, и в последующие десятилетия не снижается (рис. 3).

Сегодня по уровню бедности (15% населения получает продовольственные талоны) США можно отнести к странам третьего мира. Катастрофическая ситуация видна в рейтинге разрыва доходов между 10% самых богатых и 10% самых бедных, где США занимают третью строчку, уступая лишь Мексике и Чили. В 1976 г. 1% граждан США контролировал 9% национального дохода. В 2011 г. в руках верхушки уже было 20% [7].

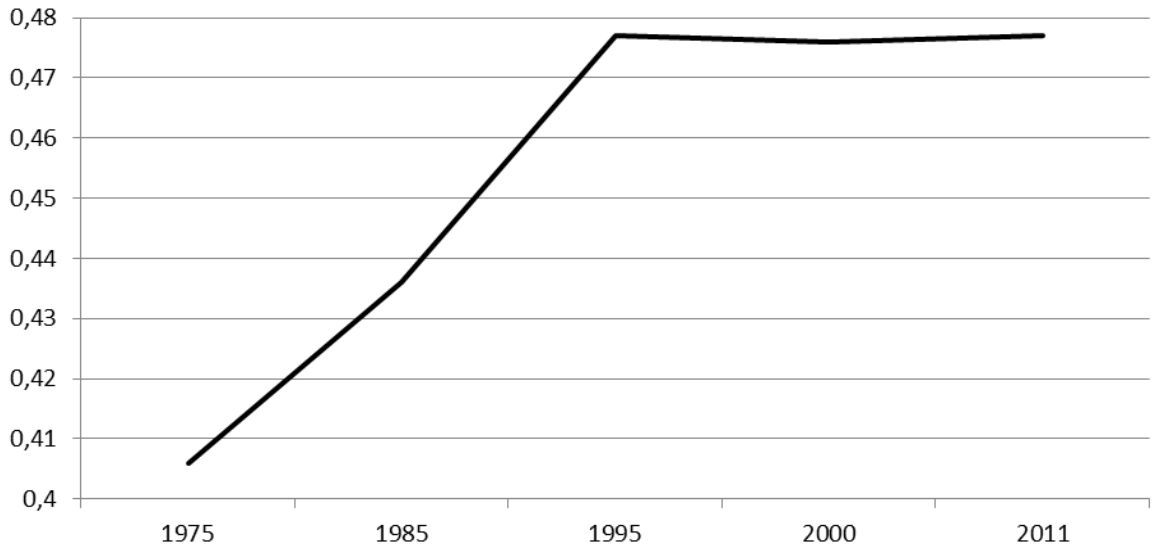


Рис.3. Динамика индекса Джини в США [6]

Кроме экономики, неолиберальная модель существенно трансформировала другие общественные институты. Глубокие изменения произошли в разделении труда, социальных отношениях, социальном обеспечении, образе жизни и даже репродуктивной деятельности человека, институте гражданства и бытовых привычках. Неолиберализация требовала создания неолиберальной массовой культуры, основанной на рыночных принципах, поддерживающей дифференцированный консюмеризм и

индивидуальные свободы, что нашло свое выражение в появлении «постмодерна» [4].

Таким образом, мы видим, что постиндустриальное общество означает укрепление неоколониального порядка, концентрацию ресурсов в руках глобальной и национальных элит, глобализацию эксплуатации и манипуляцию общественным сознанием на основе культивирования ложных ценностей.

В то же время, современное человечество обладает достаточными ресурсами для реализации тех целей, которые ставили перед собой авторы теорий постиндустриального общества.

Литература

1. Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). / А. П. Горкин – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 348 с.

2. Трейвиш А. И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели / А. И. Трейвиш // Сжатие социальноэкономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010 г. – 428 стр.

3. Новиков А. М. Постиндустриальное общество – общество образованных людей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.anovikov.ru/artikle/postind.htm.

4. Вассерман А. Наука уезжает за производством [Электронный ресурс] / А. Вассерман // Бизнес-журнал №12 (201) – Режим доступа: (http://www.computerra.ru/business/old/profiles/experts/pub348090).

5. Харви Д. Краткая история неолиберализма. / Д. Харви – М.: Поколение, 2007. – 288 с.

6. National Accounts Main Aggregates Database [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fID=2.

7. В США обостряется проблема неравенства доходов [Электронный ресурс] – 26.08.2013 – Режим доступа: http://www.vestifinance.ru/articles/31628.

УДК 379.85:303.094.5

Д. А. Вольхин

D. Volkhin

ГЕОГРАФИЯ ЦЕНТРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА: ГЛОБАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ, ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВНИ

GEOGRAPHY CENTERS FORMING THE INFORMATION SPACE OF THE CRIMEA: GLOBAL, REGIONAL AND LOCAL LEVELS

Рассмотрена география и особенности функционирования главных центров, генерирующих информацию о Крыме, на различных пространственных уровнях. Выяснены территориальные особенности современной трансформации имиджа региона.

Considered geography and peculiarities of functioning the main centers of generating information about the Crimea at various spatial scales. Clarified territorial features of modern transformation of the image of the region.

Ключевые слова: имидж, информационное пространство, средства массовой информации, Крым, центр, периферия, «крымская весна».

Keywords: image, information space, mass media, Crimea, center, periphery, "Crimean Spring".

Событие воссоединения Крыма с Российской Федерацией повлекло за собой необратимую трансформацию политической, правовой, финансовой, экономической и социальной сфер деятельности полуострова. Интеграция крымского информационного пространства в структуру российского происходит еще более динамично, чем указанные выше сферы деятельности. Масштабность и революционность этого процесса подтверждаются

фактами активной деятельности главных генераторов массовой информации в России (система национального телевизионного и радиовещания, печатные и электронные средства массовой информации, ведущие информационные агентства и прочие) на всей территории полуострова с первых же дней «крымской весны». Описанное явление выглядит закономерным в современном информационном обществе, поскольку сбор, обработка, и передача информации являются фундаментальными источниками производительности и власти [1; 2].

Количественные и качественные изменения на политической карте Восточной Европы, связанные с событиями на Украине и в Крыму, имели конфликтный характер и явились факторами изменения географии и особенностей функционирования главных центров, создающих информацию о Крыме, на различных территориальных уровнях в течение последних нескольких лет. Для уточнения географии главных генераторов информационного пространства Крыма нами были проанализированы ведущие средства массовой информации (СМИ) стран ближнего и дальнего зарубежья. Так, например, изучение материалов крупнейших информационных агентств мира и стран Причерноморья позволило выявить страны с наибольшим вниманием к крымским событиям (табл. 1). Среди множества видов СМИ информационные агентства были выбраны по трем главным критериям: во-первых, данные СМИ характеризуются непрерывным размещением информации со всех уголков мира в режиме реального времени одновременно на нескольких языках и имеют свои филиалы во многих странах мира; во-вторых, они являются источником информации для многих электронных, печатных и телевизионных медиа-каналов; в-третьих, поисковая система новостей на официальных сайтах агентств является оперативным и эффективным исследовательским инструментом.

Таблица 1

Количество статей о Крыме, опубликованных в ведущих информационных агентствах мира и стран Причерноморья в 2013 – начале 2015 гг.

Государства	**Информационные агентства**	**Количество статей о Крыме**		
		2013 г.	**2014 г.**	**2015 г. (январь-февраль)**
Ведущие информационные агентства мира				
Великобритания	Routers	50	2300	218
Германия	Deutsche Welle (DW)	3	930	58
Италия	Agenzia Nazionale Stampa Associata (ANSA)	0	551	15
Китай	Xinhuanet (New China News Agency, NCNA)	1350	16250	312
Россия	РИА-Новости	444	12663	1671
США	United Press International (UPI)	4	379	19
Франция	L'Express	9	450	14
Япония	Japan Press Network (Kyodo News)	2	200	3
Ведущие информационные агентств стран Причерноморья				
Грузия	Новости-Грузия	17	480	21
Молдова	ИА Молдова	0	400	5
Румыния	Ромпрес (Agerpres)	10	1185	52
Турция	Анадолу (AA)	144	898	26
Украина	Украинские национальные новости (УНН)	2650	7556	526

Составлено автором на основе архивов официальных сайтов соответствующих информационных агентств.

Полученные данные указывают на то, что за рассматриваемый период количество и география центров наибольшего внимания к крымским событиям были непостоянны (табл. 1). В 2013 году явными лидерами по формированию информации о Крыме были СМИ Украины, Китая, России и в меньшей степени Турции (количество статей на крымскую тематику в ведущих информационных агентствах составило от нескольких сотен до нескольких тысяч).

В 2014 году произошло резкое увеличение количества статей о полуострове со стороны четырех вышеуказанных стран: количество сюжетов о Крыме РИА-Новости (Россия) увеличилось почти в 30 раз, агентства Xinhuanet (Китай) – в 12 раз, Анадолу (Турция) – в 6 раз, Украинские национальные новости – в 3 раза. Значительно возрос интерес ведущих информационных агентств других стран Причерноморья (Румынии, Грузии, Молдовы) и стран дальнего зарубежья (Великобритании, Германии, Италии, Франции, США, Японии). Такой резкий рост внимания со стороны крупнейших СМИ мирового и регионального уровня связан с событиями «крымской весны». События марта 2014 года стали тем информационным поводом, который оказал «взрывное» воздействие не только на самые влиятельные информационные агентства, но и на все мировые СМИ: крымская тематика была отражена на главных страницах ведущей печатной и электронной прессы, Крыму посвящались множество телевизионных сюжетов главных каналов многих стран мира. Так, если в 2013 году одни из самых влиятельных информационных агентств мира (Routers, Deutsche Welle, L'Express, United Press International и ряд других) и стран Причерноморья опубликовали не более 50 статей о Крыме, то после

событий 2014 года их число выросло в несколько десятков и сотен раз.

К концу 2014–началу 2015 гг. наблюдался постепенный спад интереса к крымским событиям со стороны большинства ведущих СМИ мира и стран Причерноморского региона. Данный факт указывает на то, что для ведущих мировых средств массовой информации, главные редакции которых размещаются в Италии, Франции, США и Японии, крымская тематика до 2014 года не являлась и не стала сегодня приоритетной. Информационные агентства Routers, Deutsche Welle сохраняют инерцию повышенного внимания к новостям из Крыма, однако не являются лидерами формирования информационного пространства полуострова. Повышенное внимание информационных агентств Грузии и Молдовы также не сохранилось к 2015 г. Эфемерная, но масштабная, информационная акция по отношению к Крыму со стороны перечисленных выше государств явилась свидетелем высокой значимости «крымской весны» для мировой политики, а также была составной частью обострившегося информационного противостояния стран Запада и России.

Таким образом, ведущими центрами трансляции информации о событиях в Крыму на глобальном уровне являются СМИ *России* и *Китая*, на региональном (причерноморском и восточноевропейском) уровне – *Украина*. Однако учитывая, что Украина подвержена внешнему управлению со стороны США, можно говорить о наличии не «украинского» регионального центра, а «американского» глобального центра, деятельность которого имеет скрытый характер. Поскольку управление ведущими СМИ в перечисленных

государствах осуществляется из столиц, можно конкретизировать, что главными центрами формирования информации о полуострове являются города Москва, Пекин и Вашингтон-Киев.

Каждому из трех выявленных центров свойственны свои особенности формирования информационного пространства Крыма. Высокое внимание к крымским событиям крупнейшего информационного агентства Китая Xinhuanet (Синьхуа) связано с объективными и субъективными причинами. К объективным можно отнести то, что с 2013 года Китай планировал начать подготовку и реализацию ряда инвестиционных проектов на полуострове, крупнейшим из которых должно было стать строительство глубоководного порта в акватории оз. Кызыл-Яр (Сакский район). Повышенное количество статей о Крыме в Синьхуа по сравнению с другими информационными агентствами обусловлено также одной из особенностей работы этого СМИ: многократное тиражирование одной и той же новости – это субъективная причина. Китай сохраняет повышенный интерес к событиям и в российском Крыму.

Особенности функционирования *российского* и *украинского* центров целесообразно рассматривать в сравнении. Кроме таких особенностей, как смещение полюса наибольшего внимания к крымским новостям в сторону российских СМИ, и смена знаков контекста освещаемых событий Крыма (для российского центра с отрицательного контекста на положительный, для украинского центра – наоборот), которые были сформулированы нами ранее [3], информационная политика средств массовой информации обоих государств после социально-политических процессов 2014-2015 гг. приобрела еще ряд характеристик. Для российского центра, кроме

увеличения количества статей и сюжетов о Крыме, характерной стала диверсификация информационного потока и по тематическому, и по территориальному охвату. То есть информация о полуострове в ведущих СМИ страны становится все более разнообразной, для граждан страны все больше открываются ранее неизвестные уголки новых субъектов – расширяется география образов Крыма. В украинских средствах массовой информации все чаще Крым и Севастополь рассматриваются в виде «точки», а тематика сюжетов сужается до сугубо политических проблем. Существует разница и в редакционной политике сравниваемых центров. Каждый информационный повод о Крыме в российских медиа-структурах отбирается по принципу его максимальной эффективности для формирования благоприятного имиджа новых субъектов федерации. Для украинского центра характерен обратный подход, связанный с трансляцией исключительно негативной информации о Крыме. В отличие от российского центра, украинские журналисты не имеют открытого доступа к наблюдению за всеми событиями полуострова и создают искусственную крымскую реальность. Существующая оппозиция российского и украинского центров формирования информации о Крыме указывает на наличие информационной войны между российским и украинским (американским) центрами.

Кроме глобальных и региональных центров формирования информации о Крыме, очевидно, существуют *локальные (крымские) центры*. Таких центров по принципу места нахождения ведущих СМИ полуострова можно выделить два – Симферополь и Севастополь. Однако эти центры в большей степени оказывают

влияние на местное население, не транслируя информацию за пределы Крыма, особенно это относится к печатным и телевизионным СМИ. Не смотря на это сами события «крымской весны» коренным образом повлияли на внутриполитический образ и имидж России, способствовали укреплению национальной идентичности [4], имеют геополитический, геостратегический и сакральный смыслы для страны [5].

Таким образом, информационное пространство Крыма находится в состоянии замещения украинского центра формирования его имиджа российским и американским центрами, с возрастающим интересом к событиям в регионе со стороны китайского центра. Крым не формируя собственные глобальные и региональные структуры информационного влияния на население, проживающее за пределами его территории, имеет периферийное (подчиненное) положение по отношению к таким центрам как Москва, Вашингтон и Пекин.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура пер. с англ. / М. Кастельс. – М., 2000. – 607 с.
2. Багров Н. В. География в информационном мире. / Н. В. Багров – К.: Лыбидь, 2005. – 184 с.
3. Швец А. Б. Информационный имидж Крыма: особенности современной трансформации / А. Б. Швец, Д. А. Вольхин // Социально-экономическая география: вестник ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – №3. – С. 142-147.
4. Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны / И. А. Василенко // Власть. – 2014. – №10. – С. 204-208.
5. Киселев С. Н. Смысл Крыма для России в том, что это колыбель русского православия [Электронный ресурс]. / С. Н. Киселев – Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/polit/1799130.html#ixzz311kgy6g4 (дата обращения 10.03.2015).

УДК 33:91 (574)

М. А. Галимов

M. Galimov

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

CHANGE OF THE REGION'S DEVELOPMENT INDEX OF WESTERN DISTRICTS OF THE WEST KAZAKHSTAN REGION

Изучаются изменения в социально-экономическом развитии Западно-Казахстанской области (ЗКО). Это выражается в изменении индекса развития региона области.

Несмотря на высокий естественный прирост в западных районах области, население мигрирует в северные районы ЗКО и г. Уральск. К западным районам Западно-Казахстанской области относятся: Бокейординский, Жангалинский, Жанибекский и Казталовский. Исследование показало что, западные районы области по уровню социально-экономического развития отстают от северных районов.

По индексу развития региона (ИРР) западные районы опережают северные районы. В 2012 г. Жанибекский район по ИРР являлся лидером среди районов ЗКО.

The article is study changes in the socio-economic development of the West Kazakhstan region (WKR). This is reflected in the change of the region's development index of the WKR.

Despite on the high natural growth in the western districts of the region, the population migrates to the northern districts of WKR and Uralsk. The western districts of WKR are: Bokeyordinsky, Zhangalinsky, Zhanybeksky and Kaztalovsky. The study showed that the western districts of the WKR in terms of socio-economic development are lagging behind to the northern districts.

By the region's development index (RDI) western districts are ahead the northern districts. In 2012, Zhanybek district on RDI was the leader among the districts of WKR.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, индекс развития региона, административно-территориальная единица.

Keywords: socio-economic development, region's development index, administrative and territorial unit.

К западным районам Западно-Казахстанской области относятся: Бокейординский, Жангалинский, Жанибекский и Казталовский районы (см. рис.1).

Территория ЗКО составляет 151,3 тыс. км^2. Численность населения на 1 января 2008 г. составила 615,3 тыс. чел. [1]. В начале 2013 г. численность населения увеличилась на 2,3 тыс. чел. и составила 617,6 тыс. чел. [1]. В западных районах, занимающих 44,1 % территории области, в 2007 г. проживало 15,56 % населения, а в 2012 г. – 14,15 % [1].

Рассматривая районы области по таким показателям как: объем промышленной продукции, розничный товарооборот, инвестиции в основной капитал, посевная площадь сельскохозяйственных культур, численность занятых в экономике, ввод в действие общей площади жилых домов. Можно сказать, что в основном лидерами по этим показателям являются северные районы области.

Оценивая районы области по другому показателю – индекс развития региона (ИРР) получатся другая картина.

Рассмотрим показатель индекса развития региона (ИРР) [2], рассчитываемого следующим образом:

$$ИРР = \frac{\left(\frac{И_{12}}{И_{11}}\right) + \left(\frac{ЗП_{12}}{ЗП_{11}}\right) + \left(\frac{P_{12}}{P_{11}}\right)}{\left(\frac{ЗД_{12}}{ЗД_{11}}\right) + \left(\frac{M_{12}}{M_{11}}\right) + \left(\frac{C_{12}}{C_{11}}\right)}$$

Где:

$И_{12}$ и $И_{11}$ инвестиции в основной капитал в отчетном – 2012 г. и базисном – 2011 г.

$ЗП_{12}$ и $ЗП_{11}$ средняя начисленная зарплата в отчетном – 2012 г. и базисном – 2011 г.

P_{12} и P_{11} общий коэффициент рождаемости в отчетном –2012 г. и базисном – 2011 г.

$ЗД_{12}$ и $ЗД_{11}$ задолженность по заработной плате в отчетном – 2012 г. и базисном – 2011 г.

M_{12} и M_{11} величина прожиточного минимума в отчетном – 2012 г. и базисном – 2011 г.

C_{12} и C_{11} общий коэффициент смертности в отчетном – 2012 г. и базисном – 2011 г.

Суть этой формулы в том, что в числителе расположены показатели, оценивающие прогресс, положительную динамику в развитии региона, а в знаменателе, наоборот, показатели, определяющие негативные стороны в развитии, и соответственно относительно значения в числителе «чем выше, тем лучше», а относительно знаменателя «чем выше, тем хуже».

Если социально-экономическая и демографическая ситуация в регионе не изменилась совершенно то ИРР=1. Соответственно, чем выше окажется ИРР, тем более благоприятнее была тенденция развития региона [2].

Индекс развития региона ЗКО за период 2011-2012 гг. по сравнению с 2010-2011 гг. улучшился на 0,02. Самый высокий уровень ИРР имеют Жаныбекский район – 2,38 и Таскалинский – 2,15. Это связано с высоким уровнем инвестирования в основной капитал.

В селе Камысты Жанибекского района продолжается строительство школы на 300 мест. В 2012 г. села Куйгенколь, Курсай и Колтабан Жанибекского района были полностью газифицированы, а также в с. Жаксыбай был подведен водопровод на 270 домов [3].

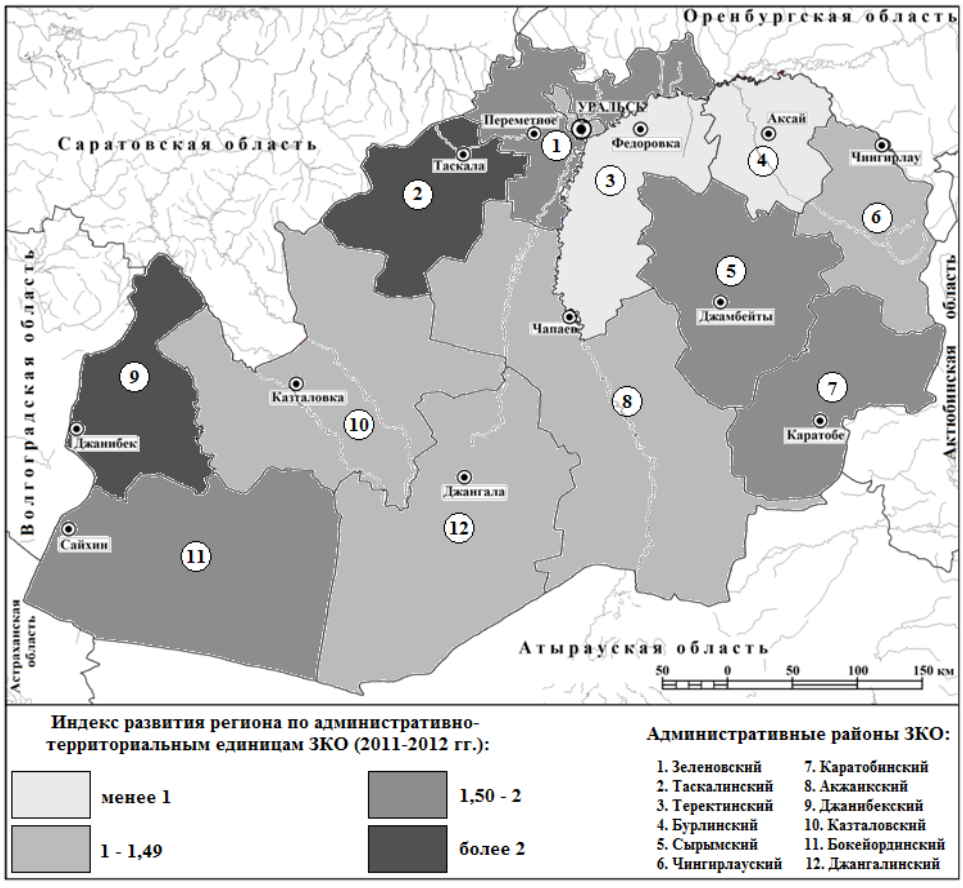


Рис.1. Индекс развития региона по административно-территориальным единицам ЗКО в 2011-2012 гг.

В с. Достык Таскалинского района построен нефтеналивной терминал ТОО «Petroline». Построены откормочные площадки на 500 голов в крестьянских хозяйствах «Болашак» Чижинского сельского округа и «Арай» Таскалинского сельского округа. Открылся швейный цех в Достыкском сельском округе.

В Мерекенском сельском округе открылся ресторан «Тойхана». В Таскалинском сельском округе заработал комплекс «Коктем», который включает в себя продуктовый магазин и кафе. АО «Аграрная кредитная корпорация» совместно с сельским кредитным товариществом «Таскала» в 2012 г. прокредитовали 17 проектов на сумму 67 миллионов 410 тысяч тенге.

На 3-м месте Сырымский район, на 4-м месте Каратобинский район. Это связано с относительно высокими инвестициями в основной капитал и отсутствием задолженности по заработной плате.

На 5-м месте Зеленовский район ИРР=1,62. Это связано со снижением задолженности по заработной плате и снижением смертности населения. Повысился уровень инвестирования в основной капитал. Был проведен капитальный ремонт школы в селе Махамбет и врачебной амбулатории в селе Кушум.

На 6-м месте Бокейординский район. Это связано с увеличением рождаемости и уменьшением смертности населения. В селе Сайхин Бокейординского района завершено строительство детского сада на 290 мест.

Таблица 1

Показатели регионального развития административно-территориальных единиц ЗКО в 2011-2012 гг. [1]

№	Название административно-территориальной единицы	$\frac{И_{12}}{И_{11}}$	$\frac{ЗП_{12}}{ЗП_{11}}$	$\frac{Р_{12}}{Р_{11}}$	$\frac{ЗД_{12}}{ЗД_{11}}$	$\frac{М_{12}}{М_{11}}$	$\frac{С_{12}}{С_{11}}$	*ИРР*
1.	Область	0,96	1,04	1,04	1,43	1,04	0,99	0,88
2.	Акжаикский район	0,86	1,13	0,92	-	1,07	1,0	1,4
3.	Бокейординский район	0,87	1,08	1,1	-	1,08	0,91	1,53
4.	Бурлинский район	0,83	0,99	0,99	2,67	1,07	1,04	0,59
5.	Жангалинский район	1,79	1,13	1,04	0,8	1,06	1,31	1,25
6.	Жанибекский район	2,17	1,12	1,07	-	1,04	0,79	2,38
7.	Зеленовский район	1,04	1,1	1,13	0,09	1,05	0,88	1,62
8.	Казталовский район	0,81	1,12	1,06	-	1,05	0,97	1,48
9.	Каратобинский район	1,55	1,15	0,89	-	1,08	0,86	1,85
10.	Сырымский район	1,57	1,12	0,93	-	1,04	0,86	1,9
11.	Таскалинский район	2,2	1,14	1,05	-	1,06	0,98	2,15
12.	Теректинский район	1,26	1,09	1,09	1,75	1,09	1,01	0,89
13.	Чингирлауский район	1,58	1,15	0,97	0,45	1,07	1,0	1,47
14.	территория Уральской городской администрации	1,02	1,11	1,05	0,87	1,02	1,02	1,09

На 7-м месте Казталовский район. Это связано с увеличением рождаемости и уменьшением смертности населения. В с. Жалпактал Казталовского района был создан пруд на 8 гектарах, для развития рыбного хозяйства. В вышеуказанном районе благодаря АО «Казахагрофинанс» 17 крестьянских хозяйств приобрели в лизинг трактора и другую сельхозтехнику на 75,8 млн тенге. В с. Жалпактал, Бостандык и Кушанкуль Казталовского района были открыты новые кафе. В с. Жалпактал была построена новая АЗС.

На 8-м месте Чингирлауский район ИРР=1,47. На 9-м месте Акжаикский район. На 10-м месте Жангалинский район ИРР=1,25.

Далее по мере убывания ИРР от 1,09 до 0,59 следуют: территория Уральской городской администрации, Теректинский район и Бурлинский район.

ИРР ухудшился от 0,97 до 0,59 у Бурлинского района и у Теректинского района от 1,46 до 0,89. Это связано с тем, что в вышеуказанных районах самые высокие показатели коэффициента задолженности по заработной плате соответственно 2,67 и 1,75 среди административно-территориальных единиц ЗКО.

В Бурлинском районе повысился уровень инвестирования в основной капитал. Построен детский сад на 320 мест в с. Кызылтал. В г. Аксай построена районная поликлиника на 500 посещений в смену. Реконструировали дорогу Аксай–Чингирлау.

В селе Подстепное Теректинского района построен детский сад на 290 мест. Введен в строй комплекс обработки и хранения углеводородного сырья ТОО «Western Munai Gas BN» около села Магистральное.

ТОО «Батыс Калий» на территории Шалкарского сельского округа Теректинского района проводит разведочные работы по определению объема калийных солей. На эти работы были освоены 420 млн тенге.

Открылся новый дом культуры в селе Сарыомир Теректинского района. Капитально отремонтировали дом культуры в селе Долинное, а также клуб в селе Узынколь.

Территории Уральской городской администрации улучшила ИРР от 0,82 до 1,09. Это связано со снижением задолженности по заработной плате и повышением рождаемости населения.

Построена городская поликлиника на 250 посещений в смену в п. Зачаганск г. Уральска. Сдана в строй городская многопрофильная больница на 300 коек в г. Уральск.

Таким образом, в 2011-2012 гг. все западные районы имели ИРР выше 1,0. Жанибекский район имел самый высокий уровень ИРР среди всех районов области. Это связано с ростом инвестиций в основной капитал и отсутствием задолженностью по заработной плате.

Литература

1. Статистический ежегодник Западно-Казахстанской области 2008-2012 гг. Департамент статитики ЗКО, г. Уральск, 2013. – 206 с.

2. Мартынов В. Л. Определение уровня и тенденции развития регионов России на основе использования общедоступной статистической информаций / В. Л. Мартынов // География в школе. – 2005. – № 4. – С. 16-25.

3. Тезисы выступления акима области Н. Ногаева на отчетной встрече с населением // Приуралье. – 2013. – № 15. – С. 2-3.

УДК 910

Н. В. Гонтарь
N. Gontar

МАКРОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ЗНАЧИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[1].

MACROREGIONAL INTEGRATION AS SIGNIFICANT COMPONENT OF GLOBALIZATION

В статье рассмотрены факторы и основные проявления макрорегиональной интеграции как ведущего тренда глобализационных процессов. Обосновано значение ТНК как ведущего актора макрорегиональной интеграции.

In article factors and the main manifestations of regional integration as leading trend of globalization processes are considered. Value of the multinational corporations as the leading actors of regional integration is proved.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, социально-экономическая интеграция, ТНК.

Keywords: globalization, regionalization, social and economic integration, the MNC.

Глобализация в экономической своей ипостаси описывается как [1, с. 70] «формирование единого мирового экономического пространства». Вместе с тем, за общим определением скрывается сложноструктурированное и динамичное явление, которое в отдельных своих проявлениях ставит под сомнение общепринятые представления, в частности, о доминировании глобальных экономических связей, представляя, в частности, ряд эмпирических доказательств значимости макрорегиональной интеграции. Как об этом говорится в [2], идея относительно глобальной экономики

[1] Статья подготовлена в рамках проекта Проектной части государственного задания «Асимметричные экономические стратегии и институциональные технологии преодоления модернизационной паузы и ресурсных ограничений регионов Юга России в новом геополитическом и геоэкономическом формате».

всегда сильно преувеличивалась. Напротив, например, А. Рагмэн утверждает, что в действительности существуют три региональные экономики – Восточной и Южной Азии, Северной Америки и Европейского союза. Хотя любое «деление» мира на экономики полемично, доказательства как такового доминирования макрорегионального вектора современной планетарной интеграции можно почерпнуть в статистике торгово-инвестиционной деятельности главных интеграторов (и двигателей глобализации) – ТНК, а также в параметрах межнациональных обменов.

Основные факторы и направления современной макрорегиональной интеграции. Внимание к ТНК как ключевому фактору макрорегиональной интеграции обусловлено их современной ролью, как в глобальной экономике, так и на уровне макрорегионов. Так, согласно ЮНКТАД, в 2008 г. в мире действовало 82 тыс. ТНК, располагавших 810 тыс. зарубежных филиалов [3]. Ведущие 500 ТНК контролируют 70% мировой торговли, 400 – половину всех прямых иностранных инвестиций. [4]. К 2013 г. насчитывалось также как минимум 845 государственных ТНК с более чем 8500 зарубежных филиалов. ТНК формируют глобальные производственные системы, которые отвечают примерно за 80% мировой торговли. [5]. В 2013 г. обеспечиваемые, прежде всего, ТНК мировые инвестиции составили 1,45 трлн долл., и, по прогнозам ЮНКТАД, в 2016 г. они достигнут 1,8 трлн. долл. [6].

Основными торговыми державами мира являются развитые страны, такие как Германия, США и Япония, однако весьма выросло значение развивающихся стран, что выразилось в росте их доли в привлечении мировых инвестиций (53,6%), и экспорте ПИИ (32,2%). Лидерами по ввозу ПИИ к 2014 г. явились США (ввезено 161 млрд долл. ПИИ в 2012 г. и 188 млрд в 2013 г.), Китай (121 млрд и 124 млрд соответственно) и Россия (51 и 79 млрд). В пятерке

стран (где присутствовали также Китай, РФ, Гонконг, Бразилия) только США представляли развитые страны, В десятке стран-лидеров развитых стран было 4 (кроме США – Канада, Австралия и Испания), так что развивающиеся страны и страны с переходной экономикой стали наиболее привлекательными для размещения инвестиций.

Функции ТНК как интеграторов в первую очередь макрорегионального уровня (несмотря на очевидные примеры присутствия торговых марок целого ряда ТНК практически на всех континентах) обусловлены тем фактом, что лишь небольшая часть ТНК являются собственно глобальными. Прочие же являются транснациональными компаниями, однако – макрорегионального уровня. Так, согласно исследованию А. Рагмэна, около 72% оборота 500 крупнейших корпораций мира приходится на рынки стран их региона [7]. Еще большей региональной концентрацией характеризуются активы корпораций; так, в 2004 г. доля регионального (европейского) оборота 30 компаний, входящих в немецкий индекс DAX, составляла 65%, а доля активов – 75%. Как следствие, в мире формируются «функциональные регионы», кластеры стран, торговля внутри которых значительно более интенсивна, чем межрегиональная [8].

Прирост операций ТНК на региональных рынках формирует тенденцию наращивания геоэкономического веса глобального Юга (развивающихся стран и стран с переходной экономикой), в частности, за счет ориентации таких стран на наиболее развитые рынки «своих» макрорегионов: восточноевропейских стран – на европейский, Латинской Америки и Карибского бассейна – на рынки Северной Америки [9].

В целом инвестиции по линии Юг-Юг, включая макрорегиональные, особенно быстро расширялись с нач. 1990-х гг.

Экспорт ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой возрос до 61 млрд долл. к 2005 г., и большая часть этих инвестиций предназначалась для других стран Юга. При этом размер ТНК развивающихся стран (и их интеграционный потенциал) увеличивались: если в рейтинге Fortune-500 в 1990 г. присутствовало только 19 компаний из развивающихся стран, в 2005 г. их число возросло до 47. Общее число материнских компаний в Бразилии, Гонконге, Южной Корее, Индии и Китае выросло в 1995-2005 гг. с менее чем 3 тыс. ед. до более чем 13 тыс. ед. [10].

На значимость региональной составляющей мировых обменов «работают» стратегии ТНК, реализуемые ими при освоении рынков развивающихся стран. Приоритет среди таких стратегий внутрирегиональных потоков подтверждают сравнения – табл. 1.

Таблица 1

Внутри и межрегиональные потоки ПИИ (кроме оффшорных юрисдикций) развивающихся стран, в среднем, 2002-2004 гг. (рассчитано по [10]), млрд долл. (суммарный объем прямых и обратных инвестиций)

№ п/п	Регион / направление	Объем, млрд долл.	Категория
1.	**Азия**	**47881**	**Внутрирегиональные**
2.	**Латинская Америка**	**2701**	**Внутрирегиональные**
3.	**Африка**	**2105**	**Внутрирегиональные**
4.	Африка – Азия	1903	Межрегиональные
5.	Латинская Америка – Азия	1157	Межрегиональные
6.	Латинская Америка-Африка	37	Межрегиональные

Как следует из таблицы, в разрезе развивающихся стран даже обмены внутри наименее активного макрорегиона, Африки, были интенсивнее, чем обмены между максимально связанными макрорегионами (между Азией и Африкой).

Баланс связей различного уровня неравномерен в отдельных макрорегионах: в особенности региональные связи преобладают над международными в Северной Америке, Европе и Восточной и Юго-Восточной Азии. В странах с переходной экономикой, в Латинской Америке и Африке региональные производственные системы развиты относительно меньше [5].

Причины доминирования макрорегиональных трендов глобальной интеграции состоят в схожести институтов и бизнес-практик, побуждающих бизнес стран Севера и Юга видеть в качестве основных своих контрагентов другие страны «своего» полюса. Концентрация же, например, развитых стран, преимущественно в Североатлантическом регионе, или развивающихся стран в Азии, Африке и Латинской Америке придает интеграции по признаку культурной и институциональной близости также и макрорегиональные черты. Так, крупнейший суммарный объем вывезенных ПИИ на двустороннем уровне фиксировался в случае Великобритании и США. В целом более 90 % инвестиций в развитые страны еще 10 лет назад исходили из других развитых стран (табл. 2).

Таблица 2

Параметры в области ПИИ: страны базирования и принимающие страны в порядке очередности по суммарному объему ввезенных ПИИ принимающего партнера (ведущие пары), млрд долл.

Место	**Страна базирования**	**Принимающая страна**	**1985**	**1995**	**2005**
1.	Соединенное Королевство	Соединенные Штаты	44	116	282
2.	Гонконг, Китай	Китай	-	120	242
3.	Соединенные Штаты	Соединенное Королевство	48	85	234
4.	Япония	Соединенные Штаты	19	105	190
5.	Германия	Соединенные Штаты	15	46	184
6.	Соединенные Штаты	Канада	49	83	177
7.	Нидерланды	Соединенные Штаты	37	65	171
8.	Китай	Гонконг, Китай	0,3	28	164
9.	Британские виргинские о-ва	Гонконг, Китай	-	70	164
10.	Канада	Соединенные Штаты	17	46	144

Составлено автором по [10]

Сходство культурной и хозяйственной моделей (что наиболее явно проявляется в рамках именно макрорегионов) являются

факторами, также облегчающими взаимные инвестиции ТНК развивающихся стран отдельных макрокрегионов: технические и деловые модели здесь оказываются ближе к тем, что используются компаниями в принимающих развивающихся странах, что делает более вероятным налаживание полезных связей и освоение технологий [10].

Институты развивающихся стран также ориентированы на поддержание обменов в рамках макрорегионов: так, в ходе обследования агентств по привлечению инвестиций в 2006 г. более 90 % африканских респондентов заявили, что проводят адресную политику в отношении ПИИ из других развивающихся стран, в особенности, - их региона [там же].

Не стоит списывать со счетов и такой фактор поддержания и усиления макрорегиональных связей как *географическая близость*. Этот фактор был отчасти нивелирован для ряда отраслей развитием телекоммуникационного сектора, однако остался вполне значим для многих отраслей, связанных с перемещением тяжелых и габаритных грузов в массовом производстве. Также географическое соседство с крупным рынком сбыта (Китай, ЕС или США) формирует естественные, ориентированные на такой рынок макрорегиональные связи. Такие доминирующие рынки обуславливают развитие близко расположенных экономик, находящих большой спрос у своих границ, задавая, в то же время, траектории их развития, и обуславливая зависимость от динамики лидирующих рынков. Так, в кризис 2008 г. Центральная Америка и Карибский бассейн непосредственно пострадали от спада в экономике США (тогда как Южная Америка, для которой важнее поступления от экспорта сырья, была затронута на более позднем

этапе в результате падения цен на сырье). Приток инвестиций в обрабатывающую промышленность региона в 2008 г. уменьшился, поскольку находящиеся в иностранной собственности предприятия обрабатывающей промышленности, ориентированные на экспорт, реагировали на спад деловой активности в США сокращением производства [11].

Характерно, что географическая близость играет роль и для ситуации внутри макрорегионов: так, в числе 50 стран с максимальным суммарным объемом ПИИ на двустороннем уровне в 2005 г. 22 страны были из Европы [10].

Культурно-институциональные и географические факторы формируют различные макрорегиональные траектории интеграции. В Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии почти половина притока ПИИ в 2005 г. поступало из развивающихся стран базирования, в основном того же региона [10]. При этом, однако, интеграция в Азии, а также Азиатско-Тихоокеанском регионе являлась предметом интереса не только бизнеса в виде ТНК, но также и Китая как фактически мировой державы и центра притяжения в АТР, заинтересованного в расширении поля своего геоэкономического и геополитического влияния. При этом благодаря китайской диаспоре интеграция Китая и Юго-Восточной Азии основывалась на «бамбуковых сетях» этнических китайских сообществ, рассеянных по всем странам региона [12]. Однако, кроме этого, в 2001 г. на Брунейском саммите было объявлено о начале переговоров по созданию зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем, а еще раньше, в 1997 г., был создан фонд двустороннего сотрудничества АСЕАН и Китая. При этом финансовое спонсорство является ресурсом борьбы Китая за макрорегиональное лидерство [13].

Укрепление региональных связей в Африке отражается в высокой (50%) доле ЮАР в суммарном потоке ПИИ в Ботсвану, Конго, Лесото, Малави, Свазиленд; большая часть ПИИ из Южной Африки, ведущего инвестора континента, направляется в развивающиеся страны [10].

Важно отметить, что региональный характер экономической деятельности ТНК имеет следствием не только экономическую, но и политическую интеграцию на макрорегиональном уровне, «прокладывая путь» для формальной межгосударственной интеграции. В Юго-Восточной Азии такой пример дают японские кэйрецу, породившие процессы интеграции экономик региона: АТЭС во многом выросла из неформальных встреч с участием представителей бизнес-сообщества. Схожая модель сложилась в Северной Америке: основная интеграционная группировка региона (НАФТА) является не столько примером многостороннего сотрудничества, сколько соединением двусторонних американо-мексиканских и американо-канадских отношений, в развитии которых важнейшую роль сыграли американские ТНК «сборочной» промышленности, инвестиции которых сосредоточены в северных штатах Мексики. Напротив, в Латинской Америке масштабы корпоративной интеграции невелики во многом из-за отсутствия мощных конкурентоспособных корпораций и транснациональных неформальных сетевых структур [14].

Макрорегиональная интеграция в рамках глобализационных трендов составляет существенный и всеобъемлющий процесс, основывающийся как на географических, экономических, так и на социально-культурных и политических предпосылках. Устойчивость и планетарный масштаб данного феномена позволяют рассматривать его как важное направление исследований глобализации в контексте

построения системы приоритетов внешнеторговой политики, а также управления внутренними экономическими процессами в контексте взаимодействия национальной экономики и международных торгово-производственных систем.

Литература

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. / Отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
2. Мур К. Теперь будущее принадлежит не Америке? [Электронный ресурс]./ К. Мур, Д. Льюис – Режим доступа://http://newsland.com/news/detail/id/446990/
3. UNCTAD. World Investment Report 2008. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. N.Y. and Geneva, 2009. – P. 17
4. Медведев В. Мир в начале тысячелетия. Глобализация экономики: тенденции и противоречия / В. Медведев – МЭиМО. – 2004. – № 2
5. Доклад о мировых инвестициях. 2013. // Обзор. «Глобальные производственные системы: инвестиции и торговля в интересах развития» Нью-Йорк и Женева, ООН. 2013. – 52 с.
6. World Investment Report**.** Investing in the SDGs: an action plan. New York. Geneva. 2014
7. Rugman A. M. Regional Strategy and the Demise of Globalization / A. M. Rugman // Journal of International Management. 2003. – V. 9. – N 4. – P. 409-417
8. Florkemeier H. Functional Regions and the Measurement of Economic Integration. / H. Florkemeier – University of Freiburg Discussion Paper. 2002. – P. 14-15
9. Доклад о мировых инвестициях. 2002. // Обзор. «Транснациональные корпорации и конкурентоспособность экспорта» Нью-Йорк и Женева, ООН. 2002
10. Доклад о мировых инвестициях. 2006. // Обзор. «ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой: последствия для развития» Нью-Йорк и Женева, ООН. 2006.
11. Доклад о мировых инвестициях. 2009. // Обзор. «Транснациональные корпорации, сельскохозяйственное производство и развитие» Нью-Йорк и Женева, ООН. 2009.
12. Либман А. М. Децентрализация, интеграция и регионализация: взаимосвязь и взаимовлияние / А. М. Либман // Пространственная экономика. – 2008 – № 4
13. Шебло О. Д. Значение китайского фактора в процессах восточноазиатской регионализации в XXI в. / О. Д. Шебло // Известия уральского федерального университета Серия 3: Общественные науки. – 2009. – Т. 64. – № 1-2. – С. 43-49
14. Либман А., Хейфец Б. Корпоративная модель региональной экономической интеграции / А. Либман, Б. Хейфец – Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 3.

УДК 914/919

В. А. Горбанев

V. Gorbanyov

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВА АВСТРАЛИИ

THE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE ECONOMY IN AUSTRALIA

Показано, что лидером постиндустриального развития Австралии является штат Новый Южный Уэльс, хотя его доля в ВВП страны падает. Резко сокращаются обрабатывающие отрасли. Похожая ситуация складывается в штате Виктория, где сокращается и горнодобывающая промышленность. Доля штата Квинсленд в ВВП страны растет быстрыми темпами на фоне сокращения обрабатывающих отраслей и роста горнодобывающей промышленности. Бурно развивается экономика Западной Австралии за счет горнодобывающей промышленности.

It is shown that the leader of the post-industrial development of Australia is the state of New South Wales, although its share of GDP is falling. Manufacturing industries are sharply reducing. A similar situation exists in the state of Victoria, where the mining is declining as well. State Queensland share in GDP is growing rapidly with the reduction of manufacturing industries and the growth of the mining industry. Booming economy of Western Australia due to mining.

Ключевые слова: штаты Австралии, ВВП, обрабатывающая промышленность, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг.

Keywords: Australian states, GDP, manufacturing, mining, agriculture, services.

Для оценки территориальной структуры хозяйства Австралии был изучен «экономический вес» каждого штата в экономике Австралии и проанализировано изменение этого «веса» в течение последних 25 лет [1]. Были рассчитаны тренды доли австралийских штатов в суммарном ВВП страны (валовая добавленная

стоимость) (рис. 1). Для каждого штата (территории) были также рассчитаны изменения доли обрабатывающей, горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства за тот же период (рис. 2) [2]. В таблице 1 приводится ряд экономических показателей в штатах за 2014 г.

В настоящее время штат Новый Южный Уэльс является «сердцем» экономического развития страны. Ежегодный рост ВРП составляет 2,1%. На душу населения в штате приходится 65320 австралийских долларов. В 1990 г. Новый Южный Уэльс давал более 32% ВВП страны, однако, начиная с 2000 г., его роль начала падать и сегодня составляет чуть более 29%.

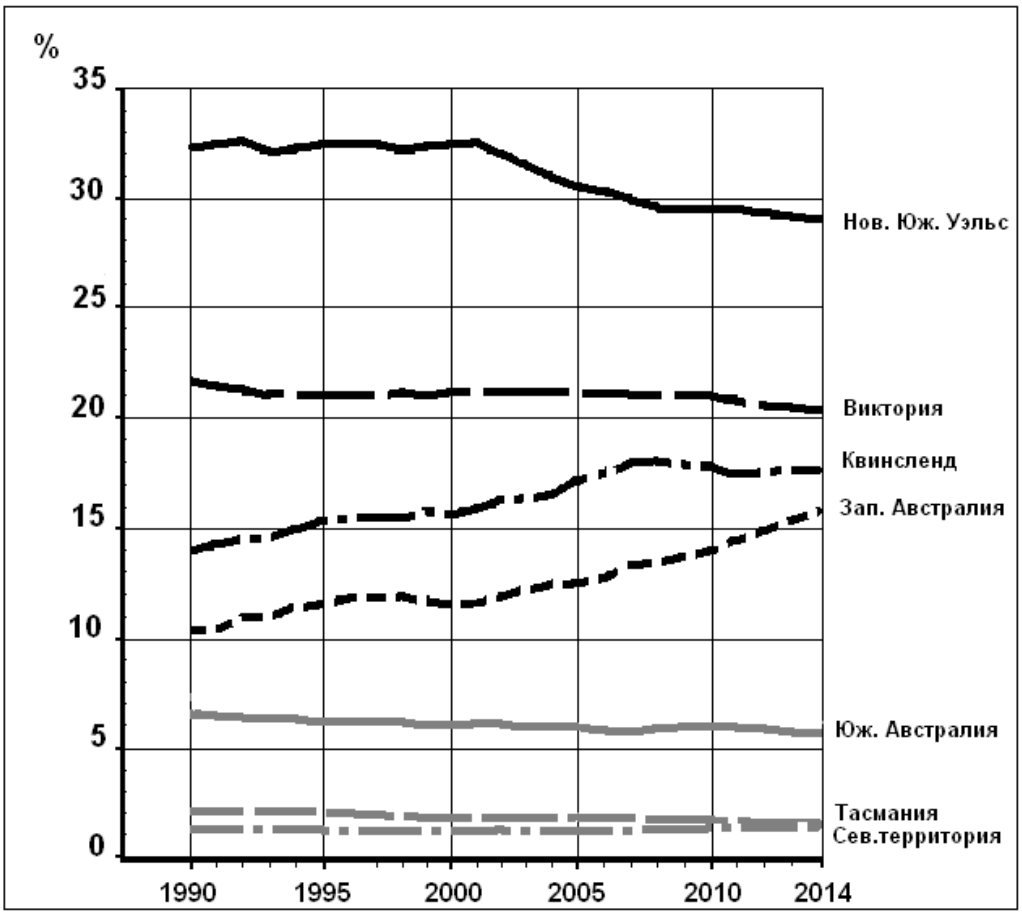


Рис. 1. Доля штатов (территорий) в ВВП Австралии за период с 1990 по 2014 гг.

Наиболее быстрыми темпами падает доля обрабатывающей промышленности: за те же годы она упала с 4,1до 2,2%, т. е. падение составило около 50%. В ВРП ее доля также упала почти в два раза и составляет сегодня 7,5%.

И тем не менее Новый южный Уэльс остается локомотивом обрабатывающей промышленности Австралии. Падение обрабатывающей промышленности происходит за счет того, что штат покидают старые традиционные отрасли. Их место стали занимать современные высокотехнологичные производства. Некоторые предприятия традиционных отраслей перемещаются в другие штаты, в частности, в Западную Австралию. Однако традиционные отрасли отнюдь не исчезли окончательно. Многие предприятия продолжают работать.

Что касается горнодобывающей промышленности, то ее доля в структуре ВВП Австралии невелика и на протяжении 25 лет остается довольно стабильной.

Сельское хозяйство Нового южного Уэльса является важнейшей и старейшей отраслью штата. Его доля в ВВП страны характеризуется медленным сокращением.

Можно сказать, что Новый Южный Уэльс – лидер постиндустриального развития страны. Наряду с падением доли промышленности в ВРП быстро растет сфера услуг. С 1990 по 2014 гг. она выросла с 79 до почти 83% (или до 24% ВВП страны). Наряду со столичной территорией это самый высокий показатель среди штатов Австралии.

В соседнем штате Виктория происходят похожие процессы. На душу населения приходится 59 394 австр. долл. Ежегодные темпы роста ВРП составляют 1,7%. В целом в отличие от Нового Южного Уэльса его доля в ВВП страны весьма стабильна – порядка 21%. Но доля обрабатывающей промышленности падает, примерно, теми же темпами, что и в Новом Южном Уэльсе. За 25 лет она упала с 3,2 до

1,6% ВВП Австралии. В штате происходит аналогичное замещение старых традиционных отраслей новыми, но при этом новые отрасли здесь внедряются даже более активно, чем в Новом Южном Уэльсе, ибо в целом, как уже было сказано, доля штата в ВВП страны почти не падает.

Доля сельского хозяйства Виктории в ВВП страны самая высокая среди всех штатов Австралии – 0,5-0,8% (2,6-4,2 % ВРП).

Горнодобывающая промышленность в основном сосредоточена на добыче угля, нефти и газа. Но ее доля, также как и обрабатывающей промышленности, с 1990 по 2014 гг. резко сократилась с 1,7 до менее 0,5% ВВП Австралии (или с 8 до 2% ВРП). Такое падение можно объяснить с одной стороны – сокращением добычи нефти, закрытием ряда предприятий, а с другой – огромным ростом сферы услуг.

Если в 1990 г. сфера услуг составляла 68,1% ВРП, то в 2014 г. – 78,9% ВРП (или 16% ВВП страны), т. е. в штате Виктория темпы роста сферы услуг самые высокие в Австралии, даже выше, чем в Новом Южном Уэльсе.

Интересная ситуация складывается в штате Квинсленд. На душу населения здесь приходится, примерно, такая же сумма – 62 954 австр. долл., темпы роста ВРП – 2,3%. В отличие от двух предыдущих его доля в ВВП страны растет, причем довольно быстрыми темпами. Экономика переживает буквально бум. С 1990 по 2014 гг. эта доля выросла с 14 до почти 18%. С 2007 г. доля ВВП в Квинсленде стала стабилизироваться. С этого же года наблюдается падение доли обрабатывающих отраслей с 1,7 до 1,2% ВВП или с 9,5 до 7% в ВРП.

Эти цифры говорят о том, что развитие штата осуществляется отнюдь не за счет обрабатывающей промышленности, которая, как и в других регионах, либо перемещается в другие штаты, либо прекращает свое существование.

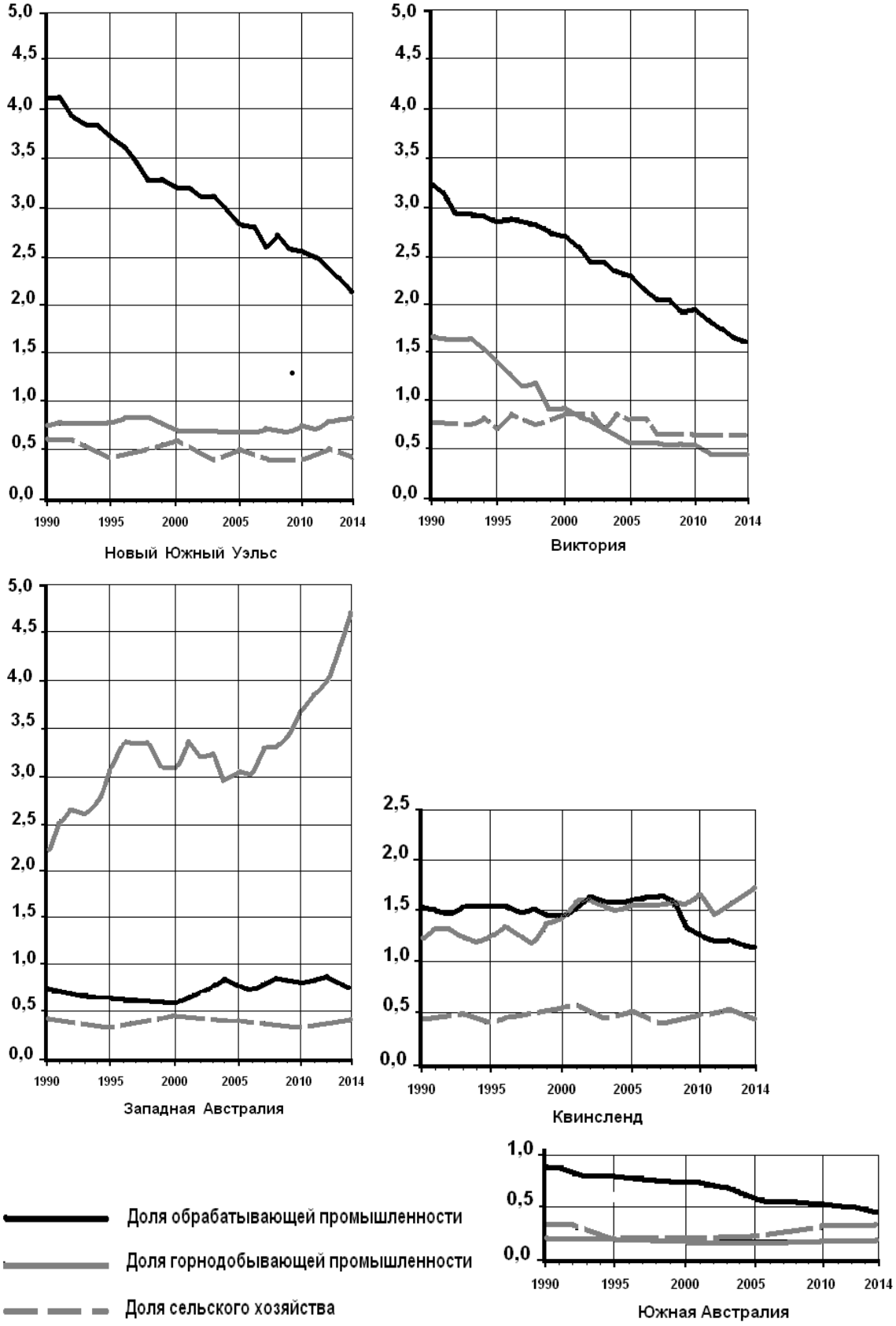


Рис. 2. Изменение доли отраслей хозяйства в различных штатах в ВВП Австралии с 1990 по 2014 гг.

Экономический бум штата происходит в основном за счет развития высокотехнологичных отраслей и горнодобывающей промышленности. Доля последней с 1990 по 2014 гг. заметно выросла с 1,2 до 1,7% ВВП страны.

Доля сельского хозяйства невелика и весьма стабильна. Довольно значительно выросла и доля сферы услуг – с 65 до 71 % ВРП. Все эти данные говорят о том, что рост ВРП осуществляется в основном за счет расширения постиндустриальных функций и высокотехнологичных отраслей.

Если три рассмотренных штата являются районами старопромышленными, то штат Западная Австралия – типичный район нового освоения. Экономика района развивается очень бурно. Темпы роста ВРП составляют 5,5%. На душу населения приходится 100455 австр. долл., что является самым высоким показателем среди штатов Австралии. Доля штата в ВВП страны за прошедшие почти 25 лет поднялась с 10,4 до 15,8%, т. е. рост был самым высоким среди штатов Австралии. Однако на этом общие черты двух штатов заканчиваются. В отличие от Квинсленда обрабатывающая промышленность за этот период практически оставалась неизменной – 0,7-0,8% ВВП страны, а в ВРП штата то ее доля даже упала с 7,2 до 4,9%. Зато темпы роста горнодобывающей промышленности не имеют равных во всей Австралии. За период с 1990 по 2014 гг. доля горнодобывающей промышленности в ВВП страны выросла с 2,2 до 4,7%. А в ВРП штата доля горнодобывающей промышленности выросла с 21,4 до 30%. Это говорит о том, что в отличие от Квинсленда штат развивается за счет горнодобывающей промышленности. Крайний юго-запад штата выделяется своим сельским хозяйством. Однако доля его в ВВП страны невелика.

Что касается сферы услуг, то за эти же годы ее доля в ВРП штата сократилась с 54,6 до 48,8%, но если оценить ее долю в ВВП страны, то, наоборот, она даже несколько выросла.

Штат Южная Австралия составляет порядка 6% ВВП страны, т.е. его доля весьма стабильна, но имеет некоторую тенденцию к понижению. На душу населения здесь приходится 56761 австр. долл. Ежегодный рост ВРП незначительный – 1,3%. Здесь главную роль играет обрабатывающая промышленность, однако ее доля в ВВП страны падает; падает и ее доля и в ВРП штата. Если в 1990 г. она составляла 13,7%, то сейчас составляет 8,1%, т.е. сократилась на треть. Сокращаются в основном, как и в других штатах Австралии, традиционные индустриальные отрасли. Можно сказать, что штат переживает «застойный» период.

Горнодобывающая промышленность штата характерна своей стабильностью. Она составляет 0,2% ВВП страны или 3,0-3,5% в ВРП штата.

Сельское хозяйство штата даже несколько преобладает над горнодобывающей промышленностью.

Сфера услуг в штате развита неплохо и имеет тенденцию к росту. Сейчас она составляет 75-76% ВРП.

Северная территория страны – самая слаборазвитая в Австралии. Ее доля в ВВП Австралии весьма стабильна и не поднимается выше 1,35%. Но темпы роста ВРП на территории – самые высокие в стране – 6,5%, ВРП на душу населения тоже довольно велик – 87 187 австр. долл. Австралийские аборигены здесь составляют около трети населения страны, и им принадлежит почти половина земли. Обрабатывающая промышленность здесь минимальна – она дает сотые доли ВВП страны. Но если оценить ее

долю в ВРП, то она несколько выросла за последние 25 лет: с 3 до 4%. Горнодобывающая промышленность здесь развита сильнее. Ее доля в ВВП страны тоже очень мала (0,16-0,18%), а ее доля в ВРП значительно больше, но имеет тенденцию к снижению. Так, в 1990 г. она составляла 17,5%, а в 2014 г. – уже 13,3%. В основе горнодобывающей промышленности Северной территории лежит добыча руд и природного газа.

Таблица 1

Некоторые экономические показатели штатов (территорий) Австралии по состоянию на 2014 г.

Штат/территория	Доля в ВВП страны (%)	Доля горнодобывающей проми в ВВП страны (%)	Доля обрабатывающей проми в ВВП страны (%)	Доля с/х в ВВП страны (%)	Доля строительства в ВВП страны (%)	Доля сферы услуг в ВВП страны (%)	ВРП на душу населения (австр. долл.)	Годовой рост ВРП (%.)
Новый Южный Уэльс	29,0	0,8	2,2	0,4	1,6	24,0	65 320	2,1
Квинсленд	17,8	1,75	1,2	0,4	1,85	12,5	62954	2,3
Виктория	20,4	0,5	1,6	0,5	1,4	16,1	59394	1,7
Западная Австралия	15,8	4,7	0,8	0,4	2,1	7,7	100455	5,5
Южная Австралия	5,7	0,2	0,5	0,3	0,4	4,3	56761	1,3
Тасмания	1,6	0,02	0,1	0,1	0,1	1,3	48453	1,2
Северная территория	1,4	0,2	0,05	0,02	0,25	0,8	87187	6,5
Столичная территория	2,2	0,0	0,02	0,0	0,2	1,9	92615	0,7

Сфера услуг на Северной территории также развита слабо. Ее доля в ВРП низка, но несколько выше, чем в Западной Австралии – 62-65%.

Штат Тасмания по своему «весу» в ВВП страны чуть выше, чем «вес» Северной территории, однако доля его снижается. Снижается также доля обрабатывающей, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства и даже сферы услуг. Особенно сильно сократилась доля обрабатывающей промышленности – с 0,3% в 1990 г. до 0,1% в 2014 г. В то же время в ВРП доля сферы услуг выроста с 71,4 до 78,6%. Ежегодный рост ВРП невысок. ВРП на душу населения также не отличается высокими показателями. Традиционными отраслями экономики Тасмании являются добыча руд цветных металлов, сельское хозяйство, лесозаготовки и туризм, рыболовство.

Доля Столичной территории в экономике Австралии невелика – чуть больше Тасмании – 2,2%. Причем эта доля стабильна. Ежегодный рост ВРП на Столичной территории очень небольшой – всего 0,7%, но зато ВРП на душу населения весьма значителен и уступает только Западной Австралии – 92615 австр. долл.

Доля обрабатывающей промышленности низка, но зато мощно развита сфера услуг: ее вклад в ВРП – почти 89%. Это самый высокий показатель среди регионов Австралии.

Таким образом, можно заключить, что лидерами развития Австралии являются штаты Квинсленд и Виктория, Новый Южный Уэльс теряет свои позиции. Крупнейшим развивающимся ресурсным районом является Западная Австралия.

Литература

1. Australian Bureau of Statistics. 5220.0 Australian National Accounts: State Accounts – 2013-2014.
2. Australian Bureau of Statistics. 5206.0 Australian National Accounts: National Income, Expenditure and Product, Dec. – 2014.

УДК 911.3+314.93

С. А. Горохов

S. Gorokhov

ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

THE FACTORS OF SPATIAL DIFFERENTIATION OF RELIGIOSITY IN THE GLOBALIZATION ERA

Пространственная дифференциация религиозности населения стран мира определяется уникальным сочетанием ряда факторов, среди которых решающую роль играют социально-экономический, политический, демографический и культурно-цивилизационный, а также степень конфессиональной «мозаичности» населения.

Spatial differentiation of religiosity is defined by a unique combination of factors: the crucial role played by socio-economic, political, demographic, cultural and civilizational, as well as the degree of confessional "mosaic" of population.

Ключевые слова: религиозность, секуляризация, глобализация, цивилизация.

Keywords: religiosity, secularization, globalization, civilization.

Процессы глобализации оказывают влияние на все стороны жизни современного общества, в том числе и на его религиозность. Анализируя данные двух наиболее авторитетных глобальных социологических проектов, позволяющих оценить уровень религиозности населения стран мира: «Мировые ценности» (World Values Survey) [1] и «Глобальный барометр надежды и отчаянья» («Global Barometer on Hope and Despair») Ассоциации Gallup International/WIN [2], можно констатировать, что религиозность

населения в странах мира формируется под воздействием следующих групп факторов, ни один из которых, однако, нельзя охарактеризовать как абсолютно преобладающий:

1) социально-экономический: для стран с более высоким уровнем развития экономики и уровнем жизни населения в целом характерен более низкий уровень религиозности, и наоборот. Согласно данным Gallup International/WIN, население с наименьшими доходами в своих странах (нижняя квинтиль населения) религиознее населения с самыми высокими доходами (верхняя квинтиль населения) на 17% (66% и 49% соответственно). Таким образом, уровень религиозности населения в ряде случаев обратно пропорционален уровню экономического развития страны и качеству жизни ее населения. Большинство стран с наиболее религиозным населением имеют ВВП на душу населения менее $25 тыс., а в богатых и экономически развитых странах с ВВП на душу населения более $25 тыс. важным аспектом жизни религию назвали 47% взрослых жителей, в то время как в бедных и развивающихся (менее $2 тыс. на душу населения) – 95%.

Низкий уровень экономического развития обуславливает социальную отсталость, выражающуюся, в том числе, в высокой доле неграмотного населения в стране. Таким образом, между образованностью и уровнем религиозности населения существует обратная связь. Так, в целом по миру люди, имеющие только начальное образование, религиознее на 16%, тех, кто имеет высшее образование (68% и 52% соответственно). Влияние социально-экономического фактора прекрасно объясняет высокий уровень религиозности (более 70%) населения стран Тропической Африки.

Необходимо сказать, что социально-экономический фактор вполне укладываются в классическую парадигму секуляризации, однако современная религиозная действительность всё же сложнее старых проверенных схем, и при её анализе необходимо учитывать и другие факторы. К тому же секуляризацию нельзя считать необратимой, то есть возможен и её откат («десекуляризация», по П. Бергеру, результаты которой убедительно показывают многие посткоммунистические государства [3]). К тому же, в современном мире религиозная идеология, имеющая также и экономическое содержание, рассматривается многими миллионами беднейших жителей стран третьего мира как наиболее реальная альтернатива либерально-капиталистическому глобальному проекту;

2) *культурно-цивилизационный:* более религиозны жители стран Исламской, Африканской, Индуистской цивилизаций, наименее – Западной и Восточноазиатской (конфуцианско-буддийско-синтоистской), Православная и Латиноамериканская цивилизации занимают в рейтинге религиозности промежуточную позицию. Так, религия важна лишь для 53% европейцев, из которых 24% считает её очень важной, в то время как в остальных странах мира религия важна в среднем для 77% и очень важна для 56% респондентов. В Западной цивилизации исключением, отличающимся высоким уровнем религиозности, являются Северная Америка (прежде всего США) [1].

В Православной цивилизации государство и религия духовно тесно связаны, в связи, с чем в случае актуализации в обществе идей державного строительства роль религии в современную эпоху резко возрастает. Высокий уровень религиозности в православных странах, таких как Румыния, Сербия, Македония, Грузия, связан с культурной традицией православия, играющего ведущую роль в

консолидации общества и поддержки формирующейся государственности этих стран;

3) степень *«мозаичности» населения*: миграционные процессы, интенсифицированные глобализацией, приводят к образованию в странах мира мультиэтничных и мультиконфессиональных сообществ. Живя в таком «мозаичном» глобальном мире, человек поневоле часто сталкивается с носителями чуждой для него культуры и религии, с её проявлениями в быту и общественной сфере. Данные проявления не всегда вызывают у современного человека чувство приятия к представителям иной культуры, этноса и религии, и в этом случае уже можно говорить не о гипотетическом, а о вполне реальном и остро переживаемом каждой конкретной личностью феномене *«столкновения цивилизаций»* в собственной стране, городе, дворе. В результате человеку становится более очевидной его собственная культурная и религиозная идентификация, более того, для него становится необходимым её сохранение, то есть ощущение себя частью большой социокультурной общности.

Политика мультикультурализма, проводимая многими развитыми странами, способствует сохранению культурных и религиозных отличий, однако она не в силах обеспечить каждой культурной, этнической и религиозной общине одинаковые социально-экономические и политические условия развития. В результате между разными общинами может возникнуть *напряжение*, которое есть результат «степени отдаленности и антагонизма между религиозной группой и её окружением» [4]. Чем выше степень этого напряжения, тем выше уровень религиозности данной группы населения. Конфессиональная «мозаичность» характерна для таких стран с высоким уровнем религиозности

населения как Нигерия, Македония, Ирак, Кения, Малайзия, Индия, играет данный фактор важную роль и в США;

4) *демографический*: государства, население которых находится на ранних и средних фазах демографического перехода, как правило, отличаются более высоким уровнем религиозности, чем страны, завершившие демографический переход. Примерами могут служить страны Африки (Гана, Нигерия, Кения, Южный Судан) и Среднего Востока (Ирак, Афганистан). Безусловно, фаза демографического перехода обусловлена уровнем социально-экономического развития общества. Однако, по нашему мнению, необходимо учитывать низкий уровень толерантности по отношению к иной религиозной и культурной традиции в неоднородном по своему составу населении развивающихся стран, который обуславливает высокое социальное напряжение, характерное для их общества. В таких условиях религия становится важным фактором идентичности и основой для построения социальных связей. Необходимо также учитывать консолидацию протестного социального потенциала молодёжи в странах, недавно совершивших демографический переход, который активно используют религиозные активисты, что приводит к повышению значимости религии в обществе;

5) *политический:* уровень религиозности народов, населявших страны, в которых религия играла ключевую роль в их политическом развитии либо в этногенезе, обычно выше. То есть нельзя сбрасывать со счетов индивидуальный опыт государственного строительства в конкретной стране, в котором религия может играть весьма значительную (если не определяющую) роль, что, безусловно, замедляет процессы секуляризации.

Конкретными примерами могут служить Польша, в которой католицизм стал знаменем борьбы с чуждыми в религиозном плане захватчиками; Армения, выдержавшая тысячелетний натиск мусульманских завоевателей; или США, сформировавшиеся как страна обетованная («Град на холме») для религиозных диссидентов со всей Европы; современный Южный Судан, где религия стала основой его государственной легитимации уже в XXI в. Наоборот, в тех государствах, где религиозные институты были в свое время разрушены или подверглись деградации и были заменены на альтернативные (как это произошло в бывших социалистических странах), религиозность населения обычно ниже.

В качестве итога, отметим, что религия в значительной степени определяет культурно-цивилизационную модель развития общества, тем самым влияя на характер протекающих в нём политических и социально-экономических процессов. Однако и сами эти процессы, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на религию, способствуя, в том числе, изменениям в её геопространстве. Степень этого влияния зависит, прежде всего, от уровня религиозности населения в каждой конкретной стране, который формируется под воздействием сочетания целого ряда исторических, экономических, политических и социокультурных факторов.

Литература

1. World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp

2. WIN-Gallup international: global index of religiosity and atheism-2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf

3. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. Berger P.L. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. –143 p.

4. Stark R. Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion. Los Angeles: / R. Stark, R. Finke – University of California Press, 2000. – 343 p.

УДК 911

Л. В. Деточенко, В. В. Фесенко

L. Detochenko, V. Fesenko

ВОЛГОГРАДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

VOLGOGRAD AGGLOMERATION: SPECIFICITY OF FORMATION, CURRENT STATE AND SPATIAL PERSPECTIVES

Выявлены и рассмотрены основные аспекты формирования и функционирования Волгоградской агломерации. Изучены особенности этих аспектов. Определены фазы регионального агломерирования. Рассмотрена территориальная структура Волгоградской агломерации. Предпринята попытка определения пространственных перспектив Волгоградской агломерации.

Key aspects of the formation and functioning of the Volgograd agglomeration are identified and discussed. The peculiarities of these aspects have been studied. Phases of regional agglomeration have been defined. We have considered the territorial structure of the Volgograd agglomeration. We have tried to define the spatial prospects of Volgograd agglomeration.

Ключевые слова: регион; агломерация; региональное агломерирование; фазы агломерирования; территориальная структура агломерации; географическое положение агломерации; пространственные перспективы Волгоградской агломерации.

Keywords: region; agglomeration; process of regional agglomeration; phases of agglomeration process; territorial structure of agglomeration; geographical position of agglomeration; spatial perspectives of Volgograd agglomeration.

Урбанизация в современном мире – сложный многогранный процесс, характеризующийся разнообразными чертами, одной из которых является становление и усложнение сетей и систем городов. В этом аспекте формирование и развитие городских агломераций – важнейшая составляющая урбанизационного процесса. Городские агломерации, как компактные совокупности поселений, группирующихся около одного или нескольких главных городов, объединенных между собой транспортными, производственными, рекреационными, коммуникативными, трудовыми и другими видами связей в динамичное и сложное единство, выполняют роль ядер, узловых элементов в каркасе размещения общественного производства и расселения населения и являются основой для формирования отраслевой и территориальной структур хозяйства региона.

Появление новых и усложнение существующих городских агломераций происходит во всех регионах и странах мира. Россия также в течение XX–начале XXI вв. испытала быстрый рост числа агломераций, в том числе и агломераций-миллионеров, к числу которых относится Волгоградская агломерация.

Формирование Волгоградской агломерации, в первую очередь, связано со становлением Волгограда в качестве крупного административного, транспортного, экономического и культурного центра Юга России, с достижением городом численности населения в 1 млн человек.

В истории формирования и функционирования Волгоградской агломерации, есть ряд нестандартных, необычных аспектов, отличающих её от других российских городских агломераций.

Первым аспектом является то, что можно назвать становление агломерации двухфазным или двухступенчатым. Как первую фазу можно рассматривать формирование самого Волгограда как единого города в современном его понимании. По сути, Волгоград, «составленный» из отдельных поселений и городков, расположенных по правому берегу Волги, это сама по себе в прошлом агломерация.

История развития города привела ко второму необычному аспекту – Волгоград стал одним из самых протяженных городов мира. При средней ширине 4 км, максимальной – 12 км, город протягивается вдоль Волги на более чем 80 км, представляя типичный город линейной структуры. Впоследствии линейность будет свойственна и современной Волгоградской городской агломерации.

Третьим необычным аспектом являются скачки численности населения Волгограда. В течение XX века население города увеличилось более чем в десять раз, близлежащие населенные пункты оказались под возрастающим воздействием областного центра, некоторые были поглощены им, население достигло миллиона человек. В XXI в. численность населения города менялась как в отрицательную сторону (за счёт естественной убыли и отрицательного сальдо миграционного прироста), так и в положительную сторону (за счёт административных мер), и на начало 2015 года составила 1017985 человек [1].

Одновременно с развитием и совершенствованием Волгограда – главного города-ядра, в XX в. формировалась и Волгоградская городская агломерация в общепринятом понимании

этого термина, или, согласно концепции авторов, проходила вторая фаза регионального агломерирования.

Территориальная структура Волгоградской агломерации также как и города, носила черты линейности. Географическое положение Волгограда на юге России в зоне аридного климата, в зоне сухих степей с наличием крупного водотока в виде реки Волги, но с малым количеством правых притоков предопределило размещение населенных пунктов вдоль основного источника воды реки Волги. На юго-востоке в состав Волгоградской агломерации был включен максимально удаленный (на 52 км) от Волгограда рабочий поселок Светлый Яр. Линейная протяженность агломерации от северных границ Волгограда вдоль излучины Волги до юго-восточных границ Светлого Яра составила более 90 км. На запад зона агломерирования, даже с включением р. п. Городище дальше 15-17 км не продвинулась.

Развитие крупных поселений на левом берегу Волги в зоне Волго-Ахтубинской поймы с более благоприятным климатом и наличием достаточных водных объектов тормозило неблагоприятное транспортно-географическое положение – отсутствие мостов через крупнейшую реку Европы. Серьезный импульс развитию Волгоградской агломерации был придан строительством Волжской ГЭС в 1961 г., когда по сооружениям ГЭС были проложены железнодорожный и автомобильный переходы, соединив правый и левый берега Волги, и на левом берегу вырос город гидростроителей Волжский. За несколько десятилетий из маленького поселка строителей ГЭС Волжский, в 1954 г. получивший статус города, превратился в крупный благоустроенный

индустриальный центр с развитой инфраструктурой и населением около 330 тысяч жителей. Таким образом, зона Волгоградской агломерации «перешагнула» через реку и появились субъекты агломерации на левом берегу. Роль левобережных территорий в перспективе будет только усиливаться в связи с вводом в эксплуатацию в 2009 г. второго мостового перехода через Волгу – моста в Центральном районе Волгограда.

На настоящий момент численность населения Волгоградской агломерации 1409699 чел., что составляет 54,87 % населения Волгоградской области [1]. В плане реализации генерального плана Волгограда на 2008-2025 годы Волгоградская агломерация именуется также как «Градостроительная система «Большой Волгоград». Агломерация включает в свой состав 6 населенных пунктов - 3 города и 3 рабочих поселка.

Если рассматривать их географическое положение, то можно отметить, что ныне три из шести населенных пунктов агломерации расположены на левом берегу, и р. п. Средняя Ахтуба уходит максимально далеко на восток (на 46 км от центра Волгограда). Рабочие поселки Средняя Ахтуба и Светлый Яр замыкают на северо-востоке и юго-востоке теперь уже подкову Волгоградской агломерации, протяженность которой составляет около 100 км.

Говоря о пространственных перспективах Волгоградской агломерации, можно предполагать, что она приобретет пространственный рисунок в виде своеобразного креста, распложенного на обоих берегах Волги. Вертикальная линия на севере прирастет р. п. Ерзовка, а в перспективе и городом Дубовка (52 км от Волгограда), которые уже сейчас срастаются с

Волгоградом за счет процессов субурбанизации – создание жилых коттеджных поселков; и рекреационной субурбанизации – наличие непрерывной зоны дачных массивов, протягивающихся по берегу Волги от Волгограда до Дубовки. Дачная рекреационная субурбанизация в условиях благоприятного теплого климата Волгоградской области очень популярна в регионе. Это способствовало расширению маршрутов пригородного транспорта и увеличению масштабов дачной рекреационной и трудовой маятниковой миграций.

На левом берегу, где г. Волжский, благодаря своему географическому положению, выступает центром притяжения для всего Заволжья, верхняя часть вертикальной линии укрепится п. Краснооктябрьским, уже ныне представляющим с Волжским единую урбанизированную зону. Средние части линии заполняются быстрорастущим в связи со строительством нового моста г. Краснослободском и активно строящимися коттеджными поселками, вызывающими очень серьезную тревогу за сохранность природного парка «Волго-Ахтубинская» пойма. «Перекладина» креста на западе, представленная до недавнего времени лишь р. п. Городище, уже усилена введенными в состав Волгограда п. Гумрак и п. Горьковский. На востоке, в Заволжье она представлена урбанизированными территориями г. Волжского и р. п. Средняя Ахтуба с возможным продлением на восток через с. Заплавное и включение в состав агломерации г. Ленинска (78 км от Волгограда).

Но влияние любой крупной агломерации распространяется существенно дальше ее территории. Кроме районов Волгоградской

области под воздействие Волгоградской агломерации попадают и населенные пункты других субъектов федерации: Астраханской, Ростовской областей и республики Калмыкия. Жители приграничных территорий данных субъектов зачастую получают разнообразные услуги именно в учреждениях Волгоградской агломерации.

По своей структуре Волгоградская агломерация, как и большинство городских агломераций в России и мире, является моноцентрической с главным городом Волгоградом, который значительно превосходит по экономическому развитию, по численности населения, по сосредоточению образовательных, медицинских, культурных учреждений все остальные населенные пункты агломерации и подчиняет их своему влиянию. Но доминирование Волгограда в настоящее время является не настолько безусловным, как в большей части городских агломераций РФ. Серьезную роль в Волгоградской агломерации играет и город-спутник Волжский, который хоть и уступает главному городу по численности населения в три раза, но имеет все черты современного города России с высокоразвитой городской инфраструктурой, развитыми предприятиями промышленности и сферы услуг и являющийся важным центром экономического притяжения всего Заволжья. Кроме того, если сравнить разницу в населенности Волжского и следующего за ним в табели о рангах в Волгоградской агломерации р. п. Городище (21,8 тыс. чел.), то разница составит 15 раз, что гораздо больше, чем между Волгоградом и Волжским. Экономическое превосходство г. Волжского над другими центрами агломерации также очень значительное. На взгляд авторов, можно говорить о формирования

своего рода бицентрической агломерации, с двумя городами-ядрами, хотя и при явном преимуществе Волгограда.

В социально-экономическом отношении городские агломерации имеют качественную характеристику – коэффициент развития (высокий класс развития характеризуется коэффициентом больше 10). Волгоградская агломерация имеет высокий класс развитости (с коэффициентом, равным 10,2) [2].

Но, имея высокий класс развитости и на протяжении более столетия являясь одним из центров социально-экономического развития Юга России, на сегодняшний день можно констатировать отставание в развитии Волгоградской агломерации, да и всей Волгоградской области, от соседних регионов. Соседние агломерации и города (Ростов-на-Дону, Саратов, Самара) зачастую обгоняют Волгоградскую агломерацию по многим пунктам: уровню развития отраслей третичного сектора, доле наукоемких отраслей в создании ВВП, развитии строительства, благосостоянии населения. Особенно огорчает продолжающаяся уже два десятилетия депопуляция населения агломерации, неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры, которое очень ограничивает мобильность населения.

Общероссийскую специализацию Волгоградской агломерации определяет, как и десятилетия назад, промышленный комплекс. Вес отраслей непроизводственной сферы невелик. Отраслевая структура вторичного сектора Волгоградской агломерации несовершенна – наибольшее развитие получили производства, относящиеся к «нижним» и «средним» этажам промышленности. Такая современная отраслевая структура экономики Волгоградской

агломерации сложилась под воздействием экономических факторов, одними из важнейших среди которых являются быстрая окупаемость вложенных средств, получение максимальной прибыли, но без должного учета эффективной на современном этапе перестройки экономики в сторону увеличения доли отраслей третичного сектора и объективно возрастающего значения экологического фактора.

Улучшение экономических перспектив Волгоградской агломерации авторами видится в реализации ряда проектов стратегического развития региона, и в связи с подготовкой к проведению чемпионата мира по футболу 2018 г. Кроме того, и такие традиционные факторы развития, как южный климат и уникальное географическое положение в месте соединения Волги и Дона, на путях миграции из популяционно-избыточных районов российского Северного Кавказа и зарубежных государств Кавказа и Средней Азии, также никто не отменял. Но общая неблагоприятная современная геополитическая и экономическая ситуация в России, продолжающаяся «чехарда» со сменой глав правительства в Волгоградской области делают перспективы развития Волгоградской агломерации весьма туманными.

Литература

1. Распределение городов и поселков городского типа по числу жителей [Электронный ресурс] / Федеральная служба Государственной статистики (РОССТАТ), Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. Городские агломерации России [Электронный ресурс] / ДЕМОСКОП Weekly ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ “НАСЕЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВО” Институт демографии, Государственный университет, Высшая школа экономики, 16 февраля 2010 – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407/,свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

УДК 911.3

Д. А. Дирин

D. Dirin

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТАТУСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ

TERRITORIAL-STATUS ORGANIZATION OF GEOCULTURAL SPACE IN THE ALTAI MOUNTAIN

В статье рассмотрены основные аспекты территориально-статусной организации геокультурного пространства Горного Алтая. Анализируются закономерности соотношения статусных зон в геокультурных территориальных системах разного иерархического уровня.

The article describes the main aspects of the territorial-status organization of geocultural space in the Altai Mountain. Regularities of territorial-status zones in geocultural territorial systems of different hierarchical levels were analyzed.

Ключевые слова: геокультурное пространство, территориально статусные зоны, центр-провинция-периферия-граница, Горный Алтай.

Keywords: geo-cultural space, territorial-status zones, center-province-periphery-boundary, Altai Mountains.

Одним из ведущих факторов дифференциации и структурирования геокультурного пространства является их территориально-статусная организация, то есть соотношение сопряженных зон различного культурного значения. Данная статья посвящена анализу территориально-статусной организации геокультурного пространства Горного Алтая на разных иерархических уровнях.

При анализе статусных характеристик геокультурного пространства логичной представляется четырехчленная схема, предложенная В. Л. Каганским (1998). В качестве основных статусных зон им выделяются: центр – провинция – периферия – граница [1].

Глобальный уровень. На протяжении многих столетий Алтай являлся погранично-контактной зоной между двумя культурными мирами: «Великой степью» (зоной культурного влияния тюрко-монгольской буддистско-исламско-анимистической цивилизации номадов) и «Таежной Сибирью» (тюрко-финоугорской анимистической цивилизации охотников и рыболовов). Этот фактор предопределил длительное существование двух крупных геокультурных систем на этой территории вплоть до конца XIX века. Их формирование и развитие обеспечивалось практически исключительно природными особенностями территории, жестко лимитирующими хозяйственную деятельность человеческих сообществ и определяющими способы адаптации, становящиеся фундаментом культуры [2].

В силу ограниченности коммуникаций в таежных ландшафтах, в культурном мире «Таежной Сибири» не сформировалось выраженного геокультурного центра глобального уровня. Цивилизационные центры «Великой Степи» периодически возникали как культурно-политические центры степных империй, будучи, по сути, приуроченными к ставкам верховных правителей. Территориально эти центры часто смещались в результате перекочевки правителя или смены одной степной империи другой.

Начиная с XVIII века Алтай вошел в сферу влияния другого, гораздо лучше структурированного культурного мира – Славяно-православной аграрно-индустриальной цивилизации (Русского

культурного мира). Цивилизационный центр его расположен на огромном удалении от Горного Алтая – в центральной части Восточно-Европейской равнины, но его культурные импульсы оказались столь сильны, что распространили влияние данного центра на столь дальние регионы, как Южная Сибирь.

Таким образом, на глобальном уровне геокультурной дифференциации территории, Алтай оказался на границе трех культурных миров, представляя собой зону этнокультурной конвергенции.

В настоящее время наибольшее влияниена этнокультурное развитие Алтая оказывает «Русский мир», поскольку помимо демографического, языкового и общекультурного доминирования, большое значение имеет его политическая гегемония.

Региональный уровень. На этом иерархическом уровне территориально-статусной геокультурной организации преобладающее значение начинает играть административно-управленческий фактор. Роль геокультурного центра, формирующего и интегрирующего систему изнутри, выполняет локализация региональной власти. В формировании региональных геокультурных статусных зон провинции ведущими факторами являются этнокультурный и хозяйственный, который, в свою очередь, зависит от природных особенностей территории. Также в настоящее время одним из таких факторов стали действующие общегосударственные нормы и правила территориального планирования и землеустройства.

Довольно отчетливо можно выделить макро-, мезо- и микрорегиональный подуровни территориально-статусной организации геокультурного пространства.

Макрорегиональный подуровень. На макрорегиональном подуровне территориально-статусной иерархии территория Алтая большую часть своей истории была типичной геокультурной периферией, функционирующей по принципам колонии и зависящей от внешних центров. Только после обретения статуса республики в составе России (1992 г.) город Горно-Алтайск стал полноценным геокультурным центром макрорегионального уровня. Функции макрорегиональных геокультурных границ выполняют политико-административные границы республики. Статус макрорегиональной провинции имеет основная зона расселения региона. Территории вне этой зоны, даже с имеющимися населенными пунктами (но расположенными за пределами ключевых коммуникаций), являются периферией.

Мезорегиональный подуровень. Ключевую роль на этом подуровне играет этнокультурный фактор. Разные этносы в ходе взаимодействия со средой своего обитания (а также при взаимодействии с другими этносами) создают специфические природно-культурные территориальные системы (этнокультурные ландшафты). В этих системах происходит взаимопроникновение культуры в ландшафт, а ландшафта в культуру [3].

Этнокультурными центрами таких систем обычно выступают взаимосвязанные комплексы населенных пунктов (селенческие кусты), образующие не просто ареалы концентрации населения определенной этнической принадлежности, но абсолютного доминирования их этнической культуры на данной территории. Проявляется оно в выраженности этнических традиций и их присутствии в повседневной жизни населения; в визуально-символических особенностях среды (одежда населения,

архитектура, организация хозяйственной деятельности); в характере языковой среды (язык общения населения) и пр.

Этнокультурную провинцию представляют собой малонаселенные и слабоосвоенные территории, но в то же время с выраженным преобладанием конкретной этнической культуры в семантике и топонимике пространства.

Этнокультурную периферию образуют зоны межэтнической конвергенции.

Отчетливую границу между этнокультурными территориальными системами провестив настоящее время крайне трудно, поэтому ею обычно считают условную линию, разделяющую периферийное пространство двух смежных систем.

На Алтае сложились пять этнокультурных территориальных систем (ЭКТС) [4]:

1. *ЭКТС собственно русского населения* локализована в северной предгорной и центральной среднегорной части Горного Алтая, где преобладает русское население с культурой инновационного типа. Для этого ареала характерно довольно быстрое развитие нетрадиционных для этой территории отраслей хозяйства – туризма, пищевой, обрабатывающей промышленности и пр. Наиболее значимые геокультурные центры локализованы в нижней части долины р. Катунь (Майминский район). Этнокультурная провинция и периферия охватывают значительные части Турочакского, Чойского, Чемальского, Шебалинского, Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов.

2. *ЭКТС русских старообрядцев* сформировалась в пределах среднегорных лесных и лесостепных ландшафтов Центрального Алтая по долинам рек Кокса, Катунь (в ее верхней части) и их притоков. Эта система образована субэтносом русских

старообрядцев и характеризуется комплексностью природопользования (полеводство, огородничество, многоотраслевое животноводство, в том числе пантовое мараловодство, охота, собирательство) и выраженной традиционностью культуры; большой ролью религиозных традиций. Центр данной системы сложился в пределах Уймонской межгорной котловины (села Верх-Уймон, Мульта, Замульта, Огневка, Гагарка, Тихонькая). Провинция и периферия охватывает части Катунского, Листвягинского и Холзунского хребтов в пределах Усть-Коксинского района.

3. *ЭКТС северных алтайцев* сформировалась в лесных низко- и среднегорных ландшафтах северной и северо-западной части Горного Алтая – местах проживания этнографической группы северных алтайцев (тубалары, кумандинцы, челканцы), которые традиционно занимаются таежными промыслами (охотой, сбором дикоросов) и рыбной ловлей. В качестве этнокультурных центров этой ЭКТС в настоящее время можно выделить лишь несколько небольших изолированных ареалов в Турочакском районе (села Тулой, Курма-Байгол, Суранаш). Провинция и периферия охватывает большую часть Турочакского и Чойского районов.

4. *ЭКТС южных алтайцев* сложилась в средне- и высокогорных степных и полупустынных ландшафтах Центрального, Восточного и Юго-Восточного Алтая, где доминирует культура этнографической группой южных алтайцев (алтай-кижи, теленгиты) – полукочевых животноводов с анимистическим мировоззрением. Охватывает практически целиком Улаганский и Онгудайский районы, а также значительные части Чемальского, Шебалинского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов. Наиболее выраженные центры сложились в Канской,

Урсульской, Курайской, Чуйской межгорных котловинах и на Улаганском плоскогорье.

5. *ЭКТС казахов Алтая* занимает часть высокогорных сухостепных ландшафтов Кош-Агачского района на юго-востоке Республики Алтай. Это также культура номадов, но образована она переселившимися сюда во второй половине XIX века казахами-мусульманами. Центр системы расположен в пределах Чуйской котловины (села Жана-Аул, Тобелер). Провинция и периферия ограничена частью Чуйской котловины, плоскогорьем Укок и долинами рек Чуя и Джазатор.

Локальный уровень. На локальном уровне территориально-статусной организации геокультурного пространства на первое место выходят повседневные потребности людей и связанные с ними традиции и опыт.

Роль геокультурных центров выполняют населенные пункты и временные периодически обитаемые стоянки (животноводческие стойбища, охотничьи зимовья).

Провинцией являются зоны повседневного обыденного использования. Это, территории, наиболее насыщенные социально-экономической инфраструктурой, в которых расположены ближайшие к центрам расселения хозяйственные угодья и предприятия. Локальные провинции очень хорошо освоены местным сообществом в семантическом и топонимическом отношении.

Геокультурная периферия представлена территориями эпизодического посещения. Они являются важным источником ресурсов, а также представляют потенциал для расширения провинции. В настоящее время локальная геокультурная периферия

на Алтае практически совпадает с землями государственного лесного фонда и землями ООПТ.

Границами на локальном уровне служат преимущественно природные рубежи – реки, осевые части горных хребтов, линии сопряжения разных видов ландшафтов. Вдоль этих границ расположено, как правило, множество природно-культурных маркеров – природных объектов с особым (часто сокральным) смысловым значением. Таковыми обычно являются перевалы, отдельные горы, водные источники – аржаны.

Экономические отношения также вносят свой весомый вклад в пространственно-статусную организацию территории. Так статус локальных геокультурных границ довольно быстро закрепляется за границами между земельными угодьями, принадлежащими разным собственникам.

Литература

1. Каганский В. Л. Центр – Провинция – Периферия – Граница: основные зоны культурного ландшафта / В. Л. Каганский // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Второй тематический выпуск докладов семинара «Культурный ландшафт». – Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-101.

2. Глебова А. Б. Пространственно временные особенности освоения ландшафтов Горного Алтая. / А. Б. Глебова, Д. А Дирин., К. В. Чистяков – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 140 с.

3. Стрелецкий В. Н. Геопространство в культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 2. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 330-332.

4. Дирин Д. А. Факторы и закономерности формирования и эволюции этнокультурных ландшафтов Алтая / Д. А. Дирин, Л. Ф. Лубенец, И. И. Назаров // Мир науки, культуры, образования. 2012. – № 6 (37). – С. 465-469.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-05-00650.

УДК 913(540)

Р. В. Дмитриев

R. Dmitriev

УРБАНИЗАЦИЯ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ «СПЯЩЕГО ГИГАНТА»

URBANIZATION AND SPECIFICITY OF «SLEEPING GIANT'S» GLOBALCITIESFORMATION

В статье рассматриваются особенности городского развития современной Индии. Анализируются причины замедленной реализации урбанистического потенциала страны. Особое внимание уделено выявлению роли глобальных городов в догоняющем развитии.

The article deals with the features of urban development of modern India. The reasons for delays in implementing of the country's urban potential are analyzed. Particular attention is paid to identifying the role of global cities in the catch-up development.

Ключевые слова: Индия, урбанизация, надагломерационные структуры, глобальные города.

Keywords: India, urbanization, superagglomerated structures, global cities.

«Гигантом» в контексте популяционного развития вообще и городского в частности Индия является по целому ряду параметров: во-первых, эта страна – потенциальный лидер (по прогнозам, с 2029-2030 гг.) мирового списка государств с наибольшей численностью населения [1]. Во-вторых, уже сейчас 2 из 5 крупнейших агломераций мира людностью более 21 млн человек – индийские [2]. Более того, при прогнозируемых ООН темпах прироста численности их населения агломерация Дели станет мировым лидером, опередив

по численности населения Токио (37,4 млн против 36,9 млн в 2032 г.), а еще через шесть лет Мумбаи «выбьет» Шанхай из «призовой тройки». Во вторую треть XXI в. индийская столица войдет абсолютным лидером за всю историю человечества: никогда еще в границах агломерации не проживало такое большое число людей – около 38,9 млн человек. Список показателей «гигантизма» можно было бы существенно расширить; при этом вполне правомерны ожидания интенсивного развития экономики страны при опережающем развитии городов. Тем не менее, несмотря на впечатляющие темпы прироста ВВП, реальная ситуация на «местах» оказывается не столь отличающейся от сложившихся стереотипов касательно развития Индии в целом и ее городов в частности.

Среди причин «неохотного пробуждения» городов страны можно выделить следующие (основные и производные):

1) неразрывная связь в умах индийцев между городами и колониализмом. При этом смещение центров власти в аграрные районы не в последнюю очередь было вызвано внедрением демократии в стране, еще не пережившей промышленную революцию;

1а) низкий уровень урбанизированности (32,7% в 2015 г.) при огромной армии горожан, превышающей численность населения любого государства мира, кроме Китая;

2) крайне разветвленный бюрократический аппарат территориального управления, когда роль мэров городов сводится к минимуму, а власть сосредоточена в руках глав штатов и муниципалитетов, т. е. на выше- и нижележащих ступенях «лестницы» территориального управления;

2а) смена статуса значительного числа территорий с городского на сельский для получения субсидий и льгот на уровне штатов и государства в целом. В результате этого, *по нашим расчетам, страна к настоящему моменту «недополучила» около 10% городского населения*;

3) принижение роли городов как полноправных субъектов экономических отношений, что повлекло прерывание пространственных цепочек диффузии инноваций;

3а) макроцефальность городского развития (треть городского населения проживала в 2011 г. в 45 городах-миллионниках страны) [3]. При этом в 1951 г. в отчете о проведении переписи подчеркивалось, что средние и малые города являются «случайностями, порожденными историческими и географическими обстоятельствами» [4].

Тем не менее, значительный демографический потенциал крупнейших городов Индии гипотетически свидетельствует об их возможности выполнять функции центрального места по отношению к окружающим их территориям. На основе потенциала поля расселения нами были выявлены зоны влияния городов-миллионников. При этом наличие обобществленных территорий позволило установить границы особого рода образований – своего рода над агломерационных структур [5]. Их аналогами выступают выделенные Р. Флоридой по совершенно иной методике мегарегионы в пределах современной Индии. По его мнению, «именно такие структуры, а не нации являются двигателями глобальной экономики» [6]. Данное утверждение, однако, справедливо лишь отчасти. И, как представляется, тогда и только тогда, когда их основой выступают глобальные города.

Таковых в Индии, согласно критериям Globalization and World Cities, в настоящее время насчитывается 8. При этом за первые 12 лет XXI в. возросло не только их количество (с 5 до 8), но и изменился их статус [7]. Так, если на рубеже столетий был лишь один «очень важный город, который служил связующим звеном между главными экономическими регионами и странами и формирующейся мировой экономикой» – Мумбаи, то спустя всего десять лет к нему присоединился Дели. Последний в числе глобальных городов государственного и регионального значения сменили Бангалор, Ченнаи, Колката и Хайдарабад. Кроме того, новыми игроками на арене глобальных городов становятся интенсивно развивающиеся Ахмадабад и Пуна.

При этом в настоящее время пятая часть ВВП (по ППС) страны ($770 млрд) создается в 8ми упомянутых глобальных городах страны, а к 2025 г. в абсолютном выражении этот показатель утроится [8]. В то же время значительная часть ВВП создается в 8 городах страны в несколько разных отраслях. При этом в территориальном отношении экономическое развитие страны все более происходит за счет северо-западных, западных и южных штатов Индии. Традиционная ориентация востока, севера и центра страны на отрасли обрабатывающей промышленности замедлила развитие здесь третичного сектора хозяйства, а, следовательно, и глобальных городов региона (прежде всего Колкаты).

При этом именно с глобальными городами северо-запада и запада связаны крупнейшие компании страны, входящие в топ-500 [9]. Таковых в 2014 г. было лишь восемь, в то время как в одном только Токио – почти в 6 раз больше, хотя среднегодовой доход в расчете на одну компанию различается весьма незначительно: $53 млрд в Японии против $46 млрд в Индии. Обращает на себя

внимание тот факт, что, несмотря на значительную долю третичного сектора в ВВП индийских глобальных городов, только одна из 8 крупнейших компаний действует в третичном секторе экономики (State Bankof India и действующая на ее основе крупнейшая фондовая биржа страны в Мумбаи). Остальные 7 компаний представляют первичный (нефте- и газодобыча, а также добыча железных руд и коксующегося угля) и вторичный (чугуно- и сталелитейные предприятия, а также автомобилестроение).

Более того, лидер третичного сектора – мегарегион Юга во главе с центром Силиконовой долины Индии Бангалором – не имеет ни одной крупной компании. Это свидетельствует о достаточно низком уровне вовлеченности Индии в глобальное разделение трудапо крайней мере в третичном секторе хозяйства. Существующие компании достаточно невелики по размерам и уровню доходов, хотя большое их число позволяет Индии играть значительную роль в некоторых направлениях сферы услуг, таких, к примеру, как аутсорсинг (по предоставлению такого рода услуг Индия занимает второе место в мире после Филиппин).

Таким образом, формирующиеся глобальные города Индии пока еще лишь прокладывают себе путь через тернии, по аналогии с городами Китая. Несмотря на тот факт, что многими аналитиками перспектива становления китайских городов в качестве глобальных центров, способных составить конкуренцию Нью-Йорку, Токио и Лондону, признается в качестве весьма вероятной, сроки наступления этого события представляются достаточно отдаленными.

Действительно, в большинстве случаев существует достаточно значительный временной промежуток между началом гегемонии национальной экономики на мировой арене и лидерством ее глобальных центров (положение даже Шанхая здесь не сравнимо

с Нью-Йорком и будет таковым еще достаточно длительно время, хотя экономика Китая и стала первой в мире, обогнав американскую по ППС). Тем не менее, однажды став таковым центром, можно ожидать, что город останется им еще достаточно долго, когда уже национальная экономика перестанет быть мировым лидером. Перспективы Китая в этом отношении, несмотря на указанные нами противоречия, весьма радужные, в то время как лидерство глобальных городов Индии отложено на достаточно длительный срок (в качестве даты наступления этого события нам видится последняя четверть XXI века). В то же время, как представляется, это событие наступит все же с достаточно большой вероятностью (порядка 80%), поскольку каждые 4 из 5 прогнозов роста мировой экономики до 2100 г. предрекают вхождение Индии в последнюю треть XXI века ее лидером [10].

Литература

1. World Population Prospects: The 2012 Revision [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm
2. World Urbanization Prospects, the 2014 Revision [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://esa.un.org/unpd/wup/DataQuery/
3. Горохов С. А. Итоги переписи населения Индии: анализ социального развития страны в XXI в. / С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев // География в школе. 2013. – № 3. – С. 12-19.
4. Census of India Website [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://censusindia.gov.in/
5. Дмитриев Р. В. Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. / Р. В. Дмитриев – М.: МАКС Пресс, 2014. 156 с.
6. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. – М.: Классика-XXI, 2012. – 240 с.
7. The World According to GaWC 2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lboro.ac.uk/gawc/world2012t.html
8. PricewaterhouseCoopers UK Economic Outlook November 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://pwc.blogs.com/files/pwc-uk-economic-outlook-nov-09.pdf
9. CNNMoney. Global 500-2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fortune.com/global500/
10. McKay H. The world economy in 2100 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://asiapacific.anu.edu.au/researchschool/emerging_asia/papers/McKay_final.pdf

УДК 910.1

А. Г. Дружинин

A. Druzhinin

ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРЕНДЫ*

CENTER-PERIPHERY STRATIFICATION OF THE EURASIAN SPACE: POST-SOVIET TRENDS

Раскрыты основные тренды центро-периферийной стратификации евразийского пространства в постсоветский период: фрагментация евразийского пространства, формирование Мега-Евразии, переход от монополюсности к полицентрической системе, от иерархии центров к иерархии трансграничных урбанистических сетей и др.

It outlines the main trends of the center-periphery stratification of post-Soviet Eurasia: the transition from mono- to polycentric system, from the hierarchy of centers to the hierarchy of cross-border urban networks, the fragmentation of the Eurasian space, the formation of Mega-Eurasia and others.

Ключевые слова: территориальная организация общества, центро-периферийная стратификация, полизависимость, Евразия, Россия.

Key words: territorial organization of society, center-periphery stratification, polydependence, Eurasia, Russia.

***Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 15-07-00016 а «Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте и его проекция на социально-экономическое развитие регионов Юга России»**

В современном (всё более взаимозависимом и контрастном) мире центро-периферийная стратификация (идентифицированная и концептуализированная в трудах И. Валлерстайна, Ф. Броделя,

Дж. Фридмана, П. Кругмана и др.), устойчиво воспроизводясь, углубляется и усложняется, являя новые аспекты, уровни, детерминанты и тренды. Универсальность процесса корреспондирует с вариативностью (и множественностью) фактических моделей центро-периферийной организации, функционирующих и видоизменяющихся в сложной общественно-географической динамике конца XX – начала XXI вв. Один из базовых трендов, при этом, – рост влияния на территориальную организацию общества информационно-ментальных и в целом геокультурных факторов [1] – во всё возрастающей мере иллюстрируем интеграционно-дезинтеграционными процессами в «евразийском пространстве» или, иначе, **Евразии** (рассматриваемой, в данном случае, именно в общественно-географическом своём значении); этот геокультурный феномен весь постсоветский период трансформировался, зримо обретая новые геоэкономические и геополитические контуры (в том числе и в связи с созданием «Евразийского экономического союза»).

В существенной мере доминировавшая в «евразийском пространстве» генерируемая Советским Союзом центро-периферийная структура (в середине прошлого столетия охватывавшая до 63 % всей территории материка Евразия, а к моменту распада СССР – порядка 43 %) в 1990-е годы подверглась существенной *дезагрегации и трансформации*. На её фундаментах возникла **постсоветская евразийская реальность**, характеризуемая: фрагментацией страновых и региональных компонент ранее единой (и моноцентрической) системы; активным (хотя и асимметричным по интенсивности и хронологии) их включением в экзогенные геополитические и геоэкономические иерархии (формированием трансграничных систем); общей

периферизацией постсоветского пространства. Утверждающиеся новые политико-экономические реалии инициировали повсеместный рост центро-периферийных градиентов; параллельно наблюдался общий (соответствующий планетарному тренду) переход от линейно-узловой территориальной структуры (по терминологии И. Маергойза [2]) к более мобильной, сетевой, полицентричной структуре. Наряду с ареалом локализации русской культуры, «скрепами» постсоветской Евразии, оказавшейся объектом масштабного геостратегического «передела» («шахматной доской» по выражению З. Бжезинского [3]), стали не только ключевые объекты геоэкономической инфраструктуры (т. е. важнейшие центры добычи углеводородного сырья, трубопроводные системы, крупнейшие порты), но и иерархические сети страновых и региональных городов-метрополий (генераторов «радиальной зонно-волновой диффузии» [4]), которые обрели двуединую ипостась: центральных зон пространственно расширяющейся (всё более *полизависимой*) евразийской периферии [5] и, одновременно, «узлов» и «узелков» глобальной урбанистической структуры, оказавшихся, при этом, «центрами-иностранцами» (по А. И. Трейвишу [6]), очагами культурных псевдоморфоз. «Евразийское пространство» всё масштабнее подвергалось воздействию «мягкой силы» как евроатлантических государств, так и Турции (с 1992 года «продвигающей» геоконцепт «Турецкого Мира» – Türk Dünyası). В контексте ренессанса национальных культур и инициированной переходом к постсекулярному обществу реисламизации – значительная часть постсоветских территорий обретала качество зоны периферийной дисперсии Исламской Уммы.

В «нулевые» годы важнейшим фактором эволюции центро-периферийных систем евразийского пространства стала его геоэкономическая (в пользу Китая, отчасти Индии, Турции, ряда других держав), геодемографическая (с акцентом на «мусульманскую составляющую» Евразии) и геополитическая (продвижение структур НАТО и ЕС на восток) «перебалансировка». Сформировались новые территориальные иерархии (в том числе и трансграничные); проявилась их более чёткая сфокусированность на тех или иных «центрах силы». Сама же Евразия, в данном контексте, в своём двуедином общественно-географическом «облике» (массива территории, «насыщенной» пространственными социально-экономико-культурными системами, процессами и потоками и, одновременно, ментального конструкта) обретала многомерность, многополюсность, всё более являя собой множественность нестатичных и фактически взаимопересекающихся «евразийских пространств», расширяя географические границы, трансформируясь в **Мега-Евразию** [7]. Будучи продуцентом интернационализации евразийского дискурса, феномен этот ныне проявляет себя как совместное геоисторическое наследие евразийских государств, как территориально очерченное былое, современное и, даже, перспективное взаимопересечение их геоэкономических и геополитических интересов, равно как и выстраиваемых ими форматов межстрановой интеграции (Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический союз, СНГ, ШОС, ОДКБ, ГУАМ, СДВ, и др.). Современная Мега-Евразия уже «де факто» бицентрична (как минимум) даже в своей «сердцевинной» части (традиционно доминировавший московский «сгусток» социально-экономической активности в последние годы уверенно «догоняет»

Стамбульская агломерация [8]); на приоритетные позиции в обновлённом «евразийском пространстве» всё больше выходят структуры трансграничные, «контактные», характеризуемые, в том числе, активной этнодемографической и этнокультурной динамикой, локализованные в исторически уже сложившихся и новых (инициированных геостратегическими изменениями) транзитных коридорах и урбанистических ареалах (генераторах и ретрансляторах геокультурных инноваций).

Ставшая, фактически, не только сырьевой периферией Запада, но и значимым (во многом благодаря благоприятной рыночной конъюнктуре предшествующего десятилетия) фокусом генерирования, аккумулирования и перераспределения природно-ресурсной ренты, со второй половины «нулевых» годов Россия также демонстрирует способность к выстраиванию собственной (практически, трансевразийской) геоэкономической конструкции. В этой связи усиливается (частично восстанавливается) российское экономическое и культурное присутствие в некоторых государствах Средней Азии, Закавказья. С 2010 года (с момента действия Таможенного союза) возросла степень сопряжённости российской, казахстанской и белорусской экономик. Качество тренда обрело и углубляющееся геостратегическое взаимодействие Российской Федерации с Турецкой Республикой [9]. Укрепились геоэкономические позиции Росси в странах Балтии, Финляндии, Польше, Молдове; симптоматично, что на этом фоне весь постсоветский период деградировали экономические отношения с Украиной. Если в 1996 г. в структуре внешней торговли Украины на страны СНГ приходилось 57,5 %, то в 2000 – 43,8, 2005 – 39,1, 2010 – 40,5 и 2013 г. – лишь 35,6 %.

Меняющийся с зимы-весны 2014 г. (рельефно, зримо) геополитический контекст явил *рост геополитической субъектности* России, ознаменовал новый «виток» переформатирования евразийского пространства, ***фактическое завершение постсоветского периода евразийской геоистории*** и выход на авансцену в ещё большей мере (чем ранее) транзитивной, поливариантной по своей перспективе, геополитически и геоэкономически фрагментированной, полицентрической и полизависимой **неоевразийской реальности**. Последняя проявляет себя, разумеется, лишь общими контурами, трендами; тем не менее, уже сейчас можно полагать, что для архитектоники взаимодействия её полимасштабных центров в ещё большей (чем ранее) мере будет более существенно географическое соседство (в том числе и «многососедство»), реализуемое на основе геоэкономической сопряжённости и этнокультурной комплиментарности; в этой связи следует ожидать роста влияния «китайского фактора» в социально-экономической динамике регионов Восточной Сибири и Тихоокеанской России, «турецкого» и «иранского» – на Юге России и в государствах Закавказья (в том числе и в формате выстраивания трансграничных евразийских метарегионов). На этом фоне одни экзогенные (по отношению к собственно Евразии) центры всё ощутимее станут обретать свойства узлов её внутренней территориальной структуры; влияние иных – постепенно начнёт сокращаться.

Следует также полагать, что в неоевразийской реальности динамика центро-периферийных систем будет всё в более существенной мере корреспондировать с эволюцией культурно-сакрального пространства; на авансцене евразийских геокультурных

и геополитических процессов, при этом, окажутся многоаспектные формы и ситуации соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама, а также русско-тюркского межэтнического взаимодействия.

Территориальные социально-экономические пропорции в рамках «евразийского пространства» неизбежно испытают на себе одновременное влияние пролонгированного «сдвига на север» (инвестициями энергосырьевых компаний, потоком мигрантов, в том числе и по экологическим причинам) и углубляющегося притяжения населения, хозяйства и инфраструктуры к морским (в первую очередь южным) побережьям. Формирование «евразийской идентичности» (в том числе как реакции на геополитическую, геоэкономическую и геокультурную экспансию «с Запада» и «с Востока») в этой ситуации будет сопровождаться «расползанием» её географических «рамок». На этом фоне следует ожидать расширения «присутствия» концепта «Евразия» в общественном (в том числе и научном) дискурсе,

Литература

1. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого // Южный федеральный университет. – Издательство Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2014. – 536 с.

2. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. // И. М. Маергойз – Новосибирск: Наука, 1986. – 303 с.

3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). / З. Бжезинский – М.: Международные отношения, 1998

4. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. / Б. Б. Родоман – Смоленск: Ойкумена, 1999.

5. Дружинин А. Г. Полизависимость в центро-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. / А. Г. Дружинин // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. – № 3. – С. 29-40

6. Трейвиш А. И. Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции / А. И. Трейвиш // Известия Академии Наук. Сер. геогр. - 2000. № 3. - С. 9-22

7. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа / А. Г. Дружинин // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. – № 2. – С. 25-36

8. Дружинин А. Г. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте / А. Г. Дружинин // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014, – № 2 (9). – С. 3-14

9. Дружинин А. Г. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы / А. Г. Дружинин, А. Ибрагимов, А. Башекан // Известия Русского географического общества. 2013. – Т. 145. – Вып. 5. – С. 78-87.

УДК 332.12: 332.14

Н. Н. Евченко, Е. А. Андрианова-Ушакова

N. Yevchenko, E. Andrisnova-Ushakova

МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСПРОПОРЦИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: КЕЙС ЮЖНОЙ КОРЕИ

ACTION OF REGIONAL DEVELOPMENT ADDRESS DISPARITIES IN REGIONAL POLICY: CASE SOUTH KOREA

Исследована политика преодоления межрегиональных диспропорций на примере Южной Кореи. Показана общность проблемных зон и предложена методика использования опыта Южной Кореи для России.

Policy of overcoming regional disparities on the example of South Korea has been studied. The generality of problem areas has been demonstrated, a method of using the experience of South Korea to Russia was proposed.

Ключевые слова: региональная политика, тренды, межрегиональная дифференциация.

Keywords: regional policy, trends, interregional differentiation.

Региональная политика Южной Кореи находится в фокусе внимания руководителей, учёных и политиков, признающих дисбаланс территориального развития между городской и сельской местностью, столичным районом и провинцией.

В состав Республики Корея входят: город особого статуса – Сеул, 6 городов непосредственного (прямого) подчинения или «городов-метрополий» со статусом, приравненным к провинциям (Пусан, Тэгу, Инчон, Кванджу, Тэджон, Ульсан), 8 провинций, одна особая автономная провинция – Чеджудо.

В начале 60-х годов прошлого века Южная Корея прошла качественный скачок в экономике, когда её преимущественно сельскохозяйственный уклад превратился в промышленный. В результате деловая активность переместилась в Сеул и его области. Приоритетность повышения эффективности экономики привела к тому, что правительством Кореи не уделялось внимания задаче минимизации неравномерности территориального развития, причем, в 70-80-х годах экономический рост и без особых управленческих усилий распространился на другие провинции, особенно – на густо населённую южную часть страны.

Выделяются две главные проблемы региональной политики: низкая степень децентрализации власти и крайне высокая концентрация деловой и политической активности в столице. Сеул является одновременно единым центром и *политики* (в столице расположены около 350 государственных учреждений из чуть более 400), и *экономики*, и *образования* (престижные университеты, включая тройку лидеров), и *транспорта* (воздушный, железнодорожный, включая скоростную линию, речной) и *культуры*. Занимая 11,8% площади Кореи, Сеул концентрирует около 21%

населения страны (а весь столичный регион – 48,7%), 57% производственных мощностей, 70% числа студентов, две трети объема финансовых операций. Хотя около 30% административно-территориальных единиц признаны отсталыми, на *столичную зону* приходится 47,7% созданного ВВП (Сеул производит 21%) и 90% головных офисов ТНК и крупных компаний [1].

Необходимость устранения межрегиональных диспропорций Южной Кореи идентифицирована в 90-е годы, однако не было предпринято практически никаких управленческих мер, кроме попыток поддержки малого и среднего бизнеса в нестоличных провинциях, ограничения расширения территории и притока жителей в Сеул и окраины. Закон о сбалансированном региональном развитии (1995) ввел автономные выборы местных властей. Власти Южной Корее к 2011 г. разработали и представили программы развития всех регионов государства.

История региональной политики в Корее включает три этапа. *Первая фаза* – 1998-2003 гг. – обусловлена ключевыми факторами:

- финансовый кризис 1997 г. ускорил поиск ресурсов развития, и правительство сделало ставку на инновации в отсталых регионах;
- приоритетным направлением стала промышленность, основанная на знаниях, призванная увеличить динамику производства в провинциях;
- процесс демократизации государства требовал передачи больших полномочий местным властям.

В качестве *инструмента выравнивания* диспропорций (межпровинциальных, между регионами и столичным округом) с 1999 г. была избрана промышленная политика пилотных проектов

по оказанию поддержки местной промышленности в крупнейших городах: Тэгу (текстильная промышленность), Пусане (производство обуви), Кванджу (оптоэлектроника), в провинции Кёнсаннамдо (машиностроение).

Выработанные именно в тот период принципы сбалансированного, самоподдерживающегося развития регионов были заложены в основу индустриальной программы Кореи (2003), когда избранный президент Но Мухён начал *второй этап региональной политики как проекта «сбалансированного национального развития».* Новая индустриальная политика Республики Корея включила не только формирование базы прогрессивных структурных сдвигов в экономике страны, но и устранение пробелов индустриализации: территориальной дезинтеграции государственного промышленного комплекса на фоне однополюсного размещения производительных сил в Сеуле и прилегающей зоне.

Проект 1999 г. точечной отраслевой диверсификации охватил все провинции и крупные города особого подчинения и получил название «4+9» (по количеству участвующих территорий), став несущей конструкцией промышленной политики страны XXI в.

Одной из важнейших его задач выступило расширение инновационного потенциала регионов: был учрежден Совет по региональным инновациям, состоявший из представителей предприятий, ВУЗов и НИИ провинций; на местах проводились ярмарки инноваций, способствующие взаимообмену и распространению передовых знаний и идей, в целях создания кадровой базы промышленности поставлена задача укрепления конкурентоспособности локальных учебных заведений; увеличена бюджетная финансовая поддержка региональных НИОКР местных

проектов, формировались информационные базы, в нестоличные районы привлекались высококлассные специалисты.

В 2004 г. сформирован *Особый бюджет для регионального развития*, предполагавший увеличение трансферов в провинции, поддержку национальных программ в отсталых регионах, средства которого выросли с 5327 вон (5327 млн долл.) – 2,5% госбюджета, в 2009 г. до 9853 млрд вон (9853 млн долл.) – 3,1% госбюджета (2011) [2]. Приоритет был отдан технопаркам: в настоящее время в Корее функционируют 18 технопарков в машиностроении, химической и металлургической промышленности, производстве медицинского оборудования, телекоммуникациях, текстильной промышленности, биотехнологиях и др.

В целях минимизации административных функций Сеула в 2006 г. начато строительство города Седжонг, в котором с 2011 г. действуют 36 государственных учреждений, проживают более 11 тыс. гражданских служащих, а к 2030 г. планируется увеличить число жителей до 500 тыс. Субъектам перемещаемых секторов оказывается финансовая поддержка (льготы по услугам ЖКХ, здравоохранения, отдыха и рекреации), техническое содействие. Идет и процесс формирования транспортной системы доступа ко второй столице Кореи из любой точки страны в течение не более двух часов.

Реализована программа переориентации внутреннего турпотока на отсталые регионы страны, организация отдыха горожан в сельской местности. Программа связана с переходом Южной Кореи на пятидневную рабочую неделю (2004), включает продвижение турпродуктов субкультуры районов: «деревня экоферм» в Янгпёне, ежегодный фестиваль бабочек в Хампёнге, закрепление за городом Пусан имиджа «центра кинематографа».

Третий этап региональной политики (2008) связан с приходом президента И Мёнбака, который ориентировался на экологические и социальные проблемы. Семь южнокорейских экономических регионов получили промышленную программу: в столичном регионе финансы и высокие технологии; в Канвоне – медицинская промышленность и медицинский туризм, в Чунчоне – информационные и биотехнологии [3].

В каждой провинции на площади в 16250 $м^2$ создаются компактные мини-города инновационного типа с населением не более 20,0 тыс. чел. – ультрасовременные агломерации, где жизнедеятельность основана на укладе общности знаний, передовых цифровых технологиях и поддержании биоэкологического баланса.

В инфраструктурном направлении ведётся строительство сети автодорог, соединяющей все регионы страны в целях развития международной логистической деятельности.

За последние несколько лет увеличились показатели внешней торговли нестоличных регионов страны, в провинциях находит практическое применение научно-техническая сфера, улучшается инфраструктура страны, что приблизило уровень жизни в провинциях к столичному уровню жизни.

Анализ достаточно успешного опыта разработки и реализации положений региональной политики Республики Корея, форм и методов преодоления региональных дисбалансов позволяет рекомендовать использование стратегии для российской практики, включая: ориентацию на инновационную модель развития с поддержкой научных исследований; учреждение и развитие научных комплексов в регионах на базе их университетов; специализацию регионов в приоритетных отраслях на основе потенциала и ресурсов; развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения эффективного доступа в

отдалённые регионы; создание свободных экономических зон на проблемных территориях; перемещение экономически активного населения в отдалённые регионы с помощью системы льгот, а также повышение туристической привлекательности отдельных регионов.

Литература

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kdi.re.kr/data/download/attach/8476cu8469-4-1.pdf. p.10.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.oecd.org/dev/development-philanthropy/50560264.pdf. p.20.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.oecd.org/dev/development-philanthropy/50560264.pdf. p.25

УДК911.9.327

З. Живанович, Д. Гатарич

Z. Zivanović, D. Gatarić

МАСШТАБЫ НЕРАВНОМЕРНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СЕРБИИ

PROPORTIONS OF UNBALANCED REGIONAL DEVELOPMENT OF SERBIA

Акцентировано, что одной из основных характеристик регионального развития Сербии является его неравномерность. Выявлены масштабы неравномерности в региональном развитии страны путем презентации каждой области в соответствии с величиной различных показателей-индикаторов: плотность населения, занятость, безработица, структура занятости населения и уровень средней заработной платы. Индицируя роль отдельных регионов в Сербии, представленные показатели иллюстрируют неравномерность в уровне общественно-экономического развития

территорий и их функциональные различия анализируемых регионов к определенным секторам хозяйственной деятельности.

Unbalanced regional development is one of the basic characteristics of the regional development of Serbia. The aim of the paper is to highlight the proportions of unbalanced regional development of our country by positioning regions in accordance with the values of the indicators included in the survey: population density, (un) employment (the number of employed people per 1000 inhabitants), activity structure and the height of average income per employee. The indicators presented in the paper point to the role of certain regions in the current regional reality of Serbia and illustrate regional disparities more comprehensively in terms of the achieved level of socio-economic development as well as the orientation of the analyzed regions to particular sectors of the economy.

Ключевые слова: несбалансированное, сбалансированное региональное развитие, Сербия, плотность населения, уровень безработицы, занятости, средней заработной платы одного работника, структура занятости.

Keywords: unbalanced regional development, Serbia, population density, (un) employment, average wage per employee, activity structure.

Разница в развитии между территориями на всех иерерхических уровнях (от локального до регионального и национального) – одна из смых серьезных проблем современного общества. В науке и среди специалистов стало общепризнанным мнение, что равномерное территориальное развитие является предусловием качественного функционировани государства, то есть уменьшение различий в региональном развитии представляет собой необходимый путь к достижению более высокого уровня общего развития государства [1].

Неравномерное региональное развитие является одной из основных характерных черт современной Сербии. Благодаря тому факту, что в стране не осуществляется адекватная политика регионального развития, в Белграде наблюдается постоянный рост концентрации населения и последовательная агломерация

экономической деятельности (то есть, всех типов капитала); это привело к появлению неуравновешенного регионального развития и формированию асимметричной национальной городской системы. Также на территории Сербии сформировались оси развития: первого уровня (дунавско-савская и моравская) и второго уровня (западно-моравская, ибарская, тимокская, дринская и др.)[2].

Размеры неравномерности в региональном развитии Сербии.

Размеры неравномерности, то есть степень дифференциации отдельных регионов по особенностям их развития, определяются при помощи анализа следующих индикаторов, на областном уровне: плотность населения, уровень безработицы (количество занятых и безработных на 1000 жителей), структура хозяйства и средняя заработная плата.

Плотность населения. Средняя плотность населения Сербии составляет 82 человека на 1 км^2. Плотность, большую средней (кроме Белградской области) демонстрируют только 8 областей: Южнобачкая, Севернобачкая, Сремская, Мачванская, Расинская, Шумадийская, Нишавская и Подунавская области.

Территориальную и демографическую ассиметрию Сербии в 2011 г. иллюстрирует интенсивность концентрации населения на территории Белградской области, где сосредоточено 23,1% населения Республики.

Занятость. Как по демографическим, так и по социальным, инфраструктурным, экономическим и всем остальным показателям, Белгрдская область явно доминирует на территории Сербии. В соответствии с этим, наибольшее количество занятых на 1000 жителей засвидетельствован на той территории, где отмечается и самый низкийуровень безработицы. По количественным показателям рассматриваемых индикаторов далее,

после Белградской, следуют области области Воеводины (Южнобачкая и Севернобачкая), в которых наблюдается уровень занятости населения выше среднего (средний уровень в Сербии составляет 241). В остальных 22 областях наблюдается меньшее количество занятых по отношению к среднему показателю по Республике.

В условиях экономической изоляции, последствием которой стала огромная инфляция, изменение и ухудшение структуры импорта и экспорта, как и уменьшение объема общей экономической активности; за период изоляции значительно повысилось количество безработных, как в развитых, так в неблагополучных в социально-экономическом отношении областях. Территории с наибольшим количеством безработных являются, условно говоря, «опустошенными» с точки зрения индустрии: Яблаличка (172), Топличка (168) и Рашка (164).

Наименьшее количество занятых выявлено в Браничевской (53) и Белградской (59) области. Меньшие показатели (по сравнению со средним уровнем в Республике) имеют еще 7 областей: Севернобанатская, Севернобачкая, Сремская, Колубарская, Моравичкая, Подунавская и Борская.

Структура хозяйства. Анализ значений показателя, который относится к доле активнго населения, занимающегося различными видами хозяйственно деятельности, показует, что в 19 областях Сербии доминантную позицию занимает третичный сектор экономики. Среднее участие занятых в данном секторе составляет 53%. Самая выраженная доминация третичного сектора отмечается в Белградской (83%), Южнобачкой (71%) и Нишавской (71%) областях, в которых расположены и самые крупные и развитые центры национальной территории: Белград, Нови Сад и Ниш.

Колубарская область является единственной, в которой доминирует не третичный сектор экономики, а первичный (40%). По отношению к вторичному сектору экономики, первичный является более развитым еще в 5 областях: Златиборской, Мачванской, Браничевской, Заечарской и Яблаичкой.

Средняя заработная плата. Анализируя среднюю заработную плату, можно прийти к выводу, что большие значения (больше среднего показателя по Республике – 37976 RSD) наблюдаются только в 4 областях: Белградской, Южнобанатской, Южнобачкой и Борской, в то время как самую маленькую среднюю заработную плату имеют Пчиньская и Топличкая области.

Таблица 1

Основные показатели развитости областей Сербии в 2011 г.

	Название области	Плотность населения на km²	Число занятых на 1000 жителей	Число безработных на 1000 жителей	Доля занятых в первичном секторе	Доля занятых во вторичном секторе	Доля занятых в третичном секторе	Сред. зараб. плата RSD
1.	Белградская область (Город Белград)	514	350	59	1,82	15,14	83,04	46986
2.	Западнобачкая область	79	202	112	18,34	23,02	58,64	33448
3.	Южнобанатская область	70	194	114	15,42	23,10	61,48	39588
4.	Южнобачкая область	152	309	113	8,17	20,53	71,30	40664
5.	Севернобанатская область	65	213	98	20,62	29,60	49,77	33062
6.	Севернобачкаяобласть	106	253	87	13,98	23,45	62,58	33918
7.	Средноубанатскаяобласть	58	201	103	18,59	27,15	54,26	34717
8.	Сремскаобласт	92	182	88	16,63	24,5	58,86	32029
9.	Златиборска область	47	202	112	26,71	23,48	49,81	32399
10	Колубарска област	72	222	77	40,06	21,25	38,69	32929
11	Мачванская область	93	173	114	31,55	17,70	50,74	32608
12	Моравичкая область	70	216	93	23,12	28,75	48,13	32417
13	Поморавская область	81	220	134	18,82	25,09	56,09	31185
14	Расинская область	90	180	114	26,35	26,41	47,25	30083
15	Рашкая область	77	187	164	13,80	21,05	65,15	30774
16	Шумадийская область	121	210	122	14,48	26,91	58,61	34411
17	Борская область	37	211	98	20,13	28,90	50,97	38992
18	Браничевская область	48	195	53	26,84	19,58	53,58	37241
19	Заечарская область	34	185	119	35,15	18,92	45,93	30595
20	Яблаичкая область	80	156	172	32,72	15,96	51,32	28314
21	Нишавская область	136	202	140	7,78	21,14	71,07	32310
22	Пиротская область	34	220	141	10,01	35,11	54,88	32280
23	Подунавская область	164	197	74	14,95	28,32	56,73	36766
24	Пчиньская область	64	160	121	13,65	30,85	55,50	29914
25	Топличкая область	41	151	168	12,94	25,80	61,26	26999

Составлено автором по:[3];[4]

Результаты анализа выбранных параметров отчетливо демонстрируют неравномерность регионального развития Сербии. Вопрос гипотетического характера, который возникает на почве данной констатации: каким образом можно разработать стратегию более равномерного регионального развития Сербии, способную обеспечить как условия для уменьшения и устранение неравномерности в развитии регионов, так и условия для ускорения регионального развития в целом?

С целью достижения большей конкурентоспособности Сербии, разработана концепция развития, которая в своей основе имеет постепенный уход от существующего положения дел, которое может быть определено как дихотомия центр-периферия. Между тем, несмотря на то, что в Региональном плане Республики Сербии принятие полицентричной системы развития как предусловия смягчения неравномерности регионального развития было объявлено стратегическим направлением[5], ожидаемые результаты не были достигнуты. В контексте вышесказанного, представляется необходимым, чтобы за декларативными заявлениями о попытках децентрализации Сербии следовали конкретные меры, которые бы определяли дальнейший ход развития государства.

Литература

1. Живанович, З. (2012).Улогаградовасредње величине у равномерном регионалном развоју Централне Србије.Београд: Географски факултет, докторска дисертација.

2. Милетић, Р. (2006). Одабрана обележја неравномерног регионалног развоја у Србији. Гласник српског географског друштва, (1), 177-190.

3. Републички завод за статистику:Попис становништва 2011. године, Београд.

4. Републички завод за статистику:Општине у Србији 2012. године, Београд.
5. Просторни план Републике Србије 2010-2014-2021. нацрт, Министарство животне средине и просторног планирања, Републичка агенција за просторно планирање. Београд.

УДК 911

М. Живкович, Д. Папич, С. Гнято

M. Zivković, D. Papić, S. Gnjato

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ»

SOUTH-EAST EUROPE IN THE CONTEXT OF CENTER-PERIPHERY RELATIONSHIP

Рассмотрены геополитические, геоэкономические и геокультурные факторы развития Юго-Восточной Европы. Акцентированы существенные, порождённые системой отношений «центр-периферия» проблемы данного региона.

The paper attempts to define the generative development factors from geopolitical, geoeconomic, and geocultural aspects within the context of global determinants of the overall South-East Europe development and indicates the essential development issues resulting from the „center-periphery" relationship.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, центр-периферия, Балканы, Евросоюз, геополитика, геоэкономика, геокультура, глобализация, эволюционные процессы.

Keywords: South-East Europe, center-periphery, the Balkans, European Union, geopolitics, geoeconomics, geoculture, globalization, development processes.

Современные эволюционные процессы (глобализация рынка, нарастание конкуренции, увеличение мобильности и капитала и пр.) разнонаправленно влияют на «новый регионализм», увеличивая проявления асимметрии в развитии от глобального до локального

уровней. Эти процессы приводят к крупным изменениям структуры и функций пространственных (региональных) систем, продуцируют специфику их трендов и проблем, способствуя поляризации.

Опираясь на теорию поляризованного развития, многие страны стараются разрешить проблемы неравномерности в территориальной социально-экономической динамике. У этой теории множество концепций, включая и «центр-периферию», рассматриваемую в качестве наиболее рациональной в разрешении исследуемой проблематики.

Асимметрия в эволюционных процессах и в порождаемых ими проблемах имеет место на всех уровнях пространственной организации Европы (региональном, национальном, в целом на уровне Европейского союза). Различная интенсивность эволюционных процессов проявилась в форме пространственной дифференциации социально-экономического развития. В отличие от развитого центра («европейский пентагон») географическое пространство Юго-Восточной Европы, в итоге, по ряду параметров может быть квалифицировано как часть европейской периферии (рисунок). Асимметричное пространственное развитие никак не согласуется с обнародованными целями устойчивого развития**.** Политика Евросоюза иллюстрирует конституирование экономических, социальных и территориальных моделей, базирующихся на основных началах концепции «центр-периферия».

Основные предположения концепции «центр-периферия». Теоретический фундамент центро-периферийной модели предложил Фридман [10]; со временем концепцию «центр-периферия» усовершенствовали его современники. Одновременно

концепт нашел свое применение в многочисленных исследованиях и стратегиях развития (от локального до глобального уровня).

Теория отношений «центр-периферия» основана на предположениях, что каждый фазис экономического развития сопровождают определенные пространственные формы, и, таким образом, пространственное (региональное) развитие непосредственно соотносится с пространственным устройством. На основании данной концепции ведутся исследования поляризованного развития, основывающиеся на факте, что «центр» (в противоположность «периферии») представляет собой место концентрации позитивных эволюционных процессов, что, в свою очередь, способствует дальнейшей поляризации пространственного развития.

Аналогично теории «центр-периферия», имеет место и «теория мировой системы» [1] социолога Иммануэла Валерштайна. На основании упомянутой теории, социально-территориальная реальность подразделяется на: общества «мирового центра» или «ядро» (высокоразвитые страны), полупериферию (среднеразвитые страны) и периферию (слаборазвитые и неразвитые страны). Известно, что эволюционные процессы стран центра непосредственно или опосредованно политическими, экономическими и культурными отношениями влияют на обстановку в обществах периферии и полупериферии.

Юго-Восточная Европа в контексте отношений центр-периферия. Термин Юго-Восточная Европа (как географическое название) становится актуальным в конце XX и в начале XXI вв. в связи с усилением регионализма на глобальном и европейском

уровнях. «Это понятие пришло на смену термина «Балканы», обладающего негативными историческими ассоциациями» [6, с. 534]. Терминологическая непоследовательность употребления понятий Балканы и Юго-Восточная Европа говорит о недостаточной определённости этих географических названий, а также о постоянном кризисе региональной идентичности. В современном понимании «Балканы имеют большее культурологическое..., а Юго-Восточная Европа – геополитическое значение» [2, с. 813], хотя сегодня в географии понятия эти чаще всего используются как синонимы.

К пространственной идентификации Юго-Восточной Европы существует несколько подходов. Учитывая большее число значимых параметров (географических, исторических, культурологических, геополитических...), пространство Юго-Восточной Европы можно ограничить государственной территорией Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, БЮР Македонии, Албании, Черногории, Боснии и Герцеговины и Хорватии [6, с. 534]. В этих границах Юго-Восточная Европа имеет площадь 745647 км^2 с около 60 миллионами жителей (2011год) и со средней плотностью населения 80 чел/км^2. Сопряжённость различных факторов определяет неоднозначную роль и значение Балкан в историческом прошлом: от ареала развития и интеграции (центр) до территории с проявлениями депрессивных и деструктивных процессов (периферия).

Юго-Восточная Европа (как сложное в географическом отношении пространство) отличается многими специфическими чертами, сформировавшимися под воздействием многоаспектных факторов развития: окружающей среды, исторических процессов,

политики, военного противостояния, трансформации системы, влияния регионального окружения, глобальных процессов и пр. Регион (в основном) характеризуется рядом общих проблем различного характера, препятствующих реализации единых (метарегиональных) интересов, ситуацией, когда «региональная самобытность опирается не на общие характеристики и общее наследие, а на общие проблемы» [5, с. 75-84]. Территории Юго-Восточной Европы, точнее Балкан, неизменно оставались символом региональной самобытности. В современных процессах евроинтеграции Балканы (воспринимаемые как европейская периферия), все больше испытывают на себе действие евроунификации (рисунок).

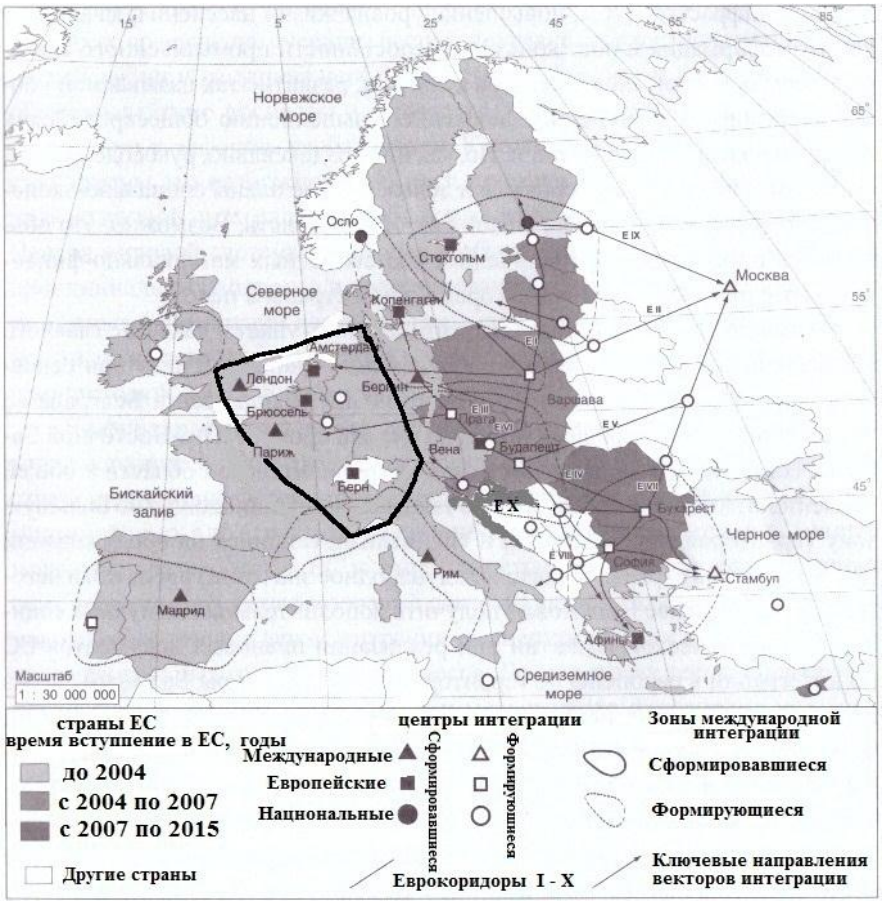


Рис.1. Концепция ЕС-изации Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы [4;7;10]

В контексте современных глобальных отношений и регионализации актуализируется вопрос: руководствуется ли политика регионального развития Евросоюза к своей же европейской периферии «рациональными и гуманными потребностями и целями интегративного развития» или же (в большей или меньшей степени) «выраженными претензиями на политическое, экономическое, культурное и военно-стратегическое доминирование» [8, с. 69-70].

На современные эволюционные процессы и совокупное развитие Юго-Восточной Европы «влияет ряд внутренних факторов, а также внешние геополитические, геоэкономические и геокультурные детерминанты общеевропейского и глобального характера» [6, с. 535], продуцируемые отношениями «центр-периферия».

Геополитическое положение Юго-Восточной Европы определяется интересами (более или менее чётко выраженными) конкретных мощных центров (США, ЕС, РФ, Турция) при одновременном отсутствии собственного регионального геополитического интереса. Геополитическое положение региона (как области «взаимопересечения» интересов мощных сил) может быть охарактеризовано актуальной геополитической «Римланд-Хартланд». Фактически, речь идет о геополитической периферии, предопределяющей целый ряд деструктивных процессов. Последние проявляются в форме политико-территориальной раздробленности и нестабильности системы (политической, институциональной, законодательной), межгосударственной и этнической нетерпимости, территориальном несовпадении государств и наций, кризисом идентичности (региональная, национальная,

этническая, культурологическая); всему этому сопутствуют противостояния, конфликты, взаимные территориальные претензии, стремление к автономии, сепаратизм и пр.; все это, кроме того, вступает в противоречие с глобальными интеграционными процессами. Охарактеризованная ситуация обозначается в западном мире как «балканизация».

Многократно проявляющиеся интересы западных «центров силы» и отдельные региональные устремления, в основном, противостоят, противоречат друг другу, что дополнительно усложняет перечисленные проблемы [6, с. 536]. Геополитическая периферийность региона стимулирует деструктивные процессы различного характера и интенсивности.

Геоэкономические процессы развития в Юго-Восточной Европе являются следствием ее положения по отношению к глобальным полюсам развития, в первую очередь, к развитому ядру Евросоюза («европейский пентагон»). Новые трансформационные процессы продуцировали ряд общих (региональных) проблем: деиндустриализацию, низкую производительность труда, недостаточную степень экономических изменений и, в целом, экономическую и технологическую отсталость. Узкие (в основном национальные) рынки не могут конкурировать с интегрированными системами транснациональных компаний, крупным капиталом, экономическим союзом и пр. Итогом ситуации является как глубокий социально-экономический кризис, сопровождаемый миграцией работоспособных и образованных молодых людей (чем ослабляется социальная энергия региона). Одновременно, Юго-Восточная Европа дестабилизируется и в геоэкономическом

смысле, обретая черты проблемной (периферийной) области Европы.

Многочисленные региональные устремления к евроунификации Юго-Восточной Европы не дали ожидаемых результатов. Кстати, евроунификацию (или включение в евразийскую интеграцию) важно воспринимать не как основную цель, а именно как средство позитивного разрешения экономических, социальных и других накопившихся в регионе проблем.

Геокультурное позиционирование Юго-Восточной Европы на стыке различных миров (европейской и азиатских цивилизаций), точнее, балканские географические «особенности интеграции и взаимонаслоения» повлияли, напрямую, на специфические этнопсихологические, национальные и культурные особенности региона, являющего собой колыбель европейской цивилизации. В историческом прошлом, в культурных процессах, он имел переменчивое значение: от региона трансмиссии и центра культурной диффузии до региона с выраженными периферийными характеристиками. С позиций историко-географического подхода, речь идет о цивилизационной границе, точнее, периферии миров, образованной своеобразным цивилизационным синтезом.

Несмотря на общие культурологические основы, регион отличается своими несхожими антропологическими, этническими и религиозными составляющими, где феномен Фрейда «паранойя малых разниц» [2, С. 830] обретает полное выражение. Для региона характерны взаимосочетание традиционного и новационного, неразвитость гражданского общества, разрушенная система ценностей. Понятие «балканизма», возникшее на Западе, как

индикатор «европейской периферии», благоприятствует упомянутым фактам.

Культура современного мира ориентирована на восприятие универсальных ценностей и, соответственно, определенных норм поведения и действия, предполагая лучшее взаимопонимание и рациональность поступков (в противовес нетолерантности и конфликтам). Попытки навязывания «культурной матрицы» центра-периферии – лишь усложняют существующие проблемы.

Географическое пространство Юго-Восточной Европы в большей или меньшей мере обладает характеристиками периферии. Помимо этого, Юго-Восточная Европа предстаёт одним из потенциальных секторов периферийной поляризации (рисунок). Европейское ядро развития представляет единственную зону глобальной интеграции в Европе с западной ориентацией. В противовес этому, в проекции децентрализации Европы, европейское ядро развития должно быть переориентировано на восток [3, с. 187]. Изменение сложившегося положения дел предполагает: идентификацию проблем, имеющих общий (региональный) интерес, развитие культуры региональной самобытности, выстраивание партнерских отношений с центрами влияния и интеграции по горизонтали и вертикали [6, с. 539]. Речь, таким образом, идет о сложных вероятностных эволюционных процессах, зависящих одновременно от многих внутренних и внешних факторов различного характера.

Периферийное геополитическое, геоэкономическое и геокультурное позиционирование Юго-Восточной Европы усугубляет ряд проблем регионального развития, предопределяя: столкновение интересов «центров силы», политическую и

социально-экономическую нестабильность, дезинтеграционные и деструктивные процессы, экономическую и технологическую отсталость, архаику и пр. Формирование новых скоординированных ориентиров политики развития, способных обеспечить необходимый интеграционный эффект (презентацию Юго-Восточной Европы как единого регионального социоэкономического, культурного и, наконец, политического проекта), является основной предпосылкой для устойчивого развития и трансформации периферии в «полюс развития».

Литература

1. Wallerstein I. The Modern World Sistem. New York: Academic Press. 1996.
2. Грчић М. Географија култура и цивилизација. Београд./ М. Грчић // Универзитет у Београду, Географски факултет. 2014.
3. Грчић М., Слука А. Н. Глобални градови. Београд. Универзитет у Београду, Географски факултет. 2006.
4. Грчич М., Тошич Д. Проблемы интеграции городских сетей Сербии и юго-восточной Европы. Глобальныій город: Теория и реальность. / М. Грчич, Д. Тошич – Москва: Некоммерческое партнерство „Города без границ“. 2007.
5. Dutu A. National and regional identity in Southeast Europe. str 75-84 u Balkans. A Mirror of the New International Order, ed. Ozdogan, Saybaslili, Istanbul, EREN, 1995.
6. Живковић М. Савремене детерминанте географског положаја Југоисточне Европе као фактор развоја. Зборник радова, Трећи конгрес српских географа с међународним учешћем. Бања Лука. Географско друштво Републике Српске и Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци. 2011.
7. Mehlbye P. Global integration Zones – Neighbouring Metropolitan Regions in Metropolitan Clusters // Informationenzur Raumentwicklung, 2000. H. – C. 11-12.
8. Радовановић М. Регионализам као приступ и принцип и регионализација као поступак у функционалној организацији географског простора са неким аспектима примене на Србију, Зборник радова, Географски институт „Јован Цвијић“, САНУ, бр. 44-45, Београд. 1993/94.
9. Hamilton F., Dimitrovska A., Pichler-Milanović N. Transformation of Cities in Centraland Eastern Europe: Towards Globalization. U.N. Tokio, 2005.
10. Friedmann J. Regional Development Policy – A Case Study of Venezuela, Cambridge: M.i.T. Presse. 1996.

УДК 911.37

Д. В. Житин
D. Zhitin

ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В КРУПНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

SPATIAL LEARNING EXPERIENCE SOCIAL INEQUALITY IN THE LARGEST CITIES OF RUSSIA (FOR EXAMPLE, ST. PETERSBURG)

За последние десятилетия социальная структура российского общества претерпела значительные изменения. Увеличившееся различие в уровне доходов населения, вместе с существовавшей еще в советский период разницей в уровне образования, усилило социальное расслоение общества. Особенно это заметно в крупных городах, где социальные различия приобретают явно выраженный пространственный характер. В работе на примере Санкт-Петербурга рассматривается территориальный аспект социального неравенства, рассчитанный на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года. Результатом исследования является типология муниципальных образований Санкт-Петербурга по уровню социального благополучия.

Over the past decade, the social structure of Russian society has undergone significant changes. The increased difference in the level of income, together with the already existed in the Soviet period, the difference in the level of education, increased social stratification of society. This is especially noticeable in large cities, where social differences become pronounced spatial character. On the example of St. Petersburg is considered the territorial dimension of social inequality, calculated based on data from the National Population Census 2010. The result of this study is the typology of municipalities of St. Petersburg in terms of social welfare.

Ключевые слова: социальное неравенство, город, пространственные различия, территория, уровень образования, налог на имущество.

Keywords: social inequality, city, spatial differences, territory, level of education, property tax.

Вот уже несколько тысячелетий социальное неравенство является неотъемлемой чертой развития человеческого общества. Различия, существующие в сфере занятости, уровне доходов и потребления, доступности духовных и материальных благ надлежащего качества наиболее полно и объективно характеризуют тот или иной социум. При этом важнейшим аспектом изучения социального расслоения общества является его пространственное размещение, формирование территориальных групп населения с определенными качественными характеристиками.

На протяжении более чем полувека достижение полного социального равенства являлось официально задекларированной целью и в нашей стране, но в силу объективных причин общественного развития так и не стало реальностью. Переход к рыночным отношениям, произошедший в России в конце XX века резко усилил социальное расслоение общества, которое выразилось не только в увеличении разрыва в доходах, но и в доступности медицинских услуг и образования. Особенно заметно социальное расслоение в городах, где сегодня проживает подавляющее большинство граждан Российской Федерации [1].

То, что городские поселения, и особенно крупные города с численностью населения в сотни тысяч и миллионы жителей, имеют ярко выраженную поляризацию по всему набору социально-экономических параметров известно давно. «Бедные» и «богатые», «благополучные» и «неблагополучные» в социальном плане кварталы и территории присущи практически всем, без исключения, крупным городам мира. Изучение пространственных закономерностей социального расслоения общества в городских системах расселения является сегодня за рубежом одним из наиболее актуальных направлений исследований, в том числи и в области общественной географии. Многочисленные работы европейских и американских ученых по данной тематике позволили

выявить взаимосвязь между экономическими, образовательными, этническими и др. личностными характеристиками граждан и их расселением в пределах городских агломераций [2, 3, 4, 5].

Пространственная дифференциация социальной стратификации общества в той или иной степени характерна и для крупнейших мегаполисов России, к числу которых относится и Санкт-Петербург. Зарубежный опыт и отечественные реалии подтолкнули и российских ученых к изучению пространственных различий в расселении различных социальных и этнических групп населения. Появились работы, посвященные и особенностям городского расселения [6, 7, 8].

Долгое время изучение территориального аспекта социального расслоения российского общества сдерживалось отсутствием исчерпывающей базы данных о населении на локальном уровне и сложностью сбора необходимых сведений в рамках отдельных социологических исследований. Эти факторы остаются препятствием для подобных исследований и сегодня, но реформа органов местного самоуправления в Российской Федерации (2006) дала возможность получать статистическую информацию на уровне отдельных внутригородских и сельских территорий (муниципальных образований). Важным аспектом исследования является выбор показателей иллюстрирующих социальное расслоение общества. Таких показателей может быть много, но все они могут быть объединены в несколько групп, отражающих в совокупности материальные и духовные параметры жизни современного человека.

Наиболее доступным и удобным для изучения территориальных различий является исследование социального расслоения городского населения по уровню дохода и уровню образования. К сожалению, не все данные, отражающие доходы населения и, как следствие, уровень его благосостояния, доступны

для анализа. В рамках Всероссийской переписи населения 2010 года, являющейся, по сути, наиболее подробным и всеобъемлющим социологическим исследованием населения России за последние годы вопрос о размере дохода граждан не задавался. Отсутствуют эти сведения и в Базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Российской Федерации, публикуемой Росстатом с 2006 года. Поэтому в качестве косвенных показателей уровня текущего дохода и накопленного материального достатка использовались следующие показатели: 1) *размер налога на имущество физических лиц, в расчете на одного жителя* [9]; 2) *удельный вес среди занятого населения, лиц работающих не по найму и*, в свою очередь, *имеющих наемных работников* 10].

Первый из показателей позволяет сопоставить стоимость недвижимого имущества (жилье, гараж, нежилые помещения), находящегося в собственности граждан на территории данного муниципального образования. Как правило, это относится к жилым помещениям, являющихся сегодня главным финансовым активом для большинства россиян. Значение уплаченного налога на имущество, приходящегося в среднем на одного жителя муниципального образования, позволяет определить уровень материального благосостояния населения данной территории.

Удельный вес лиц, являющихся работодателями[2] в общей численности населения, занятого в экономике также является лишь косвенным показателем более высокого уровня дохода на данный момент времени. Конечно, бывает, что наемный работник имеет доход не меньше, чем предприниматель – топ-менеджер крупной кампании зарабатывает больше хозяина овощной лавки, – но в

[2] В переписном листе 2010 года данная категории описана как «работающий не по найму (на собственном предприятии или в организации, в собственном деле) с привлечением наемных работников».

общей совокупности категорий «наемный работник» и «работодатель» уровень дохода во второй группе будет больше.

Вторая группа показателей, отражающих социальное расслоение общества, связана с уровнем образования. Всероссийская перепись населения 2010 года дает подробную информацию об уровне образования населения в муниципальном разрезе. В данном исследовании рассматриваются следующие показатели: 1) *удельный вес лиц, имеющих высшее образование* [11]; 2) *доля лиц, имеющих ученую степень (кандидат и доктор наук)* [12].

Объектом исследования социального расслоения является территория Санкт-Петербурга, состоящая из 111 муниципальных образований (муниципальных округов, городов и поселков). В случае если значение рассмотренных выше показателей в каждом из муниципальных образований отклоняется от среднего по городу не более чем на 20% можно говорить об отсутствии избирательности в выборе места жительства. Положительная или отрицательная концентрация рассматриваемого параметра (более чем на 20% от нормы) позволяет говорить о территориальной обусловленности социального расслоения населения Санкт-Петербурга.

Каждый из рассмотренных выше показателей дает достаточно узкий взгляд на состав населения муниципальных образований Санкт-Петербурга, но в совокупности они позволяют выявить пространственные особенности социального расслоения общества. Для этого воспользуемся методом балльной оценки. Каждый из показателей будет иметь диапазон изменений от -2 до +2 баллов. В случае отклонения показателя от среднего значения по Санкт-Петербургу более чем на 50% рассматриваемой территории будет присвоено -2 (отклонение в сторону меньше среднего значения) или +2 балла (отклонение в сторону больше среднего значения).

При отклонении в пределах от 20 до 50% значение составит -1 или +1 балл. Если рассматриваемый показатель варьирует около средней отметки по городу, не выходя за границу 20% отклонения, муниципальное образование получает 0 баллов. Таким образом, суммарное значение набранных баллов может изменяться в пределах от -8 до +8.

По совокупности набранных баллов все муниципальные образования Санкт-Петербурга могут быть распределены на 5 групп, каждая из которых соответствует определенному типу территории по уровню социального благополучия (табл. 1).

Таблица 1

Распределение различных типов муниципальных образований Санкт-Петербурга по уровню социального благополучия

Район	Количество муниципальных образований Санкт-Петербурга по уровню социального благополучия, тип						Средний балл
	I (+5 и более баллов)	**II** (+2 + 4 балла)	**III** (-2 +2 балла)	**IV** (-4 -2 балла)	**V** (-5 и менее баллов)	Всего	
Адмиралтейский	1	1	3	1	-	6	+0,8
Василеостровский	2	3	-	-	-	5	+3,8
Выборгский	1	1	5	1	-	8	+0,4
Калининский	-	-	5	2	-	7	-1,0
Кировский	-	-	4	2	1	7	-2,0
Колпинский	-	-	1	-	5	6	-4,5
Красногвардейский	-	-	1	4	-	5	-1,4
Красносельский	-	-	1	3	3	7	-3,6
Кронштадтский	-	-	-	-	1	1	-6,0
Курортный	2	2	1	4	2	11	0
Московский	1	2	2	-	-	5	+2,8
Невский	-	-	1	6	2	9	-2,9
Петроградский	6	-	-	-	-	6	+6,0
Петродворцовый	-	-	1	2	-	3	-2,0
Приморский	1	4	2	1	-	8	+1,6
Пушкинский	-	3	1	1	-	5	+0,6
Фрунзенский	-	-	2	4	-	6	-2,7
Центральный	4	2	-	-	-	6	+5,3
ВСЕГО	**18**	**18**	**30**	**31**	**14**	**111**	**-0,08**

Рассчитано автором

К первому типу относятся территории, набравшие в сумме более 4 баллов. Для их жителей характерны высокие уровни благосостояния и образованности. Таких муниципальных образований в Санкт-Петербурге 18 и в большинстве своем они расположены в центральной исторической части города – в Центральном, Петроградском, Василеостровском и Адмиралтейском районах города (рис. 1).

К этому же типу относится и два муниципальных округа, застроенных преимущественно в советский период – «Московская застава» (Московский район) и «Светлановское» (Выборгский район). Первый из указанных округов характеризуется домами так называемой «сталинской» застройки и расположен вдоль одной главных транспортных артерий города – Московского проспекта. Второй – район сосредоточения жилищных кооперативов 50-70-х гг. прошлого века. Обе территории являлись наиболее престижными районами для проживания еще в советский период и характеризуются, прежде всего, высокими показателями уровня образования населения. Напротив, для МО «Колломяги» (Приморский район) характерно не только сочетание распространенной в пригородах усадебной застройки, но и нового комфортабельного жилья, построенного за последние 10-15 лет. При этом, МО «Колломяги» отличается от предыдущих районов более высоким уровнем материального благополучия и значительно меньшими показателями уровня образования.

Среди наиболее «богатых» и «образованных» муниципальных образований Санкт-Петербурга необходимо отметить и два поселка Курортного района города – Репино и Комарово. Попадание этих наиболее респектабельных пригородных поселков, расположенных

на побережье Финского залива, в число наиболее социально благополучных территорий Санкт-Петербурга не является неожиданным, но лишь подтверждает обоснованность применяемой в данном исследовании методики изучения социального расслоения городского пространства.

Для второго типа территорий также характерен более высокий, чем в среднем по городу, индекс социального благополучия. По сумме баллов от +2 до +4 включительно в Санкт-Петербурге было выделено 18 муниципальных образований. Территориально они, также, приурочены в основном к районам центральной части города, примыкая к муниципальным округам первой группы (рис. 1).

В то же время, среди территорий данного типа значительную часть занимают районы новой застройки, расположенные в Приморском (МО № 65, «Озеро Долгое»), Выборгском («Сосновское») и Московском («Звездное», «Пулковский меридиан») районах. Ко второму типу социально благополучных территорий Санкт-Петербурга относятся и пригородные поселки Ушково, Солнечное (Курортный район), Лисий Нос (Приморский район), Александровское, Тярлево (Пушкинский район) и город Пушкин.

Третий тип территорий характеризуется близостью всех показателей к средним значениям для Санкт-Петербурга. К нему относится 30 муниципальных образований с суммой баллов от -1 до +1. Наибольшее количество из них находится в Выборгском, Калининском, Кировском и Адмиралтейском районах города. Большинство из муниципальных округов третьего типа были застроены в 50-80-е гг. XX века и только некоторые из них имеют более старую застройку.

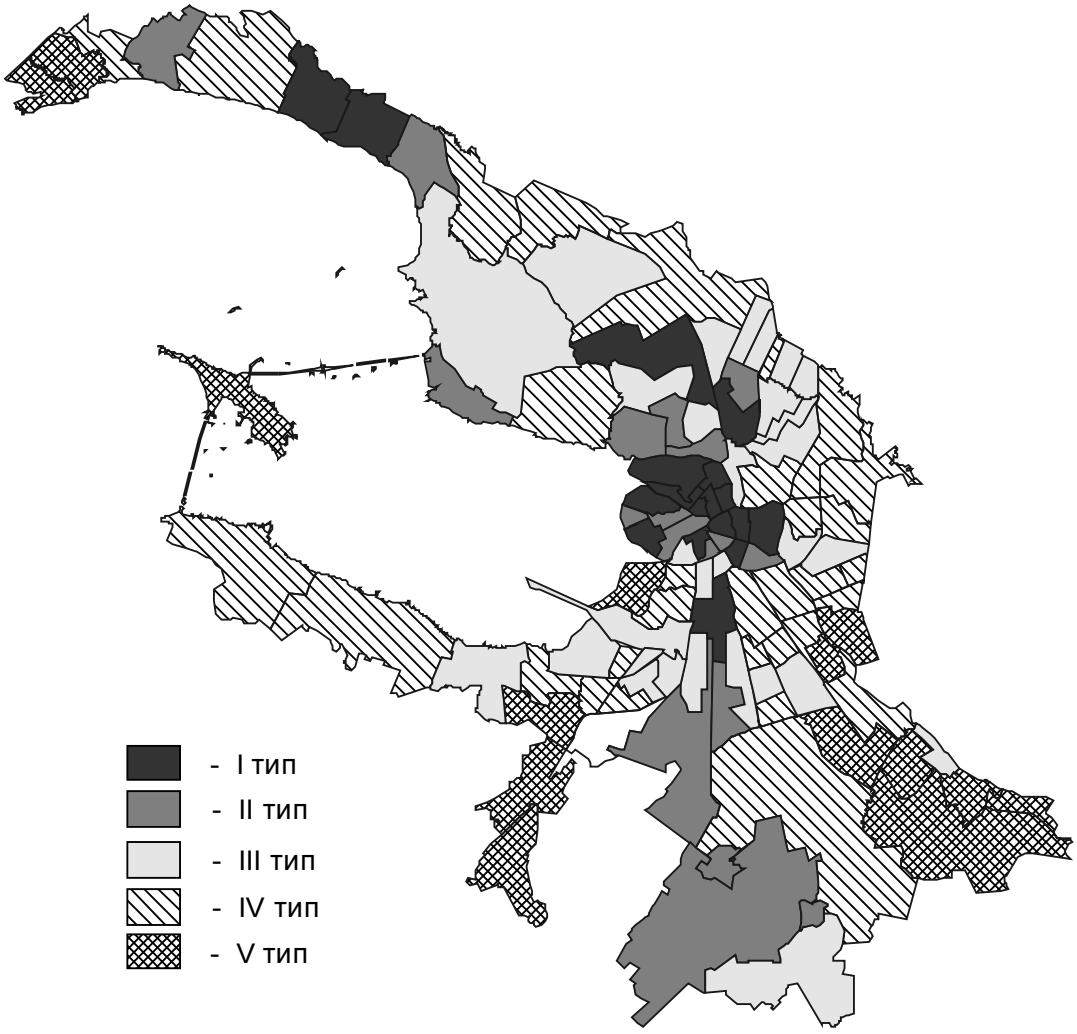


Рис. 1. Типология муниципальных образований Санкт-Петербурга по уровню социального благополучия

Среди районов новой застройки постсоветского периода к данному типу территорий относятся МО «Юнтолово» (Приморский район) и МО «Правобережный» (Невский район). «Нейтральный» характер показателей социального благополучия присущ и для некоторых пригородных территорий – поселков Стрельна, Усть-Ижора, Левашово, городов Сестрорецк и Павловск.

Более низкие показатели социального благополучия характерны для четвертого типа территорий, имеющих бальную оценку в диапазоне от -2 до -4. Из 31 муниципального образования

данной группы 17 расположено в четырех восточных и южных районах Санкт-Петербурга – Красногвардейском, Невском, Фрунзенском и Красносельском (табл. 1). Эти «спальные» районы, массово застраиваемые в 60-80-е годы жилыми домами с малогабаритными квартирами, довольно однородны в социальном отношении и, в целом, никогда не относились к числу престижных и комфортных для проживания. К районам этой группы относятся и пригородные поселки Парголово, Шушары, Песочное, Белоостров, Серово, Лахта, Ольгино, а также города Зеленогорск, Ломоносов, Петергоф.

Самыми социально неблагополучными, в соответствии с рассматриваемыми критериями, являются территории, выделенные в пятую группу. К данному типу относится 14 муниципальных образований Санкт-Петербурга, имеющих довольно четкую пространственную локализацию. Десять из них расположено на юго-восточной (Невский и Колпинский районы) и юго-западной (Красносельский район) окраинах города (рис. 1). Именно здесь расположены территории с минимальной балльной оценкой – МО «Горелово», МО «Красное Село» (Красносельский район), поселок Металлострой, город Колпино (Колпинский район). К числу муниципалитетов с наихудшими показателями материальной обеспеченности и уровня образования жителей относятся, и наиболее удаленные от города поселки Курортного района – Смолячково и Молодежное, а также город Кронштадт.

Анализ социального расслоения населения на территории Санкт-Петербурга позволяет сделать некоторые выводы относительно выявленных пространственных различий.

Прежде всего, необходимо отметить, что одним из важнейших признаков наиболее благополучных районов является характер их

жилищной застройки. При этом выделяются три типа кварталов, где предпочитают селиться «богатые» и «образованные» петербуржцы. К первому типу относится историческая часть города, где преобладающая часть жилищного фонда сформировалась еще в досоветский период. Новые дома являются здесь отдельными вкраплениями, формируя небольшие островки точечной застройки. Значительную же часть жилого фонда (от 30 до 45%), имеющий высокий уровень износа, времени занимают коммунальные квартиры. Такие кварталы представляют собой, своего рода, «слоеный пирог», где богатство и бедность соседствуют наиболее тесно.

Второй тип благополучных территорий составляют бывшие «элитные» районы советского периода. К ним относятся как застроенные «сталинками» кварталы вдоль Московского проспекта, так и кооперативные дома Выборгского района города. И в новых рыночных условиях жилье в этих районах имеет высокую потребительскую стоимость. К тому же, благодаря высокому удельному весу парков и скверов эти районы интересны и для застройщиков.

Исторически привлекательным для проживания являются и курортные поселки «Северной Ривьеры» - территории расположенной вдоль северного побережья Финского залива. С 50-х гг. XX века поселки Репино, Комарово и, в меньшей степени, Ушково и Солнечное являлись главными дачными пригородами для советской элиты.

Социальные неблагополучие также имеет четко выраженную локализацию на территории города. Наихудшие показатели, как уже отмечалось, имеют юго-восточные и юго-западные районы Санкт-Петербурга. Удаленность от центра города, плохая транспортная связанность территорий, низкая стоимость большей части

жилищного фонда, относящегося к «эконом-классу» 60-80-гг. постройки, способствует формированию отрицательной привлекательности Колпинского, Невского, Красносельского и Кронштадтского районов. Плохую репутацию имеет и район морского торгового порта Санкт-Петербурга (МО «Морские ворота» Кировского района).

Тем не менее, говорить о завершении социального размежевания на территории Санкт-Петербурга еще рано. Сегодня этот процесс имеет четко выраженную пространственную направленность. Поэтому, изучение территориальных закономерностей социального расслоения населения городских агломераций является актуальным направлением исследований в области общественной географии.

Литература

1. Анохин А. А. Современные тенденции динамики численности населения городов России / А. А. Анохин, Д. В. Житин, А. И. Краснов, С. С. Лачининский // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 7: Геология. – География. 2014. – № 4. – С. 167-179.

2. Scott A. J. Social Economy of the Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities. / A. J. Scott – Oxford University Press. – 200 p.

3. Sampson, Robert J. Racial stratification and the durable tangle of neighborhood inequality / Sampson, J. Robert //Annals of the American Academy of Political and Social Science. – Volume 621, Issue 1, January 2009, – P. 260-280.

4. Vesselinov, E. Cazessus, M., Falk, W. Gated communities and spatial inequality // Journal of Urban Affairs Volume 29, Issue 2, – May 2007 – P. 109-127.

5. Residential polarization in a sub-Sahara African megacity: an exploratory study of Lagos // South African Geographical Journal. – 2014, – № 11.

6. Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? / О. Вендина // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2004 – № 3 – С.52-64.

7. Попов А. А. Территориальная дифференциация качества городской среды в Москве / А. А. Попов // Вестник Московского университета. – Серия 5: География. 2007. – №4. – С. 29-36.

8. Житин Д. В. Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге / Д. В. Житин, А. И. Краснов // Известия Русского географического общества. 2015. – Т. 147, – вып. 2, – С. 56-72.

9. Официальный сайт Росстата. URL: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts /munst/munst40/DBInet.cgi – (дата обращения 12.03.2015 г.)
10. Экономическая активность населения Санкт-Петербурга / Стат. сб.– Петростат – СПб., 2013 – Часть 2. – С. 110-142.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года на территории Санкт-Петербурга / Стат. сб. – Петростат – СПб., 2012 – Часть 1 – С. 5-267.
12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года на территории Санкт-Петербурга /Стат. сб. – Петростат – СПб., 2012 – Часть 1 – С. 6.

УДК 911.3:33 (470.26:477.75) + 332.135 (470.26:477.75)

Ю. М. Зверев

Y. Zverev

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ, КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЬ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

KALININGRAD REGION, CRIMEA AND SEVASTOPOL: PERSPECTIVE AREAS OF COOPERATION

Рассматриваются перспективные направления сотрудничества Калининградской области, Крыма и Севастополя – регионов России, не имеющих общей сухопутной границы с основной частью страны, территории которых являются особыми/свободными экономическими зонами (СЭЗ/ОЭЗ).

This article is devoted to the perspective areas of cooperation between Kaliningrad region, Crimea and Sevastopol. These regions of Russia are similar in that they do not have land borders with mainland Russia and that they are free/ special economic zones. (FEZ/SEZ).

Ключевые слова: Калининградская область, Крым, Севастополь, эксклав, свободная/особая экономическая зона, экономика, сотрудничество.

Key words: Kaliningrad region, Crimea, Sevastopol, exclave, free/special economic zone, economy, cooperation.

18 марта 2014 года в состав России вернулись Республика Крым и город Севастополь, которые в 1954 году были переданы в состав Украины. Они не имеют сухопутных границ с другими субъектами Российской Федерации. В состав РФ входит еще один эксклав – Калининградская область, которая отделена от ее основной части государствами Балтии и Белоруссией. Разумеется, географическое и геополитическое положение, историческое прошлое и настоящее Калининградской области отличаются от Крыма и Севастополя. Тем не менее, все же есть то, что объединяет эти регионы и что позволяет говорить о возможности использования некоторых элементов калининградского опыта на юге России (и наоборот).

Перед нашей страной стоит задача включения новых субъектов РФ в экономическую систему Российской Федерации и решения социально-экономических проблем, накопившихся за почти 23 года пребывания Крыма и Севастополя в составе постсоветской Украины. Для этого 29 ноября 2014 г принят Федеральный закон № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». 11 августа 2014 г утверждена ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года».

У России уже есть большой практический опыт создания и функционирования ОЭЗ, охватывающей весь российский регион, и использования ФЦП для развития территории, который может быть востребован в Крыму и Севастополе. Речь идет о Калининградской области, которая с 1991 года является свободной/особой экономической зоной (СЭЗ/ОЭЗ). Нынешний статус ОЭЗ закреплен

Федеральным законом № 16-ФЗ от 10 января 2006 г. «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Действует Федеральная целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2020 года» (утверждена в первоначальном варианте 7 декабря 2001 г.).

И в Калининградской области (зона «Янтарная» в районе поселка Куликово) и в Крыму [1] для стимулирования социально-экономического развития региона создаются игорные зоны. Первый объект Калининградской зоны будет сдан в конце 2015 г. [2], а проект зоны в Крыму пока не вышел из стадии обсуждения [3]. Поэтому Калининградская область, в которой создание игорной зоны находится на более продвинутом этапе, могла бы помочь Крыму, как в разработке концепции игорной зоны, так и в ее создании.

В Калининградской области 13 октября 2010 г. создан Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта). В Крыму в начале 2015 г. сформирован Крымский федеральный университет (КФУ) [4]. Существуют хорошие предпосылки для сотрудничества двух федеральных университетов в сфере образования и науки (обмен студентами, аспирантами и преподавателями, совместные образовательные и научные программы, «двойные» дипломы и т. д.).

Перспективным представляется также сотрудничество морских и рыбохозяйственных учебных и научных заведений. В Калининграде это Атлантическое отделение Института океанологии РАН, ФГУП «Атлантический научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии» (АтлантНИРО),

ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет» (КГТУ), в состав которого в качестве обособленного структурного подразделения входит «Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота». В Крыму и Севастополе находятся Южный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ЮгНИРО) в Керчи и Институт биологии южных морей им. А. О. Ковалевского (ИнБЮМ) в Севастополе. Специалистов для рыбной отрасли готовит Керченский государственный морской технологический университет.

Существенный интерес для Калининграда представляет опыт Крыма в развитии ветровой электроэнергетики. В Крыму на 7 ветряных электростанциях (ВЭС) установлена 551 ветроустановка мощностью 68,2 МВт [5]. В Калининградской области пока действует только одна ВЭС (21 ветроустановка) мощностью 5,1 МВт [6], но существуют планы дальнейшего развития ветроэнергетики. В свою очередь для Крыма и Севастополя может оказаться полезным опыт функционирования в условиях эксклавности калининградской энергетики.

В судостроении калининградское ОАО «Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь» мог бы оказать помощь АО «Судостроительный завод «Залив» в Керчи, которое в свое время строило сторожевые корабли того же проекта 1135, что и калининградское предприятие [7]. Можно было бы возобновить практику строительства на двух заводов кораблей одних и тех же проектов, что создаст новые возможности для кооперации. Кстати, в настоящее время завод «Янтарь» строит для Черноморского флота

сторожевые корабли проекта 11356, являющиеся развитием проекта 1135 [8].

Еще одной возможной сферой сотрудничества является портовое хозяйство, сравнимое по своим масштабам (грузооборот портов Калининградской области в 2013 г. составил 13,7 млн т [9], портов Севастополя и Крыма – 13,8 млн т [10]). Особый интерес представляет обмен опытом создания свободных портов. Морские порты, расположенные в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, уже признаны Федеральным законом № 377-ФЗ свободными портами. В Калининградской области также может появиться «свободный порт». С таким предложением обратился к федеральным властям губернатор Калининградской области Н. Н. Цуканов [11].

Важной частью региональной экономики и в Калининградской области и в Севастополе и Крыму является курортно-рекреационный комплекс. В то же время, курортно-рекреационный комплекс Крыма значительно крупнее по масштабам, чем калининградский и играет намного большую роль в региональной экономике и в российском курортно-рекреационном комплексе в целом. В 2014 г. в Крыму отдохнуло 4 млн туристов [12]. Калининградскую область в 2013 г. посетило 550 тыс. туристов [13]. Опыт развития курортно-рекреационного комплекса в Крыму ценен для Калининградской области (разумеется, с учетом разницы в природно-климатических условиях и географическом положении). В свою очередь, область могла бы поделиться своим опытом создания современных гостиничных комплексов и налаживания сотрудничества в сфере туризма с регионами зарубежных стран.

Литература

1. Путин подписал закон о создании игорной зоны в Крыму [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 23.07.2014. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2014/07/23/putin/ – (дата обращения: 12.03.2015).
2. «Роял Тайм Групп» сдаст первый объект игорной зоны в Калининграде [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 30.01.2015. – Режим доступа: http://ria.ru/economy/20150130/1045124109.html – (дата обращения: 12.03.2015).
3. Проект игорной зоны в Крыму не вышел из стадии обсуждения [Электронный ресурс] // Другие новости. 20.01.2015. – Режим доступа: http://drygienovosti.ru/ekonomika/proekt-igornoj-zony-v-krymu-ne-vyshel-iz-stadii-obsuzhdeniya – (дата обращения: 12.03.2015).
4. Крымский федеральный университет сформирован на 100% [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 16.02.2015. – Режим доступа: http://ria.ru/crimea_today/20150216/1048032696.html – (дата обращения: 12.03.2015).
5. Энергетика [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Крым. Паспорт Крыма. – Режим доступа: http://www.invest-in-crimea.ru/show_content.php? alias=energy&mid=1&m2 =273 – (дата обращения: 12.03.2015).
6. ОАО «Калининградская генерирующая компания». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kgk.yantene.ru/o-kompanii – (дата обращения: 12.03.2015).
7. Строительство кораблей (проект 1135М и 1135) [Электронный ресурс] // Специальный информационный портал. 13 августа, 2011 – Режим доступа: http://www.specportal.net/stroitelstvo-korablej-proekt-1135m-i-1135 – (дата обращения: 12.03.2015).
8. пр.11356 /11356Р – Mod. KRIVAK-III // Military Russia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://militaryrussia.ru/blog/topic-163.html – (дата обращения: 12.03.2015).
9. Грузооборот морских портов РФ за 2013г. вырос на 3,9% – до 589 млн т. [Электронный ресурс] // РБК. 14.01.2014. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140114142845.shtml – (дата обращения: 12.03.2014).
10. Самофалов А. Пять последствий отсоединения Крыма для экономики Украины [Электронный ресурс] / А. Самофалов, Д. Марчак // Hubs. Ежедневное интернет-издание о бизнесе. 07.03.2014. – Режим доступа: http://hubs.com.ua/business/5-posledstviy-otsoedineniya-kryima-dlya-ekonomiki-ukrainyi.html – (дата обращения: 12.03.2015).
11. Вылегжанина Ульяна. Море без границ [Электронный ресурс] / Ульяна Вылегжанина // Российская газета. 13.05.2014. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/05/13/reg-szfo/port.html – (дата обращения: 12.03.2015).
12. Четыре миллиона туристов посетило Крым в 2014 году [Электронный ресурс] // Крым-гид. 12.01.2015. – Режим доступа: http://crimeaguide.com/ kolichestvo-turistov-krym-2014.html – (дата обращения: 12.03.2015).
13. Прохорова О. В. Перспективы развития регионального туризма [Электронный ресурс] / О. В. Прохорова // Молодой ученый. –2014. – №7.1. – С. 29-33 // Молодой учёный. – Режим доступа: http://www.moluch.ru/ archive/66/11143/ – (дата обращения: 12.03.2015).

УДК 338.43/332.12

А. А. Иванова, М. В. Довгалюк, И. В. Семенова

A. Ivanova, M. Dovgalyuk, I. Semenova

ОПЫТ УСПЕШНЫХ ПРАКТИК РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ГЕРМАНИИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

GERMAN EXPERIENCE OF SUCCESSFUL RURAL SETTLEMENTS DEVELOPMENT AND ITS APPLICATION IN RUSSIA

В данной статье рассматривается проблема устойчивости сельских поселений Российской Федерации и пути ее решения через адаптацию немецкого опыта, как одного из наиболее успешных в Европе. Предложеныразличныеальтернативыоптимизациидальнейшегоразвитиясельскихтерриторий России.

Article examines the problem of rural settlements sustainability in Russian Federation and potential application of German experience as one of the most successful in Europe. Various alternatives for optimization of rural areas development are discussed.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские поселения, региональная экономика.

Keywords: rural area, rural economy, sustainable development.

Создание условий для устойчивого развития сельских территорий является одной из важнейших стратегических целей государственной региональной политики, достижение которой позволит обеспечить занятость сельского населения, снизить темпы оттока трудоспособного населения и в конечном итоге, повысить конкурентоспособность сельских территорий на рынке государственных и частных инвестиций. Изучение проблем развития сельских поселений в значительной степени связано с исследованием потенциала их саморазвития и факторов,

обуславливающих конкурентоспособность сельских территорий. Изучение проблем устойчивости развития территорий берет свое начало с конференции ООН 1972 года по проблемам окружающей среды, где впервые обсуждались вопросы концепции устойчивого развития, которая в последствие получила широкое распространение. В течение многих лет исследованию проблем развития сельских поселений уделяли внимание представители различных научных направлений – Баутин В. М., Гриценко Г. М., Иоффе Г. В., Миндрин А. С., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. и др.

На современном этапе под устойчивым развитием сельских поселений понимается их гармоничное развитие, обеспечивающее постоянный рост качества жизни населения, не наносящий при этом ущерба окружающей среде. Сельские поселения обладают большим природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, который может обеспечить устойчивое развитие, эффективную занятость населения и относительно высокое качество жизни.

Основными причинами исторически сложившейся неблагоприятной ситуации в развитии села являются остаточный принцип финансирования развития социальной и инженерной инфраструктуры в сельской местности, высокий уровень затратности комплексного развития сельских территорий, обусловленный дисперсным характером сельского расселения. В последние годы в Российской Федерации активно идет процесс укрупнения сельских поселений, однако в большинстве случаев это не решает проблему [1].Сокращение и измельчение сельской поселенческой структуры приводит к запустению сельских территорий, изъятию из оборота продуктивных земель сельскохозяйственного назначения, что наносит ощутимый ущерб продовольственной безопасности России.

Изучение и использование мирового опыта решения экономических и социальных проблем развития сельских территорий представляется в современных условиях крайне актуальным.

В современной Европе проблема устойчивого развития сельских территорий является одной из наиболее важных. Различные подходы к решению этого вопроса привели к формированию двух направлений:

– устойчивого развития с ярко выраженной экологической направленностью;

– сельского развития с выраженной социально-экономической направленностью и комплексностью развития сельской местности [2].

Немецкий опыт успешного решения вопросов регионального развития территорий может быть использован как один из способов оптимизации устойчивого развития сельских поселений Российской Федерации, вследствие относительной схожести административно-территориального устройства стран [3]. Германия, как и Россия, является федеративным государством, с многоуровневым административно-территориальным делением. При этом наиболее значимым для данного исследования являются административно-территориальные единицы низшего таксономического уровня (в России – это муниципальные образования, в Германии – амты и общины).

На муниципальном уровне в Российской Федерации наиболее ярко выражен дисбаланс между возможностями местного самоуправления и их потребностями, а также зависимостью от внешних источников ресурсного обеспечения. Высокая степень децентрализации власти в ФРГ, а также наличие широкого круга полномочий у местных властей позволяет решать данную проблему,

через формирование бюджета и концепций развития в интересах территории и населения, проживающего на ней.

При этом большую роль играет распределение бюджета в пределах самой страны: в Федеративной Республике Германия 40% бюджета достается федеральному уровню, 20% региональному и 40% муниципальному, в России же действует схема 40-40-20, что создает определенные ограничения в наличии финансовых ресурсов у органов местного самоуправления для удовлетворения нужд территории и населения.

Применение немецкого опыта в России в сфере децентрализации власти и увеличения полномочий местного самоуправления необходимо реализовывать на государственном уровне. С учетом того, что перераспределение бюджетных потоков на характерную для большинства европейских стран схему 40-20-40 является кардинальным, этот процесс требует длительной подготовки.

Решение проблемы поддержания и развития устойчивости сельских поселений в более короткие сроки осуществимо при помощи активизации сотрудничества малого предпринимательства с крупным бизнесом преимущественно в сфере АПК. Кооперирование агрохолдингов и местных фермерских хозяйств активно применяется в Германии, что обеспечивает высокий уровень занятости на селе, более устойчивое развитие экономики сельских территорий, повышает их конкурентоспособность, а также продовольственную безопасность страны. При этом необходимо отметить, что наибольшим эффектом обладает комплексный подход к решению поставленной проблемы [4; 5].

Передовой мировой опыт свидетельствует, что в сложившихся условиях наиболее приемлемым решением проблемы устойчивого развития сельских поселений Российской Федерации может быть налаживание кооперационных связей малого и крупного бизнеса агропромышленного комплекса.

Положительный опыт европейских стран (в частности Федеративной Республики Германии) базируется на соблюдении принципа децентрализации управления территориями. Предоставление большего спектра полномочий региональным и в особенности муниципальным властям отвечает интересам всех сторон социального партнерства: власти, бизнеса и населения. Передача органам местного самоуправления основной массы функций и полномочий, необходимых для жизнедеятельности и развития поселений и территорий, позволяет сосредоточиться на выработке решений стратегического характера на низовом уровне, что в совокупности, при внедрении данного опыта на всей территории Российской Федерации, приведет к укреплению экономики страны и повышению конкурентоспособности сельских территорий.

Литература

1. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 год», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598.

2. Мищенко И. В. Теоретические вопросы формирования устойчивого развития сельских поселений / И. В. Мищенко // Экономика . – 2011. – 30 марта. – С. 23-28.

3. Groß, C., A. Ritzinger and H. Magel, 2012. Searching for the village of tomorrow — Scenarios on the functionality of Bavarian villages in 2020. DisP – The Planning Review, [Электронный ресурс] Vol. 47, Iss. 185. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/02513625.2011.10557132. – Date Views 12.03.2015

4. Mario Reimer & Hans H. Blotevogel (2012) Comparing Spatial Planning Practice in Europe: A Plea for Cultural Sensitization, Planning Practice & Research, 27:1, 7-24, [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/02697459. 2012.659517. – Date Views 10.03.2015

5. Martin T. W. Rosenfeld , Peter Franz & Gerhard Heimpold (2007) Economic ‘Clusters’ in East Germany: Evidence on the Location and Characteristics of Spatially Concentrated Industries, Post-Communist Economies, 19:1, 73-92, [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1080/14631370601163210. – Date Views 07.03.2015

УДК: 911.3

Э. Ж. Имашев

E. Imashev

СТЕПЕНЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ХОЗЯЙСТВА И ТИПОЛОГИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАЙОНОВ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DEGREE OF TERRITORIAL CONCENTRATION OF ECONOMY AND TYPOLOGY OF THE ADMINISTRATIVE DISTRICTS OF WEST KAZAKHSTAN REGION ON THE LEVEL OF SOCIAL AND ECONOMIC AND ECOLOGICAL DEVELOPMENT

В статье рассмотрены особенности территориального социально-экономического и экологического развития Западно-Казахстанской области в разрезе административных районов.

In article are considered features of territorial social and economic and ecological development of the West Kazakhstan region in a section of administrative districts.

Ключевые слова: Западно-Казахстанская область, социально-экономическое и экологическое развитие, административный район, типология, территориальная концентрация.

Keywords: West Kazakhstan region, social and economic and ecological development, administrative district, typology, territorial concentration.

Основы современной территориальной организации хозяйства и населения Западно-Казахстанской области (ЗКО) заложены в период развития централизованной, монополизированной государственной экономики. В результате неравномерного размещения производительных сил и расселения населения исторически сложилось так, что северные административные районы ЗКО имеют более высокий уровень социально-экономического развития, чем районы, расположенные на юге, востоке, западе и юго-западе. Экономико-географический анализ тенденций и особенностей пространственного развития ЗКО за 1997-2013 гг. показывает положительную динамику в развитии экономики с усилением территориальной локализации хозяйства и населения (табл. 1).

За 1997-2013 гг. в Бурлинском, Зеленовском, Таскалинском, Теректинском районах, на территории Уральской городской администрации, расположенных на севере и занимающих 20% площади ЗКО, локализация населения увеличилась с 63,5% до 70,7%, промышленного производства – с 87,1% до 99,7%, сельскохозяйственного производства – с 74,9% до 89,2%, инвестиций в основной капитал – с 87,9% до 89,4%, основных фондов – с 91,0% до 97,5%. Только в розничном товарообороте и платных услуг удельный вес северных административных районов снизилась с 90,5% до 89,4% [3].

Наблюдающаяся поляризация в территориальной организации хозяйства и населения ведет к усилению пространственной асимметрии в уровне социально-экономического развития административных районов, выступает барьером для формирования целостной территориальной социально-экономической системы ЗКО.

Таблица 1

Динамика валового регионального продукта и развитие секторов экономики ЗКО за 1997-2013 гг.

	1997 г.	**2000 г.**	**2003 г.**	**2006 г.**	**2009 г.**	**2013 г.**
Валовой региональный продукт (млн долл. США)	0,70	0,77	1341,97	4063,12	5583,60	11400,57
	1997 г.	**2000 г.**	**2003 г.**	**2006 г.**	**2009 г.**	**2013 г.**
Валовой региональный продукт на душу населения (долл. США)	1,1	1,3	2228,8	6668,5	9023,3	18458,3
Промышленность (млн долл. США / %)	0,08 / 11,4	0,20 / 26,0	290,33 / 21,6	1966,34 / 48,4	2918,70 / 52,3	6274,40 / 55,0
Сельское хозяйство, охота, лесоводство, рыболовство (млн долл. США / %)	0,18 / 25,7	0,05 / 6,5	95,37 / 7,1	139,08 / 3,4	218,20 / 3,9	337,20 / 3,0
Строительство (млн долл. США / %)	0,02 / 2,9	0,17 / 22,1	187,76 / 14,0	374,36 / 9,2	355,00 / 6,4	320,89 / 2,8
Транспорт и связь (млн долл. США / %)	0,07 / 10,0	0,10 / 13,0	148,00 / 11,1	354,74 / 8,7	358,90 / 6,4	987,24 / 8,7
Торговля (млн долл. США / %)	0,16 / 22,9	0,06 / 7,8	138,00 / 10,3	249,66 / 6,2	385,00 / 6,9	743,43 / 6,5
Прочие услуги (млн долл. США / %)	0,19 / 27,1	0,19 / 24,6	482,51 / 35,9	978,94 / 24,1	1347,80 / 24,1	2737,41 / 24,0

По: [1, с. 11; 2, с. 22; 3; 4, с. 84; 5].

С целью показать пространственные различия в уровне социально-экономического и экологического развития, нами проведена типология административных районов ЗКО. В основу типологии положена методика рангово-балльной оценки социально-

экономического развития, разработанная Министерством экономического развития Российской Федерации [6].

Данная методика оценки включает 12 базовых показателей. Введу отсутствия некоторых показателей в разрезе административных районов ЗКО, они заменены другими критериями с добавлением экологической составляющей и увеличены базовые показатели с 12 до 18.

Система базовых индикаторов социально-экономического и экологического развития включает следующие показатели:

1. Экономические:

1.1. Объем промышленного производства на душу населения (долл. США);

1.2. Интегральный показатель производства основных видов продукции сельского хозяйства (зерна, картофеля, овощей, бахчевых культур, мяса, молока, шерсти) на душу населения (кг);

1.3. Инвестиции в основной капитал на душу населения (долл. США);

1.4. Общий объем розничного товарооборота на душу населения (долл. США);

1.5. Объем представленных услуг на душу населения (долл. США);

1.6. Процентная доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике;

1.7. Балансовая стоимость основных фондов на душу населения (долл. США);

1.8. Плотность транспортной инфраструктуры (коэффициент Энгеля);

2. Социально-демографические:

2.1. Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 жителей);

2.2. Коэффициент эффективности миграции населения (%);

2.3. Уровень безработицы (%);

2.4. Процентное соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума;

2.5. Ввод в эксплуатацию жилья (кв. м общей площади на 1000 жителей);

2.6. Число больничных коек (на 1000 жителей);

2.7. Обеспеченность населения медицинским персоналом (количество врачей и среднего медперсонала на 1000 жителей);

2.8. Выпуск специалистов высшими и государственными средними специальными учебными заведениями (на 1000 жителей);

2.9. Число зарегистрированных преступлений (на 1000 жителей);

3. Экологические:

3.1. Выброс загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников (коэффициент плотности выбросов).

Коэффициент эффективности миграции населения определяется следующим образом:

$$Э_М = \frac{C}{К_П} \times 100\%$$

где $Э_М$ – эффективность миграции; C – сальдо миграции; $К_П$ – количество прибывших [7, с. 84].

Коэффициент плотности выбросов вредных веществ в атмосферу рассчитывается по следующей формуле:

$$К_{атм} = \frac{A}{\sqrt{S \times N}}$$

где A – выбросы в атмосферу вредных веществ; S – площадь территории, км^2; N – среднегодовая численность населения, человек [8, с. 16].

Оценка социально-экономического и экологического развития по рангово-балльной методике производится в три этапа:

1) По каждому из 18 базовых индикаторов определяется ранг каждого конкретного административного района, начиная с лучшего и заканчивая худшим значением; также определяется ранг среднеобластного значения показателя.

2) По каждому из показателей для каждого административного района рассчитывается балльная оценка ($Ball_1^i$) следующим образом:

$$Ball_1^i = Range_1^R - Range_1^i$$

где, $Range_1^R$ – ранг среднеобластного значения в общем ряду ранжирования; $Range_1^i$ – ранг i-го административного района в общем ряду ранжирования.

3) Применительно к каждому административному району, приведенные балльные оценки суммируются по совокупности всех восемнадцати учитываемых базовых индикаторов с последующим делением на 18:

$$ComplexBall_1^i = \frac{\sum_{i=1}^{18} Ball_1^i}{18}.$$

Расчет уровня социально-экономического развития с учетом загрязненности атмосферы показывает, что относительно самый высокий уровень развития характерен территории Уральской городской администрации и Бурлинскому району (рис. 1). Это является следствием эффекта урбанизации территории и активное освоение месторождений полезных ископаемых (нефтегазовых, строительных материалов).

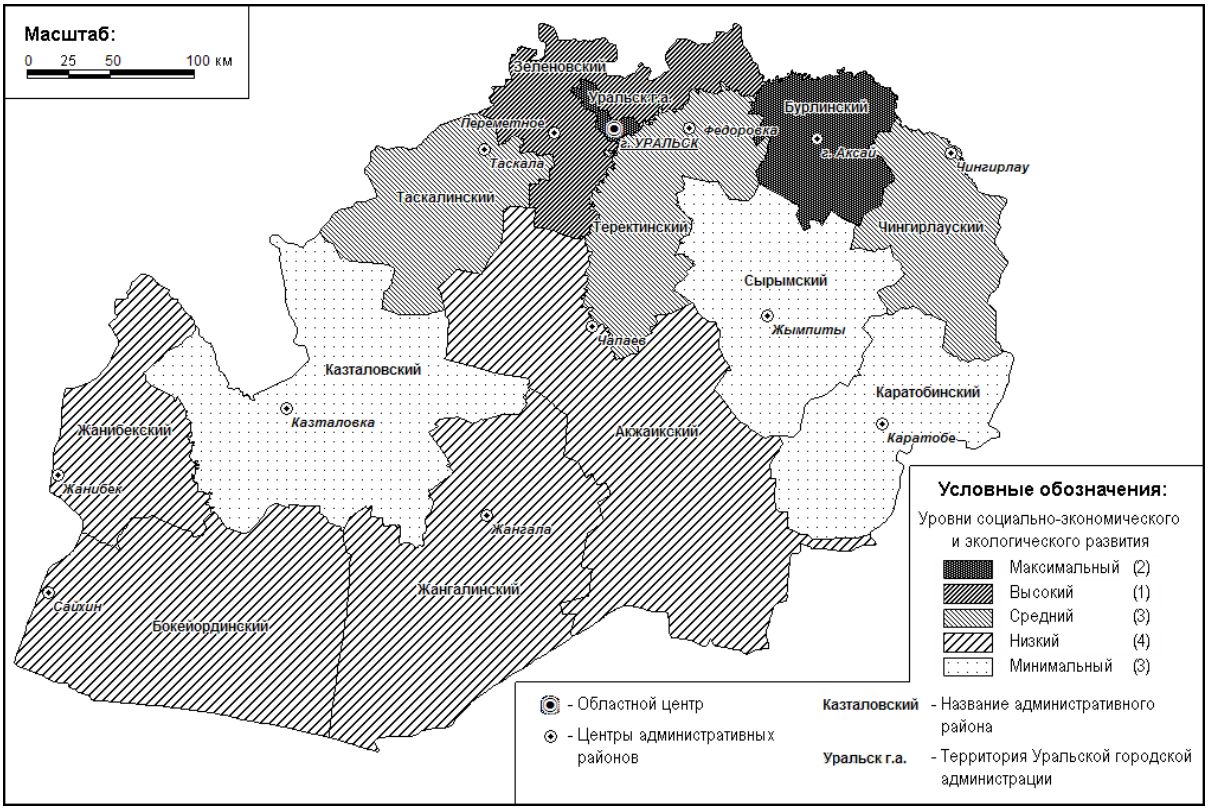


Рис. 1. Типология административных районов ЗКО по уровню социально-экономического и экологического развития (2013 г.) по:[3]

Высоким уровнем развития выделяется Зеленовский район, но уступающий по многим показателям территории Уральской городской администрации и Бурлинскому району.

Теректинский, Таскалинский и Чингирлауский районы имеют средний уровень социально-экономического и экологического развития, за счет имеющихся промышленных объектов, развитости транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства, сферы услуг, вводом в эксплуатацию жилья и т. д. по сравнению с административными районами, расположенных на юге, западе, юго-западе, востоке (Сырымский, Каратобинский) ЗКО.

Низкий уровень развития имеют Акжаикский, Жангалинский, Бокейординский, Жанибекский районы. Минимальный показатель социально-экономического и экологического развития характерен Казталовскому, Сырымскому, Каратобинскому районам. В этих административных районах слабо развито промышленность, торговля и услуги, в экономике преобладает экстенсивное сельскохозяйственное производство, существуют множество проблем в социально-демографической сфере.

Анализ темпов развития по системе абсолютных показателей, которые использовались при рангово-балльной оценке, показал, что все административные районы ЗКО за 1997-2013 гг. имеют общую положительную тенденцию. При этом положительная динамика развития административных районов характеризуется со слабо выраженным стабильным ростом (табл. 2).

Таблица 2

Типология административных районов ЗКО по темпам и динамике развития за 1997-2013 гг.

	Высокий темп развития	**Темп развития выше среднего**	**Темп развития ниже среднего**	**Низкий темп развития**
Положительная динамика развития со слабо выраженным стабильным ростом	Бурлинский, Зеленовский, Теректинский территория Уральской городской администрации	Акжаикский	Бокейординский, Жангалинский, Жанибекский, Каратобинский, Сырымский, Таскалинский, Чингирлауский	Казталовский
Итого	4	1	7	1

Таким образом, продолжается инерционный процесс территориальной локализации хозяйства и населения на севере ЗКО и является результатом территориальной дифференциации имеющихся природно-сырьевых ресурсов, следствием неравномерного размещения производств и расселения населения, а также влияния историко-географических и экономико-географических факторов.

В настоящее время нельзя считать территориальную организацию хозяйства и населения ЗКО эффективной, а уровень его развития достаточным. В перспективе для снижения пространственной асимметрии необходимо ускорить процесс социально-экономического развития административных районов, расположенных на юге, востоке, западе и юго-западе области на территориально-структурной трансформации и модернизации хозяйства и социальной сферы ЗКО.

Литература

1. Западно-Казахстанская область за годы независимости (Юбилейный сборник): статистический сборник. – Уральск: Управление статистики Западно-Казахстанской области, 2001. – 132 с.
2. Статистический ежегодник области. – Уральск: Управление статистики Западно-Казахстанской области, 2004 – 166 с.
3. Департамент статистики Западно-Казахстанской области. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.batys.stat.kz. – Дата обращения: 10.03.2015.
4. Содружество Независимых Государств в 1999 году: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2000. – 660 с.
5. Национального банка Республики Казахстан. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс – Режим доступа: www.nationalbank.kz/?docid=178&switch=russian.
6. Ибрагимова З. И. Методика комплексной оценки социально-экономического развития регионов Республики Казахстан / З. И. Ибрагимова // География в школах и вузах Казахстана. 2006. Май-июнь. С. 2–4.
7. Козьева И. А. Экономическая география и регионалистика: Учеб. пособ. / И. А. Козьева, Э. Н. Кузьбожев. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2007. – 336 с.
8. Жидких А. А. Территориальная организация регионального социально-экономического развития (на примере Алтайского края) / Автореферат на соискание учен. степени канд. эконом. наук / А. А. Жидких. – Барнаул, 2003. – 25 с.

УДК 910.1

Н. В. Каледин

N. Kaledin

ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ТРЕНДЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРО-ПЕРЕФИРИЙНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

GLOBAL GEOPOLITICAL SYSTEM: TRENDS OF THE SPATIAL-TEMPORAL CENTER-PERIPHERY STRATIFICATION

В докладе представлен опыт исследования пространственно-временной динамики процессов центро-периферийного развития на примере глобальной геополитической системы. Опираясь на деятельностно-геопространственные представления, выделены специфические исторические этапы и характерные для них тренды центро-периферийного развития системы, как на глобальном, так и на макрорегиональном уровнях.

On the basis of activity-geospatial approach consider the spatial-temporal dynamic of global geopolitical system: three periods, their geopolitical processes and main trends.

Ключевые слова: центро-периферийное развитие, глобальная геополитическая система, региональные геополитические системы, геополитические процессы.

Keywords: center-periphery development, spatial-temporal dynamic, global geopolitical system, geopolitical processes and trends.

Одной из закономерностей, вызывающей повышенный интерес географов-обществоведов, является поляризованное развитие, представленное всё более усложняющейся центро-периферийной стратификацией общественно-геопространственных процессов и систем. Исследования феномена центро-периферийного развития

(ЦПР) полимасштабны, охватывают общественно-геопространственные явления от локальных до глобальных [1]. Менее изучена *пространственно-временная динамика* их ЦПР. Рассмотрим опыт исследования данной проблемы на примере *глобальной геополитической системы* (ГГС), традиционно обозначаемой в политической географии термином «политическая карта мира».

В соответствии с деятельностно-геопространственной концепцией политическая география изучает процесс геополитической самоорганизации общества посредством геополитических отношений как неотъемлемую часть более сложного процесса геопространственной самоорганизации общества, составляющего предмет общественной географии [2, 3]. С этих позиций ГГС представляет собой специфическую систему геополитических отношений между государствами и иными факторами международно-геополитического процесса. Пространственно-временная специфика ГГС выражается в конкретно-исторических типах и этапах её развития – докапиталистическом, капиталистическом и современном [4]. Их можно рассматривать и как исторические типы и соответствующие им этапы ЦПР разномасштабных геополитических систем. Специфика каждого из них формируется комплексом факторов общественного развития – ключевыми общественными и геополитическими процессами, конкретно-историческими свойствами геопространства. Они обусловливают специфику пространственно-временной неравномерности развития и взаимодействия геополитических систем различного уровня – опережающее либо отстающее развитие, доминирование одних над другими, то есть установление

геополитических отношений по модели «центр-периферия». Рассмотрим основные тренды ЦПР каждого этапа развития ГГС.

*Докапиталистический этап (*от возникновения древнейших государств до конца XV века н. э.). Основными инструментами формирования геополитических систем различного уровня являлись ресурсно-, торгово-, этно- и религиозно-геополитические процессы в условиях докапиталистических общественных формаций. Главный тренд – геополитическая регионализация общества посредством формирования и взаимодействия преимущественно моноцентричных *региональных* центро-периферических геополитических систем (Древнеегипетская, Месопотамская, Древнеиндская, Древнекитайская, Мезоамериканская, Южно-Европейская и др.). При этом древние и средневековые государства как полюса и генераторы ЦПР формировали собственную геополитическую полупериферию и периферию длительное время, развиваясь автономно как региональные геополитические системы, эволюционируя от моноядерных к полиядерным (наиболее характерны примеры систем Римского государства, Византии, Арабского халифата). Тем не менее, регионально-геополитическая автономность постепенно преодолевается: уже во 2 тыс. до н. э. устойчивые межсистемные контакты устанавливаются на пространстве от Южной Азии до Северной Африки, а в 1 тыс. до н. э. на стыке Юго-Западной Азии, Северной Африки и Южной Европы складывается первый полисистемный геополитический макрорегион. В первые века новой эры во взаимодействие с ним вступает Восточноазиатский регион с древнекитайским ядром. В VII-XIII веках на указанном пространстве доминируют геополитические системы Византии и Арабского халифата. В XIII в. они фрагментируются под воздействием формирующейся Центрально-Азиатской региональной

геополитической системы (с монгольским центром), дополняющейся в XV-XVI веках новыми потенциальными геополитическими регионами – Азиатско-Восточноевропейским (с тюрко-османским ядром) и Евразийским (с прото-российским ядром). Однако единая, устойчивая макрорегиональная геополитическая система «Старого света» на рассматриваемом этапе не сложилась.

Капиталистический этап (с конца XV века до Первой мировой войны). Нарастающая тенденция капитализации общества и геопространства сопровождается переформатированием ЦПР, в котором ярко выражены четыре тренда, обусловленные прежде всего, территориально-политическим разделом мира между ведущими державами как новым, колониально-геополитическим процессом:

1. Трансформация докапиталистической, преимущественно «очаговой» ГГС в единую, целостную систему с устойчивыми военно-политическими, экономическими и идеологическими связями, сопровождавшаяся глобализацией центро-периферических процессов.

2. Европоцентричность ЦПР, проявившаяся в доминировании европейских стран в новых геополитических процессах (капитализация, колониальный раздел мира и его макрорегионов) как на глобальном, так и на региональном уровнях.

3. Стратификация ГГС на три типа макрорегиональных колониальных геополитических систем – глобально-имперские, регионально-имперские и колониально-зависимые. Весомый вклад в их формирование в Америке и Европе внесли этно-геополитические процессы – колониально-освободительные, интеграционные (объединение разделённых этносов в единые государства).

Первый тип – системы стран-первопроходцев колониального раздела мира, как военно-феодальных (Испания, Португалия), так и

капиталистических (Нидерландов, Великобритании, Франции, дополнившихся в конце XIX века Германией). Они создавались государствами, имевшими глобальные и региональные колониальные интересы и необходимый военно-экономический и идеологический потенциал для их успешной реализации. Утрата этого потенциала Португалией и Испанией привела к постепенному редуцированию их колониальных систем до регионального и субрегионального уровня. Второй тип – региональные геополитические системы США, России, Австро-Венгрии, Японии, Италии, чьи колониальные интересы изначально имели региональный характер, в силу особенностей геополитического положения и ограниченности военно-экономического потенциала по сравнению с европейскими капиталистическими лидерами. По мере сокращения их могущества геополитическая система США трансформируется в глобальную. Третий тип составляли страны-колонии и полуколонии

4. Монозависимое ЦПР геополитических систем постепенно, по мере развития мирового рынка товаров и капиталов, заключения международных договоров и создания коалиций ведущих держав, вытесняется полизависимым (в терминологии А. Г. Дружинина) [1, с. 30]. Яркий пример – разделённые на сферы влияния крупные страны-полуколонии (Китай, Османская империя, Персия).

Современный этап. Формируется после Первой мировой войны и на уровне ГГС характеризуется новыми трендами ЦПР, развивающимися под воздействием формационно-геополитических, государственно-геополитических, этно-геополитических процессов и их разнообразных конкретно-исторических сочетаний, позволяющих выделить специфические глобальные геополитические эпохи

(Версальскую, Потсдамскую, Беловежскую), имевшие также регионально-геополитическую специфику [4, с. 59-62]:

1. Ускоренный рост количества и усложнение геополитических качеств субъектов и объектов ЦПР глобальной, региональных и страновых геополитических систем.

2. Переход от европоцентричного типа ЦПР к двухуровневому полицентризму, сочетающему формационную *биполярность* ГГС – капиталистическая и социалистическая системы - с их внутренним *полицентризмом*. В рамках первой постепенно формируются три центра соперничества и центропериферийной стратификации ГГС – Западноевропейский, США, Япония. В пределах второй геополитической системы в 1950-е – 1980-е годы оформляются три разновесных конкурентных центра с различными моделями социалистического общества и воздействия на ГГС – СССР, КНР и СФРЮ.

3. Биполярность ГГС и полицентризм формационно-геополитических систем стимулировали распад колониальных геополитических систем и центро-периферические процессы в постколониальном «третьем мире» – развивающихся странах. Постепенно в рамках глобальной ГПС они образуют третью формационно-геополитическаю систему, с разными геополитическими векторами центро-периферического развития: прокапиталистическим (прозападным) и просоциалистическим. Разновекторность развития отчётливо проявлялась в системе межгосударственных договоров, в политическом, экономическом и военном сотрудничестве, в деятельности международных организаций.

4. Формирование глобальных и региональных международных организаций и других межгосударственных структур,

активизировавших процессы ЦПР как в пределах организаций, так и в ГГС на глобальном, региональном и страновом уровнях.

5. Трансформация биполярной структуры ГГС под воздействием формационно-геополитических процессов взаимодействия капиталистической и социалистической систем в полицентричную с доминированием американского центра. Распад мировой социалистической системы, СССР, ключевых европейских соцстран, появление новых – постсоциалистических стран сопровождались активизацией ЦПР в западноевропейском регионе (его расширением на восток посредством ЕС, НАТО, других международных структур), в формирующемся новом евразийском регионе в рамках постсоветского пространства (посредством создания ряда международных региональных организаций), в странах третьего мира (переформатирование центро-перефирических процессов на западноевропейский, американский и в особенности на китайский центры).

6. Трансформация роли Китая из регионального в глобальный полюс ЦПР с тенденцией формирования «новой биполярности» в ГГС. Появление в ней новых региональных центров и геополитических систем – российского, индийского, бразильского, южно-корейского, активизирующих процессы ЦПР на макрорегиональном уровне.

7. Активизация процессов сецессионизма и сепаратизма как факторов ЦПР региональных и особенно страновых геополитических систем.

8. Завершение под воздействием глобализации перехода от моно- к *полизависимым* региональным и страновым геополитическим системам (прежде всего в результате деятельности международных организаций и транснациональных корпораций).

9. Наибольшая динамика процессов ЦПР характерна для европейской и евразийской региональных геополитических систем.

Литература

1. Дружинин А. Г. Полизависимость в центро-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции / А. Г. Дружинин // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. – №3. – С. 29-40.

2. Каледин Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. / Н. В. Каледин – СПб.: – Изд-во СПбГУ, 1996. – 163 с.

3. Каледин Н. В. Проблема и принципы теоретизации общественной географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Г.Дружинина, В. Е. Шувалова // Материалы междунар. научной конф. Ростов-на-Дону, 2010. – С. 49-56.

4. Каледин Н. В., Ятманова В. В. Политическая и экономическая география мира. / Н. В.Каледин, В. В. Ятманова // Политическая карта мира: Учебное пособие.– СПб.:Издат-во СПбГУ, 2008. – Часть 1. – Издание второе, исправленное и дополненное. – 80 с.

УДК 911.3(477.75)

С. Н. Киселёв

S. Kiselev

ПОСТЯЛТИНСКИЙ МИР И «МАЛАЯ ИГРА» В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

POSTYALTINSKY PEACE AND "SMALL GAME" IN THE BLACK SEA REGION

Рассмотрены причины появления геополитической конфликтности в Причерноморье. Предложена периодизация геополитической истории Причерноморья. Выдвинута концепция «Малой игры» в Причерноморье как фрагмента «Большой игры» в геополитическом соперничестве Запада и России.

The reasons for the emergence of geopolitical conflicts in the Black Sea region. Spend periodization of the geopolitical history of the Black Sea region.

Formulated the concept of the "Small Game" in the Black Sea region as a fragment of the "Great Game" in the geopolitical rivalry between Russia and the West.

Ключевые слова: геополитика, Причерноморье, «Большая игра», «Малая игра».

Keywords: geopolitic, Black Sea region, "Great Game", "Small Game".

Ялтинская система мироустройства принадлежит уже истории и историкам. «Эпоха Ялты» окончательно ушла в прошлое, а первые десятилетия постялтинского мира назвать мирными вряд ли у кого повернётся язык. Очевидно, что единственная сверхдержава оказалась не способной поддерживать не только глобальный миропорядок, но и обеспечить даже региональную безопасность. Для большинства аналитиков давно уже ясно, что начался процесс глобальной трансформации политической карты мира, формирования новой геополитической реальности, конфигурация которой пока окончательно не ясна. С полной уверенностью сегодня можно говорить только о том, что этот процесс приведёт к появлению новых и размораживанию старых конфликтных зон. Одной из таких зон традиционной конфронтации является Причерноморье.

Общим, что объединяет выводы практически всех специалистов, анализирующих ситуацию в Причерноморском регионе, является ощущение неопределённости его будущего, зависимость от множества факторов, комбинации которых трудно просчитываются даже на ближайшую перспективу. Отличаясь в деталях, геополитические, геоэкономические и др. сценарии развития Черноморского региона вписываются большинством аналитиков в две совершенно очевидные схемы, а именно – процветания или упадка. Причём в обеих этих схемах центральное

место отводится роли России в регионе, которая в первом случае должна отказаться от своих неоимперских амбиций, что по логике авторов оптимистических прогнозов, как бы автоматически гарантирует политическую стабильность и экономическую привлекательность Черноморья; в противном же случае этому региону гарантирован застой и экономический упадок. Оба сценария, по мнению упомянутых экспертов, обуславливают внешнюю политику Российской Федерации, стремящейся навязать свою волю и закрепить своё политическое влияние в этих странах.

Подобные подходы наглядно иллюстрируют тип мышления, доминирующий у представителей аналитического сообщества новых независимых государств в бассейне Чёрного моря и бывших стран «народной демократии». Основной упор делается на том, что России нечего предложить ни элитам, ни народам этих государств и только евроатлантический выбор обеспечивает высокие стандарты жизни, соблюдение прав человека, принципы добрососедства и равноправия в межгосударственных отношениях.

Я принадлежу к тем, для кого понятия «прав человека», «равноправного сотрудничества» и «добрососедства» не лишены своего высокого гуманистического смысла, но которые ясно отдают себе отчёт в том, что вся эта система понятий и ценностей служит всего лишь ширмой для продвижения и реализации интересов, лежащих совсем в другой плоскости.

Многие эксперты, едины также во мнении, что «контроль над Черноморским регионом составляет огромный геополитический интерес» [8], что он, «вместо пространства сотрудничества, стал ареной геополитической конфронтации» [6] и постепенно превратился в средоточие «множественных конфликтов

многостороннего соперничества с участием не только причерноморских стран, но и ведущих европейских и мировых держав» [10]. Как это ни парадоксально, но если обратиться к прошлому Причерноморья, то именно такое его состояние является для него естественным и составляет большую часть геополитической истории региона.

Понимая геополитику как исследовательскую область, занимающуюся изучением пространственной экспансии государств, их союзов и объединений нами были предложены периодизация геополитической истории Черноморского региона и концепция «Малой игры», которые, по нашему мнению, позволяют наиболее полно охватить большинство политических явлений и процессов, происходивших в бассейне Чёрного моря за более чем 2500 лет его цивилизации.

Всего было выделено восемь периодов геополитической истории Причерноморья. Каждый из них отличается хронологическими рамками, однако развитие исторических процессов внутри периода подчиняется одной и той же схеме. В самом общем виде она может быть описана следующим образом: сначала – создание опорных пунктов (торговых и военных баз); затем – закрепление в стратегически важных пунктах и территориальное расширение; далее – попытка установления контроля над регионом (создание циркумпонтийской державы); и, наконец, последняя стадия – распад сложившейся системы равновесия в результате воздействия внешней по отношению к региону силы. После чего цикл повторяется.

Итак, в геополитической истории Причерноморья можно выделить следующие циклы:

I. От VII века до н. э. до I века до н. э. – греческая колонизация, формирование греческих и греко-варварских государств в Причерноморье, создание «злейшим врагом Рима» Митридатом VI Евпатором первой циркумпонтийской державы – Понта, поражение Митридата и распад его государства.

II. От I века до н. э. до III века н. э. – экспансия Римской империи в Причерноморье, установление Римом военного контроля над Черным морем, великое переселение народов, вытеснение Рима из региона.

III. От IV до XII века – формирование Византийской империи, византийская экспансия на Балканы, Закавказье и на Таврический полуостров, борьба со славянами и кочевниками, начало распада Византийской империи и турецкой экспансии.

IV. От XII до XV столетия – проникновение в Черное море венецианцев и генуэзцев, создание колоний, попытка территориальной экспансии, формирование Крымского ханства, турецкий разгром.

V. От XV до XVIII века – образование Османской империи, турецкая экспансия в Причерноморье, превращение Черного моря в «турецкое озеро», начало российской экспансии и вытеснения Турции.

VI. От конца XVIII до начала XX века – присоединение Северного Причерноморья, Крыма, Закавказья к России, русская экспансия на Балканы и создание независимых государств под протекторатом России, планы раздела турецкого государства («Греческий проект» Екатерины II-й, проект Всеславянской федерации, русского контроля над черноморскими проливами,

подготовка десанта на Босфор и т. д.), распад Российской и Османской империй.

VII. От 1922 до 1991 года – формирование СССР, нарастание его военно-политической мощи, военно-стратегическое доминирование Советского Союза в Причерноморье после второй мировой войны, распад СССР.

VIII. С 1991 года – образование новых государств в Причерноморье, начало экспансии НАТО и ЕС в Причерноморский регион.

Из выделенных нами циклов, один был оборван – это экспансия итальянских торговых республик, а последний – не завершен.

С позиций анализа нового конфронтационного поля, формирующегося в настоящее время вокруг Чёрного моря, может быть востребована концепция «Малой игры». Малая игра рассматривается нами как самостоятельный сюжет Большой игры – холодной войны XIX столетия. Большая игра вошла в историю как стратегическое противостояние и соперничество между Российской и Британской империями за сферы влияния и военно-политического контроля в Центральной и Средней Азии. Фронт этой борьбы протянулся от Балкан до Китая, а её хронологические рамки охватывают период от конца XVIII века до 1907 года, когда была заключена Англо-русская конвенция. Эта конвенция формально урегулировала спорные вопросы между двумя империями, что позволило в условиях надвигавшейся мировой войны приступить к формированию Антанты. Несмотря на это, среди многих современных исследователей всё шире распространяется точка зрения, что Большая игра никогда не заканчивалась.

После распада Советского Союза и образования независимых государств в Закавказье и Средней Азии «разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц называют это новой Большой Игрой» [9, с. 18]. В отличие от эпохи классической Большой Игры, когда шла борьба за контроль над географическим пространством, сегодня в центре нового противостояния оказались вопросы энергетической политики и нефтяных запасов Каспия [4]. Хотя можно и согласиться с мнением, что «в регионе и в мире в целом наблюдалось некое чрезмерное, можно сказать, гипертрофированное отношение к этому фактору» [5], тем не менее, ставки в этой игре чрезвычайно высоки. Речь идет не только о борьбе за огромные ресурсы углеводородного сырья, цветных и драгоценных металлов, но и о сохранении стабильности в этом чрезвычайно опасном регионе, переживающем войны и межнациональные конфликты, и, кроме всего прочего, обладающим угрожающим потенциалом развития исламского фундаментализма.

Крупнейшими участниками этой игры являются Россия и США, сменившие Великобританию. «Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о мощном Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи Турция, Иран и Пакистан, а также Япония, Корея и Китай» [9, с. 19]. Кто-то из участников Игры сможет действовать только в полсилы, кому-то придется вообще из неё выйти, а кому-то предстоит надорваться, завязнув в

бесперспективных попытках установить порядок с помощью насилия.

Из ведущих игроков наиболее уязвимое положение сегодня у Российской Федерации, но на поле Большой Игры она обладает и наибольшим опытом из всех её участников.

Значительно хуже для России ситуация в Причерноморском регионе, где пересекаются «фронты» Большой Игры (субширотный) и Восточного вопроса (субмеридиональный). Последний в данном случае следует понимать в широком смысле, а именно как проблему приобщения стран Востока к европейской культуре (ценностям). Считаем, что существующую систему международных противоречий в бассейне Чёрного моря следует выделить в отдельный сюжет, а само это геополитическое противостояние, по аналогии с Большой Игрой, вполне корректно определить как Малую Игру.

Малую Игру можно рассматривать как элемент игры Большой, а можно и как самостоятельный сюжет геополитической истории [1; 2]. Конечно, Причерноморье по своему значению для судеб мира уступает Центральной Азии, уступает и Средиземноморью, однако нельзя игнорировать тот факт, что на берегах Черного моря завязывались многие «гордиевы узлы» глобальной политики, часть из которых не «развязана» до сих пор. Империи Римская и Византийская, Османская и Российская, Великобритания, Германия и СССР, а также множество других более мелких «игроков» затратили огромные усилия и заплатили миллионами жизней в ходе десятков войн в попытках превратить Черное море в свое «внутреннее озеро» или стать хотя бы на время доминирующей силой в его регионе. Периоды кровавого

противостояния сменялись более или менее длительными эпохами стабильности, превращением территории Причерноморья в мировое захолустье, которая вновь и вновь оказывалась втянутой в противостояние великих держав. Описание впечатляющих картин этой жестокой и бескомпромиссной борьбы еще ждет своего историка, но уже сегодня можно констатировать, что Малая Игра вступает в новую фазу своего развития, а Причерноморский регион «опять становится стратегически важным регионом, где происходит столкновение интересов и устремлений» [7].

Объединение обоих подходов позволило нам ещё в 2008 году сделать вывод о том, что в Черноморском регионе в ближайшем будущем возникнет жёсткая конфронтация между участниками Малой игры, в которой наиболее активную роль будет играть внешняя по отношению к Причерноморью сила. Такой силой в настоящее время являются США.

Подлинные цели американской геополитики в бассейне Черного моря давно уже ни для кого не являются секретом и выглядели семь лет назад следующим образом. Первоочередная задача определялась как вытеснение России из Причерноморья, сокращение в максимально возможной степени её военной инфраструктуры, следствием чего должно было стать существенное снижение российского влияния в регионе. Второй по значению задачей предполагался контроль над потоками углеводородного сырья из каспийских месторождений в обход территории России, что позволит при необходимости воздействовать на энергозависимые страны ЕС. Третья задача – формирование плацдарма для осуществления военных операций против Ирана и в Прикаспийском регионе, для чего предполагалось создание военных

баз в Закавказье и, что не исключалось, в Крыму. Четвертая задача – дестабилизация российского Юга, поддержка кавказских сепаратистов, исламистов и националистов.

Для решения этих задач США были необходимы ресурсы, которые в настоящее время они не могут выделить в полном объёме. Свидетельством этому является торопливая попытка «прощупать» возможности РФ к сопротивлению в последний год президентства Дж. Буша. Решительный отпор России показал всему мировому сообществу, что она прочертила ту «тонкую красную линию», за пределы которой никому не позволит переступить. Применение Россией вооруженных сил вызвало возмущение всего «цивилизованного мира», звучали призывы к наказанию, к международной изоляции России, но как точно подметил российский публицист и политолог Михаил Леонтьев: «всегда, когда Россия ведет себя уверенно и последовательно и когда мир ясно видит российскую волю, западное общественное мнение находит достаточно веских и прагматических аргументов, чтобы смириться и успокоиться» [3, с. 85].

Мировой экономический кризис приглушил накал страстей, бушевавших вокруг Причерноморского региона в конце лета – начале осени 2008 года. События тех дней отступили в прошлое, а в политике причерноморских государств произошли существенные изменения.

Конфликт на Украине, воссоединение Крыма с Россией, война в Донбассе – существенно изменили баланс сил в регионе, значительно ускорили процессы его пространственной трансформации.

В заключение следует отметить, что опираясь на знание геополитической истории региона, можно с уверенность прогнозировать, что в его ближайшем будущем не только ни о какой-либо «европейской синергии», но и о его стабильности не имеет смысла говорить до тех пор, пока какой-нибудь из игроков Малой игры не добьется абсолютного политического доминирования в регионе или не установится равновесие в результате раздела сфер влияния между наиболее сильными из них. Например, между Россией и Турцией. Ключевое значение Турции для минимизации угроз дестабилизации региона очевидно учтено руководством Российской Федерации, о чём свидетельствуют его усилия по углублению политических и экономических связей наших государств.

Литература

1. Киселёв С. Н. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье / С. Н.Киселёв // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 68-78.

2. Киселёв С.Н. Геополитические аспекты истории Крыма /С.Н.Киселёв, Н.В.Киселёва// Ученые записки ТНУ. – Серия: География. – 2004. – Том 17 (56) – № 3. – С. 74–81.

3. Леонтьев М. Большая Игра / М. Леонтьев. – М.: АСТ; Спб.: Апрель-Спб. – 2008. – 319 с.

4. Новая Большая игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org .

5. Новая Большая игра: международная борьба за влияние в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iimp.kz/default.aspx?article_id=781.

6. Пхаладзе Т. Черноморский регион – место столкновения европейского и неосоветского мировоззрений [Электронный ресурс]. / Т. Пхаладзе – Режим доступа: http://www.blackseanews.net/read/29987 .

7. Тисдолл С. Столкновение интересов и устремлений в регионах «замороженных» конфликтов [Электронный ресурс]. / С. Тисдолл – Режим доступа: http://www.inosmi.ru/translation/217015.html .

8. Хеденсхог Я. Черноморский регион – форпост европейской и мировой борьбы против «новых» угроз [Электронный ресурс]. /Я. Хеденсхог – Режим доступа: http://www.blackseanews.net/read/31384 .

9. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром / П. Хопкирк. – М.: РИПОЛ КЛАССИК. – 2004. – 640 с.
10. Язькова А. Черноморский регион: эволюция геополитического измерения [Электронный ресурс]. / А. Язькова – Режим доступа: http://www.blackseanews.net/read/31481.

УДК 502/504

Н. Н. Клюев

N. Klyuev

КОНЦЕНТРАЦИЯ И ДЕКОНЦЕНТРАЦИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

CONCENTRATION AND DECONCENTRATION OF NATURE MANAGEMENT IN RUSSIA

Представлена краткая геоэкологическая характеристика природно-ресурсной сферы России. За постсоветские годы возрастает роль хозяйственных отраслей, базирующихся на минеральных ресурсах. Растут дисбалансы в системе «добыча – переработка – внутренне потребление – экспорт» минерального сырья. Использование возобновимых природных ресурсов всё более стягивается в компактные ареалы вблизи «центральных мест» и главных транспортных магистралей.

A brief geoecological analysis of Russia's natural resources complex is presented. The role of industries based on mineral resources has been increasing. Imbalances are growing in the system of the extraction–processing–domestic consumption-export of mineral resources. The utilization of renewable natural resources is being ever more concentrated in compact areas near central locations and the main trunk roads.

Ключевые слова: природные ресурсы, использование, экологические угрозы, постсоветская Россия.

Keywords: natural resources, utilization, ecological damages, post-Soviet Russia.

Природные ресурсы, которыми издавна славилась российская территория, и ныне обеспечивают выживание и даже развитие России (правда, весьма «неустойчивое» развитие) в условиях перманентного кризиса последних десятилетий.

После существенного спада 1990-х гг. добыча невозобновимых минеральных ресурсов в России к 2010-м годам практически достигла советского уровня, а по некоторым позициям и превысила его. Исключение составляет добыча нерудных стройматериалов, сократившаяся за 1990-2010 гг. в 2 раза. Причина этого – сильное сокращение промышленного, транспортного и жилищного строительства, ибо промышленность стройматериалов работает на внутренний рынок. В противоположность этому добыча топливно-энергетических ресурсов, руд чёрных и цветных металлов, химического сырья в значительной степени ориентирована на экспорт, что и определяет положение России в качестве сырьевой кладовой мира.

Из-за обвального падения российской добычи в 1990-е годы Россия сократила свою долю в мировой добыче. Если в 1990 г. на нашу страну приходилось 17,1% мировой добычи нефти, то в 2012 г. – 12,8%, а по добыче газа снижение ещё больше – с 31 до 19,5%.

За годы реставрации капитализма в России существенно усилилась экспортная ориентация добывающей индустрии. За 1993-2011 гг. возросла доля экспорта в добыче: нефти – с 22,6 до 47,7%, газа – с 15,5 до 27,9%, угля – с 6,5 до 33,1%, железной руды – с 13,2 до 26,9%.

В то же время отрасли хозяйства, базирующиеся на возобновимых ресурсах, за постсоветский период сократили производство.

Отличительная черта современного периода – преимущественное «сжатие» российского природно-ресурсного пространства, неуправляемая концентрация природопользования в компактных ареалах населенных пунктов и их ближайшего окружения, вдоль главных транспортных магистралей и хозяйственное запустение периферии. Эти тенденции проявляются на разных территориальных уровнях и в разных отраслях природопользования – в сельском, лесном, рыбном хозяйстве, на транспорте, в строительстве.

Сельское хозяйство, базирующееся на возобновимых ресурсах (при их рациональном использовании), развивается в России очень своеобразно и неэкологично. За 1990-2012 гг. посевные площади сельскохозяйственных культур в стране сократились на 41 млн га. Вывод из оборота посевных площадей происходит на периферии регионов и сопровождается интенсификацией землепользования в центральных местах, т.е. как раз там, где нагрузки на природу и ранее были превышены.

Уменьшение нагрузки на природу произошло и в связи с сильным уменьшением поголовья сельскохозяйственных животных. По поголовью свиней нынешняя Россия (2012 г.) соответствует своему уровню 1957 г. Современное поголовье крупного рогатого скота составляет лишь 60% от поголовья 1916 г., а овец и коз сто лет назад в России было вдвое больше. В итоге произошло изменение аграрного профиля регионов, а именно – сдвиг в сторону растениеводства. В 1980-е годы оно преобладало лишь в нескольких юго-западных, ныне доминирует уже в большинстве регионов страны [1]. Обвальное сокращение поголовья скота произошло в сельскохозяйственных предприятиях. Хозяйства населения в основном сохранили свое поголовье. В результате

произошел сдвиг животноводства на личные подворья. Таким образом, животноводческие нагрузки на ландшафты не просто сократились, они сконцентрировались ныне в селах, пригородах и городах.

Если в 1990 г. хозяйства населения производили 26,6% продукции сельского хозяйства, то в 2011 г. – 43,8% (а в 1998 г. даже 58,9%). Нагрузки на сельскохозяйственные ландшафты в хозяйствах населения в 20-30 раз выше, чем в крупных предприятиях. К тому же и концентрируются они в компактных ареалах, где живут люди.

В основных районах лесодобычи темпы снижения заготовок древесины выше, чем в прочих районах страны. Дальние лесосеки забрасываются, лесозаготовки концентрируются вблизи транспортных магистралей. В лесодефицитных районах, где леса сильно нарушены, наблюдается рост рубок.

За годы перестроек и реформ морского рыболовства Россия потеряла до 50% районов промыслов в мировом океане. При общем сокращении уловов, в исключительной экономической зоне они увеличиваются.

Если в 1990 г. на 2 столичных региона приходилось 10% жилищного строительства России, то в 2011 г. уже почти четверть, а в 2004 г. – почти треть. В пределах Московской обл. – нынешнего лидера по строительству – 55% строящегося жилья сосредоточено в 10-километровой зоне вокруг МКАД. Такого рода концентрацию населения экологически можно трактовать как «мёртвому – мёртво».

В то же время в 2000-е годы усиливается очаговое вовлечение в оборот экспортных природных ресурсов в районах нового освоения, главным образом в северных и восточных районах. Среди

крупных проектов по освоению недр в постсоветской России отметим: добычу нефти и газа на Ванкорском, Юрубчено-Тохомском (Красноярский край), Талаканском (Якутия) месторождениях, на шельфе Охотского и Баренцева морей и др.

Очаговое освоение ресурсов становится всё более деконцентрированным. Сейчас уже нет таких новых гигантских месторождений, как Самотлорское, Уренгойское, Медвежье. Если в 1970-х г. средняя величина запасов открываемых месторождений нефти в Западной Сибири составляла 77 млн т, то ныне – 1 млн т [2]. На единицу добываемых ресурсов приходится всё больше внутри- и межпромысловых трубопроводов. Это увеличивает экологические риски, ибо именно из таких трубопроводов разливается не менее 1% добываемой нефти.

На фоне существенного сокращения транспортной работы (за постсоветский период в 2-3 раза), снизившего вредное воздействие транспорта на придорожные ландшафты на межселенных территориях, наблюдается «трубопроводно-портовый бум», вызывающий перемещение транспортных экологических угроз к морским акваториям и их приближение к российским границам. Здесь можно выделить: газопроводы «Голубой поток», «Северный поток», «Ямал – Европа»; проекты газопроводов «Турецкий поток», «Сила Сибири»; Сахалинские трубопроводы; нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан и др.

В постсоветские годы в российской экономике усиливается роль природно-ресурсного комплекса, а в его составе возрастает значение отраслей, базирующихся на минеральных ресурсах. При этом растут разрывы между добычей минерального сырья и его переработкой, между добычей и внутренним потреблением. Увеличивается экспортная ориентация природно-ресурсной сферы.

В экспортно ориентированном минерально-сырьевом комплексе наблюдается расширение ресурсного пространства – очаговое вовлечение в эксплуатацию новых ресурсов Восточной Сибири, Дальнего Востока, севера и шельфовых областей. В противовес этому использование возобновимых ресурсов (биологических, лесных, почвенных, агроклиматических, водных), а также нерудных стройматериалов всё более стягивается в компактные ареалы вблизи центральных мест и главных транспортных магистралей, ориентируется на использование «лучших земель».

Некомпенсируемое (внесением удобрений) земледелие, «проедание» почвенного плодородия сопровождается концентрацией сельского хозяйства на лучших землях, выводом из оборота менее продуктивных земель. Истощительное использование лучших земель чревато быстрым их превращением в бедленды, в дальнейшем неизбежно перемещение сельского хозяйства на менее плодородные земли, их последующая деградация и т.д.

В настоящее время на высшем управленческом уровне провозглашён лозунг модернизации России. При этом ряд экспертов основной упор в проблематике модернизации делает на развитии нового технологического уклада. На мой взгляд, этот рецепт более подходит странам, которые меньше по территории, компактнее и однороднее, чем Россия. Сугубо инновационное развитие всё же «точечное», не фронтальное. И по мере становления «локомотивов роста» будут усугубляться разительные контрасты между этими островами экономики знания и экономикой выживания на огромной территории обездоленной, деградирующей периферии. «Точечное» развитие – реальная угроза дезинтеграции страны. Нашей стране

нужны не только новые наукограды, но и новая инфраструктура. Надо признать: Россия ещё надолго останется сырьевой державой из-за невозможности немедленного и кардинального обновления производства. Поэтому надо заниматься именно технологиями сырьевого сектора, природопользования, переработки минерального сырья и вообще природных ресурсов, природосберегающими технологиями и техникой, а также рационализацией территориальной организации природопользования. Отсюда вытекает приоритет в отечественной научной сфере наук о Земле, в том числе географии и геоэкологии.

Литература

1. Клюев Н. Н. Природно-ресурсный комплекс России: траектория «неустойчивого» развития // Известия РАН. – Серия географическая, 2014, – № 5. – С.7-22.
2. Нефть и газ. // Приложение к газете «Коммерсантъ». – №161. – 2012.

УДК 332.142.6

Ю. Ю. Ковалев, А. В. Степанов

Y. Kowaljow, A. Stepanow

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

THE TERRITORIAL SYSTEM IN THE PARADIGM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Статья посвящена перспективным направлениям изучения «территориальных систем» в географических науках. Обращается особое внимание на междисциплинарность подхода к изучению территориальных систем в контексте устойчивого развития. Авторами рассматривается

гипотеза комплексного анализа социальных, экологических, структурных факторов и их взаимодействия в трансформации территориальных систем.

The article concerns perspective trends in the study of "territorial systems" in the geographic sciences. Special attention is drawn to interdisciplinary approach to the study of territorial systems in the context of sustainable development. The authors of the article the hypo the size the complex analysis of social, ecological and structural factors and their interconnection in transformation of territorial systems.

Ключевые слова: территориальная система, глобальное и региональное развитие, устойчивое развитие, многофакторный анализ.

Keywords: territorial system, global and regional development, sustainable development, multivariate analysis.

Несмотря на широкие разногласия среди географов по поводу предмета исследования и методологической парадигмы географии, доминирующим представлением в ней на сегодняшний день является системная парадигма. Системность географии прослеживается как в ее методологических установках, так и в самом предмете исследования – планете Земля в качестве единого и целого образования (геосистемы). Геосистемы различного уровня (пространственные системы) рассматриваются как динамичные, открытые системы в сложной композиции, переплетении природных и социальных элементов. Интеграция хорологического и сетевого (интерактивного) подхода выражена в концепции адаптивных систем [6, p. 195]. Адаптивные системы представляют собой пространственные системы с определенным модусом взаимодействий природы и человека. В их динамике огромное значение играют адаптивные механизмы и стратегии, гармонизирующие отношения социальных и природных систем. В российской географической школе используют понятие «динамическая устойчивость», отражающее механизмы и способность системы к дальнейшему развитию [4, с. 96]. Модель

адаптивных комплексных систем получила также развитие в работах лауреата нобелевской премии по экономике Э. Остром [10].

Процессы взаимодействия социальных и природных субсистем происходят в пространственных и, наиболее интенсивно, в территориальных системах. По определению В. М. Котлякова и А. И. Комаровой, территориальные системы представляют собой «пространственную близость взаимосвязанных элементов окружающей среды и общества, взаимодействующих на определенной территории» [3, с. 534]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что «чисто» природных территориальных систем на сегодняшний день не существует, есть лишь взаимодействие различной степени интенсивности природных и социальных элементов на поверхности Земли, которое и образует различные типы территориальных систем. В одних местах это взаимодействие очень плотное (индустриальные регионы, города), в других (тропические леса, пустыни) носит спорадический или косвенный характер. Однако говорить о природе как изолированном, независимом элементе территорий на сегодняшний день представляется анахронизмом. Экосфера и антропосфера проникают друг в друга. Или точнее сказать, антропосфера проникает и коренным образом изменяет экосферу. По словам американского географа Э. Эллиса: «Рассматривать Землю как природную экосистему представляется устаревшим, Земля стала уже человеческой системой с включенной в нее естественной экосистемой» [9, с.19]. Доминирование антропосферы над биосферой, использование ее в нуждах и целях человека несет в себе как угрозу, так и шансы для развития. Речь идет о том, как сделать так, чтобы данная система перешла из состояния самоуничтожения в более устойчивое состояние, гарантирующее

будущее не только современному, но и последующим поколениям людей.

Если территориальные системы на сегодняшний день все больше трансформируются в антропогенные системы, то их границы будут все больше определяться границами автономии, принятия политических решений, проживающим на территории населением. Таким образом, политическая система территории будет определять границы всей системы. Поэтому границы территориальной системы будут совпадать с административными границами государств, регионов, стран, обладающими определенными автономиями. Политической системе территории как органа принятия решений отводится главная роль в создании адаптивных механизмов. От принятия решений власти зависит модус взаимодействий между функциональными системами территорий, между природой и человеком. Власть может принять «строгое» экологическое законодательство, стимулировать переход к экологически чистым источникам энергии, энерго- и ресурсосберегающим технологиям, замкнутому циклу производства и т. д., т. е. проводить экологическую модернизацию в соответствии с новым кондратьевским циклом. В руках государства создание экономики, социума, который действует с природой, а не против нее. С другой стороны, правительство, парламент может игнорировать мнение ученых и продолжать политику «статус-кво» в отношении природных систем (политика консервативного правительства Т. Эббота в Австралии). Однако не стоит забывать, что различные территориальные системы являются частью глобальной системы и находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с их окружением (другими территориальными системами). Поэтому успехи экологических мероприятий на

страновом и региональном уровне отдельных территорий, могут нивелироваться глобальным негативным балансом за счет большинства государств, ориентированных на предыдущий технологический уклад и на устаревшие технологии. Это наглядно проявляется в пространственной дифференциации выбросов CO_2 в атмосферу: уменьшение выбросов в Европе наблюдается с одновременным ростом их в странах Азии и Латинской Америке. В целом выбросы CO_2 и других парниковых газов с каждым годом увеличиваются, что, конечно, не проходит бесследно и для тех стран, которые сократили свои выбросы. Поэтому борьба с глобальным потеплением (и другими проблемами) должна носить всеобщий характер. Только в таком случае возможен успех.

Неравновесное, неустойчивое состояние территориальных систем, ведущие к возрастанию энтропии и саморазрушению, объясняется не только доминированием устаревших антиэкологических технологий и методов в производственной сфере, но и культурными установками современной цивилизации, ориентированной на усиленное материальное потребление и рост. Потребление – мотор экономического роста. Материальное накопление становится главным источником смысла жизни и внутреннего удовлетворения жителей большинства стран [5]. Посредством потребления человек ощущает свою социальную полноценность, не важно, насколько эти вещи важны в практической жизни человека. По данным Министерства по окружающей среде ФРГ, среднее количество предметов, приходящиеся на одного жителя Германии, владельцем которых он является, составляет 10 тыс. единиц; большинство из них годами хранятся в подвалах, гаражах, шкафах без какого либо использования [7, с. 241]. Захламление личного пространства, формирование общества

потребителей товаров с коротким жизненным циклом, представляет собой серьезную проблему. К этому добавляется резкое сокращение средней продолжительности жизни бытовых приборов. К 2015 г. сроки эксплуатации телевизоров, стиральных, посудомоечных машин, ноутбуков уменьшились за 15 лет более чем в два раза [7, с. 241]. Это требует нового производства, затрат сырья и энергии, отходов, выбросов и т. д. Нерегулируемое производство и потребление – большая проблема и вызов для современной цивилизации. Диссонанс между экономической и экологической системами территорий возрастает в обратной пропорции с материальным благосостоянием населения. Поэтому актуальной задачей является на сегодняшний день «расцепка» экономического роста и экологического давления на территорию, конвергенция экологической и экономической субсистемы, их коэволюция.

В связи с этим необходимо переосмыслить само понятие «развитие». С момента индустриальной революции под развитием понималось улучшение материального положения человека, рост материального потребления. Желание выйти из бедности было правомерно для населения XIX века стран Запада и естественно для развивающихся стран в настоящее время. Но то, что происходит сейчас можно назвать диктатом экономики и слепота в отношении других систем территорий и сторон жизни человека. Человек Запада пересыщен продуктами питания, промышленными товарами, услугами, информацией, знаками, символами и т. д. Его жизненный горизонт сужен до границ зарабатывания денег и безграничного консюмеризма. Главным индикатором развития является доход на душу населения, который сообщает, каковы возможности потребления человека. Чем выше они, тем лучше его

жизненная ситуация. Такое представление есть сильнейшее упрощение действительности и одномерное видение сложного характера территориального развития. В действительности, без анализа социальных, психологических и экологических факторов, их взаимодействия, взаимовлияния трудно оценить состояние общества и его будущее развитие. Все элементы территорий находятся в тесном взаимодействии: при высоком росте и потреблении усиливается нагрузка на экологические системы (в виде использования ресурсов и производимого мусора), растет поляризация населения по доходам, одновременно прогрессируют стресс, заболевания, усиливается криминогенная ситуация, растут государственные расходы на новые лечебницы, тюрьмы, полицейский аппарат и т. д. Эти же явления, как ни парадоксально, наблюдаются и при резком сокращении роста. Поэтому необходимо создание регуляторных механизмов для более устойчивого развития территориальных систем. Такие механизмы могут создать лишь люди, проживающие на данной территории и наделенные определенной автономией в принятии решений. По мнению, Э. Остром, решение локальных проблем должно передаваться в руки населению. Для этого необходимо формирование полицентрических структур управления. Наличие множества независимых, автономных структур будет способствовать укреплению жизнеспособности территориальной системы, и ее дальнейшему развитию. Напротив, моноцентризм в управлении, наличие универсальных решений, а также применение упрощенных моделей вредит развитию и ставит даже под угрозу жизнь людей в регионе: «ни одно правительство в мире не может иметь то количество знаний, инструментов и социального капитала, необходимого для стимулирования устойчивого развития. Все эти

вещи должны постоянно адаптироваться к экологическим, социальным и культурным отношениям на местах. Эта колоссальная задача. Поэтому я осмелюсь утверждать следующее: любой, какой бы ни был всесторонний каталог мероприятий по развитию, который должен найти свое применение на большой территории, обречен на провал. Более успешная стратегия состоит в том, чтобы усилить способность людей к самоорганизации и кооперации. Это именно те пользователи, которые на местах имеют наилучшее видение проблемы» [10, с. 30]. Процессы самоорганизации невозможны без интеграции населения в политическую систему. Поэтому одним их регуляторных механизмов может стать расширенная представительная или прямая демократия с широким участием населения в принятии политических решений (а не лоббирование интересов финансовых групп, как это происходит в настоящее время). Развитие территорий должно быть устойчивым, иначе это будет лишь краткосрочное развитие.

В связи с этим мы хотим предложить новое понимание территориального развития. Территориальное развитие – это коэволюция природных и антропогенных систем, направленная на гармонизацию их связей и отношений, приведение системы в состояние равновесия, устойчивости для удовлетворения потребностей настоящих и будущих поколений людей. Развитие, по нашему мнению, – это не экономический рост, пропагандируемый политическими элитами всех стран, а увеличивающаяся способность территориальной системы к самоорганизации и инновациям для адекватного ответа на исторические вызовы. В разных территориальных системах они будут различны. Сегодня, в странах Африки – это социальные и культурные инновации по снижению рождаемости, социальной справедливости, устранение

бедности, адаптации «зеленых технологий» для экономической самостоятельности. В странах Запада – переход к сбалансированному развитию, экономики и обществу построста. Общей для всех стран будет проблема прогрессирующего разрушения глобальной экосистемы. Поэтому экологический императив должен стать главным критерием развития территорий.

Переосмысление целей и задач территориального развития открывает перед географией и географами новые исследовательские горизонты. В системном характере этой науки заключена ее сила, актуальность, ее эмансипационный потенциал и ее ренессанс. Всестороннее изучение сложных систем (которыми и являются территориальные системы) требует возведения холистического принципа в доминантный метод географического исследования. Необходимо стимулировать междисциплинарные исследования, синтез естественных, социальных, гуманитарных наук для целостного изучения территорий (возврат к единой, целостной географии). В этом отношении целесообразным представляется использование синергетического подхода, теоретической базы наук о самоорганизации систем [2]. География как наука, изучающая территориальные системы, их структуры и связи может стать важнейшим источником знаний для понимания и управления процессами, происходящих в них, не с краткосрочных позиций максимизации прибыли и эффективности, чему посвящено большинство исследований в области экономической географии, а с позиции долгосрочного развития всех систем территорий. С другой стороны, необходимо сократить узконаправленную, одномерную тематику, поставить в приоритет изучение пространственных феноменов в тесной «привязке» с другими системами территорий – социумом, политикой, природной средой. Следует также отказаться

от бессмысленных, истощающих энергию и парализующих волю дискуссий о глобальном изменении климата, принять это за факт и искать пути решения данной проблемы в рамках национальной и региональной территориальной системы. А это возможно лишь за счет генерирования новых мыслей, инновационных решений, заключений, рекомендаций, которые могут быть предложены географами. Географы могут и должны внести свой вклад в модернизацию России. Наиболее актуальна, по нашему мнению, ее экологическая модернизация. Главным препятствием на ее пути, по мнению немецкого философа П. Слотердайка, является тот факт, «что нам не хватает уверенности верить в добытые знания. Неверие станет главным препятствием модернизации» [8, с. 222]. Лишь когда наступает кризис (умирает лес, идут кислотные дожди, образуются озоновые дыры, массы людей теряют работу в связи с финансовым кризисом), тогда лишь включаются механизмы спасения и трансформации территорий, обществ. Важнейшей задачей нашей науки становится стимулирование территориальных изменений.

Литература

1. Грчич М. Размышление о проблемах современной географии. / М. Грчич // Глобальная социально-экономическая география. – Москва, Смоленск, 2011.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. / Е. Н. Князева, С. П Курдюмов // Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М, 2010.
3. Котляков В. М. География: понятия и термины. / В. М. Котляков, А. И. Комарова – Наука, Москва. 2007.
4. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. / Б. Б. Родоман – Смоленск, 1999.
5. Фромм Э. Быть или иметь. / Э. Фромм – М, 2014.
6. Bonnett A. WhatisGeography? – London, 2008.
7. Herrmann U. Der Sieg des Kapitalismus. – Frankfurt/Main, 2013.
8. Heinrichs H-J. Peter Sloterdijk. – München, 2011.
9. Schwärgel C. „Planet der Menschen“– Zeit. Wissen. – № 2 2014. – S. 19-31.
10. Ostrom E. Was mehr wird, wenn wir teilen. – München, 2011.
11. «Immer mehr Elektrogeräte gehen früh kaputt“ [Электронный ресурс]. – FAZ. 1.03.2015. – Режим доступа: www.faz.net – Дата обращения: 1.03.2015.

УДК: 338.431

И. В. Комов

I. Komov

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

MODERN TRENDS OF GRAIN STORAGE DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION

В статье раскрыты проблемы развития системы хранения зерна в России и особенности экономических взаимоотношений элеваторов и зернопроизводящих хозяйств в условиях рыночной экономики.

The article deals with the problems of grain storage development in Russia and especially economic relations between elevators and grain-producing farms in a market economy.

Ключевые слова: система хранения зерна, типы элеваторов, зернопродуктовый комплекс, нормы потерь зерна при хранении.

Key words: storage of grain, types of grain elevators, grain products complex, the rate of grain loss in storage.

Как известно, процесс производства зерна имеет сезонный характер. При этом значительные объемы зерна аккумулируются в очень короткие сроки, а потребление зерна происходит ежедневно в течение года. В итоге в регионах необходимо иметь запасы зерна, которые бы удовлетворяли ежедневную потребность в зерне и продуктах его переработки всех потребителей. Концентрацией таких запасов и занимается система хранения зерна. Система хранения зерна в России представлена следующими элементами:

специализированными предприятиям и элеваторного хозяйства, которые по технологическим особенностям подразделяются на заготовительные, базисные, перевалочные, фондовые, линейные, производственные и портовые [2]; зернохранилищами коллективных сельхозпредприятий и фермерских хозяйств. В движении зерна от производителя к потребителю элеваторное хозяйство занимает центральное место в воспроизводственном процессе в системе зернопродуктового комплекса. Эта подсистема выполняет функцию материально-технической базы в закупках, хранении зерна, его распределении и реализации потребителям. Все работы, выполняемые в элеваторном хозяйстве, по своему экономическому содержанию, представляют собой продолжение воспроизводственного процесса в сфере обращения, увеличивают стоимость зерна и составляют начальную и необходимую стадию его переработки.

В России до 1990 года продовольственная программа была направлена на централизованную систему производства, заготовки, хранения и переработки зерна. Начало развития рыночной экономики ознаменовалось переходом элеваторов в частную собственность. Приватизация предприятий государственной системы заготовок зерна не сделала его производителей равноправными собственниками их материально-технической базы и не дала многим из них возможности выгодного самостоятельного выхода на зерновой рынок. Хлебоприемные предприятия, уйдя от государственного контроля над тарифами за оказываемые услуги, но являясь, по сути, монополистами, существенно повысили плату за прием, подработку, погрузочно-разгрузочные работы и хранение

зерна. Кроме того, имеет место быть практика, когда элеваторы зарабатывают на качестве зерна, которое им не принадлежит. При этом схема функционирует следующим образом. Элеваторы принимают на хранение зерно у сельхоз товаропроизводителя пограничного качества, например, пшеницу 4 класса с клейковиной 21-22%, повышают в ней клейковину на 1-2%, и она становится уже 3 класса. Однако, элеватор отдаёт партию зерна, аналогичную сданной, того же 4 класса, а подработанное зерно продаёт, зарабатывая на ценовой разнице. Всё это серьёзно ущемляет интересы его производителей и тормозит развитие рациональных межотраслевых связей. Такая ситуация привела к тому, что сельхоз товаропроизводители предпочитают хранить значительные объемы товарного зерна на своих складах, зачастую в крайне необорудованных и неприспособленных для этого помещениях, неся при этом большие количественные и качественные потери. Положение с хранением зерна усугубляется ещё и тем, что значительная часть зернопроизводящих хозяйств не имеет необходимой техники для послеуборочной подработки и сушки зерна перед закладкой его на хранение. Сложившаяся практика с хранением зерна самым негативным образом отражается на его качестве. Если при хранении в элеваторах нормативы естественной убыли составляют для зерна пшеницы, ржи, ячменя и тритикале 0,056%, то при хранении на складах – 0,076%, а на приспособленных площадках – уже 0,139. При хранении зерна от 6 до 12 месяцев эти нормы увеличиваются (таблица 1). Потери в неприспособленных помещениях у сельхозпроизводителей, безусловно, оказываются намного выше [1].

Таблица 1

Нормы естественной убыли семян различных зерновых культур при хранении применительно к условиям 2-й климатической группы (в процентах от хранимой массы)

Наименование культур и продукции	Срок хранения, мес.	В элеваторах	В складах		На приспособленных для хранения площадках
			насыпью	в таре	
1	2	3	4	5	6
Пшеница, рожь, ячмень, тритикале	3	0,056	0,076	0,046	0,139
	6	0,069	0,101	0,075	-
	12	0,119	0,132	0,113	-
	2	3	4	5	6
	2	**3**	**4**	**5**	**6**
Овес	3	0,069	0,101	0,059	0,176
	6	0,081	0,145	0,084	-
	12	0,131	0,195	0,109	-
Рис-зерно	3	0,049	0,089	0,059	-
	6	0,086	0,120	0,084	-
	12	0,136	0,170	0,121	-
Гречиха	3	-	0,089	0,059	-
	6	-	0,126	0,084	-
	12	-	0,179	0,121	-
Просо, сорго	3	-	0,126	0,071	0,164
	6	-	0,176	0,093	-
	12	-	0,226	0,121	-
Кукуруза в зерне	3	-	0,173	0,098	0,249
	6	-	0,225	0,150	-
	12	-	0,293	0,179	-

Примечание. Ко 2-й климатической группе относятся области Центрально-Черноземного региона.

В тоже время, из-за высоких расценок на услуги элеваторов, неуклонно снижаются коэффициент использования мощностей хранения, коэффициент оборачиваемости действующих ёмкостей, объём хранения зерна, приходящийся на одну тонну мощности. Это является крайне неэффективным, поскольку ведёт к повышению стоимости зерна, снижению его качества, увеличению потерь, нерациональному использованию материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Между тем, элеваторы испытывают существенный недостаток собственных оборотных средств, который не позволяет им обновить основные производственные фонды, в том числе производственно-технические лаборатории, элеваторную инфраструктуру (подъездные пути, коммуникации, складские помещения, весовое оборудование и прочее), характеризующиеся высокой степенью физического и морального износа, повысить механизацию технологических процессов, снизить высокий уровень ресурсоемкости основных технологических процессов и повысить эффективность применения энергосберегающих технологий.

Оплата услуг по хранению зерна, предоставляемых хлебоприемными предприятиями, производится как в денежной, так и натуральной формах. В сложившихся условиях элеваторы не готовы отказаться от натуральной оплаты за услуги хранения. Прежде всего, это объясняется отсутствием возможности зернопроизводящих хозяйств осуществлять оплату услуг в денежной форме. С одной стороны, реализация коммерческим организациям зерна, полученного в качестве оплаты за хранение, позволяет элеваторным комплексам иметь наличные денежные средства для проведения первоочередных расчётов. С другой

стороны, оплата услуг в натуральном выражении приводит к увеличению транзакционных издержек элеваторных комплексов за счёт непосредственного увеличения количества трансакций – продажа услуг по хранению зерна, затем продажа зерна, поступившего в качестве натуроплаты. Последнее, в свою очередь, приводит к хроническому недостатку ликвидных средств у предприятий, предоставляющих услуги хранения и проблемному финансовому состоянию ряда предприятий.

Таким образом, в России сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, ёмкостей хранения зерна в стране вполне достаточно, однако, с другой стороны, их материально-техническая база, размещение по территории страны создают определённые трудности в товародвижении зерна и его хранении, что негативно влияет на эффективность и конкурентоспособность зерна, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. В этой связи необходима как модернизация уже существующих элеваторных комплексов, так и строительство новых высокотехнологичных элеваторов, соответствующих всем мировым стандартам хранения зерна. И здесь крупными инвесторами могут стать агрохолдинги и международные зернотрейдерские компании.

Литература

1. Об утверждении норм естественной убыли зерна, продуктов его переработки и семян различных культур при хранении : Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 14 января 2009 г. // в ред. Приказ Минсельхоза РФ от 02.07.2009 N 257 – № 3

2. Винокуров К. В. Элеваторы, склады, зерносушилки / К. В. Винокуров. – Саратов, СГТУ, 2008. – 88 с.

УДК 910.1

Б. А. Красноярова

B. Krasnoyarova

АЛТАЙСКИЙ ЦЕНТР ПОЛИЗАВИСИМОЙ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ[3]

ALTAI CENTER OF POLYDEPENDENT TRANSBOUNDEDNESS IN ASIAN RUSSIA

В докладе автор останавливается на четырех моментах, изложенных в тезисной форме: центро-периферийная концепция территориальной организации социально-экономических систем; трансграничные территории Азиатской России в рамках бассейновой организации территории; Алтайский центр («водораздел») полизависимой трансграничности; российско-китайские диссонансы развития Алтайских регионов.

In the report, the author focuses briefly on four points: center-periphery concept of territorial organization of socio-economic systems; cross-border areas of the Asian Russia within the framework of the basin organization of the territory; Altai center ("watershed") of polydependent transboundedness; the Russian-Chinese dissonances in the development of the Altai regions.

Ключевые слова: центр, периферия, трансграничные территории, социально-экономическое развитие, Алтай, международное сотрудничество, конфликты, полизависимость.

Keywords: center, periphery, transboundary areas, socio-economic development, Altai, international cooperation, conflict, polydependency.

---

[3]*Статья подготовлена в рамках проекта ОНЗ №13.3 «Биоклиматический потенциал как фактор устойчивого развития алтайских регионов России в условиях реформирования экономики страны и диверсификации ее регионов» и гранта РФФИ № 14-05-00650 «Постсоветские трансформации систем горного природопользования в Южной Сибири»*

В условиях глобализации современного мирового пространства, развития коммуникативной активности между различными странами и регионами усиливается роль при (транс)граничных территорий. В какой-то мере, стирается грань между государствами, государственные границы становятся все более открытыми и проницаемыми, и не только в странах с единым опытом исторического и социокультурного развития, что можно было бы продемонстрировать на примере стран Евросоюза или бывшего Советского Союза, но и для государств, имеющих существенные различия в эволюционном пути своего развития.

Центро – периферийная концепция, не смотря на некоторую новизну звучания, фактически имеет длительную историю и широкий дискурс обсуждения и развития от наиболее известных модели «идеального государства» И. Тюннена с его кольцеобразной системой организации сельского хозяйства; «теории штандарта» А. Вебера, организации хозяйства с позиций максимизации прибыли А. Леша до уже более современной теории центральных мест В. Кристаллера и основных положений школы пространственного анализа П. Хаггета и Р. Чорли и «новой географии» П. Кругмана, «поляризованной биосферы» Б. Родомана и теоретических обобщений А. Дружинина и других российских ученых. При этом следует отметить присутствие некоего субъективного взгляда на выделение центра и периферии. Так, с позиций социально-экономического развития жителей одной страны своеобразный «центр мироздания» находится в ее столице, независимо от того на какой ступени мирового развития эта страна находится. Именно такой взгляд на соотношение центра и периферии был представлен профессором К. Ишигаока из Японского университета Нихон в

докладе «Геополитика в Евразии и роль Узбекистана в строительстве транспортной системы – взгляд из Японии» и с ним можно как соглашаться, учитывая важность общенациональных приоритетов, так и вступать в дискуссию, исходя из существенной узости экономической ойкумены, которая ярко проявилась со второго полугодия 2014г. – обострения российско-«прозападных» отношений, падения цены на нефть, курса рубля и… евро. Все со всем связано… Но это на общенациональном уровне, на внутринациональном пространстве работают другие критерии. Для крупных по площади стран, например, России, США, Канада, Китай и т.п., сила притяжения центра для периферийных территорий страны обратно пропорциональна расстояния до центра. В этом случае многие функции центрального места выполняют региональные и субрегиональные центры, решая задачи тактического развития и оперативного управления.

С этих позиций особое значение имеют при (транс)граничные территории, которые играют важную роль в развитии международных экономических, политических и социокультурных связей с соседними странами, тем самым центр тяжести во взаимоотношениях между ними сдвигается в сторону пунктов коммуникативной активности. И если геоэкономические и геополитические вопросы сотрудничества решаются на национальном уровне в государственном центре, то множество экономических и социокультурных практик осуществляется и регулируется на региональном уровне при (транс) граничного сотрудничества. Для Азиатской России трансграничное сотрудничество зачастую осуществляется в рамках речных бассейнов, когда территории разных стран расположены в

верхней – нижней части бассейнов крупных рек и задачи трансграничного сотрудничества наряду с экономическими и социокультурными отягощаются необходимостью решения вопросов вододеления и загрязнения. Проблемы водопользования становятся все более актуальными во всем мире, в том числе и для достаточно обеспеченных регионов Сибири. К числу трансграничных рек Азиатской России можно с некоторой натяжкой отнести Урал, берущий начало в Зауралье и впадающий в Каспийское море, пересекая часть западных территорий Казахстана. Здесь основным загрязнителем-водопользователем является российская промышленность металлургического и нефтехимического профиля. Бассейн реки Иртыш пересекает территории трех государств, верховья реки находятся в активно развивающемся и наращивающем объемы водопользования в индустриальном и сельскохозяйственном секторах экономики регионе Китая (СУАР). Далее пересекает всю восточную территорию Казахстана, являясь одним из основных источников водоснабжения страны и ее столицы – г. Астана. Иртыш на территории Казахстана представляет собой своеобразную геотехническую систему с высоким уровнем зарегулированности. На территорию РФ р. Иртыш приходит уже с нарушенным водохозяйственным балансом и по количеству поступающих водных ресурсов, и по их качеству, соответствуя качеству «вода грязная» (российские нормативы) или «загрязненная» (по казахстанским требованиям) по таким ингредиентам, как $БПК_{5,}$ фенолы, железо, медь, марганец и цинк. На территории бассейна р. Иртыш наиболее вододефицитным является юг Омской области и сам город – миллионер Омск, где его воды являются основным источников

питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения. К трансграничным водным потокам относятся также два левых притока р. Иртыш – Ишим и Тобол. Река Ишим в значительной мере обеспечивает водоснабжение Астаны, а Тобол, который дважды пересекает российско-казахстанскую границу в маловодные годы и периоды испытывает состояние водного стресса, особенно в верховьях формирующих его рек Исеть, Миасс, Тагил. К числу трансграничных рек относятся и истоки Енисея – р. Каа-Хем (Малый Енисей) берет начало в Монголии. Река Селенга, образуется слиянием рек Идэр и Дэлгэр-Мурен на территории Монголии, где расположено 2/3 площадь водосборного бассейна Селенги, и формируется водный сток в среднем 14,0-15,0 км^3 в год, составляющий около 45-50% объема суммарного стока Селенги, поступающего в Байкал – самое большое пресноводное озеро мира. Вопросы водопользования и вододеления здесь следует решать в двухстороннем порядке между Монголией и Россией и их регионами, они не столь актуальны, как в ранее названных бассейнах Урала и Иртыша, но постоянно нарастают, как в связи с развитием горнодобывающей индустрии, так и потенциальным гидротехническим строительством, например, канала р. Селенга – пустыня Гоби (Монголия) и т.п. проектами. Эти территории можно отнести к территориям отложенного риска. Трансграничность р. Амур и ее истока р. Аргунь не вызывает сомнения, они являются зоной стратегических интересов и Китая, и России, так как определяют и возможности, и ограничения развития огромных территорий Северо-Западного Китая и Дальнего Востока России. О проблемах водопользования в данном регионе много пишут забайкальские и дальневосточные ученые, они отягощаются в

какой-то мере разными институциональными формами управления процессами водопользования в двух странах и разной динамикой развития их регионов. Российские территории на Дальнем Востоке явно отстают и по темпам, и по тенденциям развития; российская промышленность в регионе представлена главным образом предприятиями добывающего сектора, китайского – перерабатывающего, к сожалению, российского сырья.

С позиций трансграничности особый интерес, на наш взгляд, заслуживает Алтайский регион, как один из важнейших водоразделов Центральной Азии; центр биологического и ландшафтного разнообразия, пересечения религий и культур. На территории Алтайских гор пересеклись интересы четырех государств – Казахстана, Китая, Монголии и России. С отрогов Алтая берут начало не только трансграничный Иртыш и одна из величайших рек мира Обь, но и одна из крупнейших рек Монголии – Ховд. Здесь на протяжении уже нескольких столетий мирно проживают русские, исповедующие православие; казахи – приверженцы ислама; алтайцы – принявшие православие и сохранившие черты шаманизма и бурханизма; монголы, главным образом, урянхайцы – сторонники буддизма. Алтай, по нашему мнению, является классическим центром полизависимой трансграничности (по А. Г. Дружинину), причем не только в силу геополитических, но и по экономическим, социокультурным и природно-экологическим причинам. «Горизонтальная полизависимость» складывается из единства природной и экологической составляющей – Алтайских гор и многообразие ландшафтов и биологических ресурсов, их определяющих; близости социокультурных ценностей народов и этнических групп,

проживающих на территории Алтая, отсутствие антагонизма между ними.

«Вертикальная полизависимость» на Алтае находится в стадии модернизации как в результате утраты России своего доминирующего геополитического значения, так, и в следствии постоянно растущего влияния Китая прежде всего в экономической сфере. Китай, в Алтайском регионе это, прежде всего, экономика Синьцзян-Уйгурского района, который диктует направления развития соседних стран – нефтедобыча в Зайсанской долине Казахстана; горнодобывающие предприятия на территории Казахстана, Монголии, России с высокой долей китайского капитала; актуальное и потенциальное развитие транспортной инфраструктуры (автодороги Монголии и газопровод «Алтай» с параллельным строительством автодороги как минимум IV категории); высокая доля коз в структуре поголовья мелкого рогатого скота Монголии и т. д.

Именно «вертикальная полизависимость», современные процессы ее модернизации, а в дальнейшем и трансформации определяют диссонансы российско-китайских взаимоотношений. Россия, осознавая утерю своего доминирующего значения в регионе, в то же время весьма заинтересована в экономическом и геополитическом сотрудничестве с Китаем. Однако и китайская экономика весьма зависима от российских сырьевых ресурсов и не меньше России заинтересована в наращивании сотрудничества между двумя странами. Незавершенность институциональной структуры управления сырьевой экономикой страны, отсутствие жестких правил эксплуатации месторождений, строительства инфраструктурных объектов, регламентов вододеления и

водопользования на территории трансграничных объектов ведут к низкой социальной, экономической и экологической эффективности международного сотрудничества, отсутствия крупных совместных проектов в интересах всех стран – участниц, негативному отношению местного населения к их реализации, несовпадению социальных и экологических приоритетов развития разных стран Алтая.

УДК 338.1 (470.51)

А. Ф. Кудрявцев
A. Kudryavtsev

СЕЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА В 1850 ГОДУ

THE RURAL PERIPHERY OF THE IZHEVSK ARMS FACTORY IN 1850

Представлен ретроспективный взгляд на периферию Ижевска – столицы Удмуртии. В историческом прошлом это был округ Ижевского оружейного завода, его лесная и земельная дача. Она была населена непременными работниками, обязанными выполнять определенные задачи на производстве. Приведен краткий обзор жизнедеятельности населения этой сельской периферии.

Present saw retrospective view of the periphery of Izhevsk, the capital of Udmurtia. In the past it was a district of Izhevsk arms factory, its forest and land cottage. It was inhabited indispensable employees obligated to perform certain tasks on the production. A brief overview of the population of this rural periphery.

Ключевые слова: историческая география, Ижевский оружейный завод, непременные работники, сельская местность как периферия оружейного завода.

Keywords: the Izhevsk arms factory, essential workers, the countryside as the periphery of the arms factory.

В 1829 г. два оружейных завода России – Сестрорецкий и Ижевский – получили Положение, регулирующее их функционирование. Были буквально расписаны все стороны их жизнедеятельности, начиная от расценок на изготовление ружья и заканчивая описанием униформы заводских кантонистов. В данном сообщении нам хотелось заострить внимание на сельской периферии, населенной непременными работниками (Н. Р.) завода. Какова была площадь этой территории? Что она представляла собой? Какова была численность Н. Р.? Чем они занимались?

Эта периферия по Положению 1829 г. была отграничена как округ Ижевского оружейного завода (И.О.З.). В 1850 г. его площадь составляла более 493 тыс. десятин (почти 5,4 тыс. км^2). Более 85% округа приходилось на лесные угодья. Основная функция округа-периферии – «вспомоществование», обслуживание специализации завода-центра – выпуск оружия. Здесь рубили лес, выжигали древесный уголь, тесали ложевые болванки, заготавливали смолу и деготь, а также перевозили все грузы, и прежде всего от завода до камской пристани Гольяны и обратно. Все это осуществляли так называемые непременные работники И.О.З.

Институт Н. Р. пришел на смену приписным заводским крестьянам елизаветинских и екатерининских времен еще в 1807 г. Тогда, из состава приписанного к заводам сельского населения, были выделены лица мужского пола (с каждой тысячи приписанных – 58 человек) не старше 40 лет, а всех остальных уволили. По Положению 1829 г. штат непременных работников И.О.З. был определен в 1100 чел., из которых пеших работников

600, а конных – 500 чел. Надо отметить, что для выполнения работ «на коне» работникам предоставлялись казенные (заводские) лошади. Новшеством было включение в штат работающего заводского населения коренных жителей Прикамья – удмуртов. Округ был территориально организован в виде двух отделений, причем по этническому признаку (русские и удмурты). Среди Н. Р. существовала производственная специализация и элементы самоуправления (корпус старшин, их помощников и вахтеров). Общее руководство осуществлял смотритель непременных работников и заводских лесов – чиновник не ниже 10 класса. [Ф. 4.Оп.1. Д.157].

Н. Р. проживали в 50 селениях, расположенных в среднем в 23 км от завода. Это его ближайшая периферия. А всего в орбиту влияния И.О.З. было втянуто более 110 сельских населенных пунктов (разбросанных в радиусе до 50 км). В 1850 г. Н. Р. (с семьями) насчитывалось 11540 чел., из них 5520 мужчин. Таким образом, доля Н. Р. (1100 чел.) не превышала 20% и она оставалась из года в год относительно стабильной.

Одними из основных видов работ непременных работников И.О.З. были заготовка лесных материалов и извоз. По Положению 1829 г. Н. Р. должны находиться на работах 230 дней в году. На 1850 г. «урок» для Н. Р. составлял 36 наименований работ, в том числе нарубка дров куренных (16 тыс. саженей куб.), заготовка ложевых болванок (30 тыс. шт.), перевозка в заводское селение квартирных дров (3 тыс. саженей куб.), заготовка дегтя (1495 ведер) и смолы (575 ведер), заготовка сена для казенных лошадей (4 тыс. пудов), перевозка на пристань ружей с принадлежностью до 25 тыс. штук (84 ящика) и т.п. Каждый вид работ переводился в

количество подёнщин. Например, рубка одной сажени куренных дров требовала 5 дней. Рабочий же день составляет 12 часов. Указанные виды работ выполнялись в основном зимой, а также весной и осенью. В летнее время, с конца мая по конец сентября, как правило, Н. Р. были заняты в своем домохозяйстве. Выполнение всего «урока» 1850 года требовало 279366 подёнщин, а наличные работники могли выполнить только 252770. Т. е. не хватало более 26,5 тыс. подёнщин. Из этой ситуации вышли следующим образом: недостающие конные подёнщины были отработаны пешими работниками на своих собственных лошадях, а недостающие пешие подёнщины произвели помощники Н. Р., т. е. подростки и старики [Ф.4.О.1.Д.782].

Сколько зарабатывал непременный работник И.О.З.? В 1850 г. пеший работник в год заработал 11 руб. 31 коп. серебром, в том числе жалованья получил 5 руб. 71 коп. и на провиант (16 пудов) – 5 руб. 60 коп. А подёнщина составляла 2 с лишним копейки. «Работник на коне» получил в этот год эти же 11 руб. 31 коп. Сверх этого он получал на покупку овса на 2-х казенных лошадей 11 руб. 25 коп. А также 7 руб. 14 коп. в год ремонтных денег на лошадей и на содержание упряжи. Таким образом, годовая ценность работ Н. Р. составляется 20729 руб. 57 коп. серебром [Ф.4.О.1.Д.782].

Непременные работники ежегодно по сниженной цене получали от завода по 5 пудов железа для исправления телег, колес, саней и земледельческих орудий. По мере необходимости завод выделял своим работникам лес и отводил землю для возведения мукомольных мельниц (к 1850 г. их насчитывалось в округе 82 штуки).

Все семьи Н. Р. имели пашенные земли, сенокосные угодья и огороды. В трех селах заводского округа работали начальные школы для детей Н. Р. Для получения медицинской помощи работники обращались в заводский госпиталь. И наконец, Н. Р. были освобождены от всех податей. Собственно говоря, их работа при заводе и была эквивалентна подати (налогу).

Таким образом, Ижевский завод (как производство и как населенный пункт) являлся центром обширной периферии - заводского округа. Данная территориальная система «центр-периферия» является отличной по своему содержанию от, например, модели И. Тюнена. Дело в том, что функционирование заводского округа осуществлялось не по рыночным законам, а по административным предписаниям. Ижевский завод, в отличие от купеческих Сарапула или Елабуги той же эпохи, получил зону своего тяготения, свою периферию одним росчерком пера. Заводу не было нужды экономически завоевывать эту прилегающую к нему территорию – он получил ее в административном порядке. Крестьяне – жители сельской периферии посещали крупнейшее село Вятской губернии не с торговыми целями (как в классической теории «центр-периферия»), а с тем, чтобы, как обязанные работники, доставить на завод приготовленный ими по наряду уголь и металл с пристани.

Округ Ижевского оружейного завода, будучи по структуре узловым районом, являлся плодом территориальной организации, но не самоорганизации. Другого, имея в виду специфику производства и эпохи (царствование Николая I, склонного к тотальной регламентации, унификации), ожидать не приходилось. Краткий обзор «анатомии и физиологии» корпуса непременных

работников, где всё и вся было расписано, хорошо иллюстрирует это. Спецификой ижевско-заводского варианта модели «центр-периферия» было то, что окружающая завод территория экономически не тяготела к нему. Напротив, завод жизненно нуждался в своей периферии, которая помимо своей воли была втянута в поле его влияния. Непременный работник, о котором писалось выше – главное действующее лицо сельской периферии был «создан» искусственно, административно, а не «получен» на рынке рабочей силы благодаря спросу и предложению.

Устойчивость территориальной системы «Завод – сельская местность» была проверена после 22 ноября 1867 г., когда по Манифесту непременные работники Ижевского завода были освобождены от обязательных работ. Формально прекратил свое существование и заводской округ. Но оружейное производство продолжало функционировать. А это означало, что объективно потребность в материалах и перевозках осталась. И эта потребность была удовлетворена, но уже на ином принципе – принципе найма рабочей силы. Территориальная хозяйственная система продолжала работать. В таком формате она и функционировала, пока древесный уголь, водяное колесо и конская упряжь не были вытеснены паровой машиной, паровозом и пароходом.

Литература

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф. 4, Оп. 1, Д. 157.Л.676.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф. 4, Оп. 1, Д. 782.Л.440.

УДК 911.373 + 314.8 (470.3)

М. Н. Куница

M. Kunitsa

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ

DIFFERENTIATION OF RURAL SETTLEMENT PATTERN OF CENTRAL RUSSIA: DEMOGRAPHIC FEATURES OF THE PROCESSES OF TRANSFORMATION

Рассмотрены особенности дифференциации сельского расселения Центральной России в контексте демографического потенциала на разных уровнях – межрегиональном, региональном и локальном. Выделены главные черты процессов трансформации и территориальной контрастности расселенческо-демографических отношений в сельской местности.

The features of differentiation of rural settlement pattern of Central Russia in the context of demographic potential are discussed at different levels – interregional, regional and local. The leading features of the processes of transformation and territorial contrasts of relations between demographic structure and settlement pattern in rural district are identified.

Ключевые слова: сельское расселение, населенный пункт, демографическая структура, расселенческо-демографические отношения, дифференциация, трансформация.

Key words: rural settlement pattern, settlement, demographic structure, relations between demographic structure and settlement pattern, differentiation, transformation.

Для современного периода характерна активная трансформация систем сельского расселения староосвоенных регионов Центральной России (Центрального федерального округа). Комплекс гетерогенных факторов (доминирующих социально-

экономических, геополитических, этно-демографических, природно-экологических) формирует новые «вызовы», среди которых резко возрастает роль демографического. На них система отвечает количественными и качественными изменениями процессов и структуры, развивающихся по трем «векторам» – усложнения, адаптации, деградации.

Происходит трансформация расселенческо-демографических отношений [1]. Для разных стадий развития расселения характерны различные типы демографических процессов. На первой стадии (начальный период урбанизации) демографические ресурсы села достаточны для развития городских и сельских поселений; на второй – урбанистической – дефицит ресурсов сопровождался их концентрацией, особенно в пригородах, и депопуляцией глубинки; переход к третьей – интегрированному расселению – идет на фоне интенсивной поляризации демографической системы [2].

Среди закономерностей развития расселения наиболее значимые: цикличность, стадиальность, ассиметричность, сжатие селитебно-демогра-фического пространства. Современный этап характеризуют признаки стадии кризиса. Согласно разработанной автором системе цикличного развития расселения Центральной России он – закономерен [3].Активизируется процесс дифференцирования поля расселения. Тенденция выделения двух качественно различных частей – жизнеспособной и депопулирующей с отмирающими пунктами характерна для большинства регионов.

Усиливается деградация расселения, стадиями развития которой являются разрушение и измельчение сети. Обостряется проблема «пустующих деревень».С 1989 по 2010 год их число в

ЦФО выросло в 2,3 раза (с 4235 до 9732) [4; 5].Ареал наибольшей активности этого тренда расширился, хотя доля пустующих сел остается максимальной (20-26% сети) на севере и северо-западе. Нарастает мелкоселенность. Повышается степень социально-территориальной обособленности поселений. Удельный вес сел с людностью до 10 человек – «переходных к пустующим» варьирует от 55 – 40% в северных и северо-западных Ярославской, Костромской, Ивановской, Тверской, Смоленской, центральной Калужской, 36 – 30% в Тульской, Владимирской, Рязанской, Орловской до 10 – 8% в черноземных Белгородской и Воронежской областях. Данный тип сел – наиболее неустойчивый элемент расселения. Их отмирание усилит депопуляцию. Значительны региональные особенности сжатия селитебного пространства. Максимально выражен тренд реального и потенциального «размывания» сети на севере и северо-западе ЦФО. Остро проблемно периферийные депрессивные районы всех субъектов с активной депопуляцией. Интенсивность процесса уменьшения сельского населения нарастает с удаленностью от регионального центра. Только за период 2002-2010 годов в округе она соответственно выросла от -5,2% в районах – соседях первого порядка такого центра до – 13,1% – 5-го и более порядков [6].

Сокращается демографический потенциал населенных пунктов. Высокая естественная и миграционная убыль определяли снижение численности и способствовали старению населения большинства сел. Негативные процессы воспроизводства воздействуют на изменение социально-экономических функций поселений, их устойчивости. Эта проблема наиболее выражена в

Тверской, Смоленской, Костромской, Рязанской, Курской областях с высоким удельным весом депрессивных районов. Современный приток в ряд субъектов пока не оказывает существенного положительного влияния. Исключение – регионы с замещающей миграцией, особенно Московская область. Для радиоактивно загрязненного юго-запада Брянской области характерна демографическая деградация зоны отчуждения, активная депопуляция зоны обязательного отселения.

Повышается степень дифференциации сельского расселения. Наиболее неустойчивый элемент – очень малые села (1-50 чел.). Другой полюс – большие (501-1000 чел.) и крупные села (1001-2000 чел.), положение которых в сети довольно стабильно. Они выполняют функции местных организационных, агропромышленных центров. Наиболее устойчивые крупнейшие (более 2000 чел.) пункты служат ядрами формирования типов расселения локального ранга. Большинство людей проживает в средних по людности селах (201-500 чел.), обладающих разной степенью устойчивости.

Углубляется поляризация расселения. Стадия урбанизации, сопровождающаяся значительным снижением демографических ресурсов и концентрацией сельского населения, типична и для современного этапа. Наметившийся переход к стадии интегрированного расселения с выраженной поляризацией среды формирует новый опорный каркас расселения [2, 7]. Социально-экономические и демографические различия типов сельской местности нарастают – от развивающихся пригородных до активно депопулирующих периферийных [8].Современные позитивные

демографические процессы ослабили, но кардинально не изменили сложившиеся тренды.

Значительны региональные особенности процессов трансформации расселенческо-демографических отношений в сельской местности. В ЦФО выделяются несколько контрастных зон. Первая – регионы с мелко- и мелко-среднеселенным расселением (Костромская, Тверская, Ярославская, Ивановская, Смоленская, Калужская области). Их отличают особо неблагоприятные социально-демографические условия развития сельской местности (естественная убыль кризисного, а сейчас и предкризисного уровня, высокая миграционная зависимость «приток-отток», регрессивная половозрастная структура, активное старение населения, очень высокая демографическая нагрузка), низкая плотность населения, абсолютное доминирование наиболее неустойчивых очень малых поселений (свыше 75%), высокий удельный вес «переходных к пустующим» сел, особенно активный процесс отмирания пунктов на периферии и полупериферии, пригородная и прикаркасная концентрация. Интенсивность потенциального сжатия селитебно-демографического пространства – наибольшая.

Вторая – регионы с преобладанием среднеселенного расселения (Брянская, Орловская, Тульская, Владимирская, Рязанская области). Их характеризует неблагоприятные социально-демографические условия развития территории (переход естественной убыли от кризисного к предкризисному уровню, миграционная зависимость и контрастность «приток-отток», разбалансированная половозрастная структура, высокая демографическая нагрузка), средняя плотность населения,

доминирование наиболее неустойчивых сел (55-70%), ликвидация пунктов на периферии, начало возрождения деревень в полупригородах, активная пригородная, менее выраженная концентрация в пределах функционально-планировочных коридоров. Высока интенсивность потенциального сжатия селитебно-демографического пространства.

Третья – регионы с средне-крупноселенным и крупноселенным расселением (Белгородская, Воронежская, Липецкая, Курская, Тамбовская области), неблагоприятными социально-демографическими условиями развития районов (естественная убыль кризисного и предкризисного уровня, миграционная зависимость «отток – приток», разбалансированная половозрастная структура, средняя демографическая нагрузка), повышенной плотностью населения, пониженным удельным весом наиболее неустойчивых поселений (30-50%), значительным – центров устойчивости, сокращением пунктов периферии, возрождением сел на полупериферии, стягиванием поселений в пригородные зоны. Интенсивность потенциального сжатия селитебно-демографического пространства средняя и низкая.

Четвертая – Московская область с ростом населения вследствие замещающей естественную убыль докризисного уровня интенсивной миграции, средне-крупноселенным поляризованным расселением, высокой плотностью населения, значительным распространением наиболее неустойчивых сел (58%), повышенной ролью центров устойчивости, концентрирующих максимальную для ЦФО долю сельского населения, незначительным сокращением сети, относительно небольшими ареалами депопуляции. Активны процессы возрождения деревень, формирования нового типа –

коттеджных поселений [7]. Это – важные факторы снижения интенсивности потенциального сжатия селитебно-демографического пространства.

Процессы дифференцирования сельского расселения особо динамичны и специфичны в наиболее радиоактивно загрязненной Брянской области. Выражены их стрессовая перестройка, резкое снижение уровня демо-экологической безопасности жизни людей и устойчивости поселений, территориальные контрасты. Выделены 5 региональных типов расселения.

Первый – особо проблемный мелко-среднеселенный. Характерен для северо-западной периферии области (Рогнединский район). Минимальна плотность населения, максимальна доля пустующих, очень малых и малых (до 200 чел.) наименее устойчивых категорий сел. Интенсивны процессы депопуляции, сжатия селитебно-демографического пространства. Важно усиление системообразующей роли пгт., сельских опорных поселений.

Второй тип – среднеселенный. Он доминирует в области и представлен системами расселения 18 из 27 районов. Выражено преобладание категорий средних – относительно устойчивых и больших сел – центров устойчивости каркаса сельского расселения. Доля пустующих пунктов, очень малых и малых поселений ниже, чем в первом типе. Активны депопуляция и сжатие селитебно-демографического пространства, особенно на периферии и полупериферии, поляризация, дифференцирование расселения.

Среди подтипов выделяется особый, сложившийся на наиболее радиоактивно загрязненном юго-западе области в пределах 7 районов. Его отличает значительный динамизм, сложность процессов трансформации. Интенсивность депопуляции различна при доминировании высокой, а сжатия селитебно-демографического пространства – максимальна в области. Остры демо-экологические

проблемы населенных пунктов. Контрастна территориальная структура. Процессы дифференцированы по зонам загрязнения. Для зоны отчуждения характерны демографическая и экономическая деградации, зоны отселения – интенсивная депопуляция, поляризация, упрощение функциональной структуры. В зоне проживания с правом на отселение основные процессы – депопуляция, нарастание мелкоселенности, стабилизация населения в больших и крупных пунктах, неоднократное изменение межселенных связей. В зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом – активизация мелкоселенности, поляризация, рост демографического и производственного потенциала больших и крупных сел. Приоритеты развития – усиление взаимосвязанности систем, снижение степени экономической депрессивности и демографической «дегрессивности» городов и сел, возрастание роли опорных центров.

Третий тип – среднеселенный со значительной долей крупных населенных пунктов. Характерен для 5 районов полупригородов и полупериферии. Преобладают категории средних и больших сел при выраженной роли (до 40%) в сети крупных и крупнейших поселений – центров развития сельской местности. Доля вымирающих деревень, наиболее неустойчивых очень малых и малых пунктов меньше, чем в первом и втором типах. Ведущие процессы трансформации – депопуляция, концентрация, дифференцирование, сжатие селитебно-демографического пространства. Приоритеты развития – укрепление опорного каркаса вследствие повышения социально-экономического потенциала городских поселений и сельских локальных центров, сел в пределах расселенческо-планировочных осей.

Четвертый тип – средне- и крупноселенное расселение со значительной долей крупных населенных пунктов. Представлен в

полупригородном Дятьковском районе. Демографический потенциал сельской местности сейчас возрастает вследствие естественного и миграционного прироста населения. Наблюдается рост плотности населения и стабилизация сети поселений. Важна задача создания социально-экономических условий сохранения положительного тренда.

Пятый тип – крупносеменное расселение Брянского пригородного района. Его основу составляют крупные и крупнейшие села разных функциональных типов – аграрного, агропромышленного, пригородного, рекреационного. Замещающая естественную убыль миграция определяет рост значительной плотности населения, укрупнение поселений. Выражено усложнение функций сел при увеличении их количества в результате перевода в данную категорию всех пгт. Приоритеты развития – повышение уровня сформированности системы вследствие активизации роли сельских опорных поселений, сел в пределах расселенческо-планировочных осей.

Исследование дифференциации сельского расселения в контексте контрастности расселенческо-демографических отношений – важное направление разработки и реализации региональной социально-экономической политики развития сельской местности Центральной России.

Литература

1. Куница М. Н. Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. / М. Н. Куница – Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009. – 312 с.

2. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. / Ж. А. Зайончковская – М.: Наука, 1991. – 130 с.

3. Куница М. Н. Цикличность развития сети поселений в староосвоенных регионах / М. Н. Куница // Вестник Московского университета. – Серия 5. География. 2012. – № 2. – С. 65-71.

4. Сельские населенные пункты РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. – 367 с.
5. Численность и размещение населения: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: ИИЦ Статистика России, 2012. – Т. 1. – 1071 с.
6. Карачурина Л. Б. Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Вопросы географии. Сборник 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. – М.: Кодекс, 2013. – С. 82-107.
7. Зайончковская Ж. А. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций / Ж. А. Зайончковская, Г. В. Иоффе // Вопросы географии. Сборник 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. – М.: Кодекс, 2013. – С. 188-223.
8. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. / Т. Г. Нефедова – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.

УДК 911.3

Ж. В. Лазарева

Z. Lazareva

ПРОЦЕССЫ КОНЦЕНТРАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ» НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

THE PROCESS OF CONCENTRATION OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF THE OMSK REGION IN THE "CENTER-PERIPHERY" AT THE LOCAL LEVEL: CHALLENGES AND OVERCOMING CONDITIONS

В статье представлена характеристика современной инфраструктуры Омской области и города Омска. Сформулированы проблемы и основные перспективы развития асимметрии в развитии транспортной инфраструктуры региона. Дано описание перспектив

решения современных проблем развития транспортной инфраструктуры Омского региона.

This paper presents the characteristics of a modern infrastructure of the Omsk region and the city of Omsk. Formulated the basic problems and prospects of development of asymmetry in the development of transport infrastructure in the region. The description of the prospects of solving modern problems of development of transport infrastructure of the Omsk region.

Ключевые слова: транспорт города Омска и Омской области, транспортная инфраструктура региона, показатели развития основных видов транспорта региона, характеристика основных объектов и процессов асимметрии развития транспортной инфраструктуры региона.

Keywords: transport of Omsk and the Omsk region, the transport infrastructure of the region, the main indicators of development of transport in the region, the main characteristics of objects and processes of asymmetry development of transport infrastructure in the region.

В системе «центр-периферия» наиболее часто диспропорции развития региона отражаются в картине транспортной инфраструктуры.

Благодаря своему географическому положению Омская область обладает высоким транспортным потенциалом. Её пересекают Транссибирская железнодорожная магистраль, соединяющая западные и восточные районы страны, а также северные территории России с областями Республики Казахстан и Средней Азии, автомобильные дороги федерального значения Р 254 «Иртыш» и Р402 (Тюмень-Ишим-Омск).

В общей сложности по территории области проходят 775 км железнодорожных путей общего пользования и 593 км подъездных путей необщего пользования, более 20 тыс. км автомобильных дорог, из них – 10,5 тыс. км дорог общего пользования регионального значения, в том числе 7,3 тыс. км с твердым покрытием, 1479 км

внутренних водных судоходных путей, 655 км нефте- и нефтепродуктопроводов.

Транспорт в Омской области – одна из важнейших отраслей экономики. Город Омск является крупным транспортным узлом. В областном центре, за исключением метро, функционируют практически все виды транспорта: автомобильный, железнодорожный, внутренний водный, городской электрический, воздушный и трубопроводный, что обеспечивается деятельностью 74 крупных и средних транспортных организаций, 212 малых организаций. В транспортных отраслях сосредоточено 17,2% основных производственных фондов и занято 7,2% общей численности экономически активного населения (более 46 тыс. человек).

Исторически наиболее старшим видом транспорта в Омске является внутренний водный транспорт, именно в ходе речного похода был основан Омск. На протяжении истории развития город тесно связан с рекой Иртыш. Особое значение пассажирский и грузовой флот Омска получил в 50е г. прошлого столетия. Каждый год рос грузооборот флота, число маршрутных линий и пассажиров. Так в 1951 г. омский флот перевез 335 тыс. пассажиров, а в 1954 г. 1300 тыс. чел. [3]. Чем далее, тем очевиднее становилась необходимость строительства в городе нового, отвечающего современным требованиям, речного вокзала, который был построен в 1964 году. Находится Речной вокзал в самом центре города: на месте основания Омской крепости. На современном этапе вокзал осуществляет пассажирское сообщение по Иртышу. ОАО «Иртышское пароходство» на период трёхмесячной навигации обслуживает маршруты на линии Омск-Салехард (через Тобольск, Ханты-Мансийск), на скоростных линиях Омск – Тевриз и Тевриз-Малая Бича. По указанным маршрутам ходят теплоходы

«Чернышевский», «Родина» и скоростные суда Восход и Заря соответственно. На сегодняшний день это одни из немногих сохранившихся речных пассажирских маршрутов в России. Речной грузовой порт Омской области находится в черте города в Ленинском административном округе на стратегически значимом пересечении с Транссибом, основан он был в 1951 году. В 1970-е годы Омский речной порт являлся крупнейшим перевалочным портом на Иртыше, на его долю приходилось более 30% общего объема погрузочно-разгрузочных работ в Иртышском бассейне, на современном этапе менее 20%.

Основными перевозчиками пассажиров и грузов являются ОАО «Иртышское пароходство» и ОАО «Омский речной порт». В 2013 году по основным маршрутам перевозчики перевезли 4747 пассажиров. Последние 10 лет наблюдается динамика снижения пассажирооборота на 15-20 % каждый год [1]. Перевозку минерально-сырьевых грузов (песок, щебень, ЖБИ, кирпич, твердое топливо, нефтепродукты, лесные грузы и металлоконструкции) осуществляет ОАО «Омский речной порт». Поступающие с железнодорожного транспорта грузы перевозят собственным флотом в любой приречной район Обь-Иртышского бассейна (отдаленные районы Омской и Тюменской областей).

Безусловным лидером по грузо- (67% от общего объема) и пассажирообороту (49% от общего пользования) является железнодорожный транспорт Омской области. Именно благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали город Омск получил важный толчок развития в разные исторические этапы. В городе находятся два железнодорожных вокзала, расположенных по соседству и образующих привокзальную площадь: «Омск – Пассажирский» и «Омск – Пригородный».

Динамика развития железнодорожного транспорта Омской области за последние 20 лет показывает стабильность и постоянный рост основных экономических показателей, без резких взлетов и падений объемов производства транспортных услуг. Железнодорожный транспорт Омской области стоит в одном ряду с основными градообразующими предприятиями г. Омска по финансовым показателям и по числу занятых в транспортной отрасли.

Как свидетельствует летопись официальная дата рождения Омского аэропорта 1929 год. Но оформился облик современной омской авиации в 1970 годы, когда официально было введено в эксплуатацию здание аэровокзала Омского аэропорта, который сейчас находится недалеко от центральной части города. В 90-е годы объемы перевозок пассажиров, почты и грузов достигли максимальных объемов. Отправка пассажиров без учета транзита превышала 1млн чел в год. Омский аэропорт был одним из крупнейших на магистрали Москва – Дальний Восток, был связан с более чем 80 городами Советского Союза. В конце 90-х Омскому аэропорту присвоен статус международного. В 2000-е годы была проведена реконструкция и модернизация инфраструктуры аэропорта. На современном этапе география маршрутов из аэропорта «Омск-Центральный»: Москва, Санкт-Петербург, Хабаровск, Владивосток, Иркутск, Краснодар, Екатеринбург, Сочи, Геленджик, Ростов, Анапа, Красноярск, города Тюменского севера и другие, города СНГ, страны дальнего зарубежья – Турция, Греция, Тунис, Египет, Тайланд, Китай, ОАЭ, Германия. В настоящее время аэропорт сотрудничает со многими перевозчиками, такими как «Аэрофлот», «ИрАэро», «Трансаэро», «S7 Airlines», «Ютэйр», «Россия», «Оренбургские авиалинии», «Pegasus Airlines», «Astra Airlines», «Air Astana», «Эйр Бишкек» и другие [4]. По данным информационного бюллетеня «Авиационный рынок» по перевозке

пассажиров на внутренних и международных воздушных линиях за январь 2011 года Омский аэропорт занимал 27 место, а по перевозке грузов, почты – 29 среди аэропортов России. По итогам работы 2012 года аэропорт «Омск-Центральный» обслужил 872224 пассажиров, это на 20% больше, чем показатели 2011. За последние 5 лет наблюдается положительная динамика пассажирооборота Омского аэропорта. Более 80% всех пассажирских перевозок приходится на внутренние авиалинии (689822 чел.), из которых более 70% пассажиров перевезено в направление Москва и Санкт-Петербург. На международных воздушных линиях последние 5 лет наблюдается рост пассажирооборота (каждый год на 35 %). Основной поток пассажиров в страны дальнего и ближнего зарубежья составил 182342 человека и осуществлялся по направлению: Анталья и Стамбул (42% пассажиров); Египет, Китай, Тунис, Таиланд (25% пассажиров); Германия (12% пассажиров); Греция (5% пассажиров); страны ближнего зарубежья (16% пассажиров).

На северо-западе в 18 км от границы города в 1989 году началось строительство нового омского аэропорта «Омск-Федоровка». Но из-за отсутствия должного финансирования активные попытки строительства нового аэропорта возобновлялись в 1996, 2001, 2005, 2008 гг. и планировалось, что к 2016 году строительство будет завершено, но на сегодняшний момент строительство международного аэропорта заморожено и продолжается активный поиск инвесторов для осуществления проекта [5].

В городе Омске активно эксплуатируются наземные виды общественного транспорта. В Омске действуют маршруты городских автобусов, троллейбусов и трамвайные системы, ведется строительство метрополитена. Через город проходят крупные

автомагистрали широтного направления: **Р 254 «Иртыш»** (бывшая М51) самая загруженная трасса соединяющая европейскую часть маршрута Е30 и азиатский маршрут АН6. Благодаря строительству Южного обхода протяженностью 56,6 км, центр города освободился от транзитного транспорта двухстороннего потока из европейской в азиатскую часть и обратно. Субмеридианальном направлении проходит трасса **Р402** (Тюмень-Ишим-Омск), которая расходится в двух направлениях Р390 (Омск-Русская поляна) и Р393(Омск – Одесское – граница с Казахстаном). Северные районы Омской области слабо вовлечены в транспортную инфраструктуру, интенсивность движения наблюдается по основным указанным трассам федерального значение. Сообщение областного центра города Омск осуществляется со всеми областными центрами районов Омской области, хотя интенсивность транспортных перевозок значительно снижается каждый год.

Анализ статистических данных, характеризующих развитие транспортной инфраструктуры автомобильного транспорта более четко показывает проблемы концентрации транспортной инфраструктуры в центре области городе Омске. В городе Омске сосредоточено 70 % населения Омской области (1142,9 тыс. чел.) [2]. При этом в самом городе Омске население относительно равномерно распределено по 4-м округам города. При этом основная часть промышленно-производственных объектов и социальной инфраструктуры сосредоточена в Центральном административном округе (37% и 42% соответственно). Безусловно, это приводит к затруднению передвижения населения по основным магистралям соединяющим центр города с периферией, так называемыми спальными районами города, где проживает основная часть населения (Советский, Октябрьский и Кировский районы). Учитывая тот факт, что каждый 3 житель города имеет личный

автомобиль, то загруженность основных городских магистралей соединяющих центр города с периферией в часы наибольшего передвижения (утро и вечер) достигает до 8 баллов из 10.

Характеризуя систему городского пассажирского транспорта (далее ГПТ), необходимо отметить ключевые факторы, отрицательно влияющие на ее эффективность и устойчивость, к которым относятся:

1) постепенное сокращение числа автобусов большого класса, троллейбусов и трамваев при общем росте загруженности транспортной сети города Омска за счет роста числа передвижений граждан на личных транспортных средствах и автобусов малого класса (маршрутные такси);

2) отсутствие единой маршрутной сети ГПТ;

3) недостаточная эффективность системы управления ГПТ;

4) тарифная политика, не учитывающая необходимые потребности перевозчиков;

Проблемой автомобильного пассажирского транспорта области является увеличение числа подвижного состава с истекшим сроком эксплуатации. Более 70 процентов подвижного состава перевозчиков прошли установленный срок амортизации. Как следствие износа подвижного состава снижается уровень технической надежности и безопасности пассажирского транспорта. Кроме того, растут затраты на эксплуатацию подвижного состава и себестоимость пассажирских перевозок по Омской области. Для улучшения транспортной доступности города, в настоящее время в городе ведется строительство метро.

Таким образом, процессы концентрации транспортной инфраструктуры в системе «центр – периферия» очевидны. В центре Омской области городе Омске сосредоточена большая часть транспортной инфраструктуры, плотность дорог в городе в десятки

раз больше, чем показатели по Омской области в целом. Более того в городе наблюдается существенная дифференциация по уровню обеспеченности транспортной доступности административных округов города. Крупные объекты инфраструктуры, такие как аэропорт, речные вокзалы, железнодорожные вокзалы сосредоточены в центре города. Целевые программы федерального и муниципального уровня по развитию транспортной инфраструктуры последние 10 лет сводятся к реконструкции основных объектов инфраструктуры. Генеральный план развития транспортной инфраструктуры города Омска и Омской области принятый в 90-е годы не отличается от того, что был принят ещё в 70-е годы прошлого столетия. Когда были обоснованны и приняты решения о строительстве нового аэропорта, мостов и метро в городе. Важными проектами, которые удалось реализовать, является строительство и запуск моста имени 60-летия Победы, который имеет стратегическое значение, так как совмещает автомобильный и метромост через реку Иртыш, и существенно разгрузил мост Ленинградский мост соединяющий крупный жилой массив с центром города. И Октябрьский мост через реку Омь, соединивший крупные жилые комплексы города Омска.

Условия преодоления проблем развития транспортной инфраструктуры в основном сосредоточены на центре Омской области городе Омске. Где основные усилия направлены на создание комфортной среды для автомобильного городского транспорта и пешеходов за счет расширение и увеличение пропускной способности имеющихся дорог, строительство подземных пешеходных переходов, улучшение качество предоставляемых услуг городского транспорта.

Возрастающая асимметрия в развитии транспортной инфраструктуры объясняется объективными и субъективными

факторами, которые требуют комплексного решения в системе «центр-периферия».

Литература

1. Итоги работы Министерства строительства, транспорта и жилищно-коммунального комплекса Омской области за I полугодие 2013 года
2. Омский областной статистический ежегодник. Официальное издание. Ст. сб. Часть 2. – Омск: Омскстат, 2014. – 404с.
3. Речные ворота Омска. – Омск: Омское книжное издательство, 1984 г.
4. ОАО «Омский аэропорт» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aeroomsk.ru/main.php?id=100 – официальный сайт
5. ОАО «Омский аэропорт» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://omsk-fedorovka.ru.

УДК 332.122.6

С. С. Лачининский, И. В. Семенова

S. Lachininskii, I. Semenova

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРИМОРСКИХ МИРОВЫХ ГОРОДОВ[4]

SOME APPROACHES TO THE STUDY OF THE SEASIDE WORLD CITIES

В данной статье предпринята попытка исследования ведущих приморских мировых городов. Мировые города представляют собой опорный каркас или «геоэкономический шатер» глобализированного геоэкономического пространства. В свою очередь приморские мировые города являются опорным каркасом глобальной логистической системы, входящей в глобализированное геоэкономическое пространство. Фактически эта глобальная логистическая система является базисом мировой торговли и мировой экономики.

This paper is devoted to the research of the leading seaside world cities. The world cities represent a basic frame or "a geo-economic tent" of the globalized geo-economic space. The seaside world cities in turn are a basic framework of the global

[4] Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ №14-06-31106

logistic system entering into the globalized geo-economic space. Actually, this global logistic system is the base of the world trade and the world economy.

Ключевые слова: геоэкономика, геоэкономический подход, приморский регион, мировые города, контейнерный порт, приморский мировой город.

Keywords: geo-economy, geo-economic approach, seaside region, world cities, container port, CWS.

За последние 60 лет наблюдается ускорение глобализации и сопутствующих геоэкономических процессов – регионализации, транснационализации, интернационализации и глобализации.

В пространственном отношении эти процессы в наибольшей степени затрагивают мировые города и приморские регионы, которые ориентированы на глобализированное геоэкономическое пространство.

Мировые города, представленные тремя основными группами – альфа, бета и гамма, образуют опорный каркас или «геоэкономический шатёр» для глобализированного геоэкономического пространства (подробнее в [1]). Ведущие мировые города являются не только полюсами экономического роста и важнейшими политическими центрами, они становятся местами концентрации транснационального бизнеса, мировых СМИ, банковского капитала и высокотехнологичных услуг, мировых университетов и ключевых транспортных потоков (подробнее в [2-6]).

Что касается приморских мировых городов (CWS), то они являются опорным каркасом глобальной логистической системы, входящей в глобализированное геоэкономическое пространство. Фактически эта глобальная логистическая система является базисом мировой торговли.

Ж.-П. Родриг указывает, что: «Портовые города – стратегические узлы для крупнейших торговых областей мира, таких

как Европа и Азия, учитывая, что больше чем 90% торгового оборота происходит морским путем» [7].

Кевин О'Коннор [8] пишет о том, что приморские регионы мировых городов, используя приморскую инфраструктуру и близость крупного аэропорта, будут играть огромную роль в глобальной логистике. Он справедливо указывает, что портовый комплекс и инфраструктура аэропорта являются критическим фактором в утверждении роли мирового города в глобальной логистической деятельности.

Одними из самых ярких примеров подобных глобальных логистических узлов можно считать – Гонконг, Шанхай, Сингапур, Роттердам, Хьюстон, Токио, Гуанчжоу и другие.

Для целей нашего исследования был составлен рис.1, который показывает внутреннюю структуру «геоэкономического шатра» и место в нем CWS.

Мировые города

Альфа ++ (2 города)	*Бета+* (24 города)	*Гамма+* (19 городов)
Альфа + (8 городов)	*Бета* (18 городов)	*Гамма* (18 городов)
Альфа (13 городов)	*Бета –* (36 городов)	*Гамма –* (22 города)
Альфа – (22 города)	**182 города**	

CWS

Альфа ++ (2 города)	*Бета+* (13 городов)	*Гамма+* (11 городов)
Альфа + (7 городов)	*Бета* (13 городов)	*Гамма* (9 городов)
Альфа (6 городов)	*Бета –* (16 городов)	*Гамма –* (9 города)
Альфа – (14 городов)	**100 городов**	

Рис. 1. Приморские мировые города в системе мировых городов

Из рисунка 1 видно, что 55% мировых городов попадают в группу CWS, что отражает общемировую тенденцию сдвига к морю. Это обстоятельство позволяет нам изучать CWS как отдельный феномен.

В таблице 1 показано позиционирование некоторых CWS в системе мировых городов по ряду показателей. Нами были отобраны характерные CWS, представляющие все десять категорий мировых городов. Видно, что категория мирового города и его ранг в системе опорных центров «геоэкономического шатра» не в полной мере зависит от ВВП, рейтинга глобальных городов или грузооборота портов. Вместе с тем, очевидно, что приморский признак, включая портовую и торговую составляющую, играет очень важную роль, прежде всего, за счет логистического компонента.

Ниже попытаемся проанализировать роль приморского фактора для глобальной конкурентоспособности мирового города.

Таблица 1

Позиционирование некоторых CWS в системе мировых городов

CWS	Ранг в системе мировых городов	Рангв Global Cities Index 2012 г.	Индекс ВВП, 2025 г.	Категория мирового города (по П. Тейлору)	Индекс грузо-оборота морского порта	Индекс грузо-оборота контейнер-ного порта
Нью-Йорк	2	1	100,0	α ++	11,9	11,1
Шанхай*	6	21	23,1	α +	100,0	100,0
Лос-Анджелес	18	6	57,0	α	12,5	28,6
Сеул	24	8	23,1	α -	10,9	4,0
Гуанчжоу	50	60	14,7	β +	43,4	35,9
Ванкувер	76	-	8,0	β	12,3	5,5
Роттердам	119	-	3,8	β -	43,8	24,1
Осака	143	47	27,6	γ +	8,5	4,2
Марсель	147	-	4,2	γ	8,5	9,1
Тяньзинь	164	-	7,7	γ -	47,3	24,9

*- с портом Нинбо

В табл. 2. были выбраны 15 CWS – лидеров по некоторым важным индикаторам, охватывающим – экономику (ВВП), демографический потенциал (численность населения), интеграцию в мировую экономику (грузооборот морского и контейнерного порта) и позицию в *Global Cities Index*[5] *(A. T. Kearney),* учитывающего бизнес активность, человеческий капитал, информационный обмен, культурный потенциал и политический вес. Важным индикатором мог бы быть внешнеторговый оборот CWS.

К сожалению, мировая статистика не дает полных данных по внешнеторговому обороту всех мировых городов, хотя известно, что Гонконг имеет 1157 млрд долл., Шанхай – 801 млрд долл., Сингапур – 783,3 млрд долл., Тяньзинь – 117 млрд долл., Нью-Йорк – 85 млрд долл., Хьюстон – 81 млрд долл., а Санкт-Петербург – 70 млрд долл. Полный рейтинг мог бы внести заметные коррективы в табл. 2.

Данные табл.2 были переведены нами в баллы от 15 до 1 по каждому параметру и для каждого города, а итоговый результат отражен в табл. 3. Результаты показывают, что 11 из попавших в табл. 2 CWS, являются лидерами по грузообороту морского и (или) контейнерного порта, а остальные города имеют крупные портовые мощности мирового класса. Например, порты Сантоса (Сан-Паулу) обеспечивают перевалку почти 3 млн TEU контейнеров и 101 млн тонн грузов, порты Большого Лондона – 4,8 млн TEU и 82 млн тонн грузов, порт Инчхон (Сеул) – около 2 млн TEU и почти 110 млн тонн грузов. Единственный приморский город, не имеющий мощного портового комплекса – это Вашингтон, что связано с ограниченной территорией и особым столичным статусом города.

[5] Американский журнал «ForeignPolicy», вместе с чикагской консалтинговой фирмой «А.Т. Карни» и Чикагским Советом по международным отношениям, подготовили ранжирование глобальных городов, основанных на консультациях с крупнейшими исследователями феномена мировых городов – С.Сассен, В.Рыбчинским и другими Рейтинг выходит ежегодно с 2008 года.

Таблица 2

CWS – лидеры по некоторым индикаторам (составлено по [9-12])

CWS – лидеры				
по ВВП *2025 год (прогноз)*	по грузо-обороту морского порта *2012 год*	по грузо-обороту контейнерного порта *2012 год*	по численности населения консоли-дированной агломерации *2012 год*	GlobalCitiesIndex *2012 год*
Нью-Йорк	Шанхай*	Шанхай*	Токио	Нью-Йорк
Токио	Сингапур	Сингапур	Джакарта	Лондон
Шанхай	Тяньзинь	Гонконг	Сеул	Токио
Лондон	Роттердам	Гуанчжоу	Шанхай	Гонконг
Лос-Анджелес	Гуанчжоу	Гамбург[1*]	Манила	Лос-Анджелес
Тяньзинь	Хьюстон	Лос-Анджелес[2*]*	Карачи	Сингапур
Вашингтон	Гонконг	Дубай	Нью-Йорк	Вашингтон
Хьюстон	Токио[3*]	Тяньзинь	Сан-Паулу	Сеул
Сан-Паулу	Куала-Лумпур	Роттердам	Осака	Сидней
Гуанчжоу	Антверпен	Куала-Лумпур	Мумбаи	Шанхай
Осака	Сидней	Антверпен	Гуанчжоу	Буэнос-Айрес
Филадельфия	Дубай	Токио[3*]	Лос-Анджелес	Бостон
Бостон	Санкт-Петербург	Бангкок	Калькутта	Сан-Франциско
Сан-Франциско	Гамбург[1*]	Джакарта	Буэнос-Айрес	Барселона
Гонконг	Лос-Анджелес[2*]	Нью-Йорк	Стамбул	Мельбурн

* – с портом Нинбо; [1*] – с портом Бремен; [2*] – с портом Лонг-Бич; [3*] – с портом Иокогама

Таким образом, можно констатировать, что все выделенные CWS кроме Вашингтона, имеют особое положение в глобальной логистической системе. Это положение определяется, как правило, наличием крупнейшего морского и (или) контейнерного порта.

При этом необходимо понимать, что выделенные CWS – лидеры являются, как правило, крупнейшими мировыми агломерациями с гигантским рынком сбыта. Фактически – это форпосты глобализации для своих стран и (или) целых интеграционных группировок и регионов.

В этом плане показателен пример Роттердама, который, не являясь крупным населенным пунктом, представляет собой торговые ворота Европейского Союза в связях с Восточной Азией, Евразийским Союзом и НАФТА.

Таблица 3

CWS – лидеры по итоговой балльной оценке

№	CWS – лидеры	Итоговый балл
1	Шанхай	61
2	Токио	54
3	Нью-Йорк	40
4	Сингапур	38
5	Лос-Анджелес	37
6	Гонконг	35
7	Гуанчжоу	34
8	Тяньзинь	31
9	Лондон	26
10	Сеул	21
11	Роттердам	19
12	Вашингтон	18
13	Хьюстон	18
14	Джакарта	16
15	Сан-Паулу	15

Подробному исследованию влияния приморского фактора на развитие CWS на основе корреляционно-регрессионного анализа с учетом таких данных, как численность населения, внешнеторговый оборот порта, ВВП и др. будет посвящена дальнейшая работа.

Литература

1. Анохин А. А. Эволюция идей и содержания геоэкономических исследований / А. А. Анохин, С. С. Лачининский // Известия Русского географического общества. – 2014. – Т.146. – №2. – С. 66-76.

2. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press. 1 sted / S. Sassen. – 1991. – 480 p.

3. Taylor P. J. Exploratory Analysis of the World City Network / P. J. Taylor, G. Catalano and D. R. F. Walker // Urban Studies. – 2002. – Vol. 39. – №13. – P. 2377-2394

4. Слука Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. / Н. А. Слука – М., 2005 – 168 с.

5. Слука Н. А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства / Н. А. Слука // Региональные исследования. – 2006. – № 1. – С. 5-21.

6. Чубаров И. Г. Исследования глобальных городов в России и за рубежом // Региональные исследования. – 2013. – №3 (41). – с. 13-22.

7. Rodrigue Jean-Paul, Comtois C., and Slack B. The Geography of Transport Systems. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.geog.umontreal.ca/Geotrans/fr/ch3fr/conc3fr/ch3c3fr.html, accessed by November 2006.

8. O'Connor Kevin Global city regions and the location of logistics activity // Journal of Transport Geography. – 2010. – №18. – pp.354–362

9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: //atkearney.com/research-studies/global-cities-index (дата обращения: 07.03.2015).

10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: //aapa.files.cms-plus.com – (дата обращения: 07.03.2015).

11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: //www.worldatlas.com/citypops.htm – (дата обращения: 07.03.2015).

12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: //www.mckinsey.com/insights/urbanization/urban_world – (дата обращения: 07.03.2015.

УДК 914/919

А. И. Ломакина

A. Lomakina

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ И ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСУРСНЫХ ОТРАСЛЕЙ КАНАДЫ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

PRODUCTION AND EXPORT POTENTIAL OF RUSSIAN AND CANADIAN MINING INDUSTRIES IN THE CONDITION OF INNER LAND FUNCTIONING

Статья посвящена исследованию транспортно-географической континентальности ресурсодобывающих секторов России и Канады.

Рассмотрены основные адаптивные следствия негативного влияния внутриматерикового положения производственных мощностей ресурсодобывающих отраслей.

In the article estimation of transport-geographic situation of Russian and Canadian mining industries is considered. The main adaptive consequences of negative influences of innercontinental location of mining industries are considered.

Ключевые слова: Канада, Россия, экономико-географическое положение, транспортные издержки, природные ресурсы.

Keywords: Canada, Russia, economic-geographical location, transportation costs, natural resources.

Выход к морю всегда считался выгодной чертой экономико-географического положения (ЭГП) стран и регионов. В условиях глобализации эта черта ЭГП не утратила своего значения, наоборот, стала более актуальной. Неравный доступ к наиболее дешевым морским транспортным путям предопределяет неравные конкурентные преимущества разных стран на мировом рынке, а также неравные финансово-экономические показатели производителей и экспортеров.

Обширность территорий России и Канады, существенная протяженность с севера на юг и с запада на восток обусловливают большую удаленность внутренних регионов от портов и морей с круглогодичной морской навигацией. К побережьям, примыкающим к круглогодичным акваториям, относится около 10% береговой линии Канады и 3% – России. К континентальным и ультраконтинентальным зонам принадлежит соответственно 90% и 95% территорий этих стран, что свидетельствует о схожих природных особенностях их макроположения относительно океанов и морей с круглогодичной навигацией. В то же время учет расселения населения, размещения хозяйства, транспортно-инфраструктурной обеспеченности территорий, включая обустройство внутренних водных путей для

морской навигации, способны существенно скорректировать транспортно-географическую континентальность (ТГК), т. е. удаленность демографического потенциала от морских путей [1].

Полученные доли населения, проживающего на определённых расстояниях от морских путей, и рассчитанный по ним показатель степени ТГК [1] однозначно свидетельствуют о преимущественно внутриконтинентальном расположении демографического потенциала России. Доля приморского населения России уступает канадской более чем в 5 раз. В свою очередь, для размещения населения Канады характерна его концентрация вдоль морского пути реки Св. Лаврентия и Великих озер (75% городского населения). Это позволило снизить итоговый показатель ТГК и отнести Канаду к группе стран с низкой степенью континентальности [4]. В то время как Россия при отсутствии аналогичных водных путей остается в группе стран с высокой степенью ТГК.

Распределение экономического (хозяйственного) потенциала по зонам удаленности позволяет судить о связи между масштабами хозяйственной активности и расстоянием от моря, а изменение долей этих зон при переходе от производства к экспорту – о степени адаптации хозяйственных комплексов стран к внутриконтинентальному функционированию.

Выбор ресурсного сектора для анализа его размещения по зонам удаленности от морских круглогодичных путей и портов обусловлен, во-первых, значением этого сектора для экономик Канады и России. Во-вторых, именно самые массовые (многотоннажные) виды сырья в совокупности со значительными сухопутными расстояниями во многом предопределяют повышенную транспортоемкость хозяйств обеих стран. В свою очередь, интерес представляют способы нивелирования

повышенной транспортоемкости и континентальности в обеих странах.

Доли приморских зон Канады и России одинаково малы в производстве важнейших видов сырья (5-7%) и в их экспорте (8-10%), что объясняется расположением основных районов добычи сырья и его экспорта во внутриконтинентальных зонах обеих стран [3, 4]. В итоге, в территориальной структуре добывающего комплекса обеих стран наиболее отчетливо проявляется «сдвиг» ресурсных отраслей вглубь, в то время как в мире основной тенденцией стал «выход» из внутриконтинентальных районов к морю.

Наоборот, резкое несоответствие территориальных структур хозяйства России и Канады выявляется при сравнении удельных весов континентальных и ультраконтинентальных зон в производстве и экспорте сырья. Если для России свойственна лидирующая позиция ультраконтинентальных зон, то для Канады – континентальных. Удельный вес ультраконтинентальных зон Канады уступает аналогичному показателю России по производству сырья – более чем в 2 раза, его экспорту – в 2 раза (кстати, по численности населения более чем в 5 раз). Существенная удаленность хозяйственных (добывающих) структур от дешевых морских путей неизбежно влечет увеличение транспортных издержек, ухудшая финансово-экономические показатели производителей и экспортеров в глубинных зонах.

Из ультраконтинентальных зон всего мира именно аналогичные зоны России выступают главными продуцентами и экспортерами указанных видов сырья. На Россию приходится 70% нефти, около 30% угля и 45% железной руды мирового производства наиболее удаленных от моря территорий планеты. В ультраконтинентальных зонах Канады в существенных объемах

добывается только нефть, доля которой составляет около 25% от общемирового производства в данных зонах.

В экспорте из ультраконтинентальных зон мира доля России еще выше: 60% по углю, 75% по нефти. То есть почти весь объем сырья, поступающего на мировой рынок из самых отдаленных в транспортно-экономическом отношении районов, состоит из российского сырья. В случае с экспортом нефти – из российского (75%) и канадского (более 20%) сырья.

Полученные соотношения важны в плане выработки оптимальной внешнеторговой стратегии развития России и Канады как стран, концентрирующих производство и экспорт сырья во внутриконтинентальных зонах. При этом Канада ориентируется на обмен продукцией главным образом с соседними США: туда направляются почти весь объем экспортной нефти, более половины железной руды и концентрата, 20% угля. Это позволяет существенно сократить сухопутное транспортное плечо канадского сырьевого экспорта. Так, расстояние до границы с США по крупнейшему из трёх основных нефтепроводов – Enbridge Pipelines Inc. – составляет примерно 500 км. Территориальный разрыв (2,5-3 тыс. км) между ресурсодобывающими районами и главными промышленными центрами Канады (Онтарио и Квебек) делает невыгодной транспортировку сырья к этим регионам. В результате крупные нефтеперерабатывающие и металлургические комплексы Канадского центра работают полностью или частично на импортном сырье, выгодно используя приморское положение [3, 4, 5].

Иная ситуация сложилась в России. Распад СССР и реформы 1990-х гг. привели к разрушению существовавших хозяйственных связей, ослаблению межрегиональных связей и замене значительной их части на международные. Россия является

единственной страной мира, перемещающей крупные объемы энергоресурсов и другой сырьевой продукции на тысячекилометровые сухопутные расстояния из внутриматериковых ресурсных районов. Так, экспорт российской нефти из Западной Сибири связан с преодолением расстояний, превышающих 2,5-3 тыс. км, а дальность перевозки кузнецкого угля на экспорт к морским портам достигает небывалых величин – 5-6 тыс. км.

К общим для Канады и России средствам сокращения удельных транспортных издержек относятся магистрализация железнодорожной и трубопроводной сетей, а также развитие сети внутренних водных путей пригодных для морской навигации. Это позволило улучшить транспортно-экономическую доступность глубинных регионов Канады (Альберта, Онтарио и др.), уменьшив их транспортно-экономическую удаленность от морских путей. Однако улучшение транспортно-инфраструктурной обеспеченности территории не способно пока в полной мере преодолеть континентальность наиболее глубинных регионов (Саскачеван Канады, Сибирь России) [2, 4].

Проведенное исследование показало, что для России и Канады характерна существенная удаленность хозяйственных (добывающих) структур от дешевых морских путей. В то же время ярко проявляется разница между преимущественно приморским расселением населения в Канаде и выраженным континентальным рисунком расселения населения в России, а также противоположная картина в соотношении континентальных и ультраконтинентальных зон в производстве и экспорте основных видов сырья.

Гораздо более заметно отличие России и Канады от общемировой картины. В то время как в мире основной тенденцией стал «выход» из внутриконтинентальных районов к морю, в

территориальных структурах добывающих комплексов обеих стран наиболее отчетливо проявляется «сдвиг» ресурсных отраслей в глубинные районы. Обе страны демонстрируют успешные пути ослабления негативного влияния транспортно-географической континентальности за счет адаптации хозяйственной деятельности и выстраивания особой системы внешнеэкономических связей.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. / Л. А. Безруков – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. – 369 с.
2. Безруков Л. А. Мировое хозяйство в контексте континентально-океанической дихотомии / Л. А. Безруков // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 6. – С. 7-18.
3. Безруков Л. А. Транспортно-географическая континентальность России: транспортоемкость хозяйства и адаптивные следствия // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2005. – № 3. – С. 48-55.
4. Ломакина А. И. Транспортно-географическая континентальность Канады: неявное влияние северности / А. И. Ломакина // Вест. Орлов. гос. ун-та. – 2014 – № 1. – С. 230-234.
5. Ломакина А. И. Социально-экономические аспекты приморского положения канадской провинции Квебек / А. И. Ломакина // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2013 – № 3. – С. 14-25.

УДК 911.3:39

А. В. Любичанковский, В. А. Любичанковский, Г. О. Козина

A. Lyubichankovskiy, V. Lyubichankovskiy, G. Kosina

МЕНТАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЕВРОПЕЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

MENTAL AND GEOGRAPHICAL DISCOURSE OF THE EUROPEAN-CHINESE INTERACTION

В статье сравниваются географические представления китайцев и европейцев друг о друге, в соответствии с которыми эти макрорегионы репрезентируются в ментальности населения.

The article is about geographical representations of Chinese and Europeans about each other according to which these macroregions are represented in mentality of the population.

Ключевые слова: ментальность, регион, европейско-китайское взаимодействие.

Key words: mentality, region, European-Chinese interaction.

В настоящее время евразийская интеграция открывает широкие перспективы российско-китайского сотрудничества. Вопросы экономического взаимодействия неизбежно сопровождаются и культурным обменом, что особенно существенно сказывается в случае межцивилизационного диалога. Следует отметить, что мы не можем говорить о двусторонних российско-китайских отношениях, так как политическое сближение России и Китая, в основе которого лежат совместные экономические проекты, уже давно волнует западные страны. В связи с этим представляет интерес опыт взаимодействия европейской и китайской цивилизации, выраженный в ментально-географическом дискурсе. В статье мы используем этот термин в специальном социогуманитарном смысле, то есть понимаем под ним определённые принципы, в соответствии с которыми реальность (в контексте исследования – географическая среда выбранных макрорегионов) классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени [1, С. 670-671].

Представим генерализацию ментально-географического дискурса китайской и европейской цивилизаций друг о друге, основываясь как на анализе первоисточников [2; 3], так и на основе обобщающих работ по этой теме [4-9] в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Ментально-географический дискурс европейско-китайского взаимодействия в разное историческое время

Исторический период	**Ментально-географическое отображение Китая в европейском представлении**	**Ментально-географическое отображение Европы в китайском представлении**
Античность	На Великом шелковом пути китайцы и римляне не встречались. С караванами ходили согдийцы (обитатели Средней Азии) и евреи, осваивавшие международную торговлю. Опосредованные географические сведения практически не занимали китайскую и европейскую научную мысль.	Китайцы, подобно римлянам, считали себя культурным, цивилизованным народом, живущим среди окружающих их варварских племен. Связь между Европой и империей Хань проходила по Великому шелковому пути. По нему китайский шелк тек в Средиземноморье, в обмен на золото и предметы роскоши. В целом ментальная установка была согласно Конфуцию: китаец, живущий среди варваров, рассматривался как варвар. Зато иноземец, соблюдающий китайский этикет, котировался как китаец.
Средние века	Ментально-географическое фантастическое представление о Китайском пространстве как обиталище хвостатых, долгоруких и мохнатых людей, существ, имеющих по одной руке и ноге, и от этого передвигающихся колесом. Европейцы считали, что существует птица-рок, поднимающая в воздух слона, а затем бросающая его на землю и съедающая, верили в наличие единорогов, дающихся в руки только девственницам и т.д. Китай виделся сказочно богатым регионом с золотыми и серебряными домами.	Даже во времена семи великих морских путешествий Чжэн Хэ, при императоре Чжу Ди, со стороны многих представителей конфуцианской элиты Китая нацеленность на узнавание новых земель подвергалась критике, считалась ненужной и дорогостоящей. После смерти Чжэн Хэ и императора Чжу Чжаньцзи эти изоляционистские взгляды на всех уровнях в правительстве минского Китая возобладали.

Новое время	Китай стал восприниматься как самобытный регион, где возможна миссионерская деятельность. В просвещенном сообществе культивировался метод культурной адаптации европейцев на основе уважении к аборигенной культуре, то есть наблюдался переход к толерантной культуре новейшего времени.	Изоляционистские взгляды господствовали во всех слоях Китайского общества.

Европейские представления о Китае до XIX века имели фантастический, гиперболизированный характер; о Китайской империи складывалось представление, как о стране мистических животных, необычайных зданий и сооружений, удивительных ремесел и сказочных обрядов. Ментально-географическое представления китайцев о Европе также не отличалось достоверностью, особенно в эпоху, предшествовавшую путешествиям на другой конец континента. Нельзя говорить и о равной степени заинтересованности стран во взаимном изучении: европейские исследователи проявляли к Китаю гораздо больший интерес. Причиной тому служили многие факторы: охота за пряностями, завоевание новых земель, распространение вероисповедания. Последнее обстоятельство подтверждается тем, что наиболее обширные и достоверные источники информации (не считая трудов Марко Поло) были предоставлены странствующими проповедниками, такими, как Франциск Ксавье, Августин Де Раде и Алессандро Валиньяно. Со стороны Китая источниками знаний являлись простые путешественники – торговцы. Это говорит о том, что с азиатской стороны зондирование не имело под собой политической подоплеки. Большая часть сведений о европейских странах несет информацию об их политическом устройстве. В процессах обоюдного исследования можно выделить периоды

изоляционизма. Для Европы это античное время, для Китая – Средние века и Новое время. Также следует отметить, что качественно сведения, полученные европейцами об «Империи Солнца», являются более полными и систематизированными, нежели у объекта их изучения.

Таким образом, мы видим две принципиально различные модели ментально-географического восприятия у Европы и Китая. В китайской ментальности, в отличие от европейской, господствовали тенденции изоляционизма, которые нарушались лишь на протяжении небольшого исторического отрезка времени в I в. (Гань Ин) [2], в Средние века во времена Чжэн Хэ. Европейское восприятие было в основном нацелено на рассматривание Китайского пространства как ресурса для развития экономики Европы. Немногочисленные периоды заинтересованности Китая Европой сосредотачивали внимание на социально-общественном устройстве европейского пространства. В целом представления как о китайском, так и об европейском географическом пространстве формировались постепенно и эволюционировали по мере накопления новых знаний.

Литература

1. Гутнер Г. Б. Дискурс / Г. Б. Гутнер, А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1.
2. Гардинер Л. Римская империя в китайских источниках / Л. Гардинер. – Рим, Барди, 1996.
3. Марко Поло. Книга о разнообразии мира // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло / Пер. И. М. Минаев. – М.: Мысль, 1997. – 464 с.
4. Маслов А. А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. / А. А. Маслов. – М.: Рипол-классик, 2014. – 288 с.
5. Никифоров В. Н. Очерки зарубежной историографии Китая. Китаеведение в Англии. / В. Н. Никифоров – М., 1977.
6. Филиппова Е. С. Представление европейцев о Китае (к концу Средних веков – началу Нового времени) [Электронный ресурс]. / Е. С. Филиппова – Режим доступа: http://portalus.ru/modules/history / rus_readme. php? Subaction = showfu ll&id = 1175107128 & archive=&start_from=&ucat=4&.

7. Braga J. M. «The Panegyric of Alexander Valignano, S.J.» In Monumenta Nipponica, / J. M. Braga – Vol. 5, – No. 2. (Jul., 1942), – P. 523 – 535.
8. David E. Mungello Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology. / E. David – University of Hawaii Press, 1989.
9. Francis Xavier and the Jesuit Missions in the Far East: An Anniversary Volume of Early Printed Sources in the Jesuitana Collection of the John J. Burns Library. – Boston, 2006.

УДК 711.4/7:314 (497.6 РС)

М. Мандич, Д. Маринкович, А. Майич

M. Mandić, D. Marinković, A. Majić

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ

SPATIAL DIFFERENTIATION OF REPUBLIC OF SRPSKA AS A CONSEQUENCE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND CHANGES IN THE SETTLEMENT SYSTEM

Охарактеризована общественно-географическая динамика в Республике Сербской, проявляющаяся в виде изменений в естественном движении и пространственном распределении населения и оказывающая влияние на сеть и систему населенных пунктов. Дифференциация пространства рассматривается как результат негативных последствий пространственной и социально-экономической мобильности населения. Акцентированы характер и последствия пространственной дифференциации Республики Сербской в формате модели «центр-периферия», а также возможности интеграции рурaльных периферийных районов в современные модернизационные процессы.

The paper summarizes the consequences of social-geographical processes in Republic of Srpska (Bosnia and Herzegovina) manifested via the shifts in the

population natural dynamics and spatial movements affecting the settlement system and networks. The negative consequences of spatial and social-economic population mobility resulted in spatial differentiation based upon several development features. The paper addresses both theoretical and practical aspects of the nature and consequences of spatial differentiation of Republic of Srpska in compliance with the center-periphery model and the potential to integrate the predominantly rural periphery into modern development processes.

Ключевые слова: Республика Сербская, популяционная динамика, миграции, рурaльное пространство, пространственная дифференциация, центр-периферия, интеграция.

Key words: Republic of Srpska, population dynamics, migrations, rural space, spatial differentiation, center-periphery, integration.

Внутреннее устройство Боснии и Герцеговины было определено в результате Дейтонского соглашения в 1995 году; по окончанию четырехлетней войны, Босния и Герцеговина оказалась разделена на части: Федерация Боснии и Герцеговины, Республика Сербская и округ Брчко. Площадь Республики Сербской составляет 24641 км² [1], в то время как (по предварительным данным переписи населения 2013 года) численность населения – 1326991 человек. Демографическая ситуация и расселение в Республике Сербской являют собой следствие комплекса взаимосвязанных общественно-географических процессов, проявившихся в 60-е годы прошлого столетия под воздействием индустриализации и положения сельского населения, сельских районов и сельского хозяйства в социальной системе того периода.

Во второй половине XX века территория Боснии и Герцеговины характеризовалась существенным экономическим развитием благодаря промышленности, которая стала основным фактором модернизации в централизованной экономике. При этом и сельское хозяйство, и вся система сельского расселения –

претерпевали маргинализацию. Реализация концепции экономического развития, ориентирующей на концентрацию производства в больших региональных центрах, предопределила пространственную социально-экономическую дифференциацию. Ресурсный потенциал территории Боснии и Герцеговины является основой для развития и концентрации добывающей промышленности, на базе которой сформировалось несколько промышленных центров, имеющих региональное значение. Пространственное перераспределение населения из сельской местности в городскую среду началось в Боснии и Герцеговине в конце 60-х годов прошлого столетия из-за аграрного перенаселения, недостаточного развития инфраструктуры, экономической и административной маргинализации сельских населенных пунктов. Расселение и социально-экономическое положение населения, демонстрируя выраженную динамику, корреспондировали с промышленным развитием. До начала индустриализации пространственное распределение населения зависело, прежде всего, от природно-географических факторов и возможностей сельскохозяйственного производства (хозяйственной деятельности в сельской местности); с начала 70-х годов прошлого столетия оно обусловлено пространственным размещением промышленного производства и городских центров *(*табл. 1).

Сложные и взаимосвязанные общественно-географические процессы отражаются в динамике естественного движения населения, в демографических и социально-экономических структурах и миграциях населения, имеющих существенное влияние на сеть и систему населенных пунктов. Сельские районы интенсивно теряют население, особенно молодое, таким образом, осуществляется постоянное ослабление социально-

демографической основы реконструкции сельского населенного пункта. В середине 70-х годов в Боснии и Герцеговине доля молодого населения составляла примерно 40%, а естественный прирост около 13‰ [6, с.190]. В начале XXI века (в масштабе Республики Сербской) доля молодого населения оказалась ниже 20%, в то время как естественный прирост постоянно снижается и в 2013 году составлял – 3,3 ‰ [7].

Таблица 1

Изменения в размере населенных пунктов и численности населения на территории Республики Сербской в период 1971-2013 гг.

Год переписи	**1971 г.**		**1991 г.**		**2013 г.**	
Размер населенного пункта	Число насел. пунктов (%)	Численность населения (%)	Число насел. пунктов (%)	Численность населения (%)	Число насел. пунктов (%)	Численность населения (%)
< 100 жит.	20,3	**1,8**	34,5	**2,5**	50,9	**3,0**
101-500 жит.	48,7	**22,0**	39,1	**17,2**	30,5	**15,9**
501-1000 жит.	18,8	**23,7**	14,6	**17,4**	10,5	**15,4**
>1001 жит.	12,2	**52,5**	11,9	**62,8**	8,1	**65,8**
Общая численность населения	**1 500 349**		**1 587 364**		**1 326 991**	

Источник: [2, 3, 4, 5]

Процесс депопуляции руральных районов осуществляется с 70-х годов. К началу 90-х малые и средние населенные пункты уже превалировали как на всей территории Боснии и Герцеговины, так и географическом пространстве (с еще более неблагоприятными условиями для жизни), на котором, впоследствии, была учреждена Республика Сербская. Гражданская война (в период 1992-1995 гг.) и

разрушения, сопровождавшиеся масштабными миграциями, ускорили уже начавшиеся процессы (табл. 1). Пространственное распределение этнических групп обусловило форму территории, а также границы этнитетов. Вытянутая форма территории Республики Сербской и разделение её на две части, которые соединяются территорией округа Брчко, затрудняют установление функциональной системы расселения. Сформированные ранее нодальные районы – небольшие, у них нет пространственной глубины и их пересекают границы этнитетов (рис. 1).

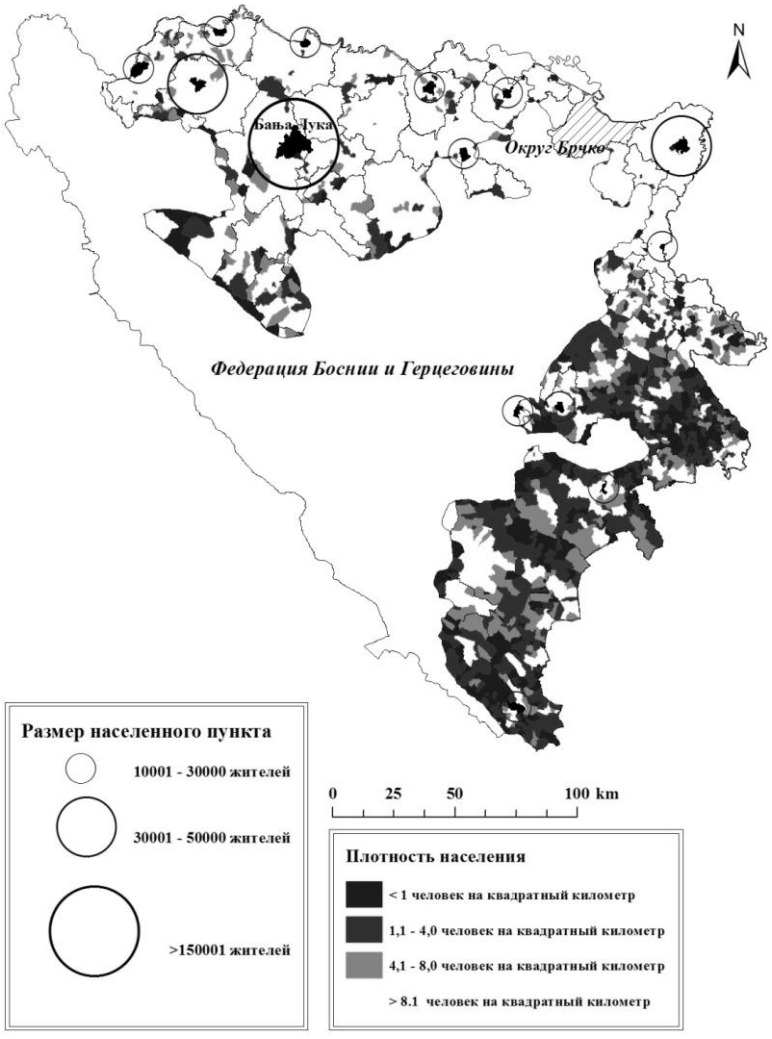


Рис 1. Плотность населения Республики Сербской и населенные пункты с численностью населения более 10000 человек [2]

Последствия гражданской войны, внутренний административно-территориальный раздел Боснии и Герцеговины, а также стагнация экономического развития в условиях перемен в социальной системе оказали отрицательное влияние на общее демографическое развитие городских центров, которые в основном находились в демографической стагнации. В сети населенных пунктов преобладают мелкие поселения – населенные пункты с численностью населения менее 100 человек (51%), в то время как исчезнувшие и населенные пункты в процессе исчезновения (с численностью населения менее 10 человек) составляют около 20% населенных пунктов (таблица). Их количество и локализация характеризуют Республику Сербскую как сельскую местность в процессе растущей депопуляции, которая ярко выражена из-за многолетней естественной убыли и эмиграции населения.

Старение населения сельской местности способствует исчезновению населенных пунктов и угрожает социально-экономической устойчивости сельских районов. До половины населенных пунктов Республики Сербской имеют людность не более 100 человек и охватывают около 40% территории Республики Сербской, на которой проживает всего 40000 жителей; средняя плотность населения составляет, при этом, 4,1 жителя/км². В городских поселениях, как центрах управления административно-территориальных единиц (муниципалитетов), в некоторых случаях сосредоточено от 50 до 80% общей численности населения. Состояние городских поселений отражает существенные различия в характеристиках и возможностях развития городских и сельских районов, а также наличие центро-периферийных градиентов. Социально-экономические диспропорции являются результатом

природно-географических характеристик и ресурсообеспеченности, уровня развития инфраструктуры и пространственного распределения городских центров, а также их функциональных характеристик, и иллюстрируются наличием населения (рис. 1).

По ряду оснований (экономическим, демографическим, инфраструктурным, функциональным) более 60% территории Республики Сербской можно условно назвать периферией, то есть проблемным пространством [8, с.769]. Характеристики современного демографического развития, которые проявляются в системе населенных пунктов, индицируют выраженную пространственную дифференциацию процессов развития, а также «расползание» периферии. В настоящее время в Республике Сербской существует только 14 населенных пунктов с численностью населения более 10000 человек, в которых, вместе с ближайшей пригородной зоной, живет около 40% населения Республики Сербской [2]. Только три населенных пункта городского типа (Баня-Лука, Приедор и Биелина) имеют значительные демографические и функциональные возможности для развития (рис. 1). Увеличение численности населения в период 1991-2013 гг. является результатом военных миграций и миграций беженцев, в то время как общая численность населения Республики Сербской в этот период упала, и Республика Сербская потеряла около 14,8% населения [9, с. 17].

Как свидетельствует проведённый анализ, демографическая ситуация и расселение препятствуют интеграции Республики Сербской в региональные процессы модернизации и угрожают общей устойчивости пространства. Руральная периферийная зона Республики Сербской находится в физическом контакте с географическим пространством стран-соседей (Хорватия, Сербия,

Черногория), которые имеют сходные характеристики развития и вместе представляют часть рурального проблемного пространства Юго-Восточной Европы.

Современные процессы привели к дифференциации пространства Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, наиболее выраженной в локализации населения; более 60% территории Республики Сербской, при этом, может рассматриваться как периферия, то есть проблемная область. Меры по развитию периферии предполагают комплексный подход, в котором восстановление демографического потенциала и функциональной способности населенного пункта является приоритетом.

Литература

1. Републичка управа за геодетске и имовинско-правне послове Републике Српске, – Бања Лука.
2. Попис становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини 2013. године, на територији Републике Српске // прелиминарни резултати Република Српска, Републички завод за статистику, – Бања Лука; Републичка управа за геодетске и имовинско-правне послове, – Бања Лука.
3. Popis stanovništva, domaćinstava, stanova i poljoprivrednih gazdinstava 1991. godine. Prvi rezultati; (Statistički bilten 220); Republički zavod za statistiku SR Bosne i Hercegovine, maj, 1991. godine, Sarajevo.
4. Stanovništvo Bosne i Hercegovine – narodnosni sastav po naseljima, Republika Hrvatska, Državni zavod za statistiku, Zagreb, travanj, 1995. godine.
5. Уредба о насељеним мјестима која чине подручје јединице локалне самоуправе, – Службени гласник Републике Српске – бр:4/10, 26/11 и 74/12.
6. Veliki geografski atlas Jugoslavije, Sveučilišna naklada Liber, Zagreb, 1987.
7. Демографска статистика – Билтен број 17, Републички завод за статистику Републике Српске, – Бања Лука, 2014.
8. Mandić M., Živković M; Problematic Areas of The Republic of Srpska within the context of Demographic Changes; // Zbornik Matice srpske za društvene nauke, 148, – Novi Sad, 2014. – godina.
9. Маринковић, Д.; Демографске детерминанте поулационе политике Републике Српске. // Универзитет у Бањој Луци, Природно-математички факултет, – Бања Лука, 2014.

УДК 911:3 (470.311)

А. Г. Махрова

A. G. Makhrova

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ СТАДИИ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ СТОЛИЧНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ[6]

GENERAL AND SPECIAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT STAGE OF MOSCOW METROPOLITAN AREA

Сквозь призму положений концепции стадиального развития агломераций проведено изучение процессов, происходящих в Московской агломерации. Представлены результаты динамики численности и миграции населения ядра и пригородной зоны, особо выделен сезонный (дачный) характер стадий суб- и дезурбанизации, рассмотрены элементы постсубурбанизации. На их основе выявлены универсальные и локальные черты современной стадии развития Московской агломерации.

In the light of the concept of evolution stages of urban agglomerations the processes taking place in the Moscow metropolitan area were studied. Data on the dynamics of population numbers and migrations within the core and suburban zones are given with particular emphasis on seasonal (dacha) suburbanization and desurbanization. Post-suburbia elements as well as some general and specific features of stage of urbanization in the Moscow agglomeration were revealed.

Ключевые слова: агломерация, ядро и пригороды, урбанизация, реурбанизация, сезонная (дачная) суб- и дезурбанизация, постсубурбанизация

Keywords: agglomeration, core and suburban areas, urbanization, re-urbanization, seasonal (dacha) suburbanization and desurbanization, post- suburbanization

[6] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме») Института географии РАН.

Городские агломерации, ставшие в современном мире одной из преобладающих форм расселения, несмотря на наличие существенных различий между ними, имеют ряд общих черт и тенденций, одной из которых является стадиальность. Наиболее известна модель стадиального развития агломераций Л. Клаассена и Г. Шимеми, согласно которой агломерации последовательно проходят стадии урбанизации, субурбанизации, контрурбанизации и реурбанизации [1]. При этом общие теоретические представления о последовательности прохождения стадий дополняются локальными особенностями каждой агломерации.

Оценить стадию развития Московской агломерации можно по динамике численности и доле населения ядра и пригородной зоны, соотношению центробежного и центростремительного потока мигрантов, специфике ее морфоструктуры и др.

Динамика численности населения ядра (условно в границах «старой» Москвы) и пригородной зоны (условно в «старых» границах Московской области) показывает, что в течение последних двадцати лет удельный вес ядра в общей численности населения агломерации вырос (на 5%). Это означает, что Московская агломерация переживает стадию урбанизации, когда центр, в котором по-прежнему проживает большая часть населения, растет быстрее пригородов.

Из-за дефектов миграционной статистики стадию развития агломерации по этому индикатору однозначно определить сложно, но в целом в течение постсоветского периода за счет миграций Москва растет быстрее Московской области, что также соответствует стадии урбанизации. Однако в 2000-е гг. знак сальдо

миграции между Москвой и Московской областью стал варьировать, т. е. ситуация становится неоднозначной.

В структуре трудовых маятниковых миграций по-прежнему доминирует центростремительный поток, что соответствует стадии урбанизации и/или началу субурбанизации. Однако в результате субурбанизации офисно-деловых и торгово-развлекательных функций в 2000-е гг. вырос поток компьютеров из Москвы в Московскую область. Увеличилось и количество мест приложения труда в дальних пригородах за счет ускоренного роста отраслей, ориентированных на рынок сбыта Московского региона. Многие жители таких центров работают в Москве и/или в других пригородах, а рабочие места занимаются мигрантами, что приводит к усложнению географии трудовых маятниковых миграций и может рассматриваться как признак начала перехода к следующим фазам [2].

Еще одна черта, характерная для развития Московской, как и многих других российских агломераций – наличие в составе города-центра территорий «внутренней субурбанизации», которые раньше были его пригородами [3]. В этой связи возникает вопрос о том, каковы границы и доля населения ядра агломерации? При отождествлении ядра с Центральным административным округом его доля составляет 4% в численности населения Москвы и Московской области, но если выделять ядро в границах срединного пояса районов столицы – то уже почти четверть населения агломерации. При этом удельный вес зоны внутренней субурбанизации (условно в границах районов столицы, расположенных с внутренней и внешней стороны от МКАД) увеличился за этот же период на 6%. Это означает, что уже пригороды (в данном случае вместе с районами внутренней

периферии Москвы) растут быстрее ядра, что служит признаком субурбанизации.

Другая особенность развития Московской агломерации, характерная и для России в целом – сезонный характер суб- и дезурбанизации в форме коттеджно-дачной экспансии в пригороды и за их границы. В Московской области общее число садово-дачных поселков почти в 2 раза превышает число сельских населенных пунктов. Эти традиционные садово-дачные субурбии дополняются организованными коттеджными поселками, число которых быстро увеличивается, превысив к 2015 г. 1500 единиц [4].

Как показывают результаты опроса, проведенного в 2104 г., более 3 млн москвичей имеет дачное жилье, причем свыше полумиллиона владеют всесезонными дачными домами, однако масштабы проживания загородом на постоянной основе пока существенно меньше [4]. Пока жизнь в мегаполисе невозможна без дач, но и постоянное проживание за городом для жителей столицы еще неприемлемо. Масштабная автомобилизация вместе с развитием альтернативных форм занятости и наличие зимних дач стимулирует жизнь на два дома, увеличивая объемы компьютерных миграций, когда уже москвичи несколько раз в неделю ездят из области на работу в Москву.

Дачные миграции жителей агломерации не ограничиваются Московской областью, распространяясь далеко за ее границы. «Дальние дачи» получили особенное распространение со второй половины 2000-х гг. в результате потери близости к природе, тишины и уединения, что усиливает интерес к более удаленным регионам, которые не граничат с Московской областью. Однако

пользоваться такими дачами можно, выезжая на весь летний сезон или на его значительную часть [5].

Анализ процессов социально-экономической трансформации субурбий столицы показывает, что в современном развитии Московской агломерации заметен ряд новых тенденций, характерных для стадии постсубурбанизации. Это рост функционального разнообразия пригородов и начинающаяся переориентация пассажиропотоков, когда при доминировании центростремительных потоков миграции направлены и от центра к периферии, и связывают субурбии между собой. Одновременно постсубурбанизация проявляется в усилении полицентричности структуры агломерации, в том числе в результате новых формирования субцентров за счет реализации крупномасштабных проектов жилищного строительства.

Анализ территориального роста Московской агломерации показывает, что она трансформируется по типу «городского архипелага» стадии реурбанизации. Усложнение морфологии пространственной структуры агломерации связано и с появлением новых форм постсубурбий, включая такие, как «окраинный» («edge city»)[7] и «бескрайний» города («edgeless city»)[8].

В пригородной зоне Московской агломерации почти половина всех городов выполняет роль подцентров трудового тяготения, однако всем показателям «окраинного города» соответствуют всего два (Химки и Красногорск), но при этом и Москва не теряет своего

[7] «Окраинный город» выделяется как особый тип пригорода, который в результате субурбанизации занятости превращается в самодостаточный субцентр [6].

[8] Под «бескрайним городом» понимается форма распространения деконцентрированной застройки, представленная одним или несколькими офисными зданиями, которые расположены вне зон пешеходной доступности и обслуживания общественным транспортом [7].

лидерства в занятости населения [8]. «Бескрайние города» пока не проявились, однако новые многофункциональные комплексы, возникающие на престижных западных трассах Подмосковья и в «Новой Москве» могут рассматриваться как пример офисной застройки по типу «бескрайних городов».

В целом, современная стадия развития Московской агломерации имеет свои локальные отличия, связанные как с чертами, унаследованными от советского прошлого, так и с тем, как проявляются новые тенденции и процессы. Комбинация признаков разных стадий оставляет открытым вопрос об однозначном определении фазы ее развития. Можно говорить и о переходе к стадии реурбанизации после завершения этапов субурбанизации и контрурбанизации в виде сезонной дачной миграции, но все-таки выявленные тенденции дают больше оснований утверждать о реализации уникальной модели развития, обусловленной унаследованными чертами и современной спецификой.

Литература

1. Klaassen L. Theoretical issuers in urban dynamics / L. Klaassen, G. Scimemi // Dynamics of Urban Development. Klaassen L., Molle W. and Paelinck J. (eds.). – New York: St Martin's Pres, 1981. – P. 8-28.

2. Кириллов П. Л. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние / П. Л. Кириллов, А. Г. Махрова // Региональные исследования. – № 4-5 (25) 2009. – С. 42-54.

3. Дружинин А. Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. / А. Г. Дружинин – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.

4. Махрова А. Г., Кириллов П. Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка / А. Г. Махрова, П. Л. Кириллов // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117 – 125.

5. Нефедова Т. Г. Российские дачи как социальный феномен / Т. Г. Нефедова // SPERO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. – № 15 – осень-зима 2011. – С. 161-173.

6. Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. / J. Garreau – New York: Doubleday, 1991.

7. Lang R. E. Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. / R. E. Lang // Brookings Institution Press, – Washington, D.C., 2003.
8. Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г., Фелпс Н. А. Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в России (на примере г. Химки) / О. Ю. Голубчиков, А. Г. Махрова, Н. А. Фелпс // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 5. География. 2010. – № 3. – С. 48-54.

УДК 913 (262.5)

В. В. Миненкова, А. А. Филобок, В. В. Воронина

V. Minenkova, A. Filobok, V. Voronina

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ РОССИИ В СТРУКТУРЕ НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

AZOV AND BLACK SEA COAST OF RUSSIA WITHIN NEW GEOPOLITICAL SPACE AND NEW CONDITION OF GLOBALIZATION

В статье рассматриваются перспективы развития Азово-Черноморского побережья России в условиях глобализации с учетом последних изменений геополитического характера. Раскрываются ключевые проекты, способные изменить пространственные акценты экономического развития.

The article discusses the prospects of development of the Azov and Black Sea coast of Russia in the context of globalization with the latest geopolitical changes. Reveals the key projects that can change the spatial accents of economic development.

Ключевые слова: Азово-Черноморское побережье России, глобализация, геополитическое положение.

Keywords: Azov and Black Sea coast of Russia, globalization, geopolitical position.

В настоящее время процессы глобализации занимают ключевые позиции в развитии человечества. Они оказывают влияние на все сферы человеческого общества: политические, экономические, экологические, социальные, культурные. Процесс

глобализации имеет объективный характер, являясь неизбежным результатом развития мировой экономики и усиления мирохозяйственных связей. К предпосылкам глобализации относят инновации, прежде всего, в области транспорта и связи, образующих материальную основу всемирных отношений; важную роль играет переход от экономики регулирования к дерегулированию, либерализации всей экономической жизни.

Процессы глобализации на Азово-Черноморском побережье (АЧП) России проявляются в стремительном развитии курортно-туристской сферы, транспортных предприятий, обеспечивающих международные перевозки (морские порты, аэропорты, трубопроводы). Здесь осуществляется целый ряд международных проектов, которые регулируются межгосударственными соглашениями по транспортировке нефти и газа, морским перевозкам, железнодорожному и авиационному транспорту, использованию водных ресурсов [1].

В настоящее время бюджет Краснодарского края вырос до 234 млрд руб., в 2014 г. объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования составил 693 млрд руб., объем прямых иностранных инвестиций – 846 млн долл. США [2].

Современные геополитические условия, связанные с вхождением Республики Крым и города Севастополя в состав РФ и введением западных санкций в отношении России, накладывают ограничения на планы развития страны связанные с повышением ее конкурентоспособности в глобальной экономической среде. При этом важным условием реализации намеченных стратегических планов по-прежнему остается снижение «сырьевой зависимости» страны от природных ресурсов и развитие экономики «с высокой добавленной стоимостью». В этой связи вектор стратегического

развития АЧП России, обладающего значительным экономическим потенциалом и высокой конкурентоспособностью, в ближайшее десятилетие будет направлен на кардинальное повышение производительности экономики и существенный рост основных показателей уровня жизни населения.

С изменением геополитического положения России серьезно меняются пространственные акценты экономического развития. Возникает потребность в трансформации деятельности портовых комплексов, в том числе на Черном и Азовском морях.

По данным Федерального агентства морского и речного транспорта РФ, в Черноморском бассейне зарегистрировано 17 морских портов, из них пять – в Крыму (Севастополь, Евпатория, Ялта, Феодосия и Керчь). За 2013 г. объем перевозок через эти порты составил всего 11 млн т, тогда как грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна (без учета портов Крыма) составил 174,7 миллиона тонн.

Можно выделить события, способные кардинально изменить экономическую ситуацию не только на АЧП РФ, но и во всем регионе.

1. *Проведение в 2014 году XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи*. Подготовка и проведение Игр стало мощным стимулом развития экономики Черноморского побережья, регион пережил настоящий инвестиционный бум. Созданные условия вполне способны оживить существование всего курортного комплекса Сочи.

Игры 2014 г. обратили внимание международных гостиничных операторов на Черноморское побережье РФ. На сегодняшний день Сочи является третьим городом (после Москвы и Санкт-Петербурга) по уровню развития гостиничной инфраструктуры, здесь возник

высокий спрос на отели международного уровня. Скоро к 20 действующим отелям, управляемым операторами Starwood Hotels, Marriott International Inc., Hilton Worldwide, Accor Hotels, Rezidor Hotel Group добавятся еще 5 отелей уже известных международных брендов (9% будущих предложений международных гостиничных операторов связано с размещением своих объектов в г. Сочи).

2. *Строительство автомобильной дороги Краснодар-Абинск-Кабардинка*.

Новая трасса войдет в состав важнейшего международного транспортного коридора «Север-Юг» – кратчайшего маршрута между Северо-Западным регионом России и регионами Центральной России, Черноземья, Северного Кавказа и Закавказскими республиками СНГ с выходом на Турцию и Иран. Увеличатся пропускная способность и транзитная привлекательность коридора, скорость движения пассажирских и товарных потоков, уменьшится объем транспортных издержек, существенно сократится загрязнение окружающей среды.

3.*Проект «Остров Федерация»* отечественные и иностранные СМИ уже успели окрестить самым амбициозным проектом России. По замыслу проектировщиков «Остров Федерация» должен решить проблему нехватки земли под строительство жилой и коммерческой недвижимости на черноморском побережье и создать альтернативный курорт для обеспеченных граждан прямо в открытом море. Предполагается, что в туристический сезон максимальная загрузка острова составит70 тыс. человек в день.

4. Строительство игорной зоны в Сочи и в Крыму. С 2008 г. шло развитие игорной зоны «Азов-сити», которая располагалась на границе Краснодарского края и Ростовской области. В период

2010-2014 гг. решениями региональных и федеральных властей была ликвидирована сначала ростовская часть Азов-Сити, а 01 апреля 2015 г. будет ликвидирована краснодарская часть игорной зоны. Вместо «Азов-сити» в Краснодарском крае будет создана новая игорная зона – на территории олимпийских объектов в Сочи («Горки-город» и «Роза Хутор»)[3].

Игорная зона в Крыму будет пятой по счету наряду с уже созданными в Алтайском, Краснодарском и Приморском краях, а также на территории Калининградской области. Границы игорной зоны на территории Крыма определят органы исполнительной власти республики.

5. *Создание свободной экономической зоны (СЭЗ) в Крымском ФО* согласно проекту ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и СЭЗ на территориях республики Крым и города федерального значения Севастополя». В СЭЗ инвесторы будут освобождены от ряда налогов на срок до 10 лет в зависимости от категории налогов. В морских гаванях Крыма могут быть введены режимы «свободного флага» и так называемого удобного порта, что существенно упростит таможенные процедуры.

6. *Федеральной целевая программа (ФЦП) «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года»*. Проект программы предполагает общие инвестиции в объеме 681 млрд руб. Её реализация не подразумевает строительство огромных туристических комплексов или стадионов, а развитию собственно туризма уделено минимальное внимание. До 2020 г. из бюджета на эти цели будут выделены 28 млрд руб. Федеральные средства пойдут на создание инженерной инфраструктуры, планируют также привлечь средства инвесторов

на создание кластера «Детский отдых» с лечебно-оздоровительными учреждениями (г. Евпатория), бальнеологического комплекса на берегу Чокракского озера, дайвинг-центра, конноспортивного клуба, аквапарка, сети автокемпингов и палаточных городков в кластере «Черноморский», кластера «Коктебель» (активные виды отдыха: полеты на парапланах, катание на яхтах, гольф), развитие грязелечебного курорта на Сакском озере.

7. Строительство моста через Керченский пролив (19 км), который соединит Крым с Краснодарским краем. Мост пройдет через косу Тузла и будет включать автомобильный переход с двумя полосами движения в каждую сторону и два железнодорожных пути. Реализация этого мега проекта потребует 228,3 млрд руб. Рассматривается также вариант строительства туннеля.

В описанные масштабные проекты уже вложены сотни миллиардов рублей государственных и частных инвестиций, поэтому в ближайшие годы АЧП РФ получит новые современные дороги, аэропорты, электростанции и газопроводы, туристические и спортивные объекты, а население – тысячи дополнительных рабочих мест. Кроме этих проектов можно перечислить: строительство нового порта на Тамани, а в рамках развития курортно-туристской деятельности будет налажена тесная кооперация между Краснодарским краем и Крымским полуостровом, что сформирует единый Всероссийский курортно-рекреационный центр на Азово-Черноморском побережье. Во всех случаях успешная реализация проектов потянет за собой серьезное улучшение экономической ситуации сразу в нескольких городах и районах АЧП.

Литература

1. Чистяков В. И. Устойчивое развитие городов Азово-Черноморского побережья России в новых геоэкономических условиях: / В. И. Чистяков, А. А. Филобок // Монография. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. – 308 с.
2. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Краснодарского края. // Стат. сб. – Краснодар: Краснодарстат, 2014 г. – 218 с.
3. Игорная зона «Азов-сити»: приоритеты выбора местоположения / Д. В. Максимов, В. В. Миненкова и др. //Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы: материалы II Международной науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. – С. 76-80.

УДК 911

Т. Мишлицки-Томич, А. Петрашевич

T. Mislicki-Tomic, A. Petrasevic

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ

REGIONAL POLARIZATION OF CITIES IN REPUBLIKA SRPSKA

Города Республики Сербской характеризуются различными процессами демографического и социо-экономического развития. Проведён анализ ключевых демографических и территориально-функциональных признаков городов, в период с 1991 по 2013г.г. по показателям, которые указывают на различные городские процессы, подчеркивающее поляризованное развитие городских поселений.

Cities in Republic of Srpska are characterized with different processes of demographic and social-economic development. The analysis of key demographic and spatial-functional city markers from 1991 to 2013 provided us with indicators of different processes, trends, and emphasised polarized development.

Ключевые слова: Республика Сербская, население, депопуляция, территориальная поляризация.

Keywords: Republic of Srpska, population, depopulation, spatial polarization.

В Республике Сербской насчитывается шесть населенных пунктов, которые имеют статус города: Баня Лука, Приедор, Биелина, Добой, Восточное Сараево и Требине. Остальные 56 крупных населенных пунктов не обладают статусом города, а наделены статусом административных центров локальных муниципалитетов. Административные границы городов определены Законом о территориальном учреждении Республики Сербской от 2012 года [7]. В связи с упомянутым Законом, понятие город относится к городским подведомственным областям, в которых доминируют вторичные, третичные и четвертичные виды деятельности. В населённых пунктах, тяготеющих к административным центрам, кроме первичного сектора, главным образом, сельского хозяйства, всё больше развивается функции сферы услуг и функции вторичного сектора.

В соответствии со статистическими и экономическими критериями, города разделяются на три группы «средние», «большие» и «крупные» [1, с.120, 122]. К этим критериям относятся: перепись населения и число рабочих мест. Согласно двух приведённым критериям, к группе «средних» городов в Республики Сербской относятся Добой (26987 чел.) и Требине (25589 чел.); к группе «больших» Восточное Сараево (64966 чел.) и Приедор (97588 чел.), а к числу «крупных» Биелина (114663 чел.) и Баня Лука (199207 чел.). В данной классификации, очевидно, речь идёт об относительном понятии категории «средний», «большой» и «крупный» город. По таким причинам города одной и той же категории в различных государствах демонстрируют огромные различия, прежде всего, в численности жителей, и в других экономических, социальных, культурных и прочих показателях.

Согласно результатам переписи населения в Республике Сербской в 2013 г. проживало 1 326 991 жителей, в том числе в городах 585.080 или 44% от общей численности населения.

Таблица 1

Переписное движение населения городов Республики Сербской в период с 1991 по 2013гг.

Город	Общая численность населения		Изменения между переписями	
	1991	2013	Абсолютые	Относительные (%)
Бањя Лука	195.696	199.207	3.511	1,7
Биелина	96.988	114.663	17.675	18,2
Приедор	112.543	97.588	-14.955	-13,2
Добой	102.549	77.223	-25.326	-24,6
Восточное Сараево	39.651	64.966	25.315	63,8
Требине	27.148	31.433	4.285	15,7
Итог	*574.575*	*585.080*	*10.505*	*1,8*

Источник: Перепись населения 1991 года, Население БиГ, Национальный состав в населения, Статистический институт Хорватии, Загреб, 1995г. Перепись жителей, хозяйств и квартир в БиГ 2013 г. на территории Республики Сербской, Предварительные результаты, Баня Лука 2013 год.

Самая большая численность жителей в городах Баня Луке и Биелине (53,6% общей численности городского населения или 23,6% всего населения Республики Сербской). В период с 1991 по 2013 гг. самое большое относительное увеличение жителей произошло в городе Восточное Сараево (63,8%) в результате иммиграции сербского населения из различных краёв Боснии и Герцеговины (Зеницы, Какня, Брезы, Високо, Илияша, Вогощи, Сараева, Трнова, Коница, а так же из большого числа сельских населенных пунктов), в которых во время войны власть завоевали боснийские мусульмане и хорваты. Самое большое относительное уменьшение численности населения произошло в Приедоре и Добое. Уменьшение жителей в этих городах составляло 40281 чел. или 18,7% жителей.

Анализ показателей естественного прироста в городах Республики Сербской в период с 1996 по 2013гг. указывает на интенсивное увеличение числа городов с отрицательным приростом населения: два города в 1996 г., шесть городов в 2004 г. и пять городов в 2013 г. В городах Приедоре и в Восточном Сараево в период с 1996 по 2013гг. присутствует постоянная тенденция

снижения естественного прироста, в первую очередь, в результате эмиграции населения из-за военных конфликтов и остальных разрушительных процессов (старение и депопуляция населения). Согласно предварительным результатам переписи населения в 2013 году в Республике Сербской в городе Баня Луке естественный прирост составил всего 0,4‰, а в остальных городах наблюдались отрицательные значения показателя: в Добое (-3,0 ‰), в Восточном Сараево (-4,1‰), Биелина и Требине (-2,9‰). Показатели естественного движения населения в городах Республики Сербской указывают на проблемы в демографическом развитии, которые связаны с неблагоприятными процессами в социально-экономическом развитии Республики Сербской в целом.

Таблица 2

Абсолютное изменение естественного прироста в городах Республики Сербской в период с 1996 по 2013 г.г.

Город	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013
Баня Лука	619	442	315	177	-4	-3	203	175	194	80
Биелина	4	-26	102	103	-211	-172	-178	-263	-347	-331
Приедор	-42	-138	-247	-308	-393	-316	-344	-352	-379	-458
Добой	100	63	91	-76	-130	-118	-256	-191	-198	-234
Восточное Сараево	-63	-230	-199	-180	-163	-219	-238	-214	-236	-268
Требиње	68	41	26	-2	-12	-12	-37	-75	-61	-93

Источник: Демографическая статистика (Статистические бюллетени №. 5/01,9/05,14/10,17/13), РЗС РС, Баня Лука

Анализируя детерминанты демографического развития городов Республики Сербской в период с 2000 по 2013 гг., можно отметить уменьшение естественного прироста во всех городах. Во всех городах Республики Сербской в период с 2007 по 2013 гг. наблюдалось положительное значение сальдо внутренних миграций.

Таблица 3

Детерминанты демографического развития городов Республики Сербской

Город	Естественный прирост			Сальдо внутренних миграций в период с 2007-2013гг.		
	2000.	2013.	Разница	Иммиграция	Эмиграция	Разница
Бањалука	315	80	-235	14663	7846	6787
Бијељина	102	-331	-403	7889	3197	4692
Приједор	-247	-458	-211	3504	3425	79
Добој	91	-234	-325	4052	3921	131
Источно Сарајево	-199	-268	-69	8936	5938	2998
Требиње	68	-93	-161	1836	1483	353

Источник: Демографическая статистика (Статистический бюллтень бр.14/10,17/13), РЗС РС, Бањалука 2014 год.

Благодаря позитивным влияниям механического движения, численность жителей в трёх городах: Баня Луке, Биелине и в Восточном Сараево увеличилась, тогда как в остальных городах, несмотря на позитивное влияние механического движения, численность жителей уменьшилась.

В Республике Сербской в 2013 году насчитывалось 238640 человек, занятых в различных сферах экономики, из которых в городах – 128099 человек или 53,7%. Постоянное уменьшение естественного прироста в городах Республики Сербской в период с 1996 по 2013 гг. является самой важной причиной уменьшения предложения рабочей силы и указывает на тот факт, что в городах относительно скоро появится дефицит рабочей силы, если продолжится такой тренд.

Таблица 4

Численность занятого населения в городах Республики Сербской, на декабрь 2013 г.

Город	Общая численность населения, тыс. чел	Численность занятого населения	
		Абсолютная, тыс. чел	% от общей численности населения
БаняЛука	199.207	60.577	30,4
Биељина	114.663	20.017	17,5
Приедор	97.588	12.851	13,1
Добой	77.223	12.480	16,1
Вост.Сараево	64.966	14.750	22,7
Требине	31.433	7.424	23,6
Итого	*585.080*	*128.099*	*21,9*

Источник: заработные платы, занятые и безработные (Статистический бюллетень № 6/14), РЗС РС, Баня Лука, 2014

Во второй половине XX века города Республики Сербской осуществляли очень важные функции в сферах хозяйственной и нехозяйственной деятельности и сильно влияли на социально-экономические процессы в Республике. Особую роль играли процессы индустриализации во время социалистического периода. Города, с одной стороны, влияли на быстрые темпы урбанизации, а с другой стороны, вызывали депопуляцию и исчезновение сел. В действительности, речь идёт об индустриализации как факторе поляризованного развития Республики. Этот процесс сильно отразился на быстром росте числа занятого населения в третичном секторе, который оказал влияние на пространственное и функциональное развитие городских населенных пунктов.

Таблица 5

Структура занятости населения городов Республики Сербской по различным секторам деятельности, на декабрь 2013 г.

Город	Занятое население	Занятое население выполняющее занятие согласно секторам деятельности в %		
		Первичный	Вторичный	Третичный
Баня Лука	60577	0,8	19,4	79,8
Биељина	20017	1,2	26,6	72,2
Приедор	12851	2,0	35,2	62,8
Добојй	12480	1,0	22,3	76,7
Восточное Сараево	14750	5,1	23,8	71,1
Требине	7424	1,3	33,6	65,1
Итого	*128099*	*1,5*	*23,7*	*74,8*

Источник: Занятость, не занятость и зарплаты, Статистический ежегодник РС, РЗС РС, Баня Лука, 2014года

«Подчеркнутая поляризация развития видна на различных уровнях оси развития – пространственно неразвитые холмистые и горные области, городские агломерации с непосредственным окружением – аграрная область, центр-периферия» [2, с.153]. Поляризация развития городов Республики Сербской видна на уровне городского центра и сельских населенных пунктов, которые тяготеют к городской среде. Неравномерное пространственное развитие городов является результатом совместного действия многих факторов и взаимосвязанных процессов индустриализации, урбанизации, деградации сельских территорий и депопуляции, разрушительного влияния войны с 1990-х годов, а в поствоенный период – результат миграционных перемещений.

Талица 6

Переписное движение населения городов Республики Сербской в 1991 и 2013 гг. (городской центр с непосредственным окружением и сельская область)

Город	Движение численности населения				Абсолютное и относительное изменение			
	1991		2013					
	Городской центр	Сельская область	Городской центр	Сельская область	Городской центр	%	Сельская область	%
Баня Лука	144.531	51.165	153.540	45.667	9.009	5,8	-5.498	-12,0
Биељина	40.702	56.286	56.033	58.630	15.331	27,3	2.344	3,9
Приедор	43.447	69.096	39.070	58.518	-4.377	-11,2	-10.578	-18,0
Добо	42.705	59.844	38.919	38.304	-3.786	-9,7	-21.540	-56,2
Восточ. Сараево	24.997[1]	14.654	26.174	38.792	1.177	4,4	24.138	62,2
Требине	23.832	3.316	28.188	3.245	4.356	15,4	-71	-2,1

Источник:Население БиГ, Национальный состав по населениям, Государственный статистический институт Республики Хорватии, Загреб, 1995года и Перепись населения, хозяйств и квартир в БиГ 2013года на территории Республики Сербской, Предварительные результаты, Баня Лука, 2013год.

[1]*Оценка числен. населения за 1996 год. в населённых пунктах Восточное Новое Сараево и Восточная Илиджа*

Выраженная неравномерность в пространственном развитии городов обусловила дифференциацию городских областей согласно уровню развития и выделению городских центров, плотность населения которых от 360 до 2130 чел./км^2 , и сельских областей с плотностью населения 4 чел./км^2 в муниципалитете Требине, 28 чел./км^2 в Восточном Сараеве, 39 чел./км^2 в Баня Луке. Города Республики Сербской имеют специфическую пространственную структуру, в которой городские центры с непосредственным окружением создают область с многообразными возможостями развития, а с другой стороны, сельские области, чаще всего, с низким развитием, сталкиваются с деструктивными процессами.

Города Республики Сербской в постсоциалистическом периоде характеризуются весьма сложными процессами демографического, социально-экономического и пространственного развития. В зависимости от существующих функций и их развитости города Республики Сербской имеют различный эффект поляризации. Этот эффект измеряется показателями экономического, социального, демографического и в целом пространственного развития как самих городов, так и сельских пространств, на которые они влияют. В основном речь идёт о наиболее выраженных неравномерностях, как последствиях неэффективной политики регионального развития на национальном уровне в течение всего социалистического периода, включая и послевоенный период (1992-1995 гг.).

Литература

1. Стаменковић С. Географија насеља / С. Стаменковић, М. Бачевић, – Географски факултет Универтитета у Београду, – Београд, 1992.
2. Милетић Р. Приступ неразвијен подручјима у регионалном развоју Србије / Р. Милетић, М. Тодоровић, Д. Миљановић, // Зборник радова, Књ. 59 – Географски институт Јован Цвијић САНУ – Београд, 2009. – С.149-171
3. Тошић Д. Градски центри – фактори регионалне интеграције Србије / Д. Тошић // Гласник географског друштва Републике Српске, – Св. 4, 2000, – С. 83-96.
4. Тошић Д. Урбане агломерације у функцији регионалне интеграције Србије и Југоисточне Европе / Д. Тошић , Н. Крунић // Гласник Српског географског друштва, – Св. LXXXV, Бр. 1, 2005, – С. 137-148.
5. Вертхеимер-Балетић А. Становништво и развој / А. Вертхеимер-Балетић // Национална и свеучилишна књижница – Загреб, 1999.
6. Маринковић Д. Демографске детерминанте популационе политике Републике Српске / Д. Маринковић // Универзитет у Бањој Луци, – Природно математички факултет, – Бањалука, 2014.
7. Закон о територијалној организацији Републике Српске // (Сл. гласник РС, – бр.129/2007 и 69/09)
8. Статистички годишњак РС, РЗС РС, – Бањалука, 2014.
9. Попис становништва, домаћинстава и станова у БиХ 2013, на територији Републике Српске, // Прелиминарни раезултати, Републички завод за статистику, – Бањалука , 2013.
10. Попис становништва 1991, Становништво БиХ, Народносни састав по насељима, // Државни завод за статистику Републике Хрватске, – Загреб, 199.
11. Демографска статистика, // Статистички билтени бр. 5/01,9/05,14/10,17/13), РЗС РС, – Бањалука.
12. Плате, запосленост и незапосленост // Статистички билтен бр. 6, РЗС РС, – Бањалука, 2014.

УДК 911.3:30

Л. А. Ожегова, К. Ю. Сикач

L. Ojegova, K. Sikach

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

TERRITORIAL FEATURES OF DISTRIBUTION OF NARCOCRIMINALITY IN UKRAINE

Исследованы тенденции, определяющие наркоситуацию в Украине. Раскрыты особенности территориальной структуры наркопреступности. Выделены группы районов по уровню развития наркопреступности.

The tendencies defining a narcosituation in Ukraine are investigated. The features of territorial structure of narcocriminality are exposed. The groups of districts are distinguished on the level of development of narcocriminality.

Ключевые слова: наркопреступность, коэффициент наркопреступности, наркоситуация.

Keywords: narcocriminality, coefficient of narcocriminality, narcosituation.

Наркомания – одно из самых ужасных антиобщественных явлений в жизни людей. Наркотизация общества приводит к его деградации, ранней смертности, повышению общего уровня преступности и т. д. Незаконный оборот наркотиков является одним из самых прибыльных видов незаконного «бизнеса» во всем мире. В Украине среди причин злоупотребления наркотиками – социальные риски, развитие других видов преступности, насилие, безработица, распространение наркотической субкультуры в молодежной среде, неэффективность осуществляемых профилактических, лечебных, реабилитационных мероприятий и т. п.

Параллельно с распространением наркопреступлений, в стране происходит также активное «сотрудничество» этого вида преступности с государственными органами, которые хотя и должны противостоять этому угрожающему явлению, на самом деле провоцируют активный его рост. Вследствие этого, латентность наркопреступности является одной из самых высоких среди всех видов преступлений. Но, несмотря на сокрытие многих случаев наркопреступлений, они все равно составляют значительную долю в структуре преступности.

Социальные последствия наркомании трудно оценить полностью. Во-первых, не всегда можно увидеть роль наркотизации как таковой. Она регистрируется различными службами и практически не обобщается. В 2012 г. по данным МВД Украины в Украине было зарегистрировано 144 тыс. наркозависимых, 2 тыс. из которых были несовершеннолетними, и количество наркозависимых в стране продолжает расти. Наибольшее количество наркоманов было зафиксировано в Днепропетровской, Донецкой, Луганской, Одесской, Черниговской, Черкасской областях и г. Киеве. 74% наркозависимых нигде не работают и не учатся, почти 2% – это учащиеся техникумов и ПТУ, 0,4% – студенты вузов [2].

Наркопреступления и наркомания (как и алкоголизм) является фактором распространения многих других видов преступлений. В 2010 г. 11288 преступлений было совершено именно на почве наркомании. Прежде всего, это преступления против собственности: грабежи, разбои, мошенничество, кражи, целью которых стало получение средств на приобретение наркотических веществ. Кроме того, наркоманы находятся в особой группе риска заболеваемости СПИДом.

В Украине выделяются следующие тенденции, которые определяют наркоситуацию:

- по мнению международных организованных преступных группировок, Украина – зона транзита афганского героина и рынок сбыта наркотических средств;
- имеет место контрабанда стимуляторов амфетаминового ряда из Польши и Нидерландов на внутренний рынок Украины;
- происходит внутреннее выращивание растительных наркотиков (маковая соломка и марихуана) и распространение ввоза семян конопли из Нидерландов;
- использование современных технологий в переработке лекарственных препаратов, содержащих подконтрольные вещества, с целью изготовления метамфетамина;
- кокаин везут из Литвы, Польши, Скандинавских стран и Южной Америки. Задержанные наркокурьеры, в большинстве случаев, граждане стран, через которые проходят маршруты транспортировки наркотиков [3].

Наркопреступность является одной из наиболее зависимых от географического положения страны, региона видов преступности. В случае Украины транзитность ее территории становится негативным фактором. В последнее время осуществляется все больше попыток наркотранзита через территорию Украины, в частности через черноморские порты. Ясно, что официальная статистика не отражает реальных масштабов наркотрафика, но и те факты незаконного перемещения через границу Украины психотропных веществ и прекурсоров, которые известны, позволяют сделать неутешительные выводы.

По состоянию на 20.11.2012 г. в Украине (по данным МВД Украины) было зафиксировано 45 225 преступлений в сфере

оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. За 2011 г. таких преступлений было зафиксировано 53206. Согласно официальной статистике МВД Украины наблюдается тенденция постепенного уменьшения наркопреступности, но эти данные лишь частично освещают существующую ситуацию. С 2005 г. количество наркопреступлений в Украине уменьшилась на 30%. При оценке объемов изъятых веществ проявились схожие тенденции: в 2005 г. было изъято 14851,7 кг наркотических средств, а в 2011 г. государственные органы по борьбе с наркопреступностью изъяли 9091 кг наркотических средств.

В структуре наркопреступлений состоянию на 20.11.2012 года преобладали следующие виды: незаконное производство, приобретение, перевозка наркотиков без цели сбыта – 59%, незаконное производство, приобретение, перевозка или сбыт наркотиков – 35% (из них сбыт – 33,4%), организация или содержание наркопритонов – 4% (рис.1).

Рис.1. Динамика и структура преступлений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров по состоянию на 20.11.2012 г., (составлено автором по [4])

В 2011 г. относительное количество наркопреступлений в Украине составляло 117 (далее $К_н$ – коэффициент наркопреступности – количество наркопреступлений в расчете на 100000 населения). Наименьший $К_н$ фиксировался в Закарпатской ($К_н$=34,5) и Ивано-Франковской ($К_н$=42) областях. Наибольшее распространение наркопреступления получили в Луганской ($К_н$=206), Херсонской ($К_н$=160), Запорожской областях ($К_н$=189), АР Крым ($К_н$=175) и г. Киеве ($К_н$=162) (рис.2).

Кроме общей негативной криминогенной обстановки, большое влияние на наркопреступность оказывают приграничное положение (Луганская область) и природно-географический фактор (в частности, в Херсонской, Запорожской областях – благоприятные агроклиматические условия для выращивания канабиоидов).

В динамике (2005-2011 гг.) показатель относительного количества наркопреступлений значительно изменялся по регионам, снизившись в Полтавской (на 53%), Черниговской (на 47%), Николаевской (45%) и Ровенской (45%) областях. В некоторых регионах наоборот наблюдались тенденции к более активному распространению наркопреступлений. Так, в Черновицкой области зафиксировано максимальное увеличение – на 95%, такая же тенденция выявлена в г. Киев (на 34%), Черкасской (на 26%), Днепропетровской (на 12%) , Закарпатской (на 10%), Запорожской (на 9%), Луганской (на 8%), Тернопольской (на 17%) областях (рис.2).

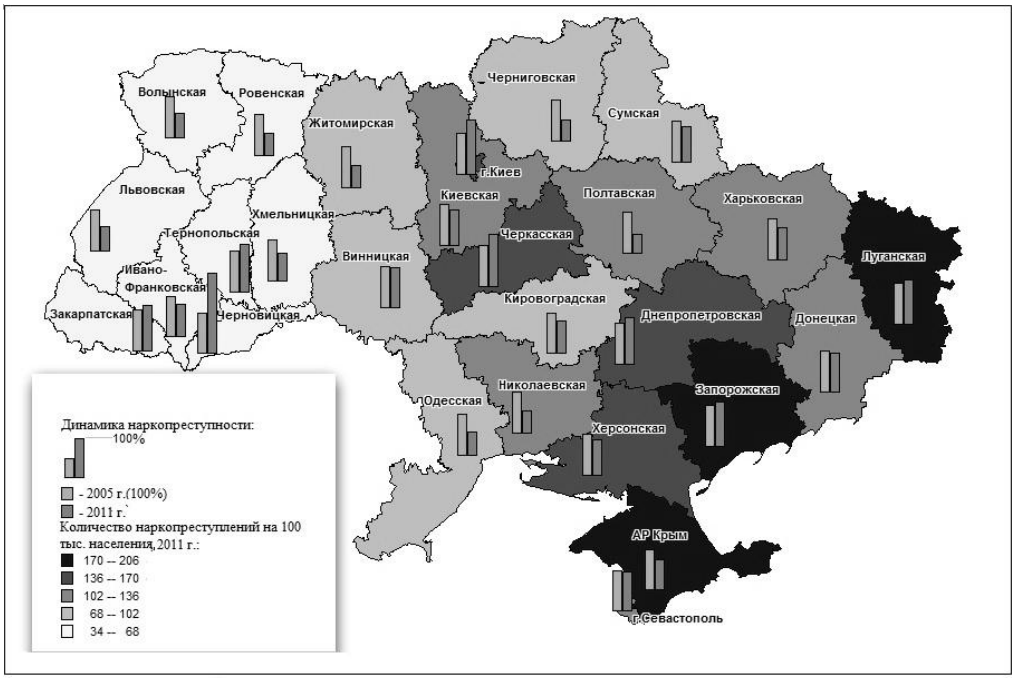


Рис.2. Территориальная структура наркопреступности в Украине, 2011г., (составлено автором по [6])

С помощью картографического анализа выделено пять групп регионов Украины по уровню распространения наркопреступлений. К первой группе с очень низким значением $К_н$ относится Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская и Черновицкая области. К регионам со значением $К_н$ ниже среднего относятся Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Одесская, Сумская и Черниговская области. В группу со средними показателями вошли Донецкая, Киевская, Николаевская, Полтавская, Харьковская области. К следующей группе с показателями выше средних вошли Днепропетровская, Херсонская и Черкасская области и г. Киев. Наиболее кризисными регионами в Украине стали, Запорожская и Луганская области.

Проведя расчет и анализ ряда индексов (индекс безопасности, индекс локализации относительно населения и других видов преступлений [5]) на основании кластерного анализа (на базе

программы STATISTICA 7) мы выделили следующие группы районов по уровню развития наркопреступности:

1. Кризисный район: Луганская область.
2. Предкризисные районы: Днепропетровская, Запорожская, Черкасская, Херсонская области, город Киев.
3. Относительно-безопасные: Сумская, Житомирская, Харьковская, Полтавская, Киевская, Донецкая, Черниговская, Кировоградская, Одесская, Винницкая, Николаевская области.
4. Безопасные районы: Ивано-Франковская, Закарпатская, Черновицкая, Тернопольская, Хмельницкая, Ровенская, Львовская, Волынская области.

Таким образом, на уровне страны наблюдается тенденция распространения наркопреступлений от более экономически (особо отражается уровень безработицы) и социально развитых регионов к регионам аутсайдерам. И в основном эта тенденция будет сохраняться, отчасти меняясь под воздействием транзитного фактора и фактора уровня безработицы. На районном же уровне диагностируется в сфере оборота тяжелых наркотиков четкое преобладание крупнейших центров региона, в частности областного центра, над остальными периферийными районами. То есть в случае формирования, как преступности в целом, так и наркопреступности на районном уровне, можно наблюдать диффузию преступности от центра к периферии. Но центрами развития преступности будут выступать не только крупные города, но и приморские и приграничные территории, транспортные пути, учреждения пенитенциарной системы и т. д.

Литература

1. Габиани А. А. Наркотизм вчера и сегодня. / А. А. Габиани – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. –258 с.

2. Герасимчук В. В Украине насчитали 140 тысяч наркоманов / В. В Герасимчук [Электронный ресурс]: LB.ua. 30.11.2012. – Режим доступа: http://society.lb.ua/health/2012/11/30/180911_ukraine_naschitali_bolee_140_tisyach.html

3. Гордиенко С. Наркомания в Украине. Проблема сегодня и методы борьбы с ней. [Электронный ресурс] / С. Гордиенко // Аптека.ua.2013.№39. – Режим доступа: http://www.apteka.ua/article/254961.

4. Злочинність в Україні: Стат. збірник / відповід. за випуск І. Калачова. – К.: Державна служба статистики України, 2011р. – 117 с.

5. Сикач К. Ю. Криминальная безопасность регионов Украины // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2014. – Т.10. – Вып.2. – С. 767-770.

6. Статистика МВС Украины 2011 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/;jsessionid=917C4912323F785B224C254F1E9CC9C9.

УДК 911.373

С. В. Панков

S. Pankov

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ: СТАБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL PERIPHERY: STABILIZATION OR DEGRADATION

Для эффективного и устойчивого функционирования сельских поселений и выполнения селом своей главной роли − обеспечения продовольственной безопасности страны и других производственных задач, а также должного развития демографической, трудоресурсной, культурной, рекреационной, природоохранной и других функций, необходимо создание для сельского населения адекватных условий труда и проживания, т.е. создание стабильного социально-экономического статуса сельских поселений.

For efficient and sustainable operation of rural settlements and rural areas perform its primary role - to ensure food security of the country and other production tasks, as well as the proper development of demographic, labor resource, cultural, recreational, environmental and other functions necessary to create a rural

population of adequate working and living conditions that is the creation of a stable socio-economic status of rural settlements.

Ключевые слова: устойчивое развитие, исчезающие поселения, исчезнувшие поселения, деградация поселений, деструктивный процесс.

Keywords: sustainable development, endangered settlements, disappeared settlements, settlements degradation, destructive process.

Устойчивое развитие ноосферы требует от человечества не только сохранения биоразнообразия, поддержания экологического равновесия, но и содержания в должном состоянии мест своего проживания, труда и отдыха. В этой связи продолжает оставаться актуальной проблема сельских поселений, их качественные и количественные изменения, возрастание доли исчезающих населенных мест. Начало процесса сокращения поселений в Тамбовской области относится к 20-м годам прошлого века с сохранением указанных тенденций в последующие годы, вплоть до сегодняшнего дня. Обстоятельства таких изменений различные: экономические, административные, политические и др. В России ежегодно исчезает до 3 тыс. сел и деревень, 700 тыс. человек мигрируют из села, выбывают из сельскохозяйственного оборота млн гектаров земель, а с этим мы теряем историю, культуру, уклад жизни.

Размещение *исчезающих поселений* по районам Тамбовской области позволяет выделить территории, где процесс их сокращения протекает с разной степенью интенсивности. В целом по Тамбовской области размещение исчезающих поселений довольно дисперсно. Вместе с тем выделяются территории с высокой долей таких поселений: 1) окраинные территории Тамбовщины (Петровский, Первомайский, Моршанский, Пичаевский,

Инжавинский районы); 2) части административных районов, имеющие наибольшее удаление от райцентров и крупных поселений; 3) территории, где исторически сложилась сеть мелких поселений; 4) сельскохозяйственные земли с большим числом поселков бывших отделений и бригад.

Категория *исчезнувших поселений* сохраняет ту же тенденцию в размещении. Это периферийные районы области (Мичуринский, Петровский, Моршанский), где данный процесс затронул, в основном, специализированные поселения: кордоны, ж/д будки и казармы, поселки при торфоразработках и оздоровительных лагерях.

В большинстве случаев снижение людности поселений сопровождается уменьшением численности хозяйств (дворов); часть приусадебных участков приходит в запустение и лишь иногда используется для выращивания кормовых культур. Кроме того, без присмотра остаются и не используются плодово-ягодные насаждения, хозяйственные постройки, жилье, образующие небольшие сплошные массивы неиспользуемых земель; поселение фактически распадается на несколько мелких, слабо связанных между собой, жилых образований. В таких условиях население ощущает дискомфорт, живет с предчувствием быстрой самоликвидации поселения, а поэтому усиливается его отток.

Когда влияние населенного пункта на окружающую территорию становится незначительным или он вообще прекращает функционировать, обслуживаемые угодья оказываются заброшенными или используются не полностью.

В ландшафтном отношении сельские поселения более долговечны, чем в социально-экономическом. Наличие социально-экономической части у поселения − это и есть критерий

разграничения селитебного от постселитебного состояния поселения. Актуальное селитебное состояние может постепенно закончиться, начинается процесс деградации и поселение продолжает существовать чисто структурно. В связи с этим можно выделить стадии деструктивного процесса в сельских поселениях:

1) деградация социально-экономического потенциала поселения (сельхозпредприятия ликвидированы, социальная инфраструктура отсутствует, поселенческая структура сохраняется, но начался деструктивный процесс (массовый исход населения, дома разваливаются, дворы и пруды зарастают, сельхозугодия не обрабатываются);

2) сохраняются отдельные черты поселенческой структуры (население практически отсутствует, материальные формы поселения представлены разрушенными домами, образуются земли первичного (начального) запустения, где легко прослеживаются черты недавнего поселения) – процесс ренатурализации в «разгаре»;

3) от поселения сохранились отдельные ландшафтные объекты (аллеи, парки, сады, в составе которых доминируют сорные виды растительности), канавы, насыпи, искусственные русла рек, кладбища; население полностью отсутствует, поселенческая структура фрагментарна, где заметны лишь отдельные элементы, а общая структура не прослеживается;

4) окончательное формирование постселитебного комплекса, представленного только в виде трансформированных антропогенных ландшафтных структур («одичавший» фауно-флористический состав).

Из этого следует, что любое поселение, жизнь которого не поддерживается социально-экономическим фактором,

морфологически все-таки продолжает существовать некоторое время. Земли прошлых поселений часто содержат большой информационный материал о былой социально-экономической структуре, примером тому земли древних городищ и селищ, восстановление обстановки которых возможно при использовании специальных методов исследований. Изучение таких территорий путем сравнительного анализа на разных стадиях позволит получить информацию о процессе восстановления природных и антропогенных комплексов за различные временные промежутки, что необходимо в целях проведения работ по землеустройству, экологическим изысканиям по восстановлению ландшафтов.

Строительными нормами и правилами запрещается застраивать сельскохозяйственные земли, но застройка пахотных земель фактически продолжается. В условиях Тамбовщины много поселений расположено среди пахотных земель. Особенно необходимо отметить поселения на юге области, где находятся лучшие сельскохозяйственные земли. Развитие «вширь» таких поселений с точки зрения рационального землепользования невозможно, поэтому необходимо применять другую форму застройки или другую форму расселения. Но, как правило, это не делается и под застройку отводятся даже пахотные массивы, в которых уже проведена сельскохозяйственная мелиорация.

Кроме регулирования пространственной структуры сельских поселений и для того, чтобы избежать ущерба или свести его до минимума, необходимо полномасштабное использование такой категории поселений как исчезнувшие и исчезающие. В этом плане их использование предполагается в трёх основных направлениях:

1. Площади бывших поселений – источник увеличения площади сельскохозяйственных земель. Это, в первую очередь,

относится к тем участкам, на месте которых еще сравнительно недавно были села, а теперь малоценные залежи с одичавшими садами. Вовлечение этих пустошей в сельскохозяйственный оборот несколько компенсирует потери ценных угодий.

Имеется положительный опыт таких работ: «В Павловском районе Воронежской области после окультуривания площадей сселившихся четырех хуторов (Каменка, Хухрин, Ровный, Сыроватский) было вовлечено в пашню 80 га. Аналогичные работы были проведены в Аннинском и Богучарском районах и в некоторых других областях лесостепного юга Русской равнины».

По мнению других авторов, даже после сноса строений земли поселений без значительных затрат не могут быть переданы в сельскохозяйственное пользование. Так не лучше ли сохранить жилой фонд (пусть и в весьма плачевном состоянии), дать возможность использовать его в других сферах деятельности населения? Приоритетными функциями здесь могут выступать функции природоохранные и рекреации.

Однако территории с плодородными почвами, или покрытые лесами, или пригодные для отдыха невелики, и произвольно расширить их невозможно. Следовательно, надлежит рационально использовать имеющийся потенциал, где сельские поселения будут выступать в роли своеобразных центров тех территорий, на которые распространяются экологические, рекреационные и культурно-исторические достоинства, что должно учитываться и при планировке сельской территории.

2. Прежде всего, следует сказать об охране природной среды. Для выполнения природоохранных функций желательно нахождение поселения на территории заповедника, заказника, национального парка (в т. ч. и планируемых). Кроме стандартных

функций (сторожевые пункты, пункты наблюдения) могут осуществляться и другие, например, обслуживание посетителей и туристов, базы отдыха и ночные стоянки. Такие поселения, характеризующиеся, приспособленностью к окружающей среде и местным природным условиям, наиболее органично впишутся в природный ландшафт.

3. Значительно шире возможность использования мельчайших поселений в чисто рекреационных целях. Кроме внешних факторов (характеристики окружения), большое значение приобретают и внутренние: наличие электричества, состояние жилого фонда, наличие воды и т. д. Учитывая фактически неограниченное использование исчезающих поселений в рекреационной деятельности, возможно, её развитие по интенсивному пути – полному и комплексному охвату территории районов и области.

Поселения, на базе которых могут развиваться разные виды рекреации, представляются следующими: 1) пункты стационарного отдыха; 2) пункты кратковременного отдыха (в ближайшем окружении городов, ПГТ и крупных сел); 3) пункты «экологических троп», на пути наиболее популярных маршрутов; 4) пункты развития дачного отдыха; 5) пункты активного отдыха (охота, рыболовство и др.); 6) пункты летнего отдыха детей (восстановление старых и организация новых).

Отдельно надо сказать о возрождении исторических поселений по аналогии с историческими городами. Необходимо создать их перечень, восстановить их структуру, спроектировать туристические маршруты.

Безусловно, что реализация таких планов требует не только значительной финансовой поддержки и организационных работ, но и детальных исследований в отношении каждого поселения, и

научной разработки методов оценки их возможности в том или ином виде отдыха, и определения критериев выделения территорий с ценными природно-рекреационными качествами, и обеспечения правовой охраны и статуса этих центров.

Указанный путь развития малых поселений в рекреационных целях несет определенные выгоды: 1) не будут изыматься ценные сельскохозяйственные земли под строительство новых рекреационных объектов; 2) возможность использования имеющегося жилого фонда часто без существенной реконструкции; 3) интенсивное использование территории области для рекреации; 4) увеличение занятости сельского населения окраинных территорий хозяйств (в сфере обслуживания и т. д.); 5) различные виды рекреационного использования (садоводческие товарищества, дачи) могут повысить продуктивность сельского хозяйства окраинных территорий области нетрадиционным путем; 6) возрождение исчезающих поселений будет поддерживать обжитость территории. Даже сезонное пребывание населения не даст существующим дорогам и тропам приходить в негодность.

Классификация рекреационных объектов, создание которых возможно на базе исчезающих деревень, а также перечень условий для возникновения каждой из таких рекреационных точек наглядно свидетельствуют о том, что практически в любую такую деревню можно вдохнуть жизнь. Группа исчезнувших деревень постоянно пополняется. Необходимо спешить, или уже через 10-15 лет мы потеряем реальную возможность хотя бы рекреационного использования малых поселений без значительных затрат на новое строительство. В целях обеспечения комплексного и правильного рекреационного использования территорий представляется весьма желательным создание единого координирующего центра по

проблемам исчезающих поселений, который бы обладал полной информацией об имеющихся поселениях, а также информацией о спросе на такого рода рекреационные объекты.

УДК 911.3:711.4

Л. И. Попкова

L. Popkova

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

URBAN STRUCTURE OF THE TERRITORY OF CENTRAL CHERNOZEM'YE

В статье проанализирован процесс формирования сети городов Центрального Черноземья. Выявлена взаимосвязь городов с сельской местностью. Рассмотрена роль областных центров в территориальной структуре региона. Отмечены особенности размещения городов, динамики численности населения, варианты урбанистической структуры.

A process of forming a network of cities of Central Chernozem'ye is analysed in the article. The interrelation between cities and the countryside is discovered. A role of regional centers in the territorial structure of the region is examoned. The features of the placement of cities, population dynamics, urban structure options are specified.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, типы городов, этапы формирования, территориально-урбанистическая структура.

Keywords: Central Chernozem'ye, types of cities, stages of formation, territory and urban structure.

Центральное Черноземье традиционно позиционируется как достаточно однородная аграрная местность, поэтому зарождение и развитие городов здесь всегда было явлением особенным, обусловленным необходимостью реагирования на происходящие изменения.

Многие города современного Центрального Черноземья основывались как приграничные крепости, находившиеся на переднем крае расширения территории с северо-запада на юго-восток. Они выполнили свои функции, после чего одни из городов прекратили своё существование, другие – трансформировалась в сельские поселения, третьи – продолжают существовать до настоящего времени. К числу сохранившихся и развивающихся городов этого периода отнесём Воронеж, Белгород, Старый Оскол, Валуйки.

Существенные изменения в территориальную структуру Центрального Черноземья внесло освоение Курской магнитной аномалии. В этот период формируются новые промышленные узлы: Белгородско-Яковлевский, Старооскольско-Губкинский, Железногорский, которые становятся точками роста территории, дают новый импульс для хозяйственного развития аграрной местности. Энергетический дефицит преодолевается развитием атомной энергетики. Вводятся в действие Нововоронежская и Курская АЭС, ставшие градообразующими предприятиями Нововоронежа и Курчатова.

На каждом этапе формирования территории государства система городов имела целостный характер, развиваясь и функционируя в границах соответствующего исторического периода, под влиянием социально-экономической ситуации, складывающейся в России и в мире.

Территориальное распределение городов разного времени возникновения выражает это весьма отчетливо. В Центральном

Черноземье прослеживается характерный тренд: на северо-западе города старше по возрасту, на юго-востоке – моложе (рис. 1).

Вместе с тем, для Центрального Черноземья на протяжении длительного времени характерен постоянный миграционный отток населения, ослабивший регион в целом, отразившись и на городской и, особенно, на сельской местности, «питавшей» города. Ослабленная миграциями территория не смогла «поднять» все городские поселения, сконцентрировавшись на областных центрах и небольшом количестве других городов. Новые города явились не результатом развития «своей» территории, а следствием решения общегосударственных задач – освоения КМА и формирования ЕЭС (ГОК, металлургические заводы, атомные электростанции).

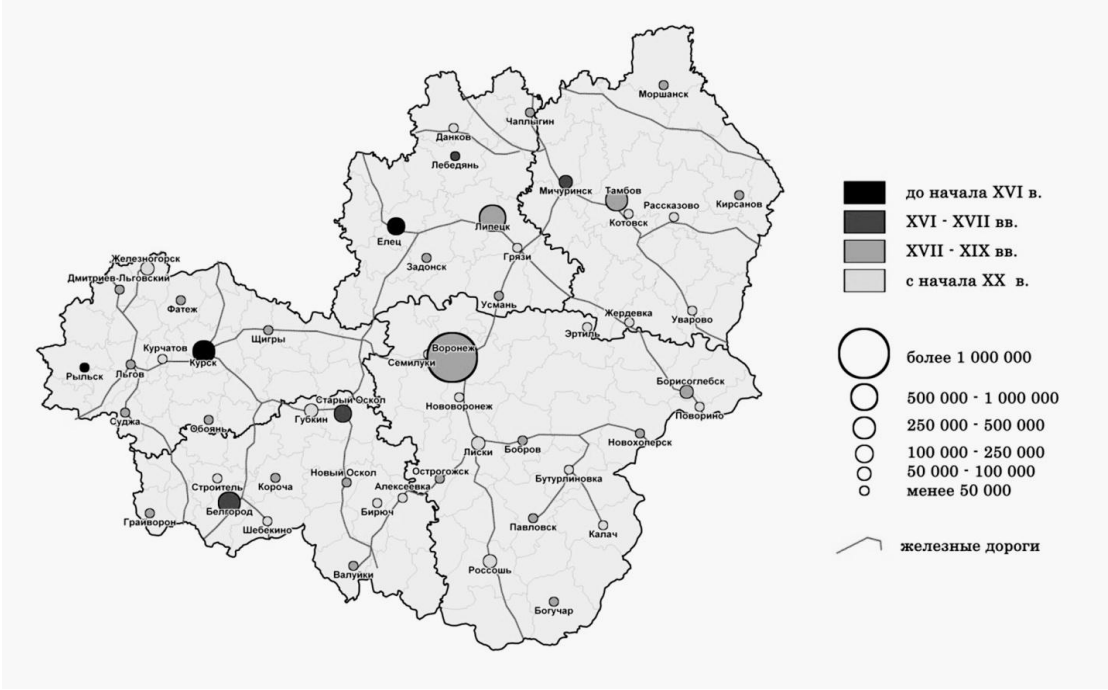


Рис. 1. Формирование сети городов Центрального Черноземья

Приоритетное развитие областных центров стало возможным благодаря использованию административного ресурса. Расселение

трансформируется путем выделения из него узловых пунктов, формирования сети опорных центров. Такими узлами в Центральном Черноземье являются, прежде всего, областные центры. Среди пяти областных центров Черноземья один город-миллионер (Воронеж); один – крупнейший (Липецк); три – крупных города (Курск, Белгород, Тамбов). Региональной «столицей» Центрального Черноземья является Воронеж. Его роль усиливается тем значением, которое он имеет не только для «своей» области, но и для всего региона.

Доля областных центров в численности населения областей на протяжении исследуемого периода увеличивалась (табл. 1).

Таблица 1

Доля областных центров в численности населения областей Центрального Черноземья

Города	Численность населения (тыс. чел.)					Доля областных центров в численности населения области (%)				
	годы									
	1959	1989	2002	2010	2015	1959	1989	2002	2010	2015
Белгород	72	286	337	356	384	6	21	22	23	25
Воронеж	447	887	849	890	1024	24	36	36	38	44
Курск	205	424	412	415	431	14	32	33	37	39
Липецк	151	450	506	509	510	13	37	42	43	44
Тамбов	172	305	294	280	288	11	23	25	26	27

В Белгородской области имеется сопоставимый по численности населения с областным центром второй город. Белгород по численности населения превышает Старый Оскол всего лишь в 1,6 раза. Это создает в области два полюса развития, вовлекает в оборот новые природные ресурсы, улучшает территориальную организацию (рис. 2).

Рис. 2. Белгородская территориально-урбанистическая структура

Вторые по людности города значительно уступают по численности населения областным центрам (Елец – Липецку в 4.6 раза; Железногорск – Курску в 4,4 раза; Мичуринск – Тамбову в 2,8 раза).

Для административного центра Воронежской области характерна сверхконцентрация населения. Разрыв в численности между первым и вторым городом в Воронежской области – 16-кратный. Кроме областного центра, представленного городом-миллионером Воронежем, все остальные города средние и малые, что указывает на неразвитость урбанистической структуры.

Многие города Центрального Черноземья были преобразованы из сельских поселений. Чаще всего такие поселения начинали выполнять городские функции, являясь центрами административными районов. В Центральном Черноземье такие «города-села», сохранившие во многом сельские черты, составляют значительную часть городов. Ориентация промышленности на местные трудовые ресурсы и местное же сельскохозяйственное сырье привела к развитию традиционных видов деятельности, на

которых поднялись крупные сельские поселения, с течением времени резвившиеся в города («вызревание в города»).

По существу, Центральное Черноземье более аграрная, чем урбанизированная территория. Основным поставщиком населения для городов региона являются полусельские города и села, что не может не отражаться на привычках новых горожан и облике городов.

Таким образом, в Центральном Черноземье представлены различные типы городов – от местных «столиц», обслуживающих окружающие их районы до промышленных центров разной специализации и нередкой монопрофильности.

Формирование сети городов отличается крайней неравномерностью: от редкой сети малых городов к преобладающим агломерированным формам расселения.

Приграничность курских, белгородских и воронежских городов вносит украинский колорит в их население, облик населённых пунктов и навыки хозяйствования.

В качестве одного из основных наполнителей численности городского населения рассматривается сельское расселение и его характер – от мелкоселенного с повышенной густотой сети к крупноселенному с разреженной сетью.

Центральное Черноземье обладает сравнительно разреженной сетью городов, преимущественно малых, среди которых выделяются областные центры.

Абсолютное большинство городов Центрального Черноземья сохранили тесные родственные, экономические, социальные, культурные и психологические связи с сельской местностью и несут в себе очевидные её черты со всеми вытекающими из этого последствиями.

УДК 911.9; 339.91

Т. И. Потоцкая

T. Pototskaya

ДЕЛОВОЙ ТУРИЗМ В АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВОМ КОМПЛЕКСЕ

BUSINESS TOURISM IN THE DIAMOND COMPLEX

В статье рассматриваются проблемы и методика анализа делового туризма в конкретной отрасли мирового хозяйства – алмазно-бриллиантовом комплексе (АБК). Автор исходит из представления о том, что в АБК наиболее организованная часть делового туризма, а значит открытая для исследования, связана с международной ювелирной выставочной деятельностью. На этой основе выявлена система показателей, которую можно использовать для его характеристики, что в свою очередь, позволило выделить отраслевые и территориальные особенности формирования делового туризма в АБК и обозначить их причины.

In paper is considered the problems and the method of analysis of business tourism in a certain sector of the world economy – diamond complex. The author proceeds from the idea that in diamond complex most organized and open part of business tourism for research related to international jewelry exhibition activities. On this basis identified a system of indicators that can be used to characterize it, that allowed to distinguish branch and territorial features of business tourism in the diamond complex and identify their causes.

Ключевые слова: деловой туризм, алмазно-бриллиантовый комплекс, международные ювелирные выставки.

Keywords: business tourism, diamond industry (complex), international jewelry exhibition.

Деловой туризм (поездки сотрудников различных организаций с деловыми целями) – сложный предмет для экономико-географического исследования. Это связано с тем, что большая часть процессов, которые его формируют (проведение встреч и переговоров с партнёрами; проведение совещаний с руководством и коллегами, представителей филиалов и дочерних структур; инспекция работы представительств и филиалов; установление и налаживание деловых контактов; посещение профессиональных мероприятий; обучение сотрудников; обращение в государственные структуры различных стран, с целью получения сертификатов, лицензий, разрешений и др.) субъективны по своей сути, малочисленны по количеству участников и не являются стабильными. Выявить закономерности их образования довольно трудно, так как во многом они определяются особенностями функционирования того бизнеса (вида экономической деятельности), который их порождает.

В этом смысле, в алмазно-бриллиантовом комплексе наиболее организованная (стабильная, относительно прогнозируемая) часть делового туризма, а значит открытая для исследования, связана с сайтхолдерской (в широком контексте) и отраслевой выставочной деятельностью. При этом очевидно, что сайтхолдерство (система гарантированного обеспечения алмазным сырьём гранильные компании через периодически организуемые торги алмазодобывающей компанией) [1] это всё-таки, хотя и значимый элемент механизма функционирования мирового алмазно-бриллиантового рынка, всё же с точки зрения делового туризма в АБК малоинтересен из-за малочисленности турпотока (менеджмент около

100 гранильных компаний) и ограниченности числа территорий, его принимающих (Лондон, Габороне, Москва и др.).

В силу того, что АБК по объективным причинам выделяется высоким уровнем вовлеченности в международное разделение труда, деловой туризм в его рамках в большей мере связан с международной выставочной деятельностью, ювелирная составляющая которого быстро развивается.

Одной из проблем научного исследования делового туризма является проблема отбора показателей, способных отразить особенности его функционирования. При этом сложности связаны как с территорией, которая формирует турпоток (количество убытий), так и с территорией, которая принимает турпоток (количество прибытий), так как ни отдающая, ни принимающая страны не конкретизируют цель поездки, считая вполне достаточным указание участия в семинаре/ выставке, без фиксации названия конкретной выставки.

Для АБК это является принципиальным, в силу того, что из более 90 ежегодно организуемых международных ювелирных выставок, только чуть более 30 заявляют в своей товарной структуре бриллианты и ювелирные изделия с бриллиантами (30%). Это делает невозможным использование статистических баз данных, создаваемых государственными службами любой страны, для аналитических целей. Решение данной проблемы видится в формировании авторских баз данных на основе изучения каждой конкретной выставки.

Выделим наиболее важные показатели деятельности МЮВ, которые позволяют судить об особенностях её вовлеченности в деловой туризм в АБК. Поскольку к категории «деловых туристов»

относятся как участники МЮВ, представляющие свою продукцию на выставке, так и посетители выставки (как правило, это отраслевые специалисты, так как все проанализированные выставки относятся к категории b2b) целесообразно все показатели разделить на две группы (табл.1):

– показатели, характеризующие участников выставки (количество компаний-участниц; количество стран-участниц; доля иностранных экспонентов на выставке; количество компаний, представляющих бриллианты и их доля в товарной структуре выставки; доля иностранных компаний в представлении бриллиантов; количество компаний, представляющих ювелирные изделия с бриллиантами и их доля в товарной структуре выставки; доля иностранных компаний в представлении ювелирных изделий с бриллиантами);

– показатели, характеризующие посетителей (количество посетителей, их профессиональная структура).

Безусловно, основным показателям стоит считать количество компаний (экспонентов), участвовавших в деятельности выставки, так как именно он дает наиболее полное представление об уровне интереса к данной выставке и позволяет выявить «ключевые» МЮВ в каждом регионе. Однако при работе с данным показателем, нужно помнить, что часто численность экспонентов определяется многопрофильностью выставки (когда, например, кроме ювелирных изделий выставляются предметы роскоши в целом, или предметы, украшающие интерьер дома и др.). Поэтому, естественно, многопрофильные выставки будут более многочисленные, чем специализированные, что необходимо учитывать исследователю. Таким образом, самыми «статусными» (значимыми) МЮВ мира можно считать: в Европе – Basel World, в Азии – Hong Kong

International Jewellery & Watch Fair (сентябрь), в Америке – JCK Las Vegas. Данный аспект отражает место, которое занимает каждый из перечисленных лидеров на ювелирном рынке мира: США – ведущий потребитель ювелирных изделий, Италия – ведущий производитель, определяющий моду, Гонконг – посредник в торговых операциях с драгоценными камнями и металлами и изделиями из них.

Таблица 1

Самые посещаемые международные ювелирные выставки мира, 2011 г.

Название МЮВ	Страна	Кол-во компа-ний	Кол-во посети-телей
“Iberjoya” (сентябрь)	Испания	400	96000
“Iberjoya” (январь)	Испания	300	95000
“Basel World”	Швейцария	1500	94200
“MACEF Spring”	Италия	2000	86271
“Spring Fair Birmingham”	Великобритания	2800/500	78326
"Junwex”	Россия	600	45800
“Hong Kong Jewellery & Watch Fair” (сентябрь)	Гонконг	2700	40 000
“Mid East Watch & Jewellery Spring Show”	ОАЭ	240	38500
“International Jewellery Tokyo”	Япония	800	36000
“Middle East International Gold, Jewellery, Clock & Watch Exhibition”	Бахрейн	600	34000
“Mid East Watch & Jewellery Autumn Show”	ОАЭ	200	34000
“Birmingham Autumn fair”	Великобритания	1200/350	32500
“China Watch Jewellery & Gift Fair”	Китай	500	32 500
“Bangkok Gem & Jewelry Fair” (сентябрь)	Таиланд	1000	30200
“Hong Kong International Jewellery Show”	Гонконг	2400	30000
“Jaipur Jewellery Show”	Индия	300	30000
“Bangkok Gem & Jewelry Fair” (февраль)	Таиланд	1000	29000
“International Jewellery, Silver, Watch & Equipment Istanbul”	Турция	1000	29000
“Jewel Fair Korea”	Р. Корея	300	28000
“Inhorgenta Europe”	ФРГ	1200	27000

Составлено автором [2]

Не менее важный показатель – степень международности МЮВ. Для ее выявления можно использовать абсолютный (количество стран-участниц) и относительный (доля иностранных экспонентов на выставке) показатели. Оба они отражают международную значимость выставки и ее организационные возможности в продвижении товара. Однако, при работе с МЮВ США, стоит учитывать особенность внутреннего рынка этой страны, который поглощает более 50% бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами, произведенных в мире. Поэтому практически все крупные иностранные компании, производящие данные виды товаров, имеют здесь свои филиалы, через которые собственно и участвуют в выставочной деятельности страны. В результате статистика по количеству иностранных участников и их доле в выставках США дает незначительные величины (исключение составляет лишь система американских МЮВ – GLDA, где основную долю иностранных участников составляют торговые компании Гонконга). Из перечисленных показателей более важный, безусловно, относительный, то есть доля иностранных участников.

Для производителей бриллиантов МЮВ могут служить источником информации о конкурентной среде в стране или регионе, что определяется количеством компаний, представляющих бриллианты. Однако данный критерий не показывает место бриллиантов в товарной структуре выставки. Его объективно можно определить только через исследование доли компаний, представляющих бриллианты. С этой точки зрения, самыми востребованными МЮВ оказались: в Европе – Iberjoya (Испания); в Азии – Hong Kong International Jewellery & Watch Fair (сентябрь), Hong Kong International Jewellery & Watch Fair (июнь), Hong Kong International Jewellery Show; в Америке – JCK Las Vegas, JCK Phoenix.

Если производитель бриллиантов преследует не только «имиджевые» цели, участвуя в деятельности выставки, но и пытается собрать информацию о степени насыщенности внутреннего рынка государства, о современных маркетинговых стратегиях в области продвижения бриллиантов, о современных тенденциях в области дизайна товара, то стоит обратить внимание на долю иностранных компаний в представлении бриллиантов. В этом отношении наиболее интересны МЮВ тех стран, которые, во-первых, не специализируясь на производстве бриллиантов, лидируют в их потреблении, так как имеют хорошо развитую ювелирную промышленность и во-вторых, являются «воротами» в свой регион, то есть обладают механизмами, стимулирующими торговые операции с драгоценными камнями (выставки ОАЭ).

Кроме того, выставка может интересовать производящую компанию как рынок сбыта своей продукции. В этом случае, наряду с перечисленными показателями, которые характеризуют статус выставки, стоит обратить внимание на количество компаний, представляющих на ней ювелирные изделия с бриллиантами и на их долю в товарной структуре. Наиболее высоки эти показатели у таких МЮВ, как: JCK Las Vegas, JCK Phoenix, GLDA Las Vegas (Америка); Iberjoya (Европа); Hong Kong International Jewellery Show и International Jewellery Tokyo в Азии.

Если попытаться выделить выставки, которые дают наиболее полную информацию о тенденциях в современной моде на ювелирные изделия с бриллиантами, а также формируют ее, то стоит обратить внимание на долю иностранных компаний в представлении ювелирных изделий с бриллиантами. Особое место здесь принадлежит итальянским выставкам (система VicenzaOro) и International Jewellery London (Великобритания), Iberjoya (Испания). В Азии эту роль выполняют Hong Kong International Jewellery Show,

International Jewellery Tokyo, International Jewellery Kobe. В то же время выставки, которые дают наиболее полную информацию о тенденциях в современной моде на бриллианты расположены в Азии (их больше всего среди первой «десятки» лидеров) – Hong Kong International Jewellery Show, Jewel Fair Korea, International Jewellery Tokyo, International Jewellery Kobe, Bangkok Gem & Jewellery Fair. Второе место принадлежит «европейцам» – Basel World, Oro Gemma, International Jewellery London, Iberjoya.

С точки зрения посещаемости наиболее привлекательными являются МЮВ Европы и Азии (табл. 1). Однако профессиональная структура посетителей выставок этих регионов значительно отличается. Так, посетители европейских выставок преимущественно розничные продавцы (до 80%), то есть европейский рынок привлекает своими потребительскими свойствами. В то же время посетители азиатских выставок – оптовики (до 35%) и производители (до 20%), то есть азиатский рынок привлекает своими производственными свойствами. К сожалению, американские МЮВ не предоставляют информацию о профессиональной принадлежности своих посетителей.

В заключение отметим, что Россия вносит незначительный вклад в формирование делового туризма в рамках АБК. Небольшое количество МЮВ (4), организуемых на её территории, хотя и привлекает значительное количество производителей бриллиантов / ювелирных изделий с бриллиантами и посетителей (табл.1), однако и производители, и потребители – участники преимущественно национального рынка. Да и анализ профессиональной структуры посетителей отечественных ювелирных выставок (около 80% – торговые организации), свидетельствует об их торговой функции, что связано с особенностями государственного регулирования национального ювелирного рынка.

Литература

1. Потоцкая Т. И. Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе. / Т. И. Потоцкая – Смоленск: Универсум, 2008. – 388 с.
2. Потоцкая Т. И. География международного ювелирного выставочного движения / Т. И. Потоцкая // Известия РГО. – 2010. – Т.142. Вып.2. – С.64-75.

УДК 911.6

Б. Б. Родоман

B. Rodoman

АВТОМОДЕЛЬНОСТЬ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ «ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ»

SELF-SIMILARITY AND CONTINUALITY IN THE «CENTER–PERIPHERY» RELATION

Рассматривается структурное и функциональное подобие узловых районов разного ранга. Предполагается возможность такого районирования, в котором количество районов и рангов не конечно, допустимы пересечения районов, их границы размыты, различия между центром и периферией изменчивы и относительны. Геопространство мыслится как континуальное множество дискретных регионализаций.

The article discusses the structural and functional similarity of different rank's nodal regions. The possibility of the regionalization and zoning with the infinite number of districts and ranks, the overlap or imposition of some areas are allowed. Their boundaries are blurred, the distinction between center and periphery are variable and relative. Geographical space is presented as a continuum of discrete regionalization

Ключевые слова: автомодельность, континуальность, периферия, узловые районы, центр.

Keywords: center, continuality, nodal regions, periphery, self-similarity.

Отношения «центр – периферия» более или менее явно реализуются в рамках *узловых районов* [1], ярким примером которых

служит административно-территориальное деление (АТД). Значение его в России огромно, и именно в официальных территориальных единицах, таких, как вся страна, её федеральные округа, входящие в них области, края, республики, – географы различают центральные ядра и периферию, а также, иногда, промежуточную зону – *полупериферию,* или *провинцию* (в весьма специфическом значении этого слова – по В. Л. Каганскому [2]).

Автомодельность в системе узловых районов выражается в том, что каждый из них по своей структуре и функциям стремится уподобиться вмещающему его району высшего ранга, т.е. тоже состоит из узловых подрайонов, имеет ядро и периферию, а его центр выполняет аналогичные функции. В России каждый административный регион по своему устройству старается походить на всю страну, но не наоборот: *векторы автомодельности*, формирующие эту ситуацию, односторонни, они направлены «сверху вниз» по управленческой вертикали, или центробежно (в географическом пространстве) [3]. АТД превращается в иерархию вассальных микрогосударств. Над малыми, бедными, слабыми регионами тяготеет *бремя централитета* – необходимость выполнять те же функции, что и у районов большего размера и/или ранга. Если в каждом микрорайоне иметь полный набор департаментов, отделов, ведомств, аналогичных столичному, то получается, что чем ниже ранг района, тем больше в нём доля управленцев. В теоретическом пределе всё постоянное местное население должно состоять из чиновников и офисных служащих.

По образцу АТД построены и многие естественно-научные классификации, и физико-географическое районирование [4]. В нём более или менее реальны такие элементы природных ландшафтов, как горы и равнины, характер преобладающей растительности и т. п., но способы их разграничения, систематизации, номенклатуры, как и в

биологической систематике, заимствованы из бюрократии и армии (царства и отряды, страны и провинции и т. д.). Любое социально-экономическое районирование, даже такое дробное и независимое, как у Е. Е. Лейзеровича [5], *конгруэнтно* по отношению к АТД и пока не может из него вырваться.

Классическое дискретно-таксономическое районирование есть отражение бюрократической структуры государства. Поскольку в наше время эти структуры в какой-то мере размываются и дополняются неиерархическими, горизонтальными, сетевыми связями, постольку возникает и возможность иного, *неклассического* районирования, в котором районы могут пересекаться, число районов и рангов может быть неопределённым, потенциально бесконечным, дробным, мнимым, границы более размытыми и т.д. Каждая точка территории может быть в чём-то центральной, а в чем-то пограничной. Границы и центры могут меняться функциями [6]. Районы могут быть эфемерными, похожими на вихри и волны, а всё районирование напоминать синоптическую карту, постоянно обновляемую в процессе мониторинга всякого рода связей (транспортных, информационных, финансовых и пр.). Допустимо и районирование «*с точки зрения*». Например, то или иное районирование России может быть различным с точки зрения Москвы и Петербурга. Речь идёт не о разных научных школах (мы это уже прошли во всех географических науках), а о методах, продиктованных разным географическим положением некоего субъекта, наблюдателя. Число точек зрения потенциально бесконечно. Вопрос, стремятся ли такие *потенциальные, латентные, теневые,* районы к автомодельности, остаётся открытым. Наглядное изображение такой системы районов на одной синтетической географической карте затруднено, а то и невозможно. Изучение подобных феноменов

выводит нас на более многомерное *геопространство,* мыслимое как *континуальное множество возможных дискретных районизаций*.

Литература

1. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. / Б. Б. Родоман // Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999 – 256 с.

2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. / В. Л. Каганский – М.: НЛО, 2001 – 576 с.

3. Родоман Б. Б. Морфология и динамика российского пространства / Б. Б. Родоман // Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002 – С. 313-318.

4. Природное и сельскохозяйственное районирование СССР. – Вопросы географии, сб. 55. – М.: Географгиз, 1961 – 208 с.

5. Лейзерович Е. Е. Экономические микрорайоны России / Е. Е. Лейзерович – М.: Трилобит, 2004 –128 с.

6. Каганский В. Л. Географические границы: противоречия и парадоксы / В. Л. Каганский // Географические границы. – М.: изд-во МГУ, 1982 – С. 7-19.

УДК 910.1

Хосэ М. Матео Родригес

José M. MATEO RODRÍGUEZ

КОРРЕКЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ И ЕЁ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НА КУБЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

CORRECTION SOCIALIST ECONOMY AND ITS SPATIAL PRESENTATION IN CUBA AS A RESULT OF GLOBALIZATION

Проанализированы пространственные следствия коррекции социально-экономической модели на Кубе.

Analyzed the spatial aspects of correction of socio-economic model in Cuba.

Ключевые слова: коррекция модели экономики, территория, Куба, география

Keywords: the correction model of the economy, the territory of Cuba, geography

Прилагая усилия к сохранению сложившейся социалистической системы (особенно с момента кризиса, вызванного геополитическими изменениями и распадом социалистического содружества), страна должна была учитывать перемены, пребывая в поиске новаций в экономической сфере. Пять лет назад происходящие трансформации стали очевидны. В тот период Куба находилась в состоянии экономического спада и социальной стагнации, что предопределялось не только «накопившимися» ранее негативными эффектами, но и экономической блокадой со стороны США. Появление нового латиноамериканского регионализма и всё возрастающие связи со странами БРИКС (в частности, с Бразилией, Китаем и Россией) – позволили Кубе пойти на риски «обновления социально-экономического модели Революции». Предлагаемая статья нацелена на раскрытие пространственных проявлений вышеуказанных изменений.

Основополагающими составляющими обновления социально-экономической модели на Кубе выступают [2]:

- Изменение роли государства, трансформация институтов, отношений, форм, методов и социальных функций гражданского общества и его взаимосвязи с государством.
- Радикальные преобразования в производственной сфере, связанные с предполагаемым включением рыночных

отношений в плановую систему, разграничением функций центральных и местных органов управления, а также государства и бизнеса.

- Перестройка управленческой практики, включая повышение самостоятельности в работе всех видов сельскохозяйственных кооперативов, создание городских кооперативов, внедрение самоуправления на уровне малых и средних предприятий, выделение земли частным товаропроизводителям, их объединение на новой институциональной основе.
- Реструктуризация сферы хозяйственного ведения государства, удерживающего под своим непосредственным контролем до половины всей экономической активности, включая управление стратегическими отраслями (туризм, добыча нефти, производство сахара, внешняя торговля); при этом и на государственных предприятиях внедряются рыночные отношения, возрастает их хозяйственная автономия [4].

Подобные изменения модели развития связаны с переносом акцента в принятии управленческих решений непосредственно на уровень территорий через децентрализацию распределения ресурсов. В ряду соответствующих мер [8]:

- Рост самостоятельности и полномочий органов управления территорий.
- Создание подчинённых территориям государственных предприятий; разделение государственных и управленческих функций.
- Содействие развитию местных промышленных производств и иных видов хозяйственной активности на уровне территорий.
- Учреждение местных налогов и их применение в соответствии с решением конкретных территорий.

- Ощутимый рост малого частного бизнеса и кооперативов в строительстве и сельском хозяйстве.
- Привлечение зарубежных инвестиций за счёт большей открытости экономики и создания необходимых стимулов.

Подобные институциональные изменения на региональном и местном уровнях сочетаются с преобразованиями территориальных структур, ведут к значительным подвижкам в пространственных отношениях.

В последние 20-50 лет в территориальной организации кубинского общества наблюдались следующие основные изменения [4]:

1) *трансформация городской среды*. Урбанистические структуры в целом оставались достаточно стабильными. Тем не менее, на фоне реализуемой государством политики поддержания баланса территорий и сдерживания роста крупнейших городов – наблюдалась ощутимая урбанизация. Рост городов всех размеров сочетался с тенденций пространственной концентрации населения на всех уровнях. В числе основных изменений за последние 43 года [1]:

- Сохранение традиционных городских ландшафтов.
- Появление кварталов и, даже, целых городов с новой многоэтажной застройкой.
- Формирование городских кварталов нерегулируемой самозастройки.
- Существенное преобразование морфологии городских районов, возведённых в предшествующие исторические периоды.
- Появление «городского сельского хозяйства», когда в результате кризиса 1990-х часть аграрного производства оказалась перенесена на урбанизированные территории.
- Появление туристических ареалов в качестве новых элементов городского ландшафта.

2) *изменения руральной среды*. Сельская местность Кубы претерпела существенные структурные изменения. Две аграрные реформы (1994 и 2008 гг.) предопределили новые векторы в вопросах собственности и управления. Наиболее же существенные преобразования состоят в следующем:

- Снижение в агроландшафтах доли плантаций сахарного тростника.
- На смену дисперсному («рассредоточенному») аграрному расселению всё больше приходят его урбанизированные формы с тяготением населения к автотрассам и иным коммуникационным линиям.
- «Урбанизационные» тенденции практически не затронули территории, специализирующиеся на выращивании табака.

Природные комплексы в сельской местности испытывали двоякую тенденцию:

- Усиление хозяйственной нагрузки на природные комплексы; более широкое «присутствие» в агроландшафтах техногенной составляющей, рост проявлений нерационального природопользования.
- Образование обширных, с истощёнными почвами, пустошей, занятых невысокими кустарниками.

3) *изменения в индустриальных ландшафтах*. Столь желанная индустриализация, которая должна была стать одним из краеугольных камней Кубинской Революции, не оказалась достаточно плодотворной; она была реализована лишь в отдельных секторах (добыча никели и биофармацевтическая промышленность). При этом имели место следующие наиболее значительные подвижки:

- Спад в сахарной промышленности привёл к закрытию около 100 заводов; остановка крупных предприятий (либо

существенное снижение ими выпуска продукции) сочеталось с появлением небольших по размеру производств.

- Деградация крупных промышленных центров за счёт ликвидации (либо частичного свёртывания активности) сконцентрированных в них предприятий.
- Появление нового порта Мариель (призванного придти на замену собой порту Гаваны), обретающего значение крупнейшего полюса экономической активности страны, способного оказывать влияние на пространственную организацию, как на региональном, так и местном уровне. Параллельно идёт реконструкция портового комплекса в Сантьяго-де-Куба.

4) *трансформации культурно-ассоциативных ландшафтов*. Кубинская Революция привела к ощутимым изменениям в социальной структуре и ментальности населения. Новое мышление связано, в основном, с реализуемым социальным проектом. Знаки и символы Революции, её герои, цели, достижения и проблемы – повсеместно стали частью оформления ландшафта. Влияние религии, исторического наследия, объектов торговли и маркетинга – оказалось в существенной мере ограничено. Начиная с 1994 года (в связи с изменениями, вызванными наличием иностранной валюты на руках у населения) формируется новая, связанная с коммерциализацией символичность, тем не менее, в небольших масштабах и под сильным контролем государства. В числе наиболее значимых изменений в культурно-ассоциативных ландшафтах следует назвать:

- В ландшафте сохранили своё присутствие элементы, связанные с католицизмом; влияние других религий на ландшафт остаётся слабо ощутимым.

- Элементы нового символического ландшафта Революции воплощаются в бюстах, памятниках, знаковых зданиях.
- Новый бизнес-ландшафт, включающий современные торговые комплексы, сельскохозяйственные и рыбные рынки, центры продаж со своими брендами (мороженое, пиво, сладости, услуги) – не только обретают роль новых символов, но и мест, встреч, зачастую лишающих иные точки ландшафта былой привлекательности. Кроме того, небольшие предприятия и ресторанчики привлекают к себе другие виды малого бизнеса.
- Ландшафты, связанные с историческими событиями, продолжают оставаться частью пространства, одновременно, в существенной мере, утратив свою ассоциативную силу.
- Традиционные места встреч, в основном, сохраняют свою былую роль.

Присущее первым годам государственного социализма пространство Кубы, монотонное и однородное, лишенное символического разнообразия, ныне обретает ландшафтную разнородность. Сложившаяся матрица пространства всё более подвержена деградации и фрагментации. При этом резко увеличивается роль индивидуальных товаропроизводителей. В этом контексте возрастает дефицит не только действенных мер государственного регулирования, но и возрождения укоренённых в национальной культуре способов территориальной организации общества. Решению этой задачи география должна посвятить все свои усилия и ресурсы.

Литература

1. Acosta L. M. (moderadora)- Hacer la ciudad; / L. M. Acosta – Temas, No.28, – Controversias; 2002, – P. 57-77

2. Limia David, Miguel. – Las ciencias sociales en el proceso de reestructuración económica y social., / Limia David, Miguel. // Academia de Ciencias de Cuba, septiembre del 2011, – 56 p.

3. Mateo Rodríguez, J. M. – La dimensión espacial del desarrollo sostenible: una visión desde América Latina., Editorial U. H., Editorial Científico Técnica, La Habana, 2012, – 293 pgs.
4. Mateo Rodriguez, José y Arturo Rua de Cabo. – La cuestión territorial en Cuba., En: Saquet, Marcos Aurelio. (org.) – Estudos territoriais na ciência geográfica., Outra Expressões, São Paulo, 2013 – P.31-46.
5. Mateo Rodríguez,.J.- Paisajes naturales y culturales de cuba: cambios ocurridos en los últimos 50 años., 2003; IX Encuentro Latinoamericano de Geógrafos, Mérida, Yucatán,. – México – 19 p.
6. Mateo Rodríguez,J.- As estratexias de desenvolementoimpelemntadas en Cuba desde a perspectiva da sostibilidade. Revista Tempo Exterior, editada pelo Instituto Galego de Analise e Documentacion Internacional, – Vol.XIII, 2014, – No.18, – P. 105-118
7. Nova Gonzalez, Armando. – Un nuevo modelo cubano de gestión agrícola, Temas, Número 77,2014, – P. 84-91
8. Perez V, Omar, Ricardo Torres.(Compiladores)- Cuba: la ruta necesaria del cambio económico., Editorial de Ciencias Sociales, La Habana,2013, – 359 p.

УДК 910.1

Дарио Цезарь Санчес, Лаура Рамона Хименес

Darío César Sánchez, Laura Ramona Jimenez

ДОСТУПНОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ АВИАСООБЩЕНИЯМИ В АРГЕНТИНЕ: АНАЛИЗ ИНДИКАТОРОВ

ACCESSIBILITY AND CONECTIVITY OF FLIGHTS IN ARGENTINA: ANALYSIS OF INDICATORS

Предлагаются некоторые показатели, объединённые в группу «Доступность и связанность средствами транспорта»; учитывая масштаб и протяжённость аргентинской территории, особый акцент, при этом, сделан на линиях регулярного авиационного сообщения.

In this paper we propose some indicators, united in a group of "accessibility and connectivity of means of transport"; given the scale and extent of the Argentine territory, emphasis, thus, made on the lines of a regular air service.

Ключевые слова: туризм, устойчивое развитие, Аргентина.

Keywords: tourism, sustainable development, Argentina.

Предлагаемое исследование является первым этапом проекта, реализуемого во взаимодействии Секретариата по Развитию туризма Аргентины и Междисциплинарного института истории и общественных наук (Буэнос-Айрес); в его рамках определены 167 индикаторов, подразделённых на пять основных групп; все они могут использоваться для ежегодного анализа в разрезе туристических регионов; кроме того, 88 из них – применимы для провинциального уровня и 40 – ежеквартального анализа.

Учитывая масштаб и протяжённость аргентинской территории, особый акцент, при этом, сделан на специфической и важной группе индикаторов: «Доступность и связанность средствами транспорта».

Анализ результатов позволяет сформулировать ряд общих выводов. Первая их группа относится к инфраструктуре авиасообщений и её неравномерному распределению по провинциям. Существенно, в частности, что:

– регулярные авиарейсы осуществляются из 45 аэропортов, локализованных в 23 провинциях;

– в Аргентине имеются 24 международных аэропорта, размещённых в основных туристических регионах;

– протяжённость взлётно-посадочной полосы в основных туристических регионах варьирует от 3549 м до 2950 м;

– площадь бетонного покрытия варьирует от 71 тыс. м² в аэропорту Ezeiza в Буэнос-Айресе и до 7600 м² в аэропорту Salta на севере страны.

Вторая группа выводов относится к наличию международных воздушных сообщений и их преимущественной концентрации в столичном регионе:

– общее число рейсов регулярных пассажирских линии из всех аэропортов в Аргентине достигло 313; из них 163 осуществлялись в течение всего года, а остальные 150 были сезонными.

– число регулярных международных воздушных сообщений составило 97; они охватывали шесть туристических регионов и только девять (из 23) провинций;

– 47 из 97 международных воздушных сообщений поддерживаются в течение всего года, 37 из них непосредственно из Большого Буэнос-Айреса (GBA), 6 из региона Кордова, 2 – из прибрежного региона.

Третий – касается приоритетности отечественных авиасообщений, обеспечивающих доступ к туристическим территориям:

– суммарное число авиарейсов из всех аэропортов Аргентины составляет 216, охватывая шесть туристических регионов и все 23 провинции;

– 116 рейсов выполняются непрерывно в течение всего года.

Существенная часть авиарейсов осуществляется, при этом, из аэропортов Большого Буэнос-Айреса (включая 60% международных авиарейсов, 39% рейсов с сопредельными государствами, 86% рейсов с географически удалёнными государствами).

Учитывая обширность аргентинской территории и недостатки развития железнодорожной связи, необходимым представляется существенное увеличение числа авиасообщений между основными городами страны и её ведущими туристическими регионами. Концентрация стыковых авиарейсов в Буэнос-Айресе ведёт, как видится, к чрезмерным затратам времени потенциальных рекреантов, увеличивая, также, транспортные издержки. Недавнее появление новых авиасообщений по так называемым «Северному Федеральному коридору» (Puerto Iguazú – Salta – Mendoza – Córdoba), «Южному Федеральному коридору» (Córdoba – Mendoza –

San Carlos de Bariloche) и «Нефтяному коридору» (Córdoba – Mendoza – Neuquén – Comodoro Rivadavia) является знаковым свидетельством необходимой децентрализации. Совершенствование доступности основных туристических направлений должно стать важным направлением государственной политики, ориентированной на развитие туризма в сложившейся центро-периферийной стратификации территориальной организации общества, решение экономических и социальных проблем туристических регионов.

Литература

1. Argentina. 2012. Análisis de la conectividad aérea de la Argentina desde un enfoque turístico. Buenos Aires, MINTUR – Subsecretaría de Desarrollo Turístico.

2. Argentina. 2013. SID Subsistema de Indicadores Turísticos. Buenos Aires, MINTUR – Subsecretaría de Desarrollo Turístico, – 52 p.

УДК 911.3:312

М. Р. Сафиуллин

M. Safiullin

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: МАКРО- И МИКРОУРОВНИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF THE POPULATION HEALTH STATUS: MACRO – AND MICRO LEVEL

Цель работы заключается в развитии теоретико-методологических основ изучения состояния здоровья населения. В качестве основного подхода при анализе территориально-структурных особенностей,

тенденций в динамике здоровья населения и проблем эффективного развития здравоохранения рассматривается комплексная территориальная оценка и мониторинг на макро- и микроуровнях. Рассмотрена территориальная эволюция состояния здоровья населения Российской Федерации и Республики Башкортостан. Предложены критерии оценки территориальной эффективности развития здравоохранения, выявлены проблемы и актуальные научно-прикладные направления исследования здравоохранения. Результаты работы могут быть полезны при разработке территориальных программ развития здравоохранения в Российской Федерации. Работа представит интерес для управленцев и научных сотрудников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами состояния здоровья населения и развития здравоохранения.

The aim of the work is to develop theoretical and methodological foundations of the study of the health status of the population. As a basic approach to the analysis of the territorial-structural features, trends in the health of the population and the problems of effective health development is considered complex territorial assessment and monitoring at the macro and micro levels. Considered territorial evolution of the health status of the population of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan. Proposed criteria for the assessment of territorial development effectiveness of the health problems identified and relevant scientific and applied areas of health research. The results can be useful when designing in the development of territorial development programmes of health in the Russian Federation. The work will be of interest to managers and researchers, high school teachers, undergraduate and graduate students interested in the issues of health and health development.

Ключевые слова: система здравоохранения, состояние здоровья, мониторинг, эффективность здравоохранения.

Keywords: the health care system, health monitoring, health care effectiveness.

В отличие от экономической оценки других отраслей народного хозяйства эффективность здравоохранения, его структур и проектов (программ) следует рассматривать в трех аспектах: медицинский, социальный, экономический территориальные эффекты.

Первые два эффекта нельзя выразить в рублях, поэтому правильнее будет говорить «эффект», а не «эффективность». В здравоохранении приоритет отдается медицинскому и социальному эффектам перед экономическим. Нередко медицинские мероприятия лечебного или профилактического характера невыгодны экономически, однако медицинский или социальный эффект требует их проведения. Например: приближение медицинской специализированной помощи к населению, организация медицинского обеспечения пожилых людей с хроническими и дегенеративными заболеваниями, больных с умственной отсталостью, с тяжелыми повреждениями центральной и периферической нервной системы и т. д. При явном медицинском и социальном эффекте экономический эффект в этих случаях будет отрицательным. При использовании современных «эффективных» аппаратов и приборов в интенсивной терапии и реаниматологии, таких, как «искусственное сердце», аппарат гемодиализа и др., достигается медицинский и социальный эффект – сохраняется жизнь человеку, однако последний часто становится инвалидом и не может заниматься общественно полезным трудом [124].

Территориальную эффективность функционирования и развития здравоохранения необходимо оценивать как на макроэкономическом уровне (территории страны и территории субъекта РФ), так и на микроэкономическом уровне (городские и сельские муниципальные образования). На макроэкономическом уровне необходимо оценивать

территориальную эффективность суммированных затрат (государственных, частных, корпоративных) и реализацию программ развития здравоохранения и показатели здоровья населения регионов.

На микроэкономическом уровне большую значимость приобретают такие критерии территориального эффекта (медицинского и социального), как доступность, качество медицинской помощи, использование имеющихся ресурсов, степень удовлетворенности населения медицинской помощью и др.

Под медицинским эффектом понимают степень достижения поставленных задач в области профилактики, диагностики и лечения заболеваний. Медицинский эффект измеряется сопоставлением результата с приложенными усилиями и затратами при прочих равных условиях. Он определяется степенью адекватности и результативности медицинского вмешательства, уровнем качества лечения конкретного больного и использованием современных инновационных технологий при лечении.

Эффективность медицинской помощи выражается комплексом количественных и качественных показателей медицинского обеспечения. При оценке медицинского эффекта анализируются, прежде всего, результаты лечения, которые получают после проведения лечебно-диагностических или профилактических мероприятий. Величина медицинского эффекта может быть определена путем сравнения продолжительности лечения больного, например, в специализированном стационаре с высокой степенью интенсивности лечения и неспециализированном стационаре (отделении). При этом учитывается и длительность последующего лечения амбулаторно и на дому до выздоровления и восстановления трудоспособности.

Социальный эффект здравоохранения или его отдельных служб характеризуется улучшением здоровья всего (группы) населения, снижением заболеваемости, преждевременной смертности, изменением демографических показателей, возрастанием удовлетворенности населения медицинской помощью.

Территориальная экономическая эффективность функционирования и развития здравоохранения региона характеризует полученный результат (критерии медицинского и социального эффекта) в сопоставлении с затратами на его достижение, выраженный в рублях. Территориальная экономическая эффективность здравоохранения региона означает обеспечение наилучшего использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов региона для достижения конкретных целей. Это величина относительная, отражающая результативность затрат на осуществление оздоровительных мер.

Методика географической оценки эффективности функционирования и развития здравоохранения региона на территориальном уровне предусматривает оценку различных показателей по трем основным критериям [1-8].

I. Критерий – доступность бесплатной медицинской помощи

1. Показатели обеспечения доступности бесплатной медицинской помощи:

1.1. Число единиц, объемов фактически предоставляемой гражданам субъекта РФ бесплатной медицинской (на 1000 населения):

1.1.1. Число посещений (амбулаторно-поликлиническая помощь);

1.1.2. Число койко-дней (стационарная помощь);

1.1.3. Число дней лечения в дневных стационарах, стационарах

дневного пребывания (амбулаторно-поликлиническая помощь);

1.1.4. Число вызовов скорой медицинской помощи;

1.2. Уровень госпитализации (число госпитализированных на 1000 жителей);

1.3. Средняя длительность лечения одного госпитализированного (в днях);

1.4. Объем высокотехнологичных (дорогостоящих) видов медицинской помощи, оказываемый за счет средств федерального бюджета в учреждениях здравоохранения федерального подчинения:

1.4.1. Число пролеченных больных, в т. ч. детей;

1.5. Число пролеченных в санаторно-оздоровительных учреждениях (в расчете на 1000 жителей);

1.6. Удовлетворенность граждан медицинской помощью (по результатам выборочных социологических исследований);

1.7. Число обоснованных жалоб граждан в территориальные фонды обязательного медицинского страхования по нарушению прав граждан на получение бесплатной, доступной и качественной медицинской помощи;

1.8. Доля охвата населения вакцинацией;

1.9. Процент охвата населения профосмотрами;

1.10. Удельный вес объема платных медицинских услуг (в %), оказанный гражданам в государственных муниципальных Учебно-профилактических учреждениях и в частных (негосударственных) лечебно-профилактических учреждениях.

II. Критерий – достаточность ресурсов для оказания бесплатной медицинской помощи

2. Показатели уровня обеспеченности ресурсами (финансовыми, материальными, кадровыми) и их использование:

2.1. Показатели обеспеченности финансовыми ресурсами (абсолютное выражение и в расчете на душу населения, в руб.):

2.1.1. Показатели обеспеченности государственными финансовыми ресурсами (показатели бесплатности медицинской помощи);

2.1.2. Показатели негосударственных финансовых ресурсов (показатели платности медицинской помощи):

2.1.2.1. Показатели платных медицинских услуг, в т. ч. по добровольному медицинскому страхованию (абсолютные и подушевые);

2.1.2.2. Показатели платных санаторно-оздоровительных услуг (абсолютные и подушевые);

2.1.2.3. Показатели оплаты медикаментов, изделий медицинского назначения в аптеках (абсолютные и подушевые);

2.1.3. Показатели финансирования здравоохранения из всех источников, всего (абсолютное выражение и в расчете на душу населения, в руб.);

2.1.4. Удельный вес государственных расходов на здравоохранение в структуре ВВП;

2.1.5. Удельный вес негосударственных расходов (включая личные расходы граждан) на здравоохранение в структуре ВВП;

2.1.6. Структура расходов на здравоохранение в процентах за счет государственных и негосударственных источников финансирования (включая личные средства граждан);

2.2. Показатели обеспеченности материальными ресурсами:

2.2.1. Обеспеченность населения больничными койками на 1000 населения;

2.2.2. Обеспеченность населения местами в дневных стационарах на 1000 населения;

2.2.3. Обеспеченность населения мощностями амбулаторно-поликлинических учреждений (число посещений в смену на 1000 населения);

2.2.4. Обеспеченность населения санаторными койками (на 1000 населения);

2.2.5. Обеспеченность населения скорой медицинской помощью (число бригад скорой помощи);

2.2.6. Износ основных фондов (всего, в т. ч. активной части, в %);

2.2.7. Фондооснащенность больничной койки (стоимость в рублях пассивной и активной части основных фондов в расчете на 1 койку);

2.2.8. Фондовооруженность труда врачебного персонала (стоимость в руб. активной части основных фондов в расчете на 1 врача);

2.3. Показатели обеспеченности кадровыми ресурсами:

2.3.1. Обеспеченность населения врачами (на 10 тыс. населения);

2.3.2. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом на 10 тыс. населения;

2.3.3. Соотношение врачей и среднего медицинского персонала;

2.3.4. Объем нагрузки врачей амбулаторно-поликлинических учреждений (число посещений в год на 1 врача);

2.3.5. Объем нагрузки врачей стационарных учреждений (число койко-дней госпитализации на 1 врача);

2.3.6. Уровень оплаты труда медицинских работников в

сопоставлении с уровнем оплаты труда в народном хозяйстве.

III. Критерий – качество бесплатной медицинской помощи

3.1. Медицинский эффект (динамика показателей):

3.1.1. Летальность в больничных учреждениях;

3.1.2. Смертность на дому от управляемых причин;

3.1.3. Уровень расхождения диагнозов клинических и патологоанатомических; установленных в поликлинике, скорой помощи и стационаре;

3.1.4. Запущенность патологии по вине медицинских работников (активная форма туберкулеза, онко-, венерических и прочих заболеваний);

3.1.5 Количество удовлетворенных судебных исков на некачественную медицинскую помощь и уровень материального возмещения нанесенного ущерба здоровью граждан;

3.2. Социальный эффект (динамика показателей):

3.2.1. Средняя продолжительность предстоящей жизни;

3.2.2. Уровень естественного прироста населения (депопуляции);

3.2.3. Младенческая смертность;

3.2.4. Материнская смертность;

3.2.5. Инвалидность (первичный выход и контингенты);

3.2.6. Смертность лиц трудоспособного возраста и средний возраст умерших в трудоспособном возрасте (потери трудового потенциала за счет преждевременной смертности);

3.2.7. Заболеваемость важнейшими социально-значимыми болезнями и контингенты (туберкулез, алкоголизм, наркомания, венерические, психические заболевания и пр.);

3.3. Экономическая эффективность предоставляемой медицинской помощи:

3.3.1. Фактические расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и средств обязательного медицинского страхования на единицу объема медицинской помощи по видам:

3.3.1.1. Стационарная (стоимость 1 койко-дня);

3.3.1.2. Амбулаторно-поликлиническая (стоимость 1 посещения);

3.3.1.3. Скорая медицинская помощь (стоимость 1 вызова);

3.3.1.4. Стационарозамещающих технологий (стоимость 1 дня лечения);

3.3.2. Расходы бюджета на оказание высокотехнологичных (дорогостоящих) видов медицинской помощи по видам:

3.3.2.1. Стационарная (стоимость 1 койко-дня);

3.3.2.2. Амбулаторно-поликлиническая (стоимость 1 посещения);

3.3.3. Удельный вес платных медицинских услуг, в т. ч. по добровольному медицинскому страхованию.

Таким образом, территориальная экономическая эффективность в здравоохранении не может быть доминирующей в выборе средств профилактики и лечения населения региона, однако критерии территориальной экономической эффективности могут помочь в установлении приоритетности тех или иных мер, условий, подходов в условиях ограниченных ресурсов региона, в оценке территориальной динамики эффективности системы здравоохранения в регионе, в определении территориально-структурных изменений в их финансировании.

Литература

1. Дуганов М. Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях / М. Д. Дуганов. – М.: ИЭПП, 2007. – 112 с.

2. Малов Н. И. Экономические проблемы здравоохранения / Н. И. Малов. – М.: Экономика, 2005.-156 с.
3. Мировая статистика здравоохранения. 2010. –Женева: 2011. – 177 с.
4. Российское здравоохранение в ракурсе мировых тенденций // Под ред. Проф. А. Ю. Шевякова и И. П. Катковой. – М.: ИСЭПН РАН, 2009. – 156 с.
5. Стародубов В. И. Финансирование медицинской помощи населению Российской Федерации, ориентированное на результат / В. И. Стародубов, В. О. Флек. – М.: МЦФЭР, 2007. – 400 с.
6. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. – М.: Права человека, 2008. – 636 с.
7. Шелехова Т. Н. Проблема выбора критериев качества жизни населения / Т. Н. Шелехова // География и природные ресурсы, 2006. – №1. – С.108-110.
8. Шишкин С. В. Анализ различий в доступности медицинской помощи для населения России. Аналитический доклад Независимого института социальной политики / С. В. Шишкин, Н. В. Бондаренко, А. Я. Бурдяк. – М.: 2007. – 43 с.

УДК 914.7+915.7

Р. Г. Сафиуллин

R. Safiullin

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИМАСШТАБНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

THE EVOLUTION OF SPATIAL PATTERNS OF DEVELOPMENT AS A CONSEQUENCE OF DIFFERENTIATION POLYSCALE

Усиление территориальной социально-экономической дифференциации развития стран и регионов обуславливает разработку пространственных моделей развития. В статье рассмотрены следующие в эволюции пространственные модели социально-экономического развития: депрессивные территории, полюса роста, территориально-производственные комплексы, технополисы, географические кластеры, особые экономические зоны.

Strengthening of territorial socio-economic differentiation in the development of countries and regions leads to the development of spatial models of development.

The article describes the evolution of these spatial models of socio-economic development of depressed areas, growth poles, territorial- production complexes, science parks, geographic clusters, special economic zones.

Ключевые слова: депрессивные территории, полюса роста, территориально-производственные комплексы, технополисы, географические кластеры, особые экономические зоны.

Key words: depressed territories, growth poles, clusters, science parks, geographic clusters, special economic zones.

Проблема пространственного социально-экономического развития стремительно выросла в одну из ключевых проблем реформируемого российского общества. Особенности пространственного социально-экономического развития страны определяются такими факторами, как площадь и протяженность территории, сложившаяся асимметрия в заселенности и хозяйственной освоенности, территориальная дифференциация природных, экономических, социальных, экологических, этнополитических условий и эффективности использования накопленных материальных ценностей и трудовых ресурсов.

Центр тяжести социально-экономических преобразований в России перемещается в регионы. Более то, весь «букет» общероссийских проблем на уровне территорий не только сохраняется, но и существенно дополняется местными экономическими, социальными, экологическими и политическими проблемами. Недооценка региональных интересов и проблем приводит к сохранению центробежных тенденций, усилению дезинтеграционных процессов. За период с 1991 по 2013 годы экономическое и социальное неравенство между регионами России еще более усилилось. Конкуренция между регионами

сопровождается концентрацией и централизацией экономических видов деятельности в субъектах сосредоточения финансового и политического капиталов, сырьевых видов деятельности экспортной направленности.

Конечно, если исходить из далекой перспективы то, чем сильнее нынешняя пространственная социально-экономическая дифференциация и концентрация, тем быстрее будут исчезать породившие ее различия между центром и периферией, тем скорее будут выравниваться уровни их социально-экономического развития.

Существует множество пространственных моделей социально-экономического развития. Различаясь в базовых, фундаментальных подходах, они предлагают различные поведенческие гипотезы, используют разные понятия и категории, различным образом объясняют процесс пространственного развития.

Модель развития депрессивных территорий. Депрессивная территория – административная единица (район, город) или совокупность сопредельных административных единиц в границах одного или нескольких субъектов, имеющих однородную структуру экономики, оказавшаяся в результате кризиса в состоянии социально-экономического упадка. Модель пространственного социально-экономического развития 1930-годов.

Для решения проблемы депрессивных территорий разрабатываются целевые программы, законодательно разграничивают доходные источники и бюджетные расходы. Так, в частности, вынуждены были поступить в 2010 году в отношении таких депрессивных территорий, как Башкирское Зауралье и Северо-Восток Республики Башкортостан. Государственная

поддержка заключается в упорядочении финансовой помощи депрессивным территориям за счет: а) укрепления нормативной базы поддержки; б) регламентации целевых источников и условий предоставления финансовых и инвестиционных средств; в) улучшения контроля за использованием ресурсов. Главной задачей целевой программы поддержки депрессивных территорий должно быть использование механизмов сближения и выравнивания уровней их социально-экономического развития с развитыми территориями.

Модель «полюсов роста». Основополагающим принципом хозяйственного развития по этой модели является неравенство экономических субъектов. Главным результатом такого неравенства становится существование доминирующих и подчиненных хозяйствующих единиц. В результате этого все экономическое пространство деформируется. Один из видов такой деформации – поляризация экономического пространства вокруг ведущей отрасли («полюса роста»). Входящие в такое поляризированное пространство предприятия устанавливают неравноправные отношения с «полюсами» и испытывают на себе увлекающее или тормозящее воздействие последних. «Отрасли-моторы», как доминирующие единицы, обладают по отношению к другим мощным «эффектом влечения», повышая масштабы и темпы их расширения, а также изменяя структуру всей экономики региона. Модель «полюсов роста» получила практическое применение в разработке стратегий региональных центров экономического роста в развивающихся странах.

Модель ТПК. Теоретические обоснования экономического районирования и связанного с ним формирования территориально-производственных комплексов получили наибольшее развитие в работах Н. Н. Колосовского, Т. М. Калашниковой, М. К. Бандмана, В. Ю. Малова, А. Т. Хрущева, М. Д. Шарыгина в 1950-1980 годы. По сравнению с изолированным (штучным) размещением предприятий планомерное формирование ТПК обеспечивало возможность получения значительного экономического эффекта за счёт комбинирования и кооперирования предприятий, рационального использования природных и трудовых ресурсов, вторичного сырья, транспортных сетей, снижения стоимости строительства вспомогательных и обслуживающих предприятий, инженерных коммуникаций и социально-культурных объектов. Наличие природно-ресурсного и промышленного потенциала на конкретной территории выступало объективным условием для формирования территориально-производственных комплексов за счет строительства новых производств, позволяющих соединить и полнее использовать элементы производственной инфраструктуры.

Модель «особых экономических зон» (ОЭЗ). ОЭЗ – территории стран, на которой действует специальный, строго регламентированный режим осуществления предпринимательской деятельности. Создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции и развития транспортно-логистической инфраструктуры. ОЭЗ по функциональной специализации бывают разных типов: торговые, производственные (импорто-ориентированные и экспорто-ориентированные), технико-

внедренческие (бизнес-инкубаторы, наукограды, технополисы), сервисные (оффшоры, туристско-рекреационные). ОЭЗ различаются также по набору предоставляемых предприятиям льгот. Это могут быть таможенные, налоговые, финансовые, административные льготы.

Модель технополисов. Технополисы это изначально (1980 год) японский научный проект, включающий развитие индустриальных городов за счет создания инновационных видов продукции и услуг на основе использования квалифицированных кадров, новых технологий, информационного обеспечения и современных коммуникаций, инвестиций, вкладываемых в инновационные сферы. Технополис – это рыночная социо-эколого-экономическая система, состоящая из взаимодействующих фирм, инновационных компаний, высших учебных заведений, предприятий рыночной сферы обслуживания и услуг, соответствующих подразделений государственных и муниципальных органов управления. Формирование технополиса осуществляется на экономико-правовой основе в условиях равноправного партнерства всех входящих в нее элементов. Эта форма территориальной интеграции науки, образования и высокоразвитого производства представляет собой единую научно-производственную и учебную, а также жилую и культурно-бытовую территорию, объединенную вокруг научного центра, обеспечивающую непрерывный инновационный цикл на базе научных исследований в виде компактных научно-технологических поселений, городов с максимально благоприятными условиями для жизни, труда, отдыха, образования, удовлетворения культурных и экологических

потребностей. Технополис должен вписываться в социально-экономическую программу развития города и региона.

Кластерная модель. Под географическим кластером понимается сеть независимых производственных, инфраструктурных и сервисных фирм, включая поставщиков, создателей технологий и ноу-хау (университеты, научно-исследовательские институты, инжиниринговые компании и т. д.), связующих рыночных институтов (брокеры, консультанты) и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости. Процедура создания кластеров имеет два условия. Во-первых, она должна привлечь представителей федеральной, региональной и местной власти, которые, имея свои интересы в социально-экономическом развитии территорий, обладают достаточными рычагами (правовыми, финансовыми, административными) для влияния на ситуацию в регионе. Во-вторых, к процессу формирования кластеров в регионе должна быть подключена общественность в лице представителей предприятий, население, общественные организации. Для выполнения этих условий и обеспечения интересов региона необходимо выбрать соответствующие схемы создания географического кластера, зависящие от экономической ситуации в регионе, целей развития, степени заинтересованности частного и общественного секторов в социально-экономическом развитии. Цель географического кластера – эффективное использование местных особенностей и ресурсов для создания и повышения социально-экономической конкурентоспособности регионов.

Географические кластеры – объект исследования экономической географии:

1. Географические кластеры различаются по пространственной характеристике (мега-, макро-, мезо-, микроуровни), мощности, составу, стадии развитии, генезису, целям развития, функциональному типу, территориально-структурной организации, значению в экономике.

2. Кластерный подход позволяет более широко применить методы экономической географии, увязывая их с геоэкономикой и процессами глобализации мировой экономики.

3. В концепции географических кластеров цепочки накопления стоимости напрямую связаны с теорией энергопроизводственных циклов (ЭПЦ) Н. Н. Колосовского. Участие в конечных этапах накопления стоимости обеспечивает большую прибыль, чем на начальных этапах. Это же подтверждалось ранее и методом ЭПЦ применительно к ТПК.

4. Географические кластеры становятся основой пространственного развития в условиях рыночного развития.

5. Органическая связь моделей ТПК, технополисов, географических кластеров подтверждается их общим понятийно-терминологическим аппаратом, выражающим по существу одну фундаментальную экономико-географическую идею – о преимуществе территориальной концентрации ресурсов и усилий в соответствии с национальной экономической политикой.

Нынешний механизм бюджетного федерализма не только не препятствует росту межрегиональных диспропорций, но в ряде случаев усугубляет их. Перспективы развития Российской Федерации определяются долгосрочной стратегией, которая должна предусматривать формирование эффективной территориальной структуры в экономике, недопущение критической дифференциации

регионов по уровню социально-экономического развития. Это предполагает необходимость разработки региональной стратегии, которая до сих пор в России отсутствует. Поэтому в Российской Федерации в подходах к решению проблем территориального социально-экономического развития присутствует эклектика моделей пространственного развития. Об этом свидетельствует то, что в стране, по сути, используются все вышеперечисленные модели социально-экономического развития территорий. Премьер-министр России Д. Медведев на коллегии Министерства экономического развития (апрель, 2014) выступил против создания в стране новых специальных экономических режимов. По его словам, за последнее время было сформировано большое количество специальных территорий и кластеров, технопарков и особых экономических зон, что создало «многомерную ткань экономической жизни».

УДК 914.705

Р. М. Сафиуллина

R. Safiullina

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

GEODEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA

Цель работы заключается в оценке геодемографических проблем арктических территорий России. Выявлены основные тренды изменения геодемографической ситуации арктических территорий России:

сокращение численности населения; миграционный отток населения за пределы арктических территорий и изменение демографической структуры населения; стагнация урбанизационных процессов. Результаты работы могут быть полезны при разработке программ социально-экономического, геодемографического развития арктических территорий России. Работа представит интерес для управленцев и научных сотрудников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами геодемографического развития арктических территорий страны.

The aim of the work is to assess the geodemographic situation of the Arctic territories of Russia. Identified key trends of geodemographic situation of the Arctic territories of Russia: population decline; of migration the outflow of the population outside of the Arctic region and the changing demographic structure of the population; the stagnation of urbanization processes. The results may be useful in the development of programs of socio-economic, geodemographic development of the Arctic territories of Russia. The work will be of interest to managers and researchers, high school teachers, undergraduate and graduate students interested in the problems of geodemographic development of the Arctic territories of the country.

Ключевые слова: арктические территории, население, геодемографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграционные процессы.

Key words: Arctic territories, population, geodemographic situation, fertility, mortality, migration processes.

К арктическим территориям России по географическому принципу отнесения нами включены приморские районы Архангельской области (Мезенский, Онежский, Приморский), Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область, Таймырский АО. В Республике Якутия к таким территориям относятся улусы, непосредственно выходящие к берегам моря

Лаптевых и Восточно-Сибирского моря: Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижнеколымский. В Чукотском АО к арктическим территориям относятся Билибинский, Иультинский, Чаунский и Чукотский муниципальные районы.

Определение границ арктических территорий России важно с точки зрения обоснования и выделения в перспективе бюджетных, корпоративных, частных средств на социально-экономические программы развития этих территорий: финансовых и материальных. К тому же происходят постоянно административно-территориальные изменения в субъектах арктических территорий, что затрудняет и осложняет оценку геодемографической ситуации во временном аспекте в динамике.

На современном этапе развития северные регионы и Арктика приобретают все более актуальное значение, которое определяется, во-первых, их ролью в формировании глобального климата и поддержании устойчивости биосферы; во-вторых, наличием огромных запасов углеводородных ресурсов в северных регионах планеты и подводных месторождениях Арктики; в-третьих, транспортно-коммуникативным и военно-стратегическим значением региона, обладающего значительным пространственным ресурсом.

Почти после четверть векового забвения, правительство России актуализировало проблему возрождения Северного морского пути. Это могло бы стимулировать социально-экономическое развитие арктических территорий России и способствовать росту экономики всего этого региона, что напрямую связано с обеспечением безопасности государства. Для решения

этих важных проблем необходимо усиление хозяйственного, инфраструктурного, а также, геодемографического и расселенческого освоения арктических территорий России. Поэтому важно оценить геодемографическую ситуацию, развитие урбанизации этого региона, как важнейших процессов социально-экономического и расселенческого освоения территории.

Требуется изменение современной социально-экономической политики в отношении арктических территорий России. При государственной политике массового заселения районов Крайнего Севера в середине XX века в России, использовались сначала в основном неэкономические методы – репрессии, депортация, трудовая вербовка, переводы по работе. Большинство жителей арктических территорий России не застраховано от необходимости репатриации на внутрироссийскую «историческую родину» в случае ухудшения социально-экономической ситуации, как это случилось на начальном этапе рыночных преобразований в 1990-х годах.

Геодемографическая ситуация на арктических территориях России характеризуется стойким процессом убыли населения, сокращением численности и доли детей, демографическим старением, за исключением Ямало-Ненецкого АО. С учетом произведенных территориальных корректив по муниципальным образованиям общая численность населения в арктических территориях России за 20 лет сократилась на 601 тыс. человек или на 22,7%. Исключение составляет только Ямало-Ненецкий АО, где благодаря хозяйственному развитию (проекты по добыче природного газа), численность населения продолжает увеличиваться (выросла на 7,6%). При этом численность

населения арктических улусов Республики Саха (Якутия) уменьшилась на 65,5%, арктических районов Чукотского АО – на 58,6% [3].

Переход к рыночной экономике и начало коренных преобразований в социально-экономическом развитии в условиях гиперинфляции привели в 1990-е годы к тому, что все северные и прочие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов в арктические территории России и трудовые мигранты стали возвращаться обратно на «большую землю», то есть покидать арктические территории России.

Большие различия в природных условиях, уровне и трендах развития экономики, социальной сферы, этнического состава населения арктических территорий России обусловливают территориально-структурные различия в интенсивности, объеме, направлениях миграции, которые оказывали и будут продолжать оказывать влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов.

Оценка миграционных процессов, их результатов взаимовлияния с другими изменениями в арктических территориях России должна вестись с учетом конкретных пространственно-временных особенностей. Это определяет необходимость изучения территориального среза социально-демографических изменений в арктических территориях России, обоснования региональной миграционной политики с точки зрения объективных закономерностей, долгосрочных и текущих тенденций миграции населения вместе с ее возможными последствиями [4].

Следует отметить и наметившиеся тенденции по изменению национального состава населения арктических территорий. В связи с обостряющимися проблемами межэтнических отношений в регионах России (события в г. Кондопога в 2006 году, в г. Пугачево Саратовской области в 2013 году, в микрорайоне Бирюлево в г. Москве в 2013 году и др.) определяют необходимость мониторинга национального состава арктических территорий России. Интересным с этих позиций представляется выборка по изменению национального состава населения Ямало-Ненецкого АО за 1979-2010 годы (по материалам переписей населения). Доля народов из государств Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) и регионов Северного Кавказа России в национальном составе ЯНАО возросла с 1,58% в 1979 году до 5,24% в 2010 году, а абсолютная численность увеличилась с 1,3 до 28,0 тыс. человек, то в 21,2 раза за 20 лет! Доля народов из государств Средней Азии (Казахстан, Киргызстан, Узбекистан, Таджикистан) возросла соответственно с 0,26% до 1,31%, а абсолютная численность увеличилась с 0,4 до 7,0 тыс. человек, то есть в 16,8 раза за 20 лет!

Арктические территории России, исходя из уровня социально-экономического развития, хозяйственной, расселенческой, инфраструктурной и транспортной освоенности можно условно разделить на две зоны: западная, как более развитая и освоенная, включающая Мурманскую, Архангельскую области, Ямало-Ненецкий АО и восточную, как слаборазвитую и малоосвоенную, включающую Таймырский АО, пять северных приморских улусов Республики Якутия и четыре приморских района Чукотского АО.

Таблица 1

Основные характеристики арктических территорий России (2010 год)

	Площадь, тыс. кв. км.	Численность населения, тыс. чел.	Городское население		Плотность населения, чел. на кв. км	Производства ВРП на душу населения, тыс. руб. (в целом по субъекту)
			Тыс. чел.	%		
Западная зона:						
Мурманская область	144,9	796	739	92.8	5,5	294
Архангельская область	104,2	684	631	92.3	6,3	289
Ямало-Ненецкий АО	750,3	523	443	84.7	0,7	1450
Итого:	999,4	1970	1813	92.0	1,97	-
Восточная зона:						
Таймырский АО	862,1	34	23	67.6	0,04	371
Улусы Республики Якутия	593,9	29	16	55.2	0,05	402
Районы Чукотского АО	398,0	24	14	58.3	0,06	827
Итого:	1854,0	87	53	60.9	0,05	-
Всего:	2853,4	2057	1866	90.7	0,7	-

Составлено автором по: [1;2]

Определяющее значение для эффективного социально-экономического развития арктических территорий России имеют: увеличение экономической плотности, положительная трудовая миграция, уменьшение и преодоление территориальной разобщенности и транспортной доступности торговых рынков. Произошедшие перемены пространственного характера по этим трем параметрам – плотности, расстоянию и разобщенности за 1990-2011 годы отличались негативным трендом за исключением арктических территорий ЯНАО.

Развитие процессов агломерации, территориальной мобильности населения, хозяйственной специализации в сочетании с современными рыночными механизмами управления определяют

трансформацию социально-экономического ландшафта наиболее преуспевающих и развивающихся территорий в странах мира. Рост городов, эффективная миграционная мобильность населения и активное участие на торговых рынках служили в последние два десятилетия рыночного развития для целого ряда стран катализаторами социально-экономического прогресса. К сожалению, в течение всего переходного этапа к рыночной экономике на арктических территориях России эти важнейшие современные факторы и условия социально-экономического развития не получили применения, за исключением ЯНАО.

Таким образом, арктические территории России отличаются огромными пространственными геодемографическими, урбанизационными и миграционными контрастами. В целом для арктических территорий России характерны следующие негативные тренды: во-первых, это территории «бегства» населения; во-вторых, это территории «бегства» прежде всего городского населения; в-третьих, на современном этапе эти территории находятся в состоянии социально-экономической стагнации (за исключением ЯНАО и Норильского промышленного узла).

К числу геодемографических проблем арктических территорий России на уровне субъектов относятся [5]:

– сокращение численности населения арктических территорий, обусловленное в первую очередь сокращением рождаемости и ростом смертности;

– наличие высокой дифференциации миграционных процессов в интенсивности, объеме и направленности, оказывающей значительное влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов;

– для миграционных процессов региона на современном этапе характерен миграционный отток (за исключением Ямало-Ненецкого АО);

– отток населения за пределы арктических территорий, наблюдающийся с 1990 года оказывает негативное влияние на демографическую структуру населения. В связи с наступившим экономическим кризисом миграционный отток наряду с естественной убылью населения начинает определять тенденцию абсолютного сокращения населения этих территорий, старение населения;

– игнорирование территориального движения населения в условиях рыночной экономики может усложнить проблему занятости населения и усилить отставание арктических регионов в социально-экономическом развитии;

– стагнация урбанизационных процессов, являющаяся индикатором длительного застоя в социально-экономическом развитии большинства арктических территорий России.

Статья написана в рамках проекта: «Российская Арктика: современная парадигма развития». Номер Проекта: 12-32-06001, Код классификатора РГНФ 02-160.

Литература

1. ВРП по субъектам РФ за 1998-2012 годы. – gks.ru.
2. Демографический ежегодник России. – М.: 2013. – WEB – доступ.
3. Сафиуллина Р. М. Геодемографическая ситуация арктических территорий России: анализ и прогноз. / Р. М. Сафиуллина, Р. Г. Сафиуллин // Сб.: Позиционирование России и ее регионов в современном мире: общественно-географический анализ и прогноз. : Материалы пятой научной Ассамблеи АРГО. – С.-П.: 2014.
4. Сафиуллин Р.Г. Социально-экономическая эффективность миграционных процессов в регионе. / Р. Г. Сафиуллин, Р. Ф. Гатауллин, А. Г. Комаров // Журн.: Проблемы современной экономики, – №1, 2014, – С.193-196.

5. Сафиуллин Р. Г. Особенности формирования и развития элементов социального потенциала регионов российской Арктики. / Р. Г. Сафиуллин // Российская Арктика: современная парадигма развития. : Под ред. акад. А. И. Татаркина. – СПб.: Нестор-История, 2014, – с.408-425.

УДК 911.3

Н. С. Сахнова, Д. В. Войтеховский

N. Sakhnova, D. Voytekhovsky

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ «ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ» ДЛЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ КРЫМА

PECULIARITIES OF THE APPLICATION OF THE MODEL "CENTER–PERIPHERY" FOR THE SETTLEMENT SYSTEM OF CRIMEA

В статье рассматриваются системы расселения с точки зрения концепции «центр – периферия», взаимосвязь между системой расселения и социально-экономическими и политическими процессами. Проанализированы особенности построения модели «центр – периферия» для системы расселения Крыма в условиях быстрых преобразований.

The article deals with the settlement systems in view of the conception “center-periphery” and the interconnection between the settlement system and socio-economic and political processes. The peculiarities of building the model “center-periphery” for the settlement system of Crimea in the conditions of a rapid change have been analyzed.

Ключевые слова: система расселения Крыма, модель «центр – периферия», базовая теория систем, региональная политика.

Key words: settlement system of Crimea, model “center-periphery”, basic system theory, regional politics.

Распределение населения по территории в виде множества населённых пунктов, представляет собой сложную многоуровневую

динамичную систему. При этом картина, сформированная всей совокупностью населённых мест и путей сообщения между ними, является достаточно поверхностной, наиболее доступной видимой частью всех процессов, происходящих в обществе. Изучение только территориального распределения населённых пунктов в регионе, в данном случае Крымском федеральном округе, не даст целостного понимания трансформационных процессов в системе расселения. Для формирования объективной картины происходящего необходимо также изучение взаимосвязей между компонентами системы, их влияния друг на друга и факторов, которые обусловливают их динамику. Взаимовлияние социальных, экономических и политических факторов настолько велико, что можно говорить о некой единой макросистеме, в которой расселение населения, производственная, социальная и политическая сферы являются тесно взаимосвязанными между собой компонентами. Только рассматривая пространственную организацию населения в комплексе с вышеупомянутыми факторами, можно не просто констатировать те или иные изменения, но и раскрыть их суть, найти первопричину, а соответственно, и научиться ими управлять. Вместе с тем, исходя из процессов, происходящих в системе расселения, правомерно судить и о социально-экономической ситуации в регионе. Такое положение вещей ещё раз подчёркивает важность мониторинга и контроля динамики систем расселения, необходимость разработки и реализации оптимальных моделей развития систем расселения.

Применительно к системе расселения Российской Федерации в целом, так и для Крыма, в частности, особого внимания заслуживает укоренившаяся тенденция ассиметричного развития

системы населённых пунктов по схеме «центр – периферия». В концепции «центр-периферия» И. Валлерстайн ввел понятие полупериферии, как промежуточного звена между периферией и центром. Дж. Фридман в своей книге «Политика регионального развития» продолжил исследования системы «центр-периферия» на региональном уровне. В своей теории он подразделял периферию на ближнюю и дальнюю. Главными факторами, определяющими отношения между центром и периферией, Дж. Фридман считал характер, интенсивность и направление потоков населения, товаров, информации и капитала [1]. В теории центральных мест В. Кристаллера в рамках системы «центр-периферия» подробно анализируется положение поселений относительно города-центра и социально-экономические отношения между ними [2].

Построение модели «центр-периферия» требует взаимосвязанного анализа ряда административно-политических, демографических, социально-экономических параметров. Учитывая тот факт, что сложившаяся система расселения и города, как главные экономические центры, являются слепком общественных процессов и обусловливающих их факторов, их можно считать индикаторами, отражающими территориальную поляризацию выше перечисленных параметров. В связи с чем построение модели «центр-периферия» в первом приближении может базироваться на анализе существующей системы расселения. Так, для Крыма такая модель может быть разработана с учетом иерархии населенных пунктов, их типов, административного статуса, а также основных демографических показателей.

Анализ предварительных итогов переписи населения в Крымском федеральном округе за 2014 год [3], подтверждает, что на полуострове сложились два центра расселения первого порядка – г. Симферополь и г. Севастополь, которые концентрируют наибольшее количество населения и обладают административным статусом столицы республики и города федерального значения. Города, являющиеся районными центрами, можно отнести к центрам второго порядка, а территорию муниципальных районов – к периферии с последующей её стратификацией на ближнюю (пригород) и дальнюю. Механическое движение населения внутри этой системы «центр-периферия», как правило, происходит в виде оттока рабочей силы из периферийных регионов в центры второго, а чаще – первого порядка. Что, кстати, во многом объясняет положительную динамику или стабильность численности населения в крупных городах и тенденции снижения числа жителей в малых городах и сельских регионах полуострова.

Однако, подобная иерархия компонентов системы расселения Крыма в рамках концепции модели «центр-периферия» всё же довольно ограничена. Дифференциация системы расселения, проведенная по критериям численности населения, его механического движения и административного статуса населённых пунктов, носит предварительный характер. Данный подход может указать на наличие каких-либо тенденций, но никак не объясняет их причины. В дальнейшем необходимо проводить более детальные исследования с учетом всех факторов, которые позволят осуществлять прогноз и управлять процессами. В условиях современного Крыма исключительно важным является учёт ряда особенностей, возникших в новых реалиях. Так, в силу

воссоединения Крыма с Российской Федерацией и последующих за этим новых экономических возможностей и ограничений настал период «революционных» изменений для системы расселения полуострова. Происходит смена «точек роста», вызванная внешними по отношению к полуострову факторами. В условиях, когда основной торговый и транспортный поток, направленный традиционно с севера полуострова, от Джанкоя до Симферополя, все больше теряет свои позиции, а ему на смену приходит новая, так называемая «дорога жизни», широтного направления в сторону Керчи, система расселения неминуемо терпит существенные изменения. Наряду с этим происходят также изменения в направлении и характере основных потоков капитала, информации, рабочей силы. Эти глубокие изменения приводят к существенной перестройке во взаимоотношениях центров и периферии. Ряд населённых пунктов, ранее игравших роль основных транспортных развязок полуострова, теряют свой статус, их функции основных экономических центров ограничиваются, а другие, ещё в недавнем прошлом депрессивные в транспортном и экономическом плане города, получают мощный толчок для расширения своего влияния. В такой ситуации важным является проведение эффективной региональной политики для обозначения новых векторов развития, как первых, так и вторых центров.

При выявлении центральных и периферийных районов нельзя не учитывать и изменения в административно-территориальном делении, связанные с законом Республики Крым от 6 июня 2014 г. № 18-ЗРК «Об административно-территориальном устройстве Республики Крым», согласно которому все посёлки городского типа были отнесены к сельским поселениям. Несмотря на изменившийся

административный статус, они на локальном уровне фактически остаются центрами притяжения для территорий с более низким уровнем социально-экономического развития. Вместе с тем, еще предстоит исследовать, приведет ли это к изменению функций данных поселений, нормативам по благоустройству, ухудшению качества жизни населения. Понижение их статуса может привести в действие и психологический фактор: население и особенно молодежь с точки зрения собственного имиджа предпочитает проживать в городских поселениях, что может привести к увеличению миграций населения из этих поселений в города. Таким образом, можно предположить усиление поляризации в системе «центр-периферия».

Исследование системы расселения полуострова должно учитывать и тот факт, что на его территории находятся два субъекта Федерации, а, именно, Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Несмотря на различия в механизме управления, они тесно взаимодействуют между собой как в рамках хозяйственного комплекса, так и системы расселения Крыма, поэтому, на наш взгляд, при построении модели «центр – периферия» методически правильным будет рассмотрение их в рамках одной системы.

Таким образом, при построении действенной модели «центр – периферия» Крыма необходимо учитывать целый комплекс демографических, экономических, социальных и политических факторов. При этом особое внимание стоит уделить ряду особенностей, ставших актуальными и даже определяющими в развитии Крыма после воссоединения с Российской Федерацией. Применение теории «центр – периферия» при выборе региональной

политики представляется перспективным и должно базироваться на организации оптимального взаимодействия между разными уровнями системы «центр – периферия».

Литература

1. Грицай О. В. Центр и периферия в региональном развитии. / О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш – М.: Наука, 1991.
2. Хаггет П. География: синтез современных знаний. / П. Хаггет – М.: Прогресс, 1979.
3. Предварительные итоги переписи в Крымском Федеральном округе [Электроный ресурс] – Режим доступа: http://gosstat.crimea.ru/per-itogi.pdf.

УДК 911

Е. Ю. Седова, Н. В. Поломошнова, А. В. Кротов

E. Sedova , N. Polomoshnova, A. Krotov

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ В КРЫМУ ОТКРЫТОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЗОНЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОГО ОФФШОРА

GEOECONOMIC AND GEOPOLITICAL PREREQUISITES OF FORMATION IN THE CRIMEA OF AN OPEN INNOVATIVE ZONE WITH ELEMENTS OF THE FINANCIAL AND INVESTMENT OFFSHORE

В данной статье рассмотрены основные направления развития Крыма в геоэкономическом и геостратегическом аспекте. Авторы раскрывают пути развития территории Крыма, делая акцент на таких направлениях как развитие туристического, медицинского и научного кластеров, создание

нового транспортного хаба, так же создание финансового центра, привлекающего иностранный капитал. Статья содержит идеи проекта по развитию территории Крыма, направленные на создание открытой инновационной зоны с элементами финансово-инвестиционного оффшора для иностранных организаций.

In this article the main directions of development of the Crimea in geoeconomic and geostrategic aspect are considered. Authors open ways of development of the territory of the Crimea, placing emphasis on such directions as development of tourist, medical and scientific clusters, creation of a new transport hub, also creation of the financial center attracting the foreign capital. Article contains the ideas of the project on development of the territory of the Crimea directed on creation of an open innovative zone with elements of the financial and investment offshore for the foreign organizations.

Ключевые слова: транспортный хаб, бальнеологический комплекс, создание рекреационных центров, создание финансового центра, специальные налоговые льготы, привлечение инвестиций.

Keywords: transport hub, balneological complex, creation of the recreational centers, creation of financial center, special tax privileges, attraction of investments.

Полуостров Крым располагается в удобном экономико-географическом положении.

Полуостров Крым – это глубоко вдающийся в Чёрное море полуостров, восточная часть которого – Керченский полуостров – отделяет Азовское море от Черноморского бассейна [1], который имеет координаты 45°24′ с. ш. 34°00′ в. д. Данный аспект имеет важное геополитическое и геостратегическое положение для России, так как это дает возможность контроля Черноморского бассейна. Площадь полуострова составляет 27000 км² [1].

Крымский полуостров связан с материком на севере через узкий Перекопский перешеек (7 км), а ещё более узкий Керченский

пролив (4,5 км) отделяет Крым от Таманского полуострова на востоке [1].

Столицей Республики Крым является г. Симферополь (330,981 тыс. чел.). Численность населения Крыма на 1 января 2015 г. по данным Росстата составила 1893245 человек (без г. Севастополь). Крупнейшие города: Севастополь, Симферополь, Керчь, Евпатория и Феодосия [2].

Формирование в Крыму особой экономической зоны возможно через создание международного транспортного узла авиаперевозок, которое снимет нагрузку с основных аэропортов Российской Федерации – Москвы и Санкт-Петербурга. Помимо этого возможно создание южной авиалинии, которое позволит связать Дальний Восток и Сибирь с курортной зоной в Крыму и на Черноморском побережье, без дополнительных затрат и пересадок в Москве. Расстояние от столицы Крыма – Симферополя до крупнейших транспортных узлов: г. Москва – 1227 км, до г. Стамбул – 605 км, до г. Лондон – 2619 км, до г. Вена – 1399 км, до г. Дубай – 2990 км, до г. Париж – 2439 км, до г. Нью-Дели – 4190 км, до г. Сингапур – 8322 км, до г. Пекин – 6496 км, до г. Канберра – 14539 км.

Район имеет умеренно тёплый климат, на южном берегу Крыма средиземноморский [1], что делает его уникальным рекреационным регионом, и дает возможность развивать курортное хозяйство. Историческое прошлое Крымского полуострова и уникальные природные условия являются потенциальным ресурсом для развития туристического кластера.

Плотность населения Крыма составляет 98 ч/км^2 [2], что намного ниже плотности населения других европейских

рекреационных регионов мира (Каталония – 225 ч/км², Приморские Альпы – 254,6 ч/км², Лигурия – 288,66 ч/км², Кипр – 114,398 чел./км² и т. д.) [3].

Крым – это многонациональный регион. Среди национальностей преобладают русские, украинцы, так же крымские татары [2], которые идентичны туркам. Здесь возможно развитие православной, мусульманской и католической культуры. Это дает преимущество для открытости Крыма для иностранных инвесторов и развития международного транспортного сообщения.

На данный момент, в сложившихся геополитических и геоэкономических условиях столкновения России со странами Запада, Крым может сыграть важную роль не только в геополитическом и военно-стратегическом аспекте, но и в геоэкономическом. Данная статья предлагает создание в Крыму современного хаба, нового транспортного авиационного узла на территории Симферополя, что поспособствует экономическому развитию современной России, но и так же поможет «прорубить окно в Европу» за счет конкуренции со Стамбулом и Дубаем. Удобное географическое положение полуострова позволяет сделать город Севастополь транспортным узлом, который свяжет страны Европы с Азиатскими странами, такими как Таиланд, Сингапур, Китай, Индия и т. д. Так же, и для России необходим новый транспортный хаб, что бы снизить пассажирскую нагрузку на такие крупные города как Москва и Санкт-Петербург. Создание авиаузла выгодней с точки зрения использования питьевых водных ресурсов, которые имеются в недостаточном количестве на территории Крыма. Аэропорт – это круглогодичный пассажирский и

туристический поток, который является условием экономического развития региона, и важный геостратегический объект.

Здесь имеет место быть развитие основных новых транспортный магистралей-«лучей» (электропоезд, др. инновационные виды транспорта) из Симферополя в такие направления как Ялта, Керчь, Судак, Севастополь, Евпатория, Бахчисарай и в направлении Азовского моря. Таким образом, обеспечивается связь по всей территории Крымского полуострова, что позволит пассажирам с дальних перелетов в краткое время посетить достопримечательности Крыма.

Развитие хаба на данной территории дает возможность развития таких туристических направлений как Херсонес (Севастополь), Никитский ботанический сад (Никита), Массандра (Ялта), мыс Форос, Сарыч, Севастопольский океанариум, панорама «Оборона Севастополя» и т. д. Так же, важным направлением для развития является бальнеологический комплекс, организация всероссийской здравницы. Для этого важно развитие медицинского, научного кластера для современного бальнеолечения, для обеспечения конкурентноспособности с Швейцарией, Австрией, Словенией. Лечебные грязи лечебные соленые озера Саки и Евпатории – это ресурс для развития бальнеологического центра, который необходимо развивать с помощью научных и инновационных достижений.

Предлагается развитие транзитного бальнеологического отдыха для пассажиров, которые направляются из Европы в Австралию или юго-восточную Азию.

Наличие самого благоприятного климата на территории России дает возможность для приглашения специалистов из других субъектов РФ для развития курортного, медицинского, научного кластеров. Развитие данных кластеров дает экономическую возможность для развития АПК.

Одной из главных задач является развитие Крыма, создание рекреационных центров для привлечения туристов из Европы, Украины и России.

Для этой задачи необходимо развитие новых энергетических направлений (ГЭС, АЭС) и одновременно начать работу в направлении опреснения водных ресурсов, как в Израиле и в Шарм-эль-Шейхе, для технических нужд. Данный проект поможет решить проблему с дефицитом пресной воды и позволит развить сельскохозяйственный комплекс, который позволит производить собственные экологически чистые продукты питания.

На данный момент экономика в Республике Крым ослаблена. Открытость Крыма для иностранных инвестиций и создание финансового центра, привлекающего иностранный капитал путём предоставления специальных налоговых и других льгот иностранным компаниям на его территории, позволит привлечь финансовый поток для развития кластеров. Также это позволит уменьшить коррупционные издержки за счет контроля внешних инвестиций. Неприятие Российского Крыма осложняет привлечение потоков иностранного капитала из Европы, поэтому необходимо привлекать инвестиции стран Азии, не имеющих выход к морю (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан), а также наиболее развитых Азиатских стран, таких как Китай и Индия.

Таким образом, территория Республики Крым привлекательна для инвесторов с точки зрения низких затрат на внедрение проектов и их функционирование. Низкие цены на земельные участки, привлекательность с точки зрения природного и культурного потенциала, создание налоговых льгот позволит иностранным компаниям не только благополучно развиваться, но и развивать экономику республики.

Литература

1. Павлова Н. Н. Физическая география Крыма: / Н. Н. Павлова // Учебное пособие. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964. – 348 с.
2. Федеральная служба государственной статистики[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru. – Заглавие с экрана.
3. Гладкий Ю. Н. Экономическая и социальная география зарубежных стран. / Ю. Н. Гладкий – М.: Академия, 2008. – 464 с.

УДК 910.3

А. М. Сергиенко, О. А. Иванова

A. Sergiyenko, O. Ivanova

ПОЛЮСА И ДРАЙВЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ПРИГРАНИЧНОГО АГРАРНОГО РЕГИОНА

POLES AND DRIVERS OF SOCIO-ECONOMIC WELL-BEING OF CROSS-BORDER RURAL AGRARIAN REGION

В статье представлен анализ территориальных особенностей социально-экономического развития сельских районов Алтайского края. Описаны методика и результаты типологизациирайонов по уровню и

динамике развития. Рассмотрены изменения территориальных различий. Выделены зоны инвестиционного роста и районы неблагополучия, узловые проблемы их развития. Выявлено усиление зависимости развития сельских районов от географического положения, расширение влияния крупных городов и экономически сильных регионов. Определены драйверы и перспективы развития сельских районов.

The article presents the analysis of territorial characteristics of socio-economic development of rural areas in Altai territory. We described methodology and results of typology of the areas by the level and dynamics of their development. Changes in territorial differences were considered. The zones of investment growth and the areas of disadvantages were allocated, their key problems of development were revealed. We identified the strengthening of dependence of rural development from geographical position, and the expanding of influence of large cities and economically strong regions. Driving factors and prospects of rural development were determined.

Ключевые слова: сельские районы, социально-экономическое благополучие, территориальные различия, типология, движущие факторы развития

Keywords: rural areas, socio-economic well-being, territorial differences, typology, driving factors of development

Социально-экономические реформы двух последних десятилетий привели к кардинальным изменениям в пространственных процессах развития сельских районов России [1-3]. В значительной мере это касается приграничных аграрных регионов, где более ярко проявляются проблемы обеспечения продовольственной безопасности и потребности инновационного развития в условиях более сильного влияния внешней среды. В связи с этим представляется важным обратиться к анализу современного состояния и территориальных сдвигов в социально-экономическом развитии сельских районов Алтайского края (одного

из приграничных аграрных регионов Сибири), выявить полюса благополучия и движущие факторы такого развития.

Для изучения территориальных особенностей социально-экономического развития сельских муниципальных районов Алтайского края, выявления полюсов благополучия нами использован типологический анализ. На основе 25 статистических показателей развития 60сельских районов края в 2000 и 2010 гг. осуществлен факторный анализ. И на сформированных факторах проведена кластеризация и выделено по три типа районов, значительно различающихся уровнем социально-экономического развития: относительно благополучные (7 в 2000 г. и 18 в 2010 г.), районы со средним уровнем развития (39 и 38) и относительно неблагополучные (14 и 4) [4, с. 124-137].

Сравнительный анализ показателей развития сельских районов в 2000 и 2010 гг. позволяет говорить об их положительной динамике не только в абсолютном выражении, но и в изменении относительных позиций: повысили свой статус (переместились в более благополучные группы) 22 из 60 районов, в том числе 13 районов поднялись до уровня наиболее благополучных, тогда как ухудшили свои позиции на фоне других только три пограничных района.

Изменение дисперсии и коэффициентов вариации показателей социально-экономического развития районов в 2010 г. по сравнению с 2000г. свидетельствует о том, что за прошедшее десятилетие, с одной стороны, значительно выросли территориальные различия по рождаемости, заболеваемости, обеспеченности жильем, развитию потребительского рынка, сети учреждений культуры, а с другой стороны, существенно снизилась дифференциация районов по уровню миграции, обеспеченности медицинскими учреждениями и

кадрами, качеству жилищного фонда, оплате труда, уровню безработицы.

На пересечении двух полученных типологий сформирована комплексная типология сельских районов по уровню и динамике их социально-экономического развития, где на одном полюсе размещаются 18 благополучных районов, сохранивших или повысивших свой относительный статус за прошедшее десятилетие, а на другом – 4 наиболее неблагополучных «района-аутсайдера» (Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский), сохранивших такие позиции или «угодивших» в эту категорию. Отличительной особенностью географического расположения неблагополучного кластера районов является их периферийность, пограничность (либо близость к границе Алтайского края), наряду с удаленностью от авто- и железнодорожных магистралей, тогда как наиболее благополучный кластер территориально тяготеет к Барнаулу и другим крупным городам, а также к селам-райцентрам, где расположены крупные предприятия сельхозпереработки.

Наиболее значимые различия между благополучными и неблагополучными районами сложились по показателям ввода и качества жилья (в 9-11 раз – по вводу жилья и его ветхости, в 3 раза – по доле жилья с горячей водой), обеспеченности сельских жителей медучреждениями (больницами и поликлиниками – в 2-3 раза), интенсивности миграционного оттока (в 3,4 раза). Вместе с тем различия по уровню рождаемости, заработной платы, безработицы, обороту торговли не превышают 20-30%.

Уровень социально-экономического развития в районах-аутсайдерах существенно ниже среднего по краю и в целом уступает остальным типам районов. В 2010 г. районы-аутсайдеры отличались наиболее низкими показателями произведенной

сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также инвестиций в основной капитал. Как следствие, в этих районах самая низкая заработная плата, особенно в сельском хозяйстве. Между тем эти районы характеризуются относительно высокой обеспеченностью населения учреждениями культуры, а также медучреждениями и средним медперсоналом, что способствует снижению заболеваемости.

Выделенные типы сельских районов качественно различаются между собой по уровню и динамике социально-экономического развития и могут стать основой для разработки дифференцированных политик. Положительный полюс образуют около трети районов с относительно высоким уровнем и позитивной динамикой, которые могут рассматриваться как территории социально-экономического благополучия и «роста», привлекательные для инвестиций. Наряду с устойчивым центром со средним уровнем развития, образованным почти половиной районов края, середину заполнили также 15% ранее неблагополучных районов. Отрицательный полюс наполнен только 4 районами с наиболее проблемной социально-экономической ситуацией, концентрирующими неблагополучие не только в статике, но и в динамике. Узлы проблем развития этих районов сосредоточены в сфере АПК, что формирует низкие оплату труда и платежеспособность сельских жителей, отражающиеся на развитии потребительского рынка, низких объемах строительства жилья и, как следствие, высоких показателях миграционного оттока населения, низкой привлекательности этих территорий для квалифицированных работников. По отношению к таким районам могут быть применены различные меры федеральной и региональной социально-экономической поддержки.

Результаты типологизаций сельских районов Алтайского края за предыдущие десятилетия, позволили выявить устойчивость позиций «регионов-аутсайдеров» и факторы их неблагополучия. История изменения статуса выделенных четырех районов на фоне других районов края показала, что еще в середине 1980-х гг. эта четверка занимала только средние или худшие позиции. В советское время благодаря инвестиционной политике урбанизированные районы, расположенные близко к большим городам, имели более низкий уровень развития социальной инфраструктуры в отличие от периферийных, пограничных районов, но «выигрывали» в экономическом развитии [5]. За последующие годы влияния советской социальной политики, направленной на поддержку удаленных от городов, периферийных районов, два района из проблемной четверки заняли благополучные позиции, удержать которые удалось даже в годы активных рыночных реформ благодаря открывшимся возможностям взаимодействия с соседними регионами. С середины 1990-х гг. усилилась зависимость не только развития экономики, но и социальной инфраструктуры сельских районов от их географического положения. Наблюдалось расширение влияния крупных городов, что отразилось на улучшении экономического и социального положения каждого четвертого района Алтайского края. Более благополучные позиции заняло 15% районов, расположенных вблизи автомагистралей и железных дорог на границах с экономически более сильными регионами страны (Кемеровской и Новосибирской областями) и Казахстаном.

В наиболее неблагополучной ситуации оказались районы, не имеющие таких явно выраженных преимуществ. Но особенностью выделенных районов-аутсайдеров является высокий природный

потенциал, что может определить перспективу их социально-экономического развития. Внимание властей и предпринимателей к проблемным территориям со значительным природным потенциалом привело к тому, что в настоящее время в крае запущены различные программы и проекты с опорой на природную составляющую («Программа устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края до 2020 г.», Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и др.). В Солонешенском районе в последнее десятилетие активно развивался туристический кластер, с 2013 г. формируется природно-археологический парк. Солтонский район попал в последние годы в группу лидеров по объемам инвестиций, здесь одобрен инвестиционный проект строительства Алтайской конденсационной электростанции мощностью 660 МВт.

Итак, только к концу второго десятилетия пореформенной России в сельских районах Алтайского края получен явно выраженный эффект взаимосвязи экономического благополучия и развития социальной сферы через влияние крупных городов и другие выгоды географического положения. К этому времени влияние советской инвестиционной политики на развитие социальной сферы было нивелировано. Для сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов требуется эффективное применение современных государственных инструментов сокращения масштабов социально-экономического неравенства сельских территорий, сближения стандартов жизни между городским и сельским населением. Драйверами сельского развития в Алтайском крае являются не только ставшие традиционными программы занятости и стимулирования малого бизнеса, но и программы поддержки и адаптации трудовых

иммигрантов, а также в целом формирование активной социальной среды внедрения инноваций в ключевых отраслях сельской экономики.

Литература

1. Калугина З. И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки / З. И. Калугина, О. П. Фадеева. – Новосибирск, 2009.

2. Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. / О. В. Нечипоренко – Новосибирск, 2010.

3. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. / В. В. Пациорковский – М., 2010.

4. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: // колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. – Барнаул, 2013.

5. Троцковский А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. / А. Я. Троцковский – Новосибирск, 1997.

УДК 911.9.327

В. П. Сидоров

V. Sidorov

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО ТЕРРИТОРИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

THE SOCIO-ECONOMICS DISPARITY OF THE TERRITORIES AND GEOPOLITICAL CONFLICTS

Статья дает характеристику зависимости остроты геополитических конфликтов от социально-экономического неравенства территорий, общую оценку причин усиления геополитической напряженности в мире в последние

годы. Статья содержит информацию о работе над методикой количественной оценки геополитических конфликтов.

The article contains and characterizes depending on the severity of geopolitical conflict socio-economics disparity *territories overall assessment of the causes of geopolitical tensions in the world in recent years. This article contains information about the work on quantitative methods of geopolitical conflicts.*

Ключевые слова: геополитический конфликт, социально-экономическое неравенство, геоконфликтология, геополитическое положение, типология, цивилизация, количественная оценка конфликта.

Keywords: geopolitical conflicts, socio-economics disparity*, geographical conflictology, geopolitical situation, typology, civilization, quantitative assessment of the conflict.*

Интерес к оценке зависимости остроты геополитических конфликтов от социально-экономического равенства/неравенства территорий усилился у автора предлагаемой статьи на рубеже 1990-2000-х годов [1]. Однако последующие геополитически «спокойные» (во всяком случае, для Европы и постсоветского пространства) годы, относительно спокойная обстановка на российском Северном Кавказе интерес автора к геоконфликтологии ослабили.

Но в последующие годы конфликт в Южной Осетии, череда успешных или безуспешных цветных революций, гражданские войны в Северной Африке и Юго-Западной Азии показали, что цивилизации Старого Света переживают очередной политический кризис, выразившийся в практическом развале некоторых государств, тысячах погибших военнослужащих и мирных жителей.

Соответственно, модель геополитического положения России, сформировавшаяся более 15 лет [2], трансформируется.

Особенно трагична для нас судьба и современная история близкого по культуре, языку, привычкам, жизненному укладу народа Украины. Конфликт на границах России может, к сожалению, превратиться в затяжной. А в своем худшем варианте – стать более кровавым, чем балканские войны конца XX века.

Возникают вопросы – как могут настолько этно-культурно близкие друг другу народы быстро превращаться в непримиримых врагов? Можно ли было этого конфликта избежать?

Почти все конфликты (не исключая геополитические) – результат противоречий и неравенства, которые, в свою очередь, и определяют тип конфликта. В российской географической науке были предложены варианты топологии и причины геополитических конфликтов (см., например, [3] и другие источники).

По мнению автора (не претендующего, впрочем, на признание), в настоящее время главной, глобальной причиной слишком многочисленных для последних лет геополитических конфликтов является противостояние цивилизаций. С одной стороны – «стареющей, сытой» западной цивилизации, в центре которой – отдельный человек и культ его личности и свобод и, как следствие, порой гипертрофированная толерантность и терпимость. С другой стороны – более «молодая» и не всегда «сытая» новая восточная цивилизация с культом командной игры под руководством конкретного лидера/диктатора, с плохо- или вообще нерегулируемой военной агрессивностью или идеологически-религиозной нетерпимостью. «Запад» не может предложить «Востоку» практически ничего нового кроме своих, казалось бы, проверенных и, самое главное единых для западного социума,

ценностей (часто – чуждых востоку). А восток и вовсе не имеет единой системы ценностей. Относительный мир на границе востока и запада поддерживает военно-технически-экономическое превосходство запада. Но надолго ли этого перевеса хватит?

Никто не может и не сможет оценить будущее этого глобального противодействия. Но можно и нужно оценивать вполне конкретные перспективы возникновения локальных геополитических конфликтов – из малого складывается большое. Причем, оценивать эти перспективы количественно.

В настоящее время автор с коллегами работает над методикой количественной оценки факторов возникновения геополитических конфликтов (территориальных, экономических, этнических, религиозных, исторических, природно-географических, административных, политических, военно-технических, этических и некоторых других). Причем предполагается, что разработанная методика позволит оценить не только вероятность возникновения геополитического конфликта в том или ином регионе конкретной страны или на границе двух стран (например, в процентах), но и значимость (вес) того или иного фактора в разжигании конкретного конфликта.

Литература

1. Сидоров В. П. Региональная геоконфликтология / В. П. Сидоров // География, общество, окружающая среда: развитие географии в странах Центральной и Восточной Европы. ; Тез. докл. Междунар. научной конференции. – Ч.1. – Калининград/Светлогорск, 2001. – С.126-127.

2. Колосов В. Геополитика и политическая география. / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

3. Максаковский В. П. Конфликтные ситуация / В. П. Максаковский // Газета «География», 2002 г., – № 39.

УДК 911.3

И. Б. Сидорчук

I. Sidorchuk

ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР БЕДНОСТИ

PERIPHERALITY AS AN INDICATOR OF POVERTY

Рассмотрены центр-периферийные отношения Республики Крым в составе Украины и Российской Федерации. Выявлены индикаторы географического изучения бедности. Определены изменения территориальных пропорций в экономическом развитии Крыма в составе Российской Федерации.

Considered center-periphery relations of the Republic of Crimea as part of Ukraine and the Russian Federation. Indicators identified geographical study of poverty. The changes in territorial proportions in the economic development of the Crimea within the Russian Federation.

Ключевые слова: бедность, география, Крым.

Keywords: poverty, geography, Crimea.

В общественной географии уже почти аксиоматичным считается положение о том, что на любом пространственном уровне можно выделить социально-экономический центр и зависимую от него периферию. Эти районы считаются антиподами: центр, объединяющий всё самое передовое, противостоит периферии – среде распространения каких-либо характеристик. При этом периферия неоднородна, так как имеет внутреннюю (ближнюю) сферу, которая тесно связана с центром и получает непосредственно от него импульсы к развитию, и внешнюю

(дальнюю), на которую центр не оказывает практически никакого влияния [1].

Сущностные черты периферийного сообщества можно выделить при географическом изучении проблемы бедности. Здесь центральность и периферийность пространства будет определяться уровнем доходов и образования населения, показателями его оттока из региона, доступностью основных материальных и культурных благ. Кроме статистических параметров бедность может иметь объективные характеристики, связанные с географическим положением региона в пределах страны или другого территориального образования.

Объективное существование географических контрастов бедности по типу «центр-периферия» прослеживается на всех географических уровнях: глобальном, региональном и локальном. Контрасты «центр-периферия» создают предпосылки для возникновения территориального неравенства, что, в свою очередь, усиливает социально-экономическое неравенство населения [2].

Полуостровное положение Крыма, его транспортно-географическая изолированность от материковой части Украины сохранило и после воссоединения республики с Россией место южного периферийного района Федерации. Анализ предпосылок бедности в крымском регионе России по модели «центр-периферия» следует проводить как унаследованное состояние от украинской социально-экономической ситуации.

В Украине столица государства г. Киев являлась основным центром всех социально-экономических процессов. В 2012 г. здесь была отмечена самая высокая средняя заработная плата – 4607 грн. Регионы, в которых имелись высокотехнологичные,

наукоемкие центры, также имели высокий средний размер заработной платы. Большинство же территорий страны являлись периферийными с низкой оплатой труда. Средняя зарплата в АРК в 2012 году была 2654 грн. или 87,7% от среднеукраинского уровня и 57,6% от уровня г. Киев. В то же время среднекрымская заработная плата составляла 121,5 % от аналогичного показателя в Тернопольской области, где фиксировалась самая низкая заработная плата в Украине – 2185 грн.

Снижение жизненного уровня побуждает население периферийных районов к миграции в центры, где есть свободные рабочие места и более высок уровень доходов. Общая миграционная активность населения признаётся демографами одним из самых главных признаков благоприятности условий жизни. Именно этот показатель служит индикатором существования бедности в регионе, поскольку его население чутко реагирует на изменение условий жизни переменой места обитания или приложения труда.

В Украине наиболее высокая миграционная подвижность была традиционно характерна для населения областей с аграрной специализацией. В АРК в течение 2007-2012 гг. наблюдался приток населения, но это главным образом было связано с возвращением крымских татар и миграциями представителей иных этносов, а не с притяжением трудовых ресурсов в крупные и развитые центры, где сконцентрировано промышленное производство. Промышленное производство в Крыму в означенные годы медленно угасало, концентрируясь лишь на севере полуострова, где располагались химические предприятия одного из украинских олигархов. Такая

ситуация усиливала периферийность крымского региона и создавала внутри региональные диспропорции.

Значительную роль в закреплении за регионом определения «периферия» оказывают миграции квалифицированных работников. Молодые квалифицированные кадры переезжают из периферии в столицу и региональные центры. Практически во всех странах более высокий уровень образования ассоциируется с более высокой степенью вероятности получения работы и высоких заработков, что в свою очередь уменьшает риск оказаться в группе бедных. В АРК доля лиц, имеющих полное высшее образование в 2012 году, составляла 20,2%, что в два раза меньше, чем в столице государства, но несколько выше среднеукраинского уровня (19,9 %).

Уровень экономического развития региона во многом определяет стоимость обучения в ВУЗах страны: высокая концентрация квалифицированных кадров, более широкие возможности рынка труда обеспечивают приток большого количества студентов из менее развитых регионов. Среди регионов Украины самая высокая средняя стоимость обучения зафиксирована в 2012 году в г. Киев (11531 грн.) и Днепропетровской области (8753 грн.). В АРК средняя стоимость обучения в 2012 году составляла 6919 грн. в год (среднеукраинская стоимость – 7308 грн. в год). В АРК также отмечались низкие значения количества студентов – 244 человек на одно высшее учебное заведение (в г. Киеве – 1663 чел., в среднем по Украине – 476 чел.). В целом, региональные диспропорции в концентрации вузовского образования в Украине свидетельствуют о состоянии региональных рынков труда. Отсутствие спроса на квалифицированную рабочую силу на местном рынке труда

формирует низкие ориентации населения на получение высшего образования, усиливая в дальнейшем разницу в сумме получаемых доходов, а, следовательно, и в уровне бедности.

Уникальность природных условий и ресурсов, своеобразная история заселения и освоения территории вместе со спецификой географического положения делает Крым территорией контрастов в природных, социально-экономических, инфраструктурных и прочих условиях проживания населения, определяя тем самым уровень и качество жизни населения полуострова.

На локальном уровне в украинском Крыму также существовали центр и периферия. Здесь четко выделялись два фокуса социально-экономического развития: столица АРК – г. Симферополь – и региональный центр Южнобережья – г. Ялта. Столица АРК, являясь главным административным, индустриальным, культурным и научным центром автономии, в 2013 году имела один из самых высоких показателей заработной платы (108,8% от среднего по АРК) и миграционного прироста – 6,4‰ (в АРК – 2,6‰) (рис.1; 2). Здесь работали 18 из 28 высших учебных заведений I-IV уровней аккредитации, в которых обучались 35199 из 48036 студентов АРК. В Алуште и Ялте фиксировались выше средних по АРК показатели заработной платы и миграционного прироста населения (в Ялте – самый высокий показатель по АРК – 7,1‰). Формирование южнобережного центра было обусловлено развитием здесь туристско-рекреационной отрасли на основе разнообразных природных и социокультурных ресурсов.

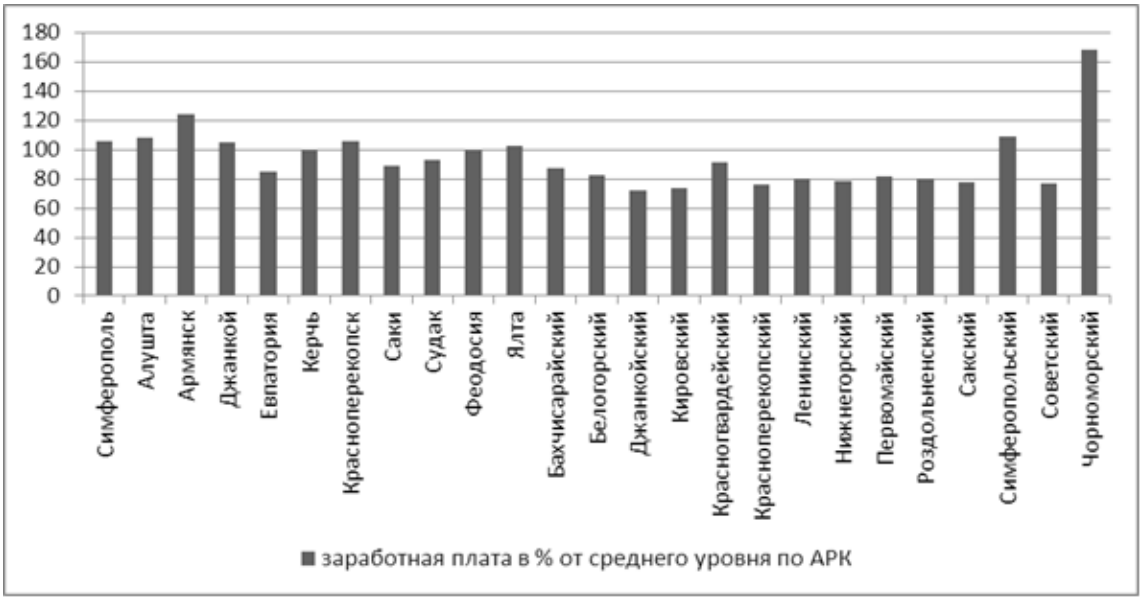


Рис. 1. Среднемесячная заработная плата в АРК, 2013 г. [3]

Остальные районы АРК можно подразделить на ближнюю (полупериферию) и дальнюю (глубокую) периферию. К ближней периферии относятся районы, которые имеют туристско-рекреационную специализацию, развитую транспортную инфраструктуру и связь с «центрами» (города Бахчисарай, Евпатория, Судак, Феодосия). Глубокую периферию формируют административные районы Севера и Востока АРК. Данные районы традиционно являлись аграрными, в них отмечалась низкая оплата труда и постоянный отток населения. Так, в Джанкойском районе в 2013 году зафиксированы самые низкие показатели заработной платы (71,8% от среднего по АРК) и миграционного прироста населения (-4,4‰). В Ленинском районе заработная плата составляла 80,3% от среднего по АРК и -0,5 ‰ миграционный прирост населения (рис.1; 2).

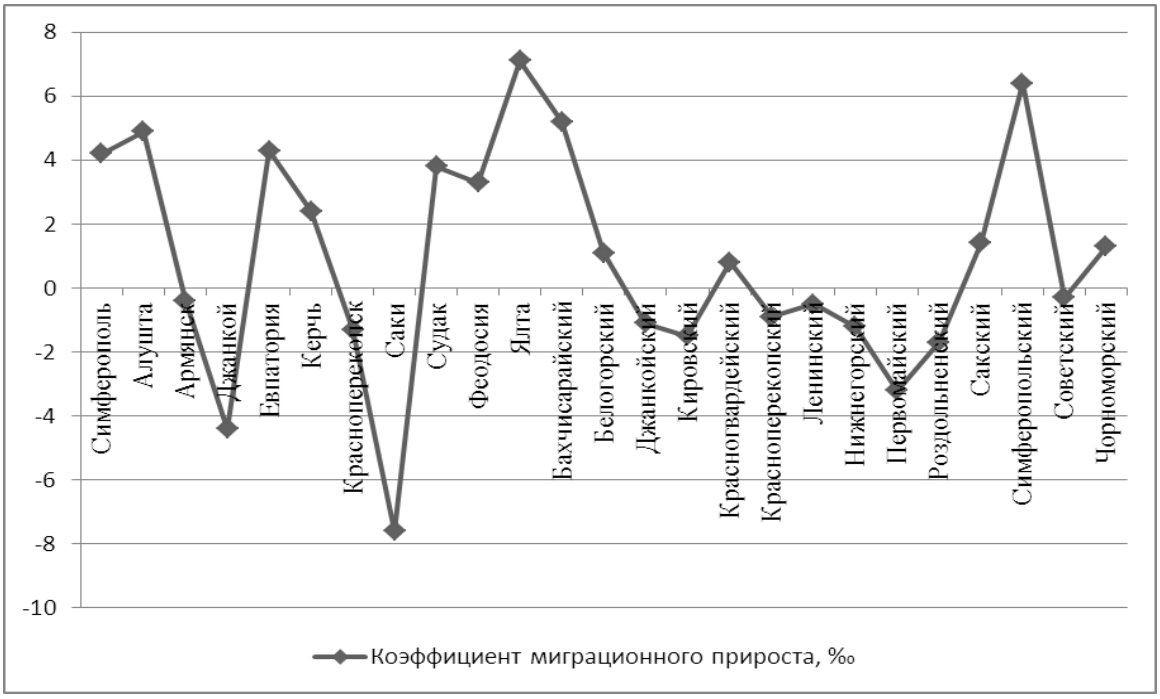


Рис. 2. Коэффициент миграционного прироста населения АРК, 2013 г. (‰) по: [3]

В Крыму также прослеживается центр-периферийные отношения между городом и селом. В городах традиционно более высокие заработки, и меньшие показатели оттока населения. К примеру, Красноперекопский район имел крайне низкие значения заработной платы (76,2% от среднекрымского показателя), а его города – Красноперекопск и Армянск – за счет наличия градообразующих предприятий химической промышленности, характеризовались показателями заработной платы значительно выше средних по АРК (рис.1).

В настоящее время, когда Крым стал частью России, изменяется и структура центр-периферийных отношений республики. Помимо того, что изменился главный центр концентрации социально-экономического влияния на Крым (им

теперь стала Москва), изменяется территориальная структура центр-периферийных отношений в самом Крыму. Столица Республики Крым и его туристско-рекреационные центры сохранили свое ведущее значение в социально-экономическом развитии нового субъекта федерации. В бывших периферийными районах полуострова проявляются новые тенденции развития. Одни получили дополнительные стимулы роста, другие утратили прежние функции. Так Восток и Юго-Восток Республики Крым, являясь в Украине «глубокой» аграрной периферией, в будущем могут стать перспективными полупериферийными рекреационными и транзитно-транспортными районами. Северный же Крым, не имея значительных природных предпосылок для развития промышленности и рекреации, напротив, может стать еще более глубинным периферийным районом.

Таким образом, выделение системы центров и периферии, определение ее воздействия на различные сферы деятельности позволит проводить эффективную региональную политику в Крыму, более тщательно разрабатывать программы его развития.

Литература

1. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

2. Панасюк М. В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) / М. В. Панасюк, А. В. Руденко // Известия РАН. Серия географическая. – 2008. -№1. – С 60-72.

3. Регионы Автономной Республики Крым за 2012 год: Статистический сборник / под ред. О. И. Балдиной – Симферополь: Главное управление статистики в Автономной Республике Крым, 2013. – 327 с.

УДК 911.3(477.75)

Е. Е. Синявер

E. Sinyaver

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РЕСУРСНЫХ ВЫЗОВОВ КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

MAIN RESOURCE CHALLENGES TYPES IN CRIMEAN FEDERAL DISTRICT

Определены основные типы ресурсных вызовов Крымского федерального округа по сфере проявления и территориальным уровням.

Revealed the main types of the resource challenges in the Crimean Federal District by display areas and territorial levels.

Ключевые слова: ресурсный вызов, социально-экономический рост, Крымский Федеральный Округ.

Keywords: resource challenge, socio-economic growth, Crimean Federal District

Включение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации предопределило необходимость интеграции экономики этих регионов в экономическое пространство России для дальнейшего устойчивого развития.

Основными факторами, препятствующими достижению целей полноценной интеграции нового округа в экономическое пространство Российской Федерации и прогрессирующему экономическому и социальному развитию являются значительные территориальные диспропорции в экономическом и социальном развитии районов Крыма, дефицит и неравномерность распределения имеющихся производственно-технологических, инфраструктурных, рекреационных,

транспортных, социальных, информационных ресурсов, и, как следствие, основные социально-экономические показатели развития регионов Крымского федерального округа не достигают среднероссийских значений [1].

Возрастающий дефицит ресурсов экономико-социальной среды носит комплексный, межотраслевой, межрайонный и межрегиональный характер, что в условиях необходимости безотлагательного использования ресурсов для функционирования всех сфер экономического и социального пространства придает им характер *ресурсного вызова*. Таким образом, под *ресурсным вызовом* следует понимать состояние пользования незаменимым или трудно заменимым ресурсом, при котором имеется несоответствие объема ресурса потребностям в нем, замедляющее социально-экономическое развитие территории, и требующее оперативной ликвидации несоответствия.

По сфере проявления Крымский федеральный округ (КФО) испытывает ресурсные вызовы нескольких типов, основные из которых представлены в таблице 1 [1; 2; 3; 4; 5] .

Следует отметить, что типы ресурсных вызовов и их проявления для каждой территории индивидуальны.

Для выделения территориальных уровней ресурсных вызовов наиболее приемлемым, хоть и не часто применяемым подходом в классических экономико-географических исследованиях [6], является административный подход. Первоочередным основанием для выбора административного подхода является ориентированность исследования на потребности системы управления, существующей в рамках административно-территориальной организации своей деятельности. Автором определены три территориальных уровня ресурсных вызовов в КФО:

Таблица 1

Типы ресурсных вызовов КФО по сфере проявления

Типы ресурсных вызовов	**Подтипы ресурсных вызовов**	**Примеры характерных для КФО проявлений ресурсных вызовов**
Производственно-технологические	Энергетические	Недостаточная собственная генерация для нужд предприятий и населения
		Сетевые ограничения для подключения новых потребителей
	Промышленные	Отсутствие подготовленных площадок для внедрения нового промышленного производства
Инженерно-инфраструктурные	Вызовы в сфере водообеспечения	Необорудованность скважин, отсутствие хранилищ, насосных станций, водоводов.
		Несоответствие технических возможностей систем управления насосными станциями гидроузлов потребностям предприятий и населения.
		Отсутствие станций по производству питьевой воды
	Вызовы в сфере водоотведения	Неудовлетворительное состояние или отсутствие канализационных очистных сооружений
		Неудовлетворительное состояние или отсутствие стаций очистки хозяйственно-бытовых сточных вод
	Вызовы в сфере теплоснабжения	Несоответствие мощности центральных тепловых пунктов, котельных, теплотрасс потребностям населения
	Вызовы в сфере обращения твердых бытовых отходов	Отсутствие необходимых мусороперерабатывающих мощностей
		Острая необходимость существующих полигонов ТБО в рекультивации
Транспортно-логистические	Отсутствие связи Крымского полуострова с материковой частью Российской Федерации	Отсутствие транспортного перехода через Керченский пролив
		Отсутствие железнодорожных подходов к транспортному переходу через Керченский пролив
		Отсутствие автомобильных подходов к транспортному переходу через Керченский пролив
	Недостаточная мощность	Отсутствие необходимых объектов аэропортовой инфраструктуры

	транспортных коридоров и пунктов пропуска для обеспечения внутренних и внешних перевозок различными видами транспорта	Отсутствие необходимых объектов портовой инфраструктуры
		Неудовлетворительное состояние автомобильных дорог
		Отсутствие или неудовлетворительное состояние автомобильных, железнодорожных, воздушных пунктов пропуска
Рекреационные	Рекреационно-инфраструктурные	Отсутствие инфраструктуры для развития туристско-рекреационных кластеров
		Недостаточное количество круглогодичных коллективных средств размещения
		Высокий уровень износа основных фондов и медицинского оборудования здравниц
Социальные	Вызовы в сфере здравоохранения	Недостаточное количество койко-мест в медицинских учреждениях различной профильной специализации
		Недостаточное количество фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий для оказания медицинской помощи населению
	Вызовы в сфере образования	Недостаточное количество дошкольных учебных заведений, специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся с отклонениями в развитии
	Вызовы в сфере межнациональных отношений	Недостаточная обеспеченность жильем граждан из числа ранее депортированных, возвратившихся в Крым на постоянное место жительства
Информационные	Вызовы в сфере межведомственного электронного взаимодействия	Отсутствие точек доступа к системе межведомственного электронного взаимодействия, единому порталу государственных и муниципальных услуг, единой системе идентификации и аутентификации
	Отсутствие сетей современных видов связи	Отсутствие наземной сети спутниковой связи на базе оборудования VSAT
		Отсутствие технического радиоконтроля спутниковых служб радиосвязи на геостационарной орбите

1. Макроуровень, или окружной. Ресурсный вызов соответствующего уровня оказывает негативное влияние на социально-экономическое положение КФО в целом, так или иначе, отражаясь на всех процессах в региональном пространстве. Задача преодоления ресурсного вызова данного уровня распространяется за пределы системы управления регионом, и требует принятия управленческих решений не только на региональном, но и федеральном уровне. Таковыми являлись инфраструктурные и производственно-технологические вызовы переходного периода, многие из которых не ликвидированы и в настоящее время.

2. Мезоуровень, или районный. Ресурсные вызовы данного уровня рассматриваются в разрезе города федерального значения Севастополь, и муниципальных образований Республики Крым (районов и городов республиканского подчинения). Наличие вызова на мезоуровне не оказывает негативное воздействие на КФО в целом, однако может являться существенным барьером для развития территорий более низкого административного ранга.

3. Микроуровень, или локальный. Ресурсные вызовы данного уровня проявляются локально, и распространяют свое негативное влияние на территории населенных пунктов низших административных рангов.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года».

2. Постановление Совета министров Республики Крым от 09 декабря 2014 года № 501 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2015-2017 годы».

3. Медведев призвал улучшить туристический сервис в Крыму [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tourism.interfax.ru/ru/ news/articles/ 27242/

4. Путешествие в наш Крым: аналитический доклад экспертной группы «Крымский проект» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russia-crimea.ru/doklady/puteshestvie-v-nash-krym.
5. Овчиников В. Н. Ростоформирующие функции территориальных ресурсов регионов в контексте модернизационных тенденций / В. Н. Овчинников // Вопросы регулирования экономики. – 2012. – Том 3 №4. – С. 5-15.
6. Пивень А. И. Общественные территориальные системы локального уровня: подходы к выделению / А. И. Пивень // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2014. – Том 10. Выпуск 2. – С.174-179.

УДК 332.1

А. Б. Соловьев

A. Solovyov

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DIFFERENTIATION OF MUNICIPALITIES OF THE BELGOROD REGION IN TERMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Выявляются индикаторы и социально-экономические особенности дифференциации муниципалитетов Белгородской области.

The indicators and socio-economic features municipalities differentiation in the Belgorod region are observed.

Ключевые слова: муниципальное образование, регион, социально-экономическое развитие, кластер.

Keywords: municipality, region, socio-economic development, cluster.

Целью изучения муниципальных образований, как сложных многоуровневых систем, является оценка их социально – экономического развития и выработка научно-обоснованных

рекомендаций для последующих управленческих решений как на уровне муниципальных властей, так и областного правительства, призванных обеспечить проведение взвешенной внутрирегиональной политики Белгородской области.

Обращение к муниципальным образованиям как к объектам исследования призвано решить следующие задачи:

- определение набора характеристик, отражающих социальную и экономическую сущность муниципального образования, и получение количественного среза указанных характеристик за определенный период (периоды);
- изучение динамики данных характеристик за ряд периодов;
- сопоставление значений количественных характеристик по различным муниципальным образованиям, т. е. проведение их сравнительного анализа;
- выявление с помощью специальных статистических методов специфических черт, присущих отдельным муниципальным образованиям, и осуществление их типологической группировки по ряду признаков социально – экономического развития.

Существующие системы таких показателей обладают рядом недостатков: унифицированная система показателей и база данных показателей муниципальных образований, разработанные Росстатом, не содержат интегральных показателей социально-экономического развития; альтернативные системы показателей в гораздо большей степени опираются на собственную информацию муниципальных образований, что на фоне нечеткости методологической базы может породить неоднозначные толкования их значений.

Муниципальные районы различны между собой, некоторые из них обладают благоприятными условиями для сельского хозяйства,

другие имеют запасы полезных ископаемых, у одних сильно развито животноводство, у других – торговля, одни имеют собственное производство, а другие развивают сферу услуг и т. п. Таких различий между муниципальными районами Белгородской области достаточно много, и при оценке их социально-
экономического развития целесообразно использовать не один специфический показатель, а комплекс показателей, которые представлены в виде блоков.

В каждый блок вошли показатели, наиболее полно отражающие социально-экономические процессы, происходящие в районах. В совокупности представленные показатели дают возможность оценить уровень развития района и ранжировать их, например, по следующим типам:

– районы с высоким уровнем развития;

– районы с уровнем развития выше среднего;

– районы со средним уровнем развития;

– районы с уровнем развития ниже среднего;

– районы с низким уровнем развития.

С целью улучшения качества анализа внутрирегиональной структуры по уровню социального и экономического развития для принятия правильных управленческих решений целесообразно оперировать не отдельными административно-территориальными единицами, а однородными совокупностями по исследуемым критериям.

Территориальная группировка районов позволяет снизить размерность задачи анализа социально-экономических процессов,

протекающих в районах, и вместо исследования большого числа объектов анализировать небольшое число групп, обладающих сходными свойствами [1].

Ранжирование кластеров проводится по возрастанию значений многомерной средней унифицированных показателей, причем область возможных значений признака определялась отрезком (0; 1). Нулевое значение показателя означает самое низкое качество по данному свойству, а единичное значение – самое высокое.

Всего для комплексной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области применены 26 первичных показателей/индикаторов, последовательно интегрируемых в 17 сводных индексов 1-го порядка, 3 сводных индекса 2-го порядка, соответствующих уже упомянутым блокам (Iм, Iэ, Iс), и интегральный показатель Iинт.

Использование кластерного метода многомерного статистического анализа позволило проанализировать социально-экономические показатели муниципальных районов и городских округов Белгородской области и разбить их на группы, схожие между собой по основным индикаторам социально-экономического развития (табл. 1).

Анализ таблицы свидетельствует о наиболее высоком уровне экономического развития города Белгорода, Алексеевского района, Губкинского и Старооскольский городских округов.

Как показывает анализ, дифференциация муниципальных районов и городских округов по уровню социально-экономического развития не слишком значительна (1,8 раза). Вместе с тем,

негативной тенденцией является некоторое увеличение дифференциации в 2009-2013 годах [2].

Таблица 1

Группировка муниципальных образований и городских округов Белгородской области по показателям развития экономической сферы

Уровень развития экономической сферы	Количество муниципальных районов (городских округов)	Муниципальные районы и городские округа
Группа 1 Высокий	4	Белгород, Алексеевский район, Губкинский городской округ, Старооскольский городской округ
Группа 2. Средний	4	Волоконовский район, Ивнянский район, Новооскольский район, Ракитянский район
Группа 3. Ниже среднего	14	Белгородский район, Борисовский район, Валуйский район, Вейделевский район, Грайворонский район, Корочанский район, Красненский район, Красногвардейский район, Краснояружский район, Прохоровский район, Ровеньский район, Чернянский район, Шебекинский район, Яковлевский район

По уровню экономического развития муниципалитеты области различаются значительно (в 5 раз). Самый высокий уровень экономического развития наблюдается в Губкинском городском округе, самый низкий – в Красненском районе. По качеству социальной сферы на 1 месте стоит городской округ г. Белгород, на 22 месте – Прохоровский район. Их интегральные оценки различаются в 1,7 раза. Наименее выражена дифференциация муниципальных районов и городских округов области по уровню жизни населения (1,3 раза) [3].

Таким образом, главной причиной дифференциации муниципалитетов по уровню социально-экономического развития являются серьезные различия в степени эффективности их экономики. Положение в социальной сфере сглаживает дифференциацию.

В этой связи среди стратегических задач внутрирегионального развития Белгородской области следует особо выделить: обеспечение достойного уровня жизни граждан независимо от места проживания, повышение степени однородности социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов, уменьшение отставания экономически менее развитых муниципалитетов и дальнейшее развитие так называемых «муниципалитетов-локомотивов» посредством максимально полной реализации их потенциала и преимуществ, комплексного устойчивого развития сельских территорий области.

Литература

1. Социальная статистика : учебник для вузов / Н. В. Бурова, Э. К. Васильева, И. И. Елисеева и др. – 3-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2001. – С.85.

2. Социально-экономическая характеристика районов Белгородской

области: [Электронный ресурс] официальный сайт Белгородская области. – Б.: ОИОАБО, 2010.– Режим доступа: http//www.beladm.bel.ru.
3. Сайт Белгородстата. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http//www.oblstat.belnet.ru.

УДК 910.3:556(477.75

Л. М. Соцкова

L. Sotskova

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА

THE PROBLEM OF POTABLE WATER SUPPLY IN THE SOUTH-EASTERN CRIMEA

Охарактеризованы основные источники питьевой воды, произведен анализ состояния организации коммунально-бытового водопользования, рассмотрены современные проблемы питьевого водоснабжения на территории юго-восточного Крыма.

Describes the main sources of drinking water, the analysis the state of the organization of municipal water use, modern problems of drinking water supply in the South-Eastern Crimea.

Ключевые слова: водные ресурсы, водное хозяйство, питьевая вода, расточительное водопользование, водохранилище, юго-восточный Крым, периферия

Keywords: water resources, water management, drinking water, wasteful water use, storage pool, south-east Crimea, the reservoir periphery.

Вода – важнейший элемент жизнеобеспечения любого общества. Нехватка водных ресурсов свойственна для большей части территории полуострова, но особенно остро проявляется в периферийном регионе – юго-восточном Крыму. Пресная вода здесь – ограниченный и уязвимый ресурс. На каждого жителя приходится в несколько раз меньше местных вод, чем в среднем по республике, так как территория бедна поверхностными водами, а подземные воды – маломощны. Прибрежное положение, привлекательность пейзажного разнообразия, историческая притягательность региона сочетаются с ограничением доступа к чистой пресной воде. Наличие доступных водных ресурсов здесь не просто лимитирующий, но безусловный фактор сохранения и развития механизма хозяйственной деятельности, в том числе и рекреационного.

Во второй половине XX века водохозяйственный комплекс юго-восточного Крыма претерпел кардинальные изменения. Недостаток местных воды перекрылся днепровской водой, поступающей по Северо-Крымскому каналу. Были созданы новые уникальные природно-антропогенных водоемы и подземные резервуары чистой воды (Судак). Наливные водохранилища – Фронтовое и Феодосийское использовались как ключевые, базовые элементы водохозяйственной системы региона.

Несмотря на резкое увеличение объема располагаемых вод, в начале XXI века снова обострилась проблема нехватки (особенно, в курортный сезон) и неудовлетворительного качества воды. Объем забора днепровской воды, подаваемой по Северо-

Крымскому каналу, в 2008 году составил 53 млн м^3 воды, из них 26943 млн м^3 зарегулировано Феодосийским и Фронтовым водохранилищами. Доля Феодосийского, Фронтового водохранилищ и Субашских источников в балансе водоснабжения региона составляла 64, 32 и 4 % соответственно [1, 2]. Структура использования воды характеризовалась таким распределением:

– хозяйственно-бытовые нужды населения – 5,5 млн м^3 воды;

– хозяйственно-бытовые нужды санаториев, предприятий, а также производственные нужды – 5,5 млн м^3;

– технологические нужды Водоканала, потери и утечки воды – 19 млн м^3. Потери воды иллюстрирует рис. 1.

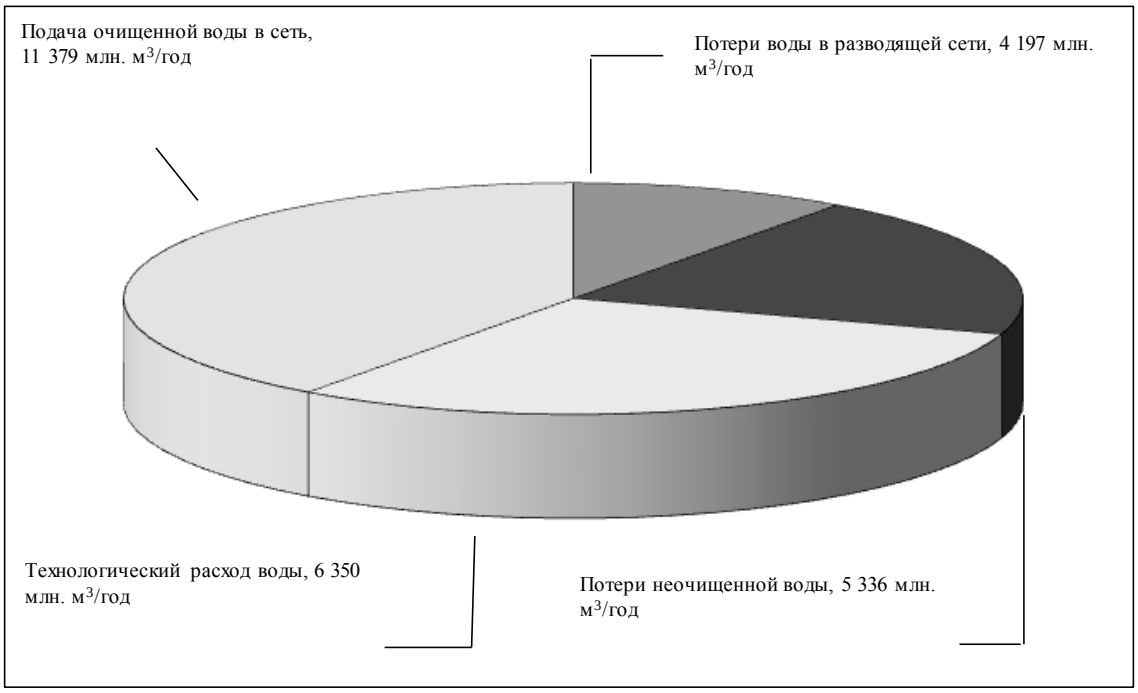


Рис. 1. Потери воды от общего количества используемых вод [1, 2]

Очевидно, что затраты воды Водоканалом в несколько раз превышают количество воды, потребляемой населением. Потери воды напрямую связаны с низким качеством исходной воды в наливных водохранилищах, утечках и авариях в разводящих сетях. Показатели качества воды из наливных водохранилищ ежегодно превышали допустимые нормы по мутности, цветности и микробиологическим показателям. Основная причина - интенсивная сработка водохранилищ, испарение, а так же большая заиленность дна, что и способствовало развитию процессов вторичного загрязнения вод. Исходная днепровская вода подвергалась очистке и затем подавалась в водопровод. Но даже после очистки показатели мутностии, содержания загрязняющих веществ оставались высокими (табл. 1).

Низкое качество воды определяло огромные объемы потерь и затрудняло процесс подачи в водопровод.

Альтернативным источником водоснабжения Большой Феодосии являются Су-Башские ключи, расположенные в 27 км к северо-западу от г. Феодосии, у подножья горы Агармыш в пойме реки Сухой Индол. В 1969 г. скважины были введены в эксплуатацию. Дебет скважин 3,8 $м^3$/сут, производительность – 80 $м^3$/час [1]. Коммунально-бытовое водоснабжение в Судаке основывалось на использовании четыре подземных резервуара чистой воды, общим объёмом около 15 тыс. $м^3$ [3,4]. Вода в них поступает из Феодосийского водохранилища.

Таблица 1

Качество поступающих и очищенных вод Феодосийского водохранилища [1, 3]

Наименование анализов	Исходная вода	Очищенная вода
Мутность, по стандартной шкале, мг/л, не более	13.8	2.42
Нитриты, мг/дм^3	0.012	0.004
Нитраты, мг/дм^3	0.52	0.26
Окисляемость, мг/дм^3	5.61	5.42
Растворенный кислород, мг/дм^3	9.8	-
БПК^5 , мг/дм^3	2.62	-
Сухой остаток, мг/дм^3	400	330
Хлориды, мг/дм^3	54	51.3
Сульфаты, мг/дм^3	88.8	74.5
Железо общее, мг/дм^3	0.14	0.07
Остаточный хлор, мг/дм^3	-	1.01
Остаточный ПАА, мг/дм^3	-	0.011
Общее число бактерий в/см^3	31	5
Коли индекс	264	<3
Кальций, мг/дм^3	51.4	50.3
Магний, мг/дм^3	13.5	12.5
Медь, мг/дм^3	отс.	отс.

Курортно-рекреационная специфика территории района естественно оказывает влияние на динамику объемов потребляемой воды (рис. 2)

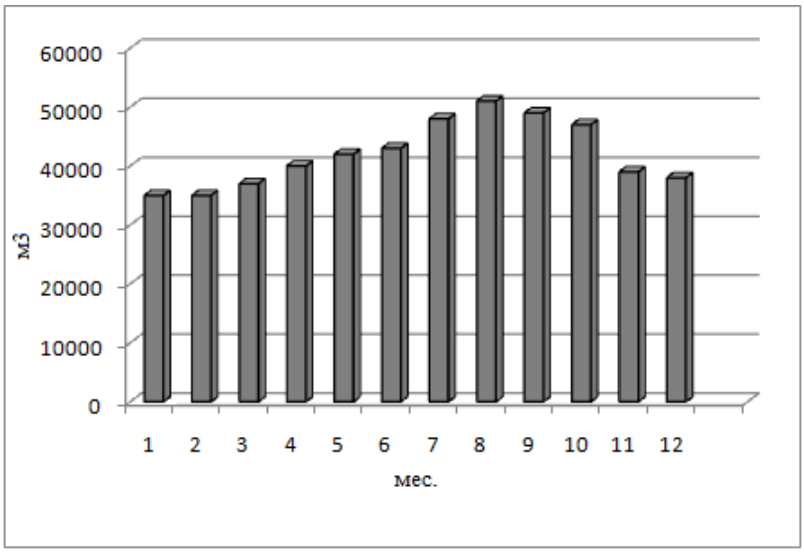


Рис.2. Динамика среднего водопотребления на территории юго-восточного Крыма в течение года, м³ [3]

В результате произведенной реорганизации водной системы, сложилась ситуация, дублирующая систему «цент-периферия». Резко улучшилось водоснабжение и, как следствие, экологические стандарты жизни населения Феодосии. А для периферийных районов периферийного региона по-прежнему характерно ограничение доступа к чистой пресной воде. Особенно остро стоит вопрос обеспеченности питьевой водой сельских населенных пунктов: Солнечное, Насыпное, Боевое, Коктебель, Щебетовка, Судак, Орджоникидзе. Летом фактически вода в водопровод подается по графику 6-8 часов в сутки, через день, или по часам на ограниченный срок. Изношенность до 80% водоводов централизованного водоснабжения приводит, с одной стороны, к колоссальной утечке воды вследствие их прорывов, а с другой – к загрязнению питьевой воды. Об этом свидетельствует нарастание количества прорывов водоводов: 2000 г. – 889, 2001 г. – 1304, 2002 г. – 1515, 2003 г. – 1402 [1] (рис.3). Более того, нередко не выдерживаются требования к качеству воды питьевого назначения.

Рис. 3. Проблемы организации питьевого водоснабжения на территории юго-восточного Крыма

Прекращение импорта воды из Украины обусловило крайне неблагоприятную обстановку, сложившуюся в сфере питьевого водопользования региона. Решительные меры по расконсервации скважин подземных вод, строительство Судакского водовода, смягчат водный дефицит.

Таким образом, устойчивость водоснабжения населенных пунктов региона является одной из наиболее актуальных проблем нашего времени. Необходима модернизация водохозяйственной системы «центр-периферия», основанной на принципах водосбережения и разумного сочетания затрат и получаемых выгод и нацеленной:

– на развитие водоориентированного сознания общества;

– снижение удельной нормы водопотребления до среднеевропейского уровня – 130 л/сутки. При этом, соответственно уменьшится объем водозабора, нагрузка на водопроводные сети, снизится расход реагентов на очистку исходной воды, резко уменьшатся энергетические затраты для подачи воды по водопроводным системам и т.д.;

– использование новых резервных и альтернативных источников водоснабжения (использование серой воды, возвратных вод, опреснение морских вод) для прибрежных населенных пунктов;

– создание сервисных служб и целевых финансовых и инвестиционных структур по оказанию водных услуг в регионе.

Литература

1. Отчет Феодосийского производственного предприятия водо-канализационного хозяйства за 2006-2008 годы.

2. Позаченюк Е. А. Проблемы организации питьевого водоснабжения Большой Феодосии / Е. А. Позаченюк, Л. М. Соцкова, Е. Н. Нестерова // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 93. – С. 82-87.

3. Борисов Б. М. Особенности организации водопользования из наливных водохранилищ (на примере Большой Феодосии) / Б. М. Борисов, Л. М. Соцкова, Т. А. Пятовская – Симферополь; Природа, 2009, – С. 26-29.

4. Соцкова Л. М. Водные ресурсы и проблемы водохозяйственной деятельности на территории Большой Феодосии / Л. М. Соцкова, В. О. Яшенков, Е. В. Локтева // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского – География, 2011 – т. 24 (63). – С. 247-258.

УДК 911.3: 314.8

С. А. Сухинин
S. Sukhinin

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF CENTER- PERIPHERY STRUCTURE OF ROSTOV REGION

Рассматриваются особенности демографического потенциала Ростовской области, исходя из центро-периферийной структуры ее пространственной организации. Дается характеристика численности населения, естественного движения и миграций, системы расселения трех пространственных группировок Ростовской области – центра, полупериферии, периферии.

This article discusses the features of the demographic potential of the Rostov region, based on the center-periphery structure of its spatial organization. We give a description the number of people, natural movement and migration, population settlement system of the three spatial groupings of the Rostov region – its center, semi-periphery and periphery.

Ключевые слова: Ростовская область, центр, периферия, полупериферия, население.

Keywords: Rostov region, center, periphery, semi-periphery, the population.

Центро-периферийная структура пространственной организации Ростовской области основывается на опорном каркасе расселения, представленным городами, как узловыми центрами, а также транспортными магистралями, как линиями взаимосвязи поселений и территорий. Исходя из сложившейся исторически схемы расселения, административным и социально-экономическим

центром Ростовской области выступает Ростов-на-Дону, являющийся и региональной столицей всего Юга России. Ростов-на-Дону концентрирует более ¼ населения всей Ростовской области и благодаря своему выгодному транспортно-географическому положения является фокусом транспортных магистралей, связывающих его, как центр территории, с периферией по радиальным направлениям. Такая линейно-радиальная конфигурация транспортной инфраструктуры вкупе с особенностями расселения и особенностями размещения хозяйства является основой для выделения в пространственной организации Ростовской области модели центро-периферийной структуры в форме трех иерархических уровней: центр – полупериферия – периферия.

В состав *центра* включается прежде всего сам Ростов-на-Дону, концентрирующий в себе значительную часть демографического, трудового, финансового, инвестиционного и производственного потенциала области, а также близлежащие к нему населенные пункты, образующие Ростовскую агломерацию [1]. При этом ряд из них – прежде всего, города Аксай, Батайск – в силу процессов субурбанизации и рурбанизации практически срослись в единое урабанизационное пространство, образуя *ядро* центро-периферийной структуры области [2]. В состав ядра также включаются населенные пункты, находящиеся в непосредственной транспортной близости от Ростова-на-Дону и связанные с ним тесными миграционными потоками – сельские поселения Азовского, Мясниковского и Аксайского муниципальных районов, образующие пригородную зону агломерации, а также города Азов и Новочеркасск.

Полупериферия располагается на удалении до 180-200 км от Ростова-на-Дону и включает в себя г. Таганрог с муниципальными

районами юго-запада Ростовской области, а также муниципальные районы и города Восточного Донбасса: Шахты, Новошахтинск, Красный Сулин, Гуково, Зверево, Каменск-Шахтинский, Донецк, Белая Калитва, Белокалитвенский, Октябрьский и Красносулинский районы. В пространственной структуре полупериферийной зоны Ростовской области четко выделяются *два ядра* с тяготеющими к ним группировками районов: в Приазовье – Таганрог, в Шахтинской конурбации – город Шахты.

Периферийная зона Ростовской области включает в себя 33 района области и является самой неоднородной пространственной группировкой. Её *узловыми ядрами* (*центрами периферии*) выступают города Миллерово, Морозовск, Зерноград, Сальск, пгт. Зимовники, ст. Вешенская, но ведущая роль принадлежит Волгодонску, как главному социально-экономическому аттрактору на востоке области. Периферия отличается наибольшей удаленностью от Ростова-на-Дону (максимально до 400 км на север и до 500 км на восток) и наименьшей транспортной доступностью областного центра.

Универсальным и ведущим критерием изучения пространственной дифференциации территории является численность населения и ее динамика. В соответствии с ними *ядро центро-периферийной структуры* области концентрирует в себе большую часть населения области – 40,5% (табл. 1), с доминантой Ростова-на-Дону. За период 2006-2014 гг. население центрального ядра области увеличилось на 87 тыс. чел. (табл. 1), причем большую его часть обеспечил Ростов-на-Дону (прирост на 54 тыс. чел.) и ближайший к нему город-спутник Батайск (прирост на 13 тыс. чел.) [3, 4].

Таблица 1

Демографические индикаторы центро-периферийной структуры Ростовской области

Показатель	Центр	Полупериферия	Периферия
Численность населения, на 1 января 2014 г., тыс. чел.	1720	1146	1046
Темп прироста численности населения, 2006-2014 гг., %	5,3	-4,0	-6,4
Рождаемость, в среднем за 2010-2013 гг., ‰	12,0	10,8	12,2
Смертность, в среднем за 2010-2013 гг., ‰	13,2	15,8	15,2
Естественный прирост, в среднем за 2010-2013 гг., ‰	-1,2	-5,0	-3,0
Доля населения в трудоспособном возрасте, 2014 г., %	61,6	57,2	56,7
Доля населения старше трудоспособного возраста, 2014 г., %	23,9	27,4	25,4
Доля населения младше трудоспособного возраста, 2014 г., %	14,5	15,5	17,8

За счет территориальной близости к административному центру области, но более низких цен на жилье, наиболее привлекательными населенными пунктами Ростовской области для переселенцев за прошедшее десятилетие стали Батайск (его численность населения за 2006-2014 гг. возросла более чем на 12%) и Аксай (прирост численности жителей на 18%) [3, 4]. Если в городах центрального ядра прирост численности жителей в условиях естественной убыли обеспечен только миграцией населения, то Аксайский, Мясниковский муниципальные районы и город Батайск, помимо положительного сальдо миграции, отличаются еще и естественным приростом населения.

Полупериферийная зона сосредотачивает в своих пределах около 30% населения области и характеризуется сокращением численности жителей, как по причине естественной убыли населения, так и устойчивого оттока населения. Прирост численности населения вследствие положительного сальдо миграции присущ для Неклиновского и Родионово-Несветайского районов, тяготеющих в своем развитии к Ростовской агломерации, и для городов Шахты и Новошахтинск, как наиболее крупных и промышленно развитых населенных пунктов Шахтинской конурбации, притягивающих рабочую силу и студенческую молодежь. В целом, городское население преобладает в периферийной зоне, составляя более 2/3 численности жителей [5].

В пределах *периферийной зоны* области проживает около 30% населения (табл. 1) и главной отличительной чертой является преобладание сельских жителей. Главным центром периферийной зоны является город Волгодонск, который в силу своего географического положения, замыкает центростремительные связи муниципальных районов востока области. Районы периферийной зоны на протяжении последних двух десятилетий демонстрируют затяжную депопуляцию (табл. 1), связанную как с естественной убылью населения, так и миграционным оттоком (близки к простому воспроизводству только г. Волгодонск и Волгодонской район). Таким образом, развитие периферийной зоны Ростовской области совпадает с общероссийской депопуляционной тенденцией в сельской местности, что ослабляет ее демографический потенциал.

Для Ростовской области характерен своеобразный парадокс: наиболее интенсивная естественная убыль населения наблюдается в городах и муниципальных районах полупериферии при более

благополучной миграционной ситуации, в то время как периферийная зона обеспечивает общий миграционный прирост населения Ростовской области, сохраняя при этом более позитивные характеристики естественного движения населения. Глубокое проявление суженного воспроизводства населения, установившегося в полупериферийной зоне Ростовской области с начала 1990-х гг. (табл. 1), объясняется преобладанием в ее пределах городов и городского населения, в популяционной структуре которых выше уровень смертности и ниже уровень рождаемости, аналогично тому, как это наблюдается и в городах других регионах России. Негативными последствиями затяжного демографического кризиса в пределах полупериферии является значительная деформация половозрастной структуры населения – снижение доли детей и молодежи при более высокой доли пожилых людей. Более интенсивная внутренняя эмиграция в пределах периферийной зоны отразилась на заметно более низкой доле населения в трудоспособном возрасте. На этом фоне положение центрального ядра пространственной организации Ростовской области более благоприятно по демографическим параметрам и прогнозам дальнейшего роста численности населения здесь.

Литература

1. Дружинин А. Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте / А. Г. Дружинин // Южно-российский форму: экономика, социология, политология, социально-экономическая география, 2012. № 1. – С. 3-28.

2. Дружинин А. Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода / А. Г. Дружинин – Ростов-н-Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008.

3. Ростовская область в цифрах 2013: Стат.сб. [Текст] / Ростовстат – Ростов-на-Дону, 2014. – 906 с.

4. Статистический ежегодник. Ростовская область 2005: Стат.сб. [Текст] / Ростовстат – Ростов-на-Дону, 2006. – 854с.

5. Численность населения Ростовской области на 1 января 2014 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/municipal_statistics/main_indicators/ – (дата обращения: 23.03.2015).

УДК 913(574)

Т. А. Терещенко, М. М. Мурзатаева

T. Terechshenko, M. Murzataeva

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF KAZAKHSTAN

На основе расчета индекса развития человеческого потенциала и комплексной оценки проведена группировка областей Казахстана по уровню социально-экономического развития. Показаны различия в группировке регионов по уровню ИРЧП и комплексной оценки. Выявлены регионы-лидеры и аутсайдеры.

There is described the results of grouping regions of Kazakhstan on the basis of calculation of human development index and comprehensive assessment of the level of socio-economic development. There are showed the differences in the groups of two methods and identified «leaders» and «outsiders» among the regions.

Ключевые слова: уровень социально-экономического развития, индекс развития человеческого потенциала, комплексная оценка, регион, оценка, инструмент диагностики.

Keywords: the level of socio-economic development, a human development index, a comprehensive assessment, a region, a grade, a diagnostic tool.

Вхождение Казахстана в мирохозяйственные связи повлияло на трансформацию территориальной структуры страны. В прошлом терри Из таблицы видно, что большая часть регионов

распределенных по уровню ИРЧП имеет уровень социально-экономического развития – ниже среднего. ториальная структура формировалась в процессе освоения и использования территории, в настоящее время возрастает значение внешних факторов, влияние которых будет усиливаться адекватно росту внешнеэкономического потенциала сопредельных государств и ведущих центров мировой экономики [1].

Для целей государственного управления развитием территории актуальной является задача сравнительного анализа уровней социального и экономического состояния регионов с целью своевременного принятия решений о той или иной форме поддержки регионов. Комплексная оценка социально-экономического пространства страны позволяет провести дифференциацию регионов и выделить регионы, которые являются лидерами и аутсайдерами [2]. При формировании системы оценочных показателей учитывалось то, что они должны отражать важнейшие сферы и процессы социально-экономического развития областей с учетом определенной равноценности между ними. Это необходимо для того, чтобы интегральные показатели, рассчитанные при комплексном анализе, объективно отражали общий уровень социально-экономического развития. Важным условием полноценного отбора индикаторов являлось их наличие в статистических сборниках.

Расчеты были проведены по 14 областям и 2-м городам республиканского значения. На основе проведенных расчетов была составлена таблица, в которой выявлена взаимосвязь между человеческим развитием и социально-экономическим на основе анализа показателей ИРЧП и комплексного интегрального показателя за период 2007-2011гг [3,4,5].

Оценка региональной дифференциации выбранных социально-экономических показателей и расчет интегрального показателя

позволила сгруппировать регионы Казахстана следующим образом: 1 группа – высокий уровень, 2 группа – средний уровень, 3 группа – ниже среднего уровня, 4 группа – низкий уровень социально-экономического развития (табл. 1). Интерпретируя полученные результаты, отметим, что группировка регионов по уровню ИРЧП имеет соотношение регионов как 3:1:7:5.

Таблица 1

Показатели социально-экономической дифференциации областей Казахстана

		Группировка регионов по уровню социально-экономического развития			
		ИРЧП		Комплексная оценка	
Уровни социально-экономического развития	Высокий	0,899-0,847	г. Алматы	г. Астана	от 4,33 до 1,60
			Атырауская	г. Алматы	
			г. Астана	Карагандинская	
				Западно-Казахстанская	
				Атырауская	
				Павлодарская	
				Актюбинская	
	Средний	0,846- 0,795	Мангистауская	Восточно-Казахстанская	от 1,59 до-1,14
				Мангыстауская	
				Акмолинская	
	Ниже среднего	0,794-0,743	Западно-Казахстанская	Кызылординская	от -1,15 до -3,88
			Актюбинская	Костанайская	
			Павлодарская	Северо-Казахстанская	
			Карагандинская		
			Кызылординская		
			Костанайская		
			Восточно-Казахстанская		
	Низкий	0,742-0,692	Акмолинская	Алматинская	от -3,89 до -6,62
			Северо-Казахстанская	Жамбылская	
			Алматинская	Южно-Казахстанская	
			Южно-Казахстанская		
			Жамбылская		

В группу регионов с высоким уровнем развития вошли города Алматы, Астана и Атырауская область, имеющие между собой незначительный разрыв в показателях. Средний уровень развития в этой группировке только у Мангыстауской области. Наименьший уровень развития имеют пять регионов, три из которых (Алматинская, Южно-Казахстанская, Жамбылская области) занимают устойчивое положение в группе.

Группировка регионов по значению комплексной оценки имеет более равнодольное соотношение (7:3:3:3). Состав регионов с высоким уровнем развития как при группировке по ИРЧП, так и при группировке по комплексной оценке имеет некоторые сходства. Кроме трех вышеупомянутых регионов (городов Алматы, Астана и Атырауской области) в группу регионов с высоким уровнем развития, рассчитанной по значению комплексной оценки, вошли Карагандинская, Западно-Казахстанская, Павлодарская и Актюбинская области. В группировке же по показателям ИРЧП в этом составе они относятся к регионам с уровнем развития ниже среднего.

В группу регионов со средним уровнем социально-экономического развития по значению комплексной оценки входят Восточно-Казахстанская, Мангыстауская и Акмолинская области. Мангыстауская область является единственным регионом в группе со средним уровнем ИРЧП. И она не меняет позиции в группировке по комплексной оценке, оставаясь также в этой группе, в отличие от Акмолинской области, которая понизилась на две ступени.

Низкий уровень социально-экономического развития вместе с Северо-Казахстанской и Акмолинской областями характерен для Алматинской, Южно-Казахстанской и Жамбылской областей. Три последних региона являются основными и бессменными в группе регионов с низким уровнем развития в сопоставляемой группировке, являясь регионами аутсайдерами.

Группировка регионов Казахстана, проведенная на основе расчета ИРЧП и комплексного интегрального показателя за период 2007-2011 гг. выявила значительную дифференциацию в социально-экономическом развитии страны. При этом следует отметить, что ИРЧП рассматривает в основном социальный уровень развития территории. Преимущество комплексной оценки заключается в многокомпонентности составляющих характеристику развития региона. Комплексный интегральный показатель раскрывает уровень социально-экономического развития более объективно и позволяет выявить взаимосвязь и взаимозависимость социального и экономического развития.

Литература

1. Пространственная организация территории и расселения населения Республики Казахстан до 2030 года. – Астана 2008. – том 3. – С.6

2. Светуньков С. Г. Комплекснозначный анализ и моделирование неравномерности социально-экономического развития регионов России [Электроный ресурс] / С. Г. Светуньков, А. В. Заграновская, И. С. Светуньков. – СПб.: – Режим доступа: http://sergey.svetunkov.ru/economics/complex/MD2012 , 2012. – 129с.

3. Нюсупова Г. Н. Социально - демографические основы оценки уровня человеческого развития Республики Казахстан // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. – Алматы, 2010. – 54с.

4. Национальный отчет о человеческом развитии 2009 / ПРООН. – Астана: Аргоиздат, 2009. – 172 с.

5. Регионы Казахстана в 2011 году: статистический сборник [Электронный ресурс] / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Астана: – Режим доступа www.stat.gov.kz., 2012. – 400с.

УДК 338

А. А. Тодосиева, М. Д. Горячко

A. Todosieva, M. Goryachko

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В МОРСКИХ ПОРТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ANALYSIS OF COMPETITIVE ENVIRONMENT IN THE SEAPORTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье представлен анализ конкурентной среды морских портов России, основанный на характеристике факторов их конкурентоспособности. Исследуются показатели экономической деятельности российских портов и их зарубежных конкурентов, а также организационная структура стивидорного рынка. В результате рассмотрения конкурентной среды в морских бассейнах страны выявляются основные виды конкуренции морских портов.

The article presents the analysis of the competitive environment of Russian seaports, based on the factors of their competitiveness. We study the economic performance of the Russian ports and their foreign competitors, as well as the organizational structure of market of the stevedoring services. As a result, the consideration of the competitive environment in marine basins of the country has allowed to identify the main types of competition seaports.

Ключевые слова: грузопотоки, конкурентная среда, конкурентоспособность, конкурентные преимущества, морские порты, морские бассейны, стивидорные компании, рынок стивидорных услуг

Keywords: freight flows, competitive environment, competitiveness, competitive advantages, seaports, marine basins, stevedoring companies, market of stevedoring services.

Появление конкурентной среды в морских портах России целесообразно относить к периоду после распада СССР, когда

портовая деятельность была поставлена на рыночные рельсы: была проведена приватизация, различные структурные и институциональные преобразования среди стивидорных компаний.

По мнению многих аналитиков и ученых, в России существуют два вида конкуренции: межпортовая и межтерминальная [1]. Межпортовая конкуренция – может быть между портами России и портами сопредельных стран; а также в виде конкуренции между портами внутри России.

Межтерминальная конкуренция– конкуренция между несколькими терминалами в одном порту. Такой вид конкуренции можно встретить только в крупных морских портах (например, в Новороссийске и Санкт-Петербурге).

Анализируя конкурентную среду в морских портах, необходимо четко представлять, каким набором преимуществ и недостатков обладает тот или иной порт, на какую рыночную нишу ориентирован, с кем конкурирует и за какие виды груза.

Затрагивая рассмотрение конкурентных позиций портов на рынке портовых услуг, необходимо ввести понятие конкурентоспособности порта, которое рассматривается через призму факторов, сдерживающих и стимулирующих их развитие, основными из которых являются группа факторов экономических условий, физико-географических и технических характеристик порта; институционально-экономических факторов.

При выборе того или иного порта грузоотправители или судовладельцы руководствуются понятием экономического плеча, которое складывается из финансовых и временных затрат на доставку и обработку груза в порту. Поэтому величина тарифов на грузопереработку очень сильно влияет на конкурентные преимущества. В России, в отличие от зарубежных портов-

конкурентов, стивидорные компании не имеют право сами устанавливать тарифы, не могут предоставлять сезонные скидки на хранение, тем самым не могут гибко подстраиваться под быстро меняющиеся условия рынка, что снижает их конкурентоспособность.

Кроме того, очевидно, что дешевле перевозить груз большими партиями на крупнотоннажных судах, экономя при этом на масштабе. Для этого порт должен обладать необходимыми параметрами: глубокой акваторией для приема таких судов с большой осадкой, незамерзающей акваторией, и другими удобными физико-географическими характеристиками.

Кроме того, для оценки конкурентной среды в России важно рассмотреть организационную структуру портовой отрасли России, оценить роль крупного бизнеса, так как для стивидорного рынка России характерна высокая консолидация активов у крупных участников рынка[2].

Обозначив основные аспекты изучения конкурентной среды, в статье рассматривается конкуренция в рамках морским бассейнов России, так как конкурентная среда в каждом из них имеет свою специфику.

В результате было выявлено, что межстрановая конкуренция присутствует в Балтийском и Азово-Черноморском бассейне. В Балтийском бассейне крупнейшие по грузообороту отечественные порты (Приморск, СПБ, Усть-Луга) вступают в жесткую конкуренцию в портами Прибалтики, в основном за уголь и минеральные удобрения, так как высокотехнологичных мощностей для их перевалки в России недостаточно, а также за транзитные грузы из Беларуси (минеральные удобрения), Казахстана (уголь, руда), Китая и стран АТР (контейнеры). Страны Балтии по-прежнему пользуются повышенным спросом среди иностранных грузовладельцев, прежде

всего, благодаря качеству услуг, скорости оформления грузов, большим естественным глубинам, незамерзающей акватории. Важно и то, что некоторые порты (Рига, Вентспилс) функционируют как свободные экономические зоны и предоставляют инвесторам налоговые льготы.

На Черноморском побережье существует конкуренция между портами России и Украины. В основном за нефтеналивные грузы, руда, зерно, уголь, минеральные удобрения. Однако, в свете происходящих политических событий, украинские порты могут создать экономические барьеры для перевалки российских грузов, что послужит переориентации части грузопотока в российские порты.

Что касается портов Крыма, возможности их развития вызывают сомнения. Во-первых, пока плохо развита подъездная инфраструктура. Во-вторых, из-за экологических ограничений там нельзя переваливать такие грязные грузы, как минеральные удобрения и уголь.

Внутрибассейновая конкуренция отмечается в самых крупных по грузообороту бассейнах страны – Балтийском, Азово-Черноморском и Дальневосточном. Если в Балтийском конкурируют крупные игроки контейнерного бизнеса, между портами СПБ, его аванпортами (Бронка и Усть-Луга). В Азово-Черноморском бассейне конкуренция, в первую очередь, между Новороссийском и Туапсе за различные грузы (нефтяные, зерно, металл и др.). Однако, после полномасштабной реализации проекта строительства порта, Тамань также сможет стать еще одним главным игроком на конкурирующем рынке.

В Дальневосточном бассейне, где портовые мощности поделили между собой крупные угольные компании, сложившаяся

конкурентная среда препятствует свободному вхождению на рынок малых угольных компаний. В контейнерном бизнесе сталкиваются интересы двух крупных контейнерных игроков- Global ports и Fesco (соответственно порта Восточный и Владивосток).

В целом с увеличением консолидации активов одной компании сразу в нескольких портах, конкуренция снижается. В случае четкого разделения интересов крупных компаний, вертикально интегрирующих свой бизнес в одном регионе, конкуренция также сглаживается.

Что касается, двух оставшихся бассейнов (Арктического и Каспийского), то конкуренции в них не представлено. В Арктическом бассейне в силу того, что единственно крупным портом в регионе является порт Мурманск (31,4 млн тонн) [3, 4] с наиболее благоприятными конкурентными позициями по сравнению с остальными портами, которые большую часть года вынуждены работать в условиях низких температур и покрытой льдом акватории. В Каспийском бассейне конкуренция также отсутствует, так как развитию портов, а соответственно, появлению конкуренции, препятствует нестабильная политическая обстановка в каспийском регионе.

В России проявляется и межбассейновая конкуренция, но только между Азово-Черноморским и Балтийским бассейнами, в основном за контейнерные транзитные грузы, идущие по международному транспортному коридору «Восток-Запад», а также уголь, руду российских компаний и Казахстана, экспортирующих свою продукцию в западном направлении.

Внутрипортовая конкуренция имеет место лишь в крупнейших по грузообороту универсальных портах страны: Новороссийске и Санкт-Петербурге, где сталкиваются интересы игроков за

одинаковые виды грузов. В порту Санкт-Петербург, как правило, конкурируют контейнерные терминалы. В порту Новороссийск конкуренция в сегменте наливных грузов, зерновых, металлов, контейнеров.

Литература

1. Титов А. В. Методика оценки состояния конкуренции на стивидорном рынке Астраханского водно-транспортного узла / А. В. Титов // Вестник АГТУ. – Астрахань :АГТУ, 2007.
2. Романычева А. Россия портовая / А. Романычева // Журнал «Коммерсантъ Власть» – №44, 2014, – С. 9-18
3. Обзор перевозок грузов через порты России, Балтии, Украины за 2013 год – информационно-статистический отдел «Морцентр-ТЭК», 2013
4. Обзор перевозок грузов через порты России, Балтии, Украины за 2014 год – информационно-статистический отдел «Морцентр-ТЭК», 2014
5. Единая государственная система информации об обстановке в Мировом океане (ЕСИМО) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.russianports.ru.

УДК 311.3(470)

З. А. Трифонова
Z. Trifonova

РОЛЬ МИГРАНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

ROLE OF MIGRANTS IN AN URBAN POPULATION IN THE RUSSIAN REGIONS

В статье проведен региональный анализ постоянного и приезжего городского населения России. Выявлены специфичные черты отдельных групп регионов, отличающихся долей мигрантов среди горожан. Предложен оригинальный подход к выявлению механизмов формирования состава городского населения. На его основе раскрыты особенности

межкультурного взаимодействия в национальных республиках, краях, областях и округах России, по данным переписи населения 2010 г.

The article provides a regional analysis of permanent and visiting the urban population of Russia. The article revealed specific features of individual groups of regions that differ share of migrants among the citizens. An original approach to the identification of mechanisms of formation of the composition of the urban population. Based on this approach are disclosed features of intercultural interaction in the national republics, territories, regions and districts of Russia.

Ключевые слова: мигранты, культурная идентичность, городское население, продолжительность проживания, постоянное место жительства.

Keywords: migrants, cultural identity, the urban population, duration of residence, permanent residence.

Качество населения или человеческих ресурсов является основным фактором успешного развития территории. В связи с этим важно понимание механизма формирования населения региона, который определяет состав и его качественные характеристики. В условиях современного естественного воспроизводства все большее влияние на формирование населения регионов России оказывает миграция. Именно этот аспект исследования структуры мигрантов, связанный с анализом влияния мигрантов на состав населения российских регионов, оказался малоизученным. Как правило, анализируются общероссийские показатели соотношения людей, живущих с рождения и прибывших с какого-то периода в место постоянного жительства, проводится сравнительный анализ этих показателей по федеральным округам и отдельным регионам [1, 8].

Особый интерес представляет анализ влияния мигрантов на состав городского населения России. В силу того, что городское население, особенно население больших городов, региональных центров, формируется в основном за счет мигрантов. Данные

переписи 2010 г. указывают на то, что 48,5% горожан России проживает в городах с рождения [6]. Получается, что более половины горожан страны имеют мигрантский опыт, переехав в города из сельской или городской местности. Но каковы региональные различия в удельном весе мигрантов среди городских жителей? Каким образом формируется состав городских жителей регионов России? Ответы на эти вопросы позволят не просто понять состав городских жителей российских регионов, но увидеть истоки формирования их культурной идентичности. Поскольку культурная идентичность городских жителей формируется путем взаимодействия культуры местных жителей и приезжих. Мы придерживаемся культурно-географического подхода, согласно которому региональная культура сохраняет свою идентичность даже в условиях города с его модернистскими установками. Это актуализирует такое направление в геоурбанистике, как социально-культурная география городов.

Хочется указать на специфичность российской урбанизации. Она проявляется в существенном разбросе регионов в уровне урбанизированности. Доля городских жителей в общей численности населения варьирует от 34,9% в Чеченской Республике до 95,4% в Магаданской области. Отметим, что региональная дифференциация урбанизации в России полимасштабна, она сохраняется и на региональном уровне. Ее территориальным проявлением является концентрация городского населения в региональных центрах и крупных городах. Вследствие этого российские города, особенно региональные центры, имеют большой радиус обслуживания, что выступает еще одной специфичной чертой урбанизации. По нашим оценкам радиус обслуживания городов существенно увеличивается в восточной части страны, на это же указывают исследования Г. М. Лаппо, Р. Попова [3, 7, 9]. Важно понять, проявляются ли

региональные различия в составе городских жителей по величине мигрантов, и какие закономерности при этом наблюдаются.

Цель исследования – выявить социально-географические закономерности в формировании состава городского населения регионов России.

Как известно, сведения о продолжительности проживания населения позволяют определить количество мигрантов, проживающих в регионе, а также оценить влияние миграции на формирование населения той или иной территории за длительный период. В работе использовались результаты переписи населения 2010 г. В частности, данные о численности населения частных домохозяйств субъектов Российской Федерации, и их структурные различия по продолжительности проживания в городах, по полу и возрасту [6].

В ходе анализа рассчитывался удельный вес горожан, проживающих в городах с рождения, а также поменявших место жительства. Эти данные позволяют сравнить уровень оседлости горожан в регионах России. Кроме того, обрабатывались данные по месту рождения и месту проживания населения регионов России [5]. Для выявления закономерностей формирования населения таких регионов анализировалась география исхода мигрантов. Пороговым значением был выбран 1% от общего числа мигрантов по каждому исследуемому региону.

Отметим, что удельный вес россиян, проживающих в месте постоянного жительства с рождения, к 2010 г. несколько снизился по сравнению с 1989 г. (с 48,8% до 46,2% соответственно). Эта тенденция наблюдалась и среди городских жителей, в 2010 г. доля горожан, родившихся в городах, составляла 48,5%. Следовательно, увеличивается доля мигрантов как в составе всего население региона,

так и в составе горожан, в настоящее время чуть более половины городских жителей являются мигрантами.

Расчеты удельного веса мигрантов среди горожан показали наличие высокой региональной дифференциации. Доля горожан, проживающих в городах не с рождения, варьирует от 81% в Чукотском автономном округе до 26,6% в Дагестане (табл. 1).

Таблица 1

Группировка регионов по величине удельного веса горожан, проживающих в месте постоянного жительства не с рождения (мигрантов)

Группы	Удельный вес, %	Состав регионов
Очень высокий уровень мигрантов	Более 70	Чукотский АО, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО
Высокий уровень мигрантов	60-69,9	Тюменская, Ленинградская, Магаданская, Кировская, Мурманская области, Республика Алтай, Хакасия, Адыгея, Саха (Якутия), Тыва, Еврейская автономная область, Коми
Средний уровень	50-59,9	Марий Эл, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Чувашия, Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Бурятия, Белгородская, Амурская, Московская, Псковская, Калининградская, Калужская, Новгородская, Курская, Сахалинская, Смоленская, Вологодская, Костромская, Тверская, Орловская, Томская, Иркутская, Курганская, Омская, Новосибирская, Воронежская, Ульяновская, Волгоградская, Оренбургская, Архангельская, Рязанская, Свердловская, Пензенская, Ростовская, Брянская, Самарская, Саратовская области, Красноярский, Ставропольский, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Приморский, Краснодарский, Хабаровский края, Ненецкий автономный округ
Низкий уровень	40-49,9	Липецкая, Владимирская, Тамбовская, Ивановская, Ярославская, Челябинская, Кемеровская, Астраханская, Тульская, Нижегородская области, Пермский край, Удмуртия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Чечня, Москва, Санкт-Петербург
Очень низкий уровень	менее 40	Дагестан

На первый взгляд, выявленные региональные различия в доле мигрантов среди горожан обусловлены географическими причинами. Северные территории показали самые низкие значения горожан, проживающих в городах с рождения и высокие величины по мигрантам, а южные – наоборот. Географический фактор оказывает влияние практически на все социальные процессы. При внимательном рассмотрении состава регионов с низкой и высокой долей мигрантов обнаруживаются исключения. Например, присутствие южной Республики Адыгеи в составе северных регионов с высокой долей мигрантов, которое можно объяснить тесными связями с Краснодарским краем. В прошлом республика была автономной областью в составе края. Являясь регионом исхода мигрантов в Адыгею, край демонстрирует очень высокий показатель удельного веса мигрантов, родившихся в крае и постоянно проживающих в Адыгее – 15%. Укажем, что это очень высокая величина среди всех рассмотренных случаев. Такие же тесные связи и высокие значения показали лишь Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий округа и Тюменская область [5].

Состав регионов с низкой долей мигрантов имеет больший географический разброс. Наряду с южными северокавказскими республиками, здесь встречаются регионы средней полосы европейской части России и Урала: Ярославская, Ивановская, Владимирская, Нижегородская области, Удмуртия и Пермский край. Условно их можно отнести к средней группе, а их пограничные значения, приближающиеся к 49-48% мигрантов в общей численности горожан, позволяют это сделать.

Теперь рассмотрим дифференциацию регионов с позиций этно-культурного фактора, определив характер формирования состава горожан исходя из данных о регионах рождения мигрантов.

Согласно концепции Берри (J. W. Berry), речь идет о практиках межкультурного взаимодействия, которые неизбежно формируются при соприкосновении разных культурных идентичностей [10]. Мы полагаем, что в многонациональной России практики взаимодействия культур различных этносов сохранились, несмотря на доминирование общенациональной русской культуры. Более того, исследования региональной идентичности на материалах областей Центральной России, проведенные М. П. Крыловым, указывают на сохранение культурных различий среди русского населения [2].

Итак, анализируя табл. 1, обратим внимание на полярные регионы, занявшие крайние позиции, «очень высокий и очень низкий удельный вес мигрантов», которые являются национальными образованиями. На одном полюсе с низкими величинами, проживающих в городах с рождения находятся автономные округа (Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ненецкий), а на другом – Дагестан, Чечня, Северная Осетия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия.

Очевидно, что в случаях с низкой долей мигрантов и высокой долей горожан, родившихся в месте постоянного жительства, региональная культура доминирует, трансформируя культурные идентичности приезжих. В таком случае происходит «замыкание» культуры на своем регионе. Культурные идентичности приезжих, как правило, ассимилируются в региональной культуре. Подобные примеры встречаются в мире часто, вспомним Страну Басков в Испании, Бретань во Франции или менее известную культурно-территориальную автономию «Лужицкая поселенческая область», расположенную на территории двух земель ФРГ (Бранденбург и Саксония).

В ряде российских национальных республик происходят подобные процессы, однако под влиянием внешних факторов они трансформируются по-разному. Так, городское население северокавказских республик формируется выходцами сельских районов своего региона, носителями сельской этнической идентичности. В результате доля приезжих из других регионов в северокавказских республиках мала. Например, дисперсная география выходцев из других регионов России в Дагестане и Чечне не позволяет выявить ни один регион исхода с пороговым значением мигрантов. Укажем на то, что подобных случаев в стране нет. Как правило, российские регионы имеют 1-3 региона исхода, с пороговым значением мигрантов в 1%. Чаще всего это соседние регионы, что соответствует законам миграции, выявленным Равенштайном (E. C. Ravenstein) еще в 1885 г. [11]. В случае с Дагестаном и Чечней наблюдается «сверхзамыкание» региональной культуры, некая «ловушка замыкания культуры» что создает опасности, связанные со скатыванием к практике сепарации местной культуры. Скудные, но часто передаваемые в российских СМИ новости о террористических актах и столкновениях в этих республиках подтверждают наши выводы.

У других северокавказских республик имеется по 1-3 региона исхода с пороговым значением мигрантов в 1%, что встречается практически во всех регионах России. Однако и здесь кроется опасность, связанная с локализацией северокавказских этносов, и их непосредственным соседством. Ведь регионами исхода для республик выступают соседние национальные республики или многонациональные края, население которых является носителями сравнительно близких культур. Так для Северной Осетии таковыми выступают Ингушетия, Чечня, Ставропольский край, а также Южная

Осетия. Для Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии регионами исхода мигрантов выступают Ставропольский и Краснодарский края. В результате вновь формируются условия «замыкания» региональной этнической культуры. Но в отличие от русских областей России это северокавказская многонациональная культура, в которой взаимодействие местной идентичности с чужими происходит, по-видимому, разными сценариями. При этом равновесие между доминирующей в стране русской культурой и культурой северокавказских народов весьма хрупкое.

Рассмотрим противоположную группу регионов с очень высокой долей мигрантов и низкой долей горожан, проживающих с рождения (табл. 1). Доля родившихся в месте постоянного жительства в трех автономных округах менее 30%. В этих северных, ресурсных округах состав городского населения формировался за счет мигрантов, представителей разнообразных российских регионов и зарубежных стран. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа показали наибольшее количество регионов и стран исхода мигрантов, превышающих пороговую величину (18 и 16 соответственно). Будучи в составе Тюменской области, автономные округа демонстрируют тесную связь, как между собой, так и с областью. Так в Ямало-Ненецком округе доля мигрантов из Тюменской области превышает долю родившихся в округе (36,5% против 30,3%). Такая же картина наблюдается в соотношении мигрантов из Тюменской области и местных жителей Ханты-Мансийского округа (37,5% против 29,4%). Оба округа сформировали три «круга» регионов исхода мигрантов, доля которых превышает пороговое значение. Например, для Ямало-Ненецкого автономного округа первый круг представлен соседними

регионами: Тюменская, Свердловская, Челябинская, Курганская области; второй – Башкирией, Татарстаном, Пермским краем, Свердловской, Омской областями, третий – Краснодарским и Ставропольским краями, Дагестаном, а также Украиной, Казахстаном, Молдавией, Азербайджаном, Беларусью и Киргизией. Близко к этим округам находится Тюменская область, имеющая 13 регионов исхода мигрантов, а также Чукотский автономный округ с шестью регионами исхода мигрантов (однако у него не выделяется три «круга» регионов исхода).

В условиях преобладания мигрантов над жителями, родившимися в регионе, местная культура не доминирует и существует опасность ее «размывания» в культуре мигрантов регионов исхода. В случае с западносибирскими округами, также как и с довольно большим рядом национальных республик, местные этносы малочисленны или их численность примерно равна численности русских. В результате межэтническое взаимодействие выстраивается на субстрате русской культуры, а представители других этнических культур выбирают разные модели от интеграции до ассимиляции, сепарации и маргинализации[9]. В частности, в Ямало-Ненецком округе, наряду с суммарной долей мигрантов из областей России, высока доля мигрантов из Украины (12%), Башкирии (6%) и Казахстана (4%), остальные регионы имеют 1-2% мигрантов. В итоге культура ненцев в городах практически не выражена, если не считать этнографических отделов в музеях или эпизодические фестивали и конференции по малым народам севера. По сути, речь идет о «размывании» ненецкой культуры в

[9] Подробнее модели межкультурного взаимодействия описаны в работах Верри (J.W. Berry) и Н.М. Лебедевой [10, 4].

полиэтничной городской среде мигрантов, ориентированных на ресурсодобывающую деятельность и возможный отъезд «на большую землю».

Несколько иная ситуация складывается в городах национальных республик, имеющих высокую долю мигрантов 60-70%. В этих республиках многое зависит от уровня концентрации этноса в самой республике. Так в Тыве он самый высокий в стране, 94,5% российских тувинцев проживает на территории республики. Тувинцы доминируют и в самой Тыве, их доля от общей численности населения составляет 81%. Все это указывает на то, что в городах республики, имеющих высокий удельный вес мигрантов, представлены выходцы из сельской местности Тывы. Единственным регионом исхода мигрантов в республику с величиной, превышающей пороговое значение, является Красноярский край. Это формирует модели межкультурного взаимодействия, подобные северокавказским республикам. Доминирующая культура тувинцев в городах «замыкается» на моделях поведения, характерных для сельской культуры. Еще не сложились условия воспроизводства региональной (в данном случае этнической) городской культуры.

В Хакасии, республике Алтай и Адыгее также сложилась специфичная ситуация. При высокой концентрации титульных этносов в национальных республиках, превышающей 80% по каждому из трех народов, их удельный вес в общей численности населения республик невелик и не превышает 34% у алтайцев, и 12% у хакасов. В таких условиях доминирующей культурой выступает русская культура. Более того, республики имеют тесные связи с краями Красноярским, Алтайским и Краснодарским соответственно, что подтверждают высокие значения мигрантов из

этих регионов. При межкультурном взаимодействии в городской среде у этих народов существует опасность «размывания» национальной культуры в доминирующей русской культуре, демонстрирующей модернизационные черты. По сути, именно так и происходит в настоящее время в этих регионах. Наши беседы с экспертами, проходившие в Майкопе в 2006, 2010 г. показали их низкую удовлетворенность деятельностью региональных властей и местного сообщества по сохранению и развитию национальной культуры. Отметим, что в таких республиках речь идет о сохранении и развитии этнической культуры. Поскольку качественно новый уровень, связанный с воспроизводством этнической культуры, требует определенной модернизационной готовности этноса. Модернистскими характеристиками этнос насыщается в условиях городской среды. Именно в городе возникают государственные и социальные институты, призванные развивать этническую культуру, трансформировать и воспроизводить ее под воздействием новых вызовов общества. Требуется время на постепенный рост численности горожан, представляющих титульный этнос, и соответственно рост удельного веса горожан, являющихся носителями этнической культуры, которые станут субъектами воспроизводства этнической культуры в регионе.

Именно такая картина наблюдается в национальных республиках, относящихся к группе со средним уровнем мигрантов среди горожан. Наряду с большинством областей в этой группе находятся Башкирия, Бурятия, Карелия, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Чувашия. Удельный вес горожан, проживающих в городах с рождения практически равен доле мигрантов, состав которых формируется как из жителей сельской

местности своего региона, так и из жителей соседних регионов. В такой ситуации горожане, носители городской культуры, способны воспроизводить устойчивые образцы региональной (этнической) культурной идентичности.

Литература

1. Доля россиян, проживающих в месте постоянного жительства с рождения, выросла за межпереписной период с 48,8 до 55% [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0207/barom01.php
2. Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
3. Лаппо, Г. М. Городские агломерации в России / Г. М. Лаппо, П. М. Полян / Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С. С. Артоболевского. – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э.Баумана, 2011. – С. 264-280.
4. Лебедева, Н. М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н. М. Лебедева / Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей / под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: РУДН, 2009. – С. 10-63.
5. Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации. – Том 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
6. Население частных домохозяйств по продолжительности проживания, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. Том 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
7. Попов, Р. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века / Р. Попов / Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – С. 215-244.
8. Продолжительность постоянного проживания населения [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://geographyofrussia.com/prodolzhitelnost-postoyannogo-prozhivaniya-naseleniya/
9. Трифонова, З. А. Особенности городского расселения регионов и его влияние на формирования социокультурного потенциала городов (на примере центров национальных республик и округов России) / З. А. Трифонова // Вестн. Чувашс. ун-та. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2013. № 3.– С. 134-139.
10. Berry, J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures. / J. W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. 2005. No 29. – P. 697-712.
11. Ravenstein, E.C. The laws of migration / E. C. Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society. 1885, № 48. – P. 167-227.

УДК 911.3

Ю. В. Фаронова

J. Faronova

ГОРОДСКИЕ МАКРОРЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И УРБАНИЗАЦИОННОЙ ГЕОГРАФИИ СТРАНЫ

THE URBAN MACROREGIONS OF RUSSIAN FEDERATION IN THE ECONOMIC AND URBAN GEOGRAPHY OF COUNTRY

В статье рассмотрены экономико-географические критерии городских макрорегионов Российской Федерации (РФ). Городские макрорегионы предложены автором для формирования территориальных стратегий роста и развития. Обоснована акутальность макрорегионального подхода для социально-экономического роста и развития в РФ.

The article considers economic geography criterions of urban macroregions, the economic specialization, types and spatial distribution of urban macroregions in Russian Federation.

Ключевые слова: городской макрорегион, экономико-географические критерии городского макрорегиона, виды и география городских макрорегионов, неконсолидированные городские регионы.

Keywords: urban macroregions, economic geography criterions of urban macroregions, types and spatial distribution of urban macroregions.

Мегарегион – это географический ареал, сеть метрополитенских центров и окружающих их территорий с экономическим, культурным, энвайронментальным взаимодействием и общей инфраструктурой, прежде всего транспортной. Мегарегионы как экономические драйверы привлекают население, инвестиции, способствуют интеграции

субъектов страны [2]. Специализация городов мегарегионов влияет на экономический рост и развитие территорий.

Типичная специализация городов по промышленной и экономической деятельности формирует торговые, промышленные, транспортные, горнодобывающие, университетские города, города развлечений, города-курорты [1]. Функции городов-драйверов экономического развития территорий в современных условиях:

1. Промышленная функция. Индустриализация и урбанизация ведут к пространственной реорганизации населения, к концентрации человеческого капитала и эффективных технологий в городах. Рост производительности труда в промышленности связан с приоритетами: технологические инновации, конкурентная бизнес-среда, финансовая система с низкими барьерами для входа и выхода фирм в бизнес, стимулы для НИОКР, создание среды для инноваций мирового значения в пределах территорий со значительным долговременным коммерческим потенциалом, качественный научный и технический персонал, создание экономически выгодных инноваций.

2. «Новая промышленная функция» трансформирующихся промышленных городов связана с дифференцированными технологиями промышленного производства. Приоритетными городами для территориального развития становятся центры НИОКР, центры высоких технологий, которые формируют сети инноваций и новое отраслевое развитие. Формируется иерархия производств и иерархия городов. Например, в Японии фирмы по производству электроники демонстрируют инновационную иерархию и производственную иерархию: в метрополитенских ареалах размещаются фирмы отрасли по производству НИОКР, в неметрополитенских ареалах – фирмы по производству массовой

продукции [1]. Креативные города с их экономической, геополитической, технологической, социокультурной силой считаются новой идеей развития для старых промышленных городов.

3. Сервисная функция и формирование «сервисных городов», «финансовых городов» в результате деиндустриализации городов. Показатели такой динамики – это количество городов с переходом от промышленной к непромышленной специализации, количество формирующихся сервисных городов на основе диверсификации промышленных городов.

4. «Функциональная специализация» означает, что крупные фирмы разделяют промышленное производство от административной функции (фирмы «обрастают» головными офисами с административной, юридической, рекламной, маркетинговой, финансовой службами), что ведет к функциональной непромышленной специализации городов. Концентрация функций в виде офисов характерна для городов с населением более 1,5 млн чел., наиболее проявляется в рыночных городах с населением более 5 млн чел. [1].

5. Функция пионерного стремительного роста благодаря управлению созданием новых видов экономической активности и занятости и управляемого использования выгодного географического положения. Например, Шеньжень (КНР) вырос из небольшой деревни в метрополис с населением более 10 млн чел. начиная с 1980-х гг. благодаря новым технологиям, росту занятости, экспорту и прямым иностранным инвестициям.

6. Города знаний. Выгоды развитых экономик лежат в их образовательной базе (или базе знаний). Знания увеличивают производительность труда посредством инноваций и обретают три основные формы: инвестиции в НИОКР, квалифицированная рабочая

сила, высококачественные производства. Индекс для сравнения базы знаний в европейских городах включает показатели и критерии [1]: количество фирм по производству услуг в секторе знаний, территориальные взаимосвязи местного аэропорта, проведение конференций и выставок на коммерческой основе, уровень создания новых, значение местного университета (показатели: количество студентов и количество научных публикаций), качество местной телекоммуникационной инфраструктуры.

7. Креативные города. Понимаются города как места размещения креативного класса населения, как катализаторы экономического возрождения. Креативный класс как критическая масса для экономического роста – это быстрорастущий, высокообразованный, хорошо оплачиваемый сегмент трудовых ресурсов. Индекс для оценки креативности рабочей силы включает показатели и критерии [1]: доля креативного класса от рабочей силы, инновации (количество патентов на 1 чел.), диверсификация экономической активности, промышленность по созданию новых технологий. Ключевые элементы успешности креативного класса – это социальный климат, рынок труда и занятость, возможность занятия бизнесом, среда проживания, политика и управление, наличие кластеров.

8. «Смарт-города». Технологический прогресс и распространение инноваций связано с городами, которые называют центрами инноваций или «смарт-городами». Основные отрасли промышленности в смарт-городах: электроника, информационные технологии, телекоммуникации, транспорт, биотехнологическая промышленность, «зеленая индустрия», производство новых материалов, нанотехнологии. Географическое положение важно для успешных «смарт-городов», их размещение связано с перспективными и

растущими городскими регионами; с урбанизированными и индустриализированными регионами; с регионами значительного потенциала роста и развития. Предшественник «смарт-города» – это промышленный город с профильными научными центрами.

География роста и развития коррелирует с географией кластеризации и урбанизации. В результате глобализации возникают глобальные городские регионы как результат взаимодействия между городами. Кластер базируется на ключевых ведущих предприятиях (локомотивах). Среди них исследовательские институты, функции которых заключаются в генерации высококвалифицированных рабочих ресурсов, создании локальной экономики знаний посредством патентования, научных публикаций, продуцирования современных технологий. Конкурентные кластеры создают новые промышленные производства. Основные факторы для поддержания инновационных кластеров [3]:

1. Урбанизация: стимулирует привлечение в города молодых и образованных трудовых ресурсов.

2. Образование, его совершенствование. Образованная рабочая сила нуждается в работе, которая связана с профессиональными, в том числе научно-исследовательскими, навыками.

3. Рост бизнес-сектора в экономике. Бизнес стимулирует возникновение инноваций.

4. Макроэкономические факторы: стабильная и растущая экономика нуждается в инновациях.

5. Инфраструктура. Электроснабжение, дороги, транспортировка, Интернет – это необходимые факторы для старт-апов в бизнесе, для инновационного бизнеса.

В целях формирования территориальных стратегий роста и развития в РФ с экономико-географической точки зрения рекомендуется обосновать городские макрорегионы со следующими критериями: количество городских населенных пунктов; количество городов в структуре городских населенных пунктов; экономическая функциональность макрорегиона: совокупная величина валового регионального продукта (ВРП), удельный вес макрорегиона в ВРП страны (%), производство ВРП в расчете на одного занятого в экономике; функции городского пространства, отраслевая структура городской экономики; экономико-географическое положение городского макрорегиона; человеческий ресурс макрорегиона; интеграционная функция городского макрорегиона: участие макрорегиона во внешней торговле; транспортная функция городского макрорегиона.

Транзитный глубинно-приморский в направлении «индустриальный российский центр – южная морская Россия», европейско-азиатский в направлении «запад–восток» городской макрорегион. Меридианальная полосовидная территориальная сеть городов объединяет Краснодарский, Ставропольский края, Ростовскую область, Волгоградскую, Саратовскую, Самарскую области, Татарстан, Башкортостан, Челябинскую, Свердловскую области, Пермский край, Кировскую, Нижегородскую области.

Транзитный европейско-центральный, континентально-приморский по географическому положению, политико-управленческий, финансово-экономический по функциям, двуядерный по географической структуре городской макрорегион с выраженной социально-экономической поляризацией. Два ареала: 1). Континентальный ареал городского

пространства с линейно-радиальной территориальной структурой, с доминированием одного города – Москвы, который образовал вокруг себя компактное, зависимое, экономически отсталое по сравнению с ядром городское пространство. 2). Приморско-транзитный северо-западный ареал городского пространства вокруг **Санкт-Петербурга** с объединением Ленинградской, Псковской, Новгородской областей.

Азиатский городской макрорегион РФ неконтинуального городского пространства с транзитным географическим положением, геостратегическим значением на глобальном уровне. Структурно состоит из 144 городов (64 % городов азиатской части страны, 13% городов страны) Ханты-Мансийского АО, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края (в Западно-Сибирском ЭР), Красноярского края, Иркутской области, Забайкальского края (в Восточно-Сибирском ЭР), Сахалинской области, Приморского края, Амурской области, Хабаровская края (в Дальневосточном ЭР).

Ресурсодобывающие неконсолидированные городские регионы в РФ включают городские населенные пункты Республики Коми, Ненецкого АО, Магаданской области, Ямало-Ненецкого АО, Томской области, Республики Саха (Якутия), Камчатского края, Чукотского АО. **Нересурсодобывающие неконсолидированные городские регионы в РФ – наименее экономически выгодные территориальные образования:** в Адыгее, Марий Эл, Мордовии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Северной Осетии, Чечне, Карачаево-Черкессии, Калмыкии ВРП/занятого в экономике составлял 295-224 тыс. руб./чел.

Городские макрорегионы РФ вследствие геоэкономического, геосоциального, геополитического, геоинтеграционного значения

для РФ могут и должны активно развиваться с участием органов управления государственного, регионального, локального уровней на основе научно обоснованной территориальной стратегии развития.

Литература

1. Geography of Growth Spatial Economics and Competitiveness // Raj Nallari, Breda Griffith, and Shahid Yusuf. 2012. – International Bank for Reconstruction and Development

2. Megaregions and Transportation Planning // Georgia Tech Research Corporation. 2007

3. Urbanization and the Geography of Development // J. Vernon Henderson. Brown University and the National Bureau of Economic Research. – November 2013

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.gks.ru

УДК 911.37 (575.1)

В. Н. Федорко

V. Fedorko

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕЙ РАССЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ УЗБЕКИСТАНА

STATISTICAL METHODS OF TYPOLOGICAL STUDIES OF SETTLEMENT IN RURAL DISTRICTS OF UZBEKISTAN

В статье изложены методика и результаты статистического анализа сетей сельского расселения в разрезе низовых административных районов Республики Узбекистан. Выделены и кратко охарактеризованы типологические группы сельских районов республики, различающиеся морфологическими параметрами расселения.

The article presents the methodology and results of the statistical analysis of rural settlement in the context of low-level administrative regions of the Republic of Uzbekistan. Identified and summarized the typological groups of rural district, differing by morphological parameters of settlement.

Ключевые слова: сельские районы, сети расселения, плотность сёл, средняя людность сёл, тип районов

Keywords: rural districts, settlement, the density of villages, average population of villages, the type of districts

В составе Республики Узбекистана в настоящее время выделяются 157 сельских административных районов. Для социально-экономической географии республики изучение низовых административных образований имеет большое значение в связи с тем, что оно способствует углублению пространственного анализа территориальной организации общества, позволяет рельефнее высветить факторы и закономерности последней. Одним из наиболее интересных аспектов общественно-географического анализа низовых административных районов является изучение сетей сельского расселения, так как на районном уровне начинается формирование поселенческих систем на базе центральных мест локального значения, транспортных коммуникаций, ирригационной инфраструктуры, структуры земельного фонда. С рисунком и структурой сельского расселения теснейшим образом связаны проблемы рациональной территориальной организации агропромышленного комплекса и сферы обслуживания, что предопределяет известный практический интерес крупномасштабных расселенческих изысканий.

Сельское расселение в регионах Узбекистана отличается значительным структурно-морфологическим разнообразием, что связано, по большей части, с неоднородностью природно-хозяйственной среды и особенностями истории освоения регионов, объективными различиями территориальной организации общества в старо- и новоосвоенных районах республики. Идентичность историко-природно-хозяйственных условий некоторых сельских административных районов выражается в типичности их расселенческого облика, позволяя осуществлять типологическую группировку исследуемых административно-территориальных единиц с позиций особенностей организации сельского расселения. Соответствующая группировка сельских административных районов отражает дифференциацию республики на ряд крупных природно-хозяйственных зон:

– староорошаемые оазисы пустынной зоны (основные ареалы – Бухарская область и Низовья Амударьи);

– новоорошаемые районы пустынной зоны (крупнейшие ареалы – Голодная и Каршинская степь);

– староорошаемые оазисы предгорной зоны (Ферганская долина, Приташкентский регион, Самаркандская, Китаб-Шахрисабзская и Сурхан-Шерабадская котловины);

– богарно-земледельческие и горно-пастбищные районы (Нурата-Туркестанский, Гиссаро-Зарафшанский и Чаткало-Кураминский горно-предгорные районы);

– пустынно-пастбищная зона (Кызылкум, плато Устюрт, Приаралье).

Плотность селитебных сетей различных природно-хозяйственных зон республики, их конфигурация, внутренняя неоднородность во многом обусловлены характерными свойствами местных природно-антропогенных ландшафтов, хозяйственно-демографической ёмкостью последних.

Основным методом настоящего исследования выступает статистический анализ и группировка низовых административных районов республики в ракурсе структурной организации сетей сельских поселений. Количественными индикаторами типологии при этом выступают такие ключевые параметры районных сетей сельского расселения, как средняя людность сёл и их плотность в расчёте на 1000 га пахотных угодий (нетто-плотность). Определение плотности селитебных сетей по отношению к пахотным землям, а не общей величине территории районов, принято с учётом того, что именно в ареалах земледелия (как орошаемого, так и богарного) размещено подавляющее большинство сельских поселений республики. Не учёт этого факта в случае с сельскими районами равнинной части Узбекистана, где сочетаются оазисное ядро и пустынно-пастбищная периферия с единичными поселениями, чреват грубыми искажениями реальной картины размещения сельских населённых пунктов в пределах преимущественных ареалов жизни и хозяйственной деятельности населения. Исключение в этом смысле сделано только для административных районов Навоийской области, целиком, или почти полностью, расположенных в пустынно-пастбищной зоне, – густота сёл рассчитана относительно общей площадь сельскохозяйственных угодий, львиную долю (до 99 и более %) которых составляют пастбища. В данном случае такой подход представляется вполне оправданным.

Таблица 1

Статистические характеристики типов сетей сельского расселения низовых административных районов Узбекистана (рассчитаны автором по данным Госкомстата РУз по состоянию на 1.01.2014 г.)

№	Типы сетей расселения сельских районов	Основные ареалы распространения типов сельского расселения	Число сельских районов	Средние значения	
				Плотность сёл на 1000 га пахотных земель	Людность сёл, тыс. чел.
1	Районы с густой сетью крупных сёл	Урбанизированные конусы выноса Ферганской долины, Ташкентская, Самаркандская, Каршинская агломерации, Китаб-Шахрисабзский, Денауский оазисы, Хорезмская область	36	4,6	2,20
2	Районы с густой сетью сёл средней людности	Ферганская долина, Ташкентская агломерация	10	4,6	1,30
3	Районы с густой сетью сёл малой людности	Долина и дельта р. Зарафшан, Северный Каракалпакстан	38	4,9	0,80
4	Районы с сетью крупных сёл плотностью ниже среднего уровня	Заадырные впадины Ферганской долины, Хорезмский оазис, староосвоенные районы Голодной и Дальверзинской степей	38	1,9	2,10
5	Районы с очень редкой сетью крупных и очень крупных сёл	Новоосвоенные районы Голодной и Каршинской степей	17	0,7	2,30
6	Районы с редкой сетью сёл малой людности	Богарные и горно-пастбищные районы, Приаралье	15	1,7	1,00
7	Районы с очень редкой сетью мелких сёл*	Пустыня Кызылкум	3	0,02	0,40
Всего по Узбекистану			**157**	**2,9**	**1,3**

* Взята общая площадь с/х угодий

При выделении типов сельских районов с точки зрения организации локальных сетей расселения показатели каждого района сопоставлялись со среднереспубликанскими значениями выбранных статистических индикаторов: плотность сёл – 2,9 на 1000 га пахотных земель и средняя людность сёл – 1,3 тыс. человек. На основе сопоставления локальных параметров со среднереспубликанскими выделены 7 типов сетей сельского расселения низовых административных районов Узбекистана, сведения о которых представлены в таблице 1:

1) районы с густой сетью крупных сёл;

2) районы с густой сетью сёл средней людности;

3) районы с густой сетью сёл малой людности;

4) районы с сетью крупных сёл плотностью ниже среднего уровня;

5) районы с очень редкой сетью крупных и очень крупных сёл;

6) районы с редкой сетью сёл малой людности;

7) районы с очень редкой сетью мелких сёл.

Ниже даётся краткая географическая характеристика выделенных типов сельских районов Узбекистана.

Районы с густой сетью крупных сельских поселений достаточно многочисленны (36 из 157) и приурочены по большей части к агломерационному окружению крупнейших городов Узбекистана – Ташкента, Самарканда, Намангана, Андижана, Коканда, Ферганы, Карши. За исключением нескольких сельских районов Хорезмской области и Каршинской степи, они расположены в предгорной части республики, в интенсивно освоенной староорошаемой зоне природопользования. Характерна приуроченность многих селитебных сетей к устьевым оазисам

конусов выноса рек межгорных котловин – Ферганской, Китаб-Шахрисабзской, Верхнесурхандарьинской. В пригородной зоне Ташкента, Андижана и Намангана средняя людность сёл превышает 3000 человек, а в Асакинском районе Андижанской области – даже 4000 человек. Такая расселенческая ситуация придаёт известную остроту проблемам занятости трудовых ресурсов, упрочения агропромышленной базы села, развития производства товаров массового потребления и сферы обслуживания, жилищного строительства, усугубляет растущий дефицит ценных сельскохозяйственных угодий.

Районы с густой сетью сёл средней людности не столь многочисленны – 10. Характеризуясь в среднем идентичной с первым типом районов плотностью сёл, они отличаются меньшей людностью сельских поселений, буквально соответствующей среднереспубликанскому значению данного параметра – 1,3 тыс. жителей. Территориально этот тип районов приурочен практически к тем же ареалам, что и первый тип, располагаясь в основном в столичном регионе и областях Ферганской долины. Проблемы и перспективы социально-экономического развития и геоэкологической устойчивости близки, по сути, к предыдущему типу районов, очевидно, проявляясь в несколько меньших масштабах.

Районы с густой сетью сёл малой людности имеют довольно чёткий ареал распространения – долину и дельту Зарафшана в пределах Самаркандской, Навоийской и Бухарской областей (за исключением ближайших к Самарканду Самаркандского, Тайлякского и Ургутского районов, относящихся к первому типу), а также северные районы дельты Амударьи в

пределах Каракалпакстана к северу от Нукуса. Средняя людность сёл в этом ряду сельских районов республики едва превышает 800 человек, что в условиях зоны орошаемого земледелия Узбекистана невелико. В некоторых районах Каракалпакстана этот показатель не превышает 500 и даже 400 жителей. При этом густота сёл имеет наибольшее среди 7 типов районов значение – почти 5 сельских поселений на 1000 га пахотных земель. Такие особенности расселенческого ландшафта связаны преимущественно с исторически сложившимися в Зарафшанском и Нижнеамударьинском регионе особенностями аграрного землеустройства, обусловленными, в свою очередь, региональными природно-мелиоративными условиями. Характерные черты расселения целесообразно учитывать, прежде всего, в планировании развития и размещения социальной инфраструктуры.

Районы с сетью крупных сёл плотностью ниже среднего уровня типичны для адырно-заадырной части Ферганской долины, которую можно выделить как третью концентрическую природно-хозяйственно-селитебную зону этой крупнейшей в Средней Азии межгорной котловины (1-зона – новоосвоенные земли пустыни Центральной Ферганы; 2-зона – наиболее густонаселённое кольцо внешних конусов выноса рек), непосредственно примыкающую к её горному обрамлению. Также характерны для староосвоенной восточной части Сырдарьинской области, Дальверзинской степи в Приташкентском регионе и для Хорезмского оазиса. Это районы интенсивного орошаемого земледелия, не входящие в зону ближайшего тяготения крупных городов и региональных центров. Средняя людность сельских

поселений в ряде районов Ферганской долины превышает отметку в 3000 и даже 4000 жителей, т. е. идентична районам первого типа, однако по плотности размещения сельских поселений районы этого типа уступают наиболее густонаселённым районам первого типа в 2,5 раза.

Районы с очень редкой сетью крупных и очень крупных сёл характерны для новоосвоенной зоны Голодной (западная часть Сырдарьинской и северо-восточная часть Джизакской областей) и Каршинской (западные районы Кашкадарьинской области) степей. Общее число районов данного типа – 17. Средняя людность сёл зачастую превышает 4000 жителей, однако плотность их размещения в 4 раза меньше среднереспубликанского уровня и в 7 раз уступает средним показателям староорошаемой зоны республики. Размещение сёл в этих регионах чётко увязано с планировкой оросительной сети и отличается своеобразной геометрической правильностью. Особенности расселения накладывают отпечаток на использование трудовых ресурсов в агроэкономике, развитие и размещение сферы сервиса.

Районы с редкой сетью сёл малой людности типичны для предгорно-горных районов с богарно-земледельческой и горно-пастбищной специализацией хозяйства, расположенных в Нурата-Туркестанской и Гиссаро-Зарафшанской орографических системах. Также к этому типу относятся Мубарекский район Кашкадарьинской и Караулбазарский район Бухарской областей, являющиеся глубоко проникающими в пустыню новоосвоенными ареалами поливного земледелия, а также Муйнакский район Каракалпакстана, расположенный в неорошаемой части амударьинской дельты –

наиболее кризисном в геоэкологическом отношении регионе Узбекистана.

Районы с очень редкой сетью мелких сёл представляют собой исключительно своеобразный расселенческий комплекс, сложившийся в сельских административных районах Навоийской области с пустынно-пастбищной специализацией аграрного сектора и очаговым развитием горнодобывающей индустрии – Тамдынском, Учкудукском и Канимехском. Показатели средней людности сёл и, особенно, плотности их сети гораздо ниже в сравнении с районами других типов. Исключительно велико значение проблемы рациональной организации производственной, социальной и информационной инфраструктуры.

Таким образом, разнообразие природно-хозяйственных условий и особенности истории освоения и заселения различных частей Узбекистана привели к неоднородности сельского расселения, формированию его типологических вариаций, примерно повторяющихся в определённой совокупности низовых административных районов. Эти типологические группировки районов рельефно выявляются посредством статистического анализа таких индикаторов сетей расселения, как плотность сельских поселений в расчёте на единицу площади пахотных угодий и средняя людность сёл. Типологические сходства и различия в морфологии и структуре сельского расселения необходимо учитывать в ходе региональной политики в сфере занятости сельского населения, комплексного развития агроэкономики, повышения производственного потенциала сельской местности, развития и территориальной организации инфраструктуры,

рационального использования земельно-водных ресурсов и оптимизации геоэкологчиеской обстановки, а также при определении перспективных планов развития урбанизационных ареалов вокруг крупнейших городов республики.

УДК 911.37

И. Ю. Филимонова, Р. Ш. Ахметов

I. Filimonova, R. Akhmetov

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО РЕГИОНА

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF POPULATION DISTRIBUTION OF THE ORENBURG REGION

В статье рассмотрен процесс заселения Оренбургского региона, отмечены основные факторы заселения, выделены основные этапы заселения и представлена современная география расселения населения.

This article is about the colonization of the Orenburg region, highlighted the main factors of settlement, the main stages of colonization and presents the geography of the modern population.

Ключевые слова: расселение населения, Оренбургский регион, этапы расселения, заселение региона

Keywords: population distribution, Orenburg region, stages of colonization, the colonization of the region

Процесс заселения Оренбургского региона проходил под воздействием различных факторов (природных, историко-географических, социально-политических, экономических,

демографических, миграционных и др.) в течение длительного периода времени.

Анализ особенностей расселения населения региона позволяет выделить следующие этапы (с условными временными границами между этими периодами):

1 этап – до 30-х гг. XVIII века. Поселения народов, проживавших в регионе в этот период, до настоящего времени не сохранились. Были найдены остатки жилищ поселений срубной культуры – полуземлянки с деревянными каркасами [1]. Народы сменяли друг друга в результате переселения с востока на запад. Возникает редкая сеть временных населенных пунктов – будущих центров расселения. Этап характеризуется наличием на территории кочевников, их потомки проживают на территории региона в настоящее время (башкиры и казахи). В долинах рек (Яик, Илек) с XV в. начало оседать казачество. Постоянных населенных пунктов практически не было. Окончание периода связано с началом колонизации региона оседлым населением [2].

2 этап – интенсивного заселения региона, массовой колонизации. 30-е гг. XVIII века – начало I мировой войны (1914 г.). Он имел несколько волн и привел к началу формирования современного расселения населения региона. Освоение и заселение территории Оренбуржья происходило с северо-запада на юг и восток.

XVIII–XIX вв. – период расселения населения по всей территории региона. Это период появления переселенцев, в том числе беглых крестьян, гонимых за веру и по другим причинам. Переселенцами основаны много поселков на территории Северного,

Бугурусланского, Пономарёвского и других районов. Темпы заселения в этот период были высоки. Формируются городские поселения (Оренбург, Орск, Соль-Илецк). После основания Оренбурга и установления пограничной линии началось интенсивное переселение в регион. Во второй половине XVIII в. в регионе начинается период формирования помещичьего землевладения. Появляются поселки, основанные для поселения крепостных крестьян (например, села Ташла, Городки, Ключи Тюльганского района и др.) и дворянские усадьбы (с. Аксаково Бугурусланского района, с. Державино Бузулукского района, с. Тимашево Сакмарского района, с. Ташла, Тюльганского района, с. Рычково Северного района и др.). Территория Бузулукского и Бугурусланского районов к концу XVIII в. становится центром дворянских имений [1].

XIX–начало XX вв. – период формирования промышленных центров региона, приток населения в связи с отменой крепостного права (1861 г.), с прокладкой Самаро-Оренбургской железной дороги (1877 г.), столыпинской аграрной реформой (с 1906 г.).

3 этап – советский. Новая эпоха, которая наступила с 1917 года, внесла изменения в функциональную и территориальную структуру расселения населения всей страны и региона, в частности.

В рамках этого этапа можно выделить несколько периодов:

– довоенный, связанный с началом индустриализации (с 1930-х гг.). На востоке области стали возникать новые поселки и города (Медногорск, Новотроицк, Халилово и др.) и развиваться старые (Орск, Соль-Илецк), быстро росло население. К этому времени относится появление городских поселений нового типа –

рабочих поселков, число городов увеличилось до пяти. В 1934 г. была образована область в современных границах, к концу периода она стала индустриально-аграрной;

– годы Великой Отечественной войны. В этот период в Оренбургскую область прибыло свыше 240 тысяч человек, было эвакуировано из других районов страны около 60 предприятий, в основном в города: Оренбург, Орск, Бузулук, Медногорск, Соль-Илецк, а также в поселки: Саракташ, Колтубановку, что повлияло на расселение населения в этот период [1];

– период освоения целинных и залежных земель (1950-60-е гг.), послевоенное время, период индустриализации. Целинные земли распахивались на юге и востоке области, на территории Первомайского, Соль-Илецкого, Акбулакского, Беляевского районов и во всех районах восточнее Гайского [2]. В эти районы за годы освоения целины прибыли десятки тысяч переселенцев в основном из Центральной России, Украины и Белоруссии. Период характеризуется максимальным количеством сельских населенных пунктов за всю историю региона – 3757 в 1959 г. В этот и предыдущий период активно заселяются восточные и крайние южные районы с более суровыми природными условиями для жизни населения и ведения сельского хозяйства [2].

Городское население в связи с интенсивным строительством промышленных объектов (в частности, газового и гелиевого заводов) в этот период (особенно в 1970-х годах) растет быстрыми темпами [3]. Доля горожан начинает преобладать над сельским населением с 1970-х годов. Число городов к 1979 г. достигает двенадцати [4].

Размещение промышленных объектов осуществлялось не только в существующих городах и рабочих поселках, но и в новых населенных пунктах, созданных близ путей сообщения и источников сырья (пгт. Гай, Кувандык и др.). Следствием этого явилось наполнение сети городских поселений за счет возникновения многочисленных поселков городского типа [2].

4 этап – современный, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, характеризуется новой волной переселенцев, появлением государственной границы.

Средняя плотность населения области (16,18 чел./км^2) выше среднероссийской (8,5 чел./км^2, 2015 г.) почти в два раза.

В Оренбургской области проживает 2008566 человек (2015 г.). Размещение населения по территории области связано с природными условиями и их пригодностью для жизни населения и хозяйственной деятельности. Наиболее высокая плотность населения – в центральной и западной части области (рис.1). Также население концентрируется по берегам крупных рек, вдоль железной и автомобильной дороги Самара – Оренбург. На размещение населения повлияла также география минеральных ресурсов, многие города и поселки расположены у месторождений полезных ископаемых и центров их переработки.

Как и для большинства регионов с развитым многоотраслевым сельским хозяйством для Оренбургской области характерна относительно невысокая доля городского населения с небольшим числом городов (12). Урбанизированность области – 59,8 %, это значительно ниже, чем по стране в целом (74 %, 2014 г.).

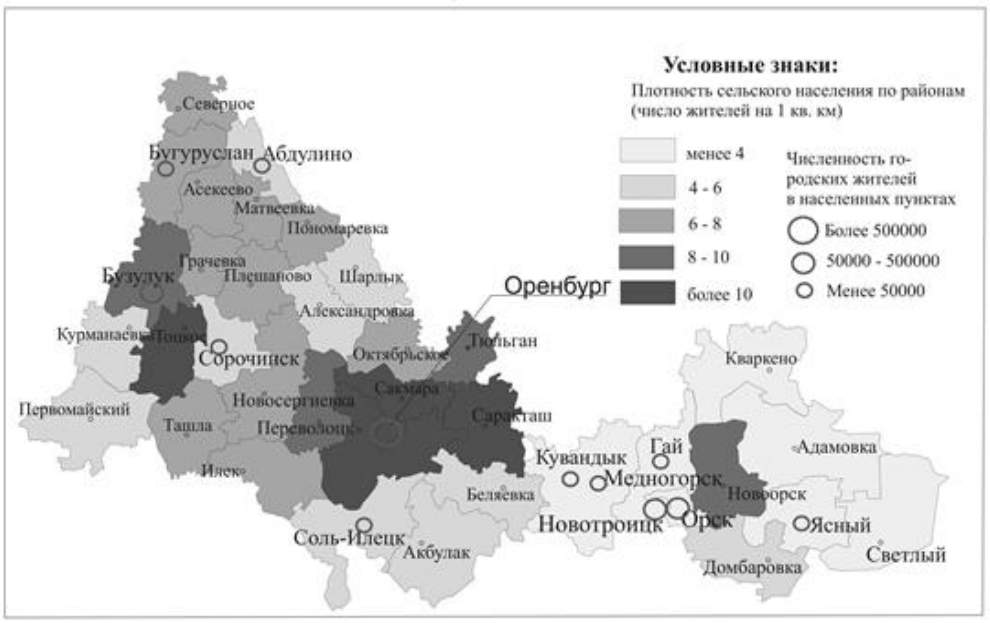


Рис. 1. Плотность населения Оренбургской области (2014 г.)

Сложившаяся территориальная структура крупных сел и поселков в системе расселения в сельской местности – преимущество области [2]. Хотя, следует отметить, что число сел сократилось к настоящему времени с 1959 г. более чем в 2 раза [4], что привело к исчезновению своеобразного культурного пласта.

Таким образом, возникновение поселений в регионе связано с обозначенными историческими этапами. В области можно выделить два типа городских поселений: города, основанные в XVIII в., которые имели, прежде всего, торговые функции (Орск, Оренбург, Бузулук, Бугуруслан, Сорочинск, Соль-Илецк) и города, возникшие в годы довоенной и послевоенной индустриализации, в основном металлургические и горнодобывающие центры (Медногорск, Новотроицк, Гай, Ясный, Абдулино, Кувандык).

Оренбуржье отличается полицентрической структурой городского расселения. В Оренбурге проживает 46,6 % городского населения и лишь 28% всего населения региона (2015 г.), Орск концентрирует 19,5% городского населения.

В настоящее время процесс урбанизации в области идет в основном не за счет роста немногих уже имеющихся городов, а за счет урбанизации сельской местности (близ Оренбурга, Орска, Сорочинска и др.).

Литература

1. История родного края: учеб. пособие / [С. А. Попов и др.]; сост. Н. П. Семыкин. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. – 160 с.

2. Семёнов Е. А. Внутрирегиональные особенности расселения Оренбургской области [Электронный ресурс] / Е. А. Семёнов, Т. И. Герасименко, Р. Ш. Ахметов // Природа Оренбургской области. Интернет-портал информационного центра природы. – Режим доступа: http://oren-icn.ru/index.php/enzoren/social/711-2011-09-13-07-57-26.

3. Герасименко Т. И. Особенности расселения / Т. И. Герасименко // Географический атлас Оренбургской области / под ред. А. А. Чибилева. – М.: ДиК, 1999. – С. 70.

4. Оренбургской области – 80 лет. // Юбилейный статистический ежегодник. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2014: – Стат.сб. / Оренбургстат. – Оренбург, 2014. – 566 с.

УДК 911.3

Н. В. Хамина

N. Khamina

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

INTRAREGIONAL SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF TERRITORIES (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNOYARSK REGION)

На основе показателей статистического материала сделана оценка внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития

территории Красноярского края за период 1990-2012 гг. Показан ярко выраженный центро-периферийный характер развития.

The evaluation of intraregional differentiation of the socio-economic development of the Krasnoyarsk region territory for the period 1990-2012 year is made. The center-periphery form of development is showed.

Ключевые слова: внутрирегиональная дифференциация, Красноярский край, показатель дифференциации, центр, периферия.

Keywords: intraregional differentiation, Krasnoyarsk region, indicator of differentiation, center, periphery.

Серьезной проблемой для многих субъектов Российской Федерации (РФ) стала проблема неравномерности социально-экономического развития территорий и, как следствие, значительная внутри региональная дифференциация важнейших социально-экономических показателей. Основные исследования по данной проблеме сфокусированы на сравнении субъектов РФ, в то время как центро-периферийная неравномерность развития внутри регионов изучена недостаточно. Между тем, как правило, внутри региональная дифференциация выражена сильнее межрегиональной.

Оценка внутри региональной дифференциации осуществлена на примере Красноярского края, самого крупного субъекта в составе Сибирского федерального округа не только по занимаемой площади, но и по важнейшим макроэкономическим показателям – численности населения, объемам валового регионального продукта (ВРП), промышленного производства, строительных работ и инвестициям в основной капитал. В рейтинге социально-экономического положения регионов Красноярский край занимает верхние позиции. В то же время, невысокие позиции край занимает по таким группам показателей, как экологические и климатические условия, освоенность территории [1; 2].

В рассмотрение были включены следующие социально-экономические показатели: *коэффициент миграционного прироста (убыли) населения* (как показатель привлекательности территории); *коэффициент естественного прироста* населения (как показатель общей интенсивности роста населения); *оборот розничной торговли* (как показатель, отражающий уровень доходов населения); *ввод в действие жилых домов* (как показатель уровня развития территории); *инвестиции в основной капитал*(как индикатор перспектив развития территории).

Показатели выбранных значений имеют статистическую базу [3; 4; 5], и анализ их численных значений позволяет получить информацию об уровне дифференциации социально-экономического развития исследуемой территории. Все показатели рассматривались за период 1990-2012гг.

Красноярский край относится к слабозаселенным территориям с ареальным типом расселения. За 1990–2012 гг. все население края сократилось почти на 10%.

На четверть и более сократилось население периферийных районов края из-за массового миграционного оттока. Наиболее устойчивый отток наблюдается в Таймырском, Эвенкийском, Енисейском, Кежемском, Туруханском, Пировском районах и г. Норильске. Коэффициент миграционной убыли населения здесь почти всегда ниже -100, а в некоторых районах достигает -300, -400 и более на 10 тыс. человек населения (Енисейский, Кежемский, г. Норильск). В Таймырском районе отток немного снизился и даже прекращался в отдельные годы, благодаря улучшению экономической ситуации. В Северо-Енисейском районе в 2011-2012 гг. наблюдается положительная динамика миграционного прироста. В районах, расположенных ближе к центру, можно отметить приток населения.

Наиболее высок он в Емельяновском, Минусинском, Шарыповском и Шушенском районах.

В первой половине 1990-х годов в Красноярском крае, как и в большинстве регионов России, началась естественная убыль населения, которая отмечается по всей его территории, за исключением Таймырского и Эвенкийского районов, г. Норильска, сохранивших положительную динамику прироста, объясняемую относительно молодым составом населения. Средний показатель естественного прироста по территории края колеблется от 5,4 (г. Норильск) до -7,3 (Боготольский район).

Межмуниципальные различия в обороте розничной торговли также сильны. На этом фоне выделяются два центра благополучия – г. Красноярск (как региональный центр края с населением более 1 млн чел) и г. Норильск (второе место по численности населения в крае, крупный промышленный центр). Их показатель оборота розничной торговли в 1,6 раз превосходит самые высокие аналогичные показатели других городских округов и почти в два раза показатели районов. В целом пространственная картина различий оборота розничной торговли носит ярко выраженный центро-периферийный характер. Только города в Красноярском крае реализуют свои экономические преимущества в виде более высоких доходов от торговли. Практически все районы края в данном случае – периферия. Внутри региональная разница анализируемого показателя достигает 9,7 раз.

Для показателя «ввод в действие жилых домов» так же характерно сильно выраженное неравенство (рис. 1).Самая большая доля по вводу жилья приходится на столицу региона (58%) и городские округа. Преимущество Емельяновского (3%) и Березовского районов, городов Сосновоборска и Дивногорска объясняется их непосредственной близостью к центру и

вхождением в состав Красноярской агломерации. В Емельяновском районе расположен крупнейший транспортный центр – аэропорт Красноярска, который вносит значительный вклад в реализацию функций города (межрегиональные связи, внешнеэкономическая деятельность и т. д.). Среди районов края показатель дифференциации достигает 30 раз.

Рис. 1. Ввод в действие жилых домов на территории Красноярского края за 1990-2012 гг. (квадратных метров общей площади)

По уровню инвестиционной активности Красноярский край находится в числе регионов-лидеров. По объему инвестиций в расчете на душу населения он занимает первое место в Сибирском федеральном округе (СФО). Основные проблемы инвестиционного развития Красноярского края связаны с недостаточным рассредоточением капитала по территории края и по объектам вложений, а также недостаточным уровнем развития инфраструктуры и высокими инвестиционными издержками.

Лидерами по объему инвестиций в основной капитал являются города Норильск и Красноярск, Туруханский район, на которые приходится основная доля промышленного производства края.

Значительный объем инвестиций получают промышленные районы – Кежемский, Северо-Енисейский, Эвенкийский, Большеулуйскийи Богучанский районы.

Остальные инвестиции распределяются по всем оставшимся муниципальным образованиям, которые в основном получают бюджетные инвестиции. В результате крупные частные инвестиции поступают в Норильск и Красноярск, промышленные районы, а малые бюджетные – в остальные муниципальные образования, что еще более усиливает внутри региональное неравенство.

Основное преимущество Красноярского края – богатство природными ресурсами, которыми располагают его периферийные территории. Реализация здесь инвестиционных проектов дает большие возможности для развития края. В стратегии развития Красноярского края до 2020 г. одним из приоритетов долгосрочного развития является «индустриальное освоение отдаленных и северных территорий края на основе использования современных эффективных технологий добычи и переработки природных ресурсов» [6, с.8]. Основной негативный фактор, препятствующий освоению ресурсов края, – транспортный, так как для его северных районов характерно неудовлетворительное транспортное обслуживание и неразвитость сети автомобильных дорог.

Литература

1. Рейтинг регионов по качеству жизни. Москва, 2013 г. – Режим доступа: http://www.riarating.ru/
2. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2013 года. [Электронный ресурс] – Москва, 2014. – Режим доступа: http://www.riarating.ru/
3. Социально-экономическое положение городов и районов края в 2000 году // Статистический сборник., 2001 г., – 220 с.
4. Социально-экономическое положение городов и районов края в 1998 году // Статистический сборник, 1999 г. – 220 с.

5. Социально-экономические показатели городских округов и муниципальных районов Красноярского края в 2012 году // Статистический сборник. – № 1-14, – 2013 г., – 163 с.
6. Стратегия социально-экономического развития Красноярского края в период до 2020 г. [Электронный ресурс] – Красноярск, 2013. – Режим доступа: http://www.krskstate.ru

УДК 910

А. И. Чистобаев

A. Chistobaev

ГЕОГРАФЫ-ОБЩЕСТВОВЕДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

THE GEOGRAPHERS-SOCIAL SCIENTISTS IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE RECOVERY PERIOD (TO THE 70 ANNIVERSARY OF THE VICTORY)

Определены направления изучения вклада советских географов-обществоведов в годы Великой Отечественной войны и периода восстановления хозяйства Советского Союза.

The directions of the study of the contribution of Soviet geographers social scientists during the Great Patriotic War and the period of recovery of the economy of the Soviet Union

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупированные территории, экономика России, географы-обществоведы

Keywords: Great Patriotic War, occupied territories, economy of Russia, geographers-social scientists

В этом году страна отметила 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Полтора года назад Крым, где пройдет нынешняя сессия АРГО, возвратился в состав России. Эти два события – весомое основание для того, чтобы вспомнить о наших коллегах – географах-обществоведах, внесших существенный вклад в освобождение народов от фашизма, в восстановление разрушенного во время войны народного хозяйства СССР, в обретение жителями современной России чувства патриотизма, преданности заветам предков. Эти слова на фоне названных событий не кажутся высокопарными – они соответствуют духу времени, настроениям подавляющей части россиян.

Мне, родившемуся в предвоенное время, многие из героев доклада, были знакомы не только по их научным трудам, но и по непосредственному общению. Само собой разумеется, что судьба сводила меня, прежде всего, с коллегами из Москвы, где я окончил школу, и Ленинграда – Петербурга, где я обучался на географическом факультете университета, а сейчас служу науке в том же вузе. Но и со многими другими коллегами-участниками войны и восстановления разрушенного хозяйства, проживавшими в иных городах России и постсоветского пространства, мне довелось лично общаться. Поэтому в моей работе пойдет речь о двух группах географах – обществоведах: 1) тех, кто сложил голову на полях военных сражений или умер во время войны от голода и лишений; 2) тех, кто внес значительный вклад в восстановление народного хозяйства СССР, трудясь на поприще общественной географии, включая не только научную и преподавательскую работу, но и

другие виды деятельности в государственных и общественных структурах.

О представителях обеих названных групп учёных будут приведены конкретные факты, касающиеся разных сторон восстановительного периода. Это: 1) определение структуры и специализации промышленности разрушенных в ходе войны городов; 2) совершенствование территориальной организации перемещенных вначале войны в восточные районы страны предприятий промышленности; 3) восстановление сельского хозяйства и сельского расселения на оккупированных во время войны территориях; 4) деятельность Восточно-Сибирской, Волго-Ахтубинской и Восточно-Казахстанской экспедиций по обоснованию новых форм территориальной организации производства; 5) сотрудничество экономико-географов с управлениями совнархозов, осуществляющих руководство промышленностью и строительством по территориальному принципу; 6) работа экономико-географов в государственных органах управления.

В нынешних российских реалиях такая работа актуальна. Как уже неоднократно бывало в нашей истории, необходимо восстановить веру в своего человека, способного творить и созидать на благо народа. Эффективность такой работы доказали наши предшественники по науке – учителя и старшие коллеги.

УДК 504.03:711

Н. В. Чугунова, Н. В. Лихневская, А. И. Комкова
N. Chugunova, N. Likhnevkaya, A. Komkova

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

THE MAIN FACTORS OF FORMATION OF THE CENTRE-PERIPHERY DEVELOPMENT OF REGIONAL SETTLEMENT SYSTEM

Рассматриваются движущие силы развития центр-периферийной модели расселения в Белгородской области.

The driving forces of the development centre-periphery model of settlement in the Belgorod region are observed

Ключевые слова: система, сельское, расселение, факторы, центр, периферия.

Keywords: system, rural, settlement, factors, center, periphery

Все большее значение в развитии практически любого региона (и расселения) играет его положение в системе «центр-периферия» [13], в которой уровень экономического развития, передовые технологии, качество жизни изменяются от центральных районов к периферийным, вызывая встречное движение населения. Районы-антиподы обнаруживаются на всех уровнях: глобальном, страновом, региональном.

Расселение населения, являясь чрезвычайно сложным и многогранным понятием [1, с. 373] и процессом, несмотря на определенный консерватизм и инерционность развития, находится в

процессе постоянных изменений, ставшими во многом необратимыми в последние десятилетия. Неизбежная и имманентная неравномерность экономического роста ведет к усилению поляризации пространства и росту диспропорций в развитии расселения.

Главную задачу нашей работы мы видели в выявлении основных факторов и тенденций дифференциации системы сельского расселения, сформировавших градиент модели «центр-периферия». *Объектом нашего исследования* было выбрано сельское расселение Белгородской области.

Мы придерживаемся мнения, что региональная система расселения сложилась с учетом исторических, природных и экономических факторов, но в современном, быстро меняющемся мире, интегральное взаимодействие разных факторов прямо или косвенно воздействуют на формирование иных, новых моделей и конфигураций расселения населения. Существенное влияние на сельское расселение стали оказывать социальные факторы, глобализация, проницаемость границ и положение поселений в системе «центр-периферия» региона. Ведущую роль в расселении населения по-прежнему играют *социально-экономические факторы*, приводящие к неизбежной трансформации систем городского и сельского расселения. Для выявления их роли в сельском расселении муниципальных образований (МО), мы по официальным статистическим данным [2; 3] определили и систематизировали систему абсолютных и относительных показателей (производство продукции и услуг в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве; уровень заработной платы) и сравнили их с индексом роста/убыли численности населения, разместив их в

виде матрицы. Сопоставление показало, что зависимость расселения от экономических факторов осталась, но стала менее выраженной, особенно, в обрабатывающей промышленности. В XXI веке сельскохозяйственная специализация в качестве основы экономической базы расселения в муниципальных образованиях не является залогом экистической устойчивости [4] и сохранения ее каркаса. И на территории Периферии, и Центра экономика, основанная преимущественно на сельскохозяйственном производстве, отрицательно отражается на показателях занятости населения и, в конечном итоге, на устойчивости расселения муниципальных образований (заметим, что их решение находится в плоскости диверсификации сельской экономики, развитии несельскохозяйственных видов деятельности в сельских поселениях).

Наши выводы подтверждают расчеты корреляционной зависимости между численностью населения и социально-экономическими факторами, реализованными в ППП Statistica 6.0 по официальным статистическим данным [5]. В канонической корреляции между множествами, наибольший вклад в изменение численности населения вносит блок показателей «уровень жизни», поскольку большинство сельских семей области попадают в низкодоходные группы населения – заработная плата в сельском хозяйстве в 4–4,5 раза ниже, чем в финансовой деятельности, в черной металлургии.

Причинами изменения сельского расселения Белгородской области служат и *процессы урбанизации* со свойственными им закономерностями, фазами развития, формированием

Белгородской и Старооскольско-Губкинской городских агломераций [6].

Демографические факторы расселения, служащие катализаторами, стабилизаторами или ингибиторами развития, определили скорость изменения расселения, его стратификации, стали индикаторами изменений. В Белгородской области разнонаправленные темпы роста городского и сельского населения обеспечили высокие темпы урбанизации, изменения системы сельского расселения [7]. В 2010 г., в связи со сменой типов воспроизводства населения, сокращением демографического потенциала сельской местности, темпы прироста городского и сельского населения выровнялись и приблизились к нулю (сократив темпы поляризации расселения) (рис. 1).

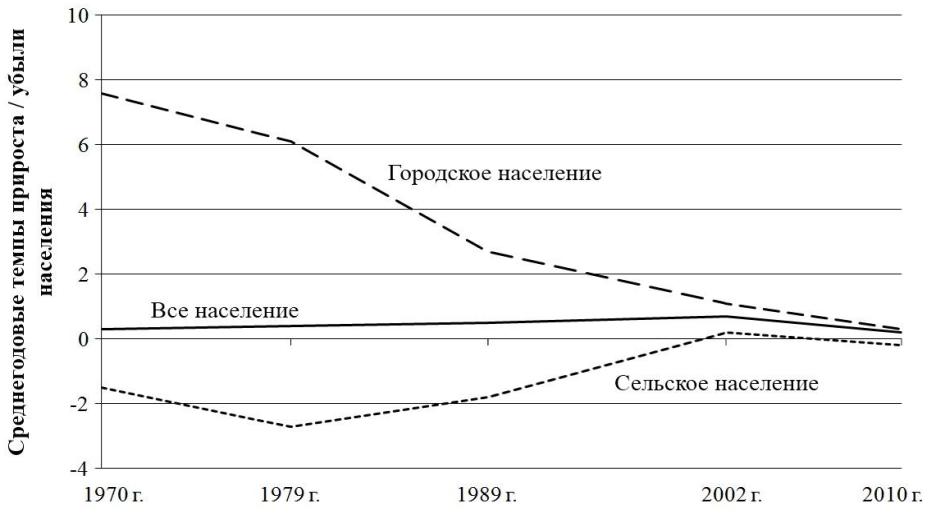


Рис. 1. Среднегодовые темпы прироста городского и сельского населения Белгородской области по данным переписей населения в 1970-2010 гг., в % (по [8])

В формировании современной модели систем расселения значительную роль сыграли *социальные факторы* в связи с изменениями ценностных ориентаций населения, усиленных процессами глобализации. Глобализация ускорила процессы трансформации расселения, повысила территориальную мобильность населения Периферии. Притягательная сила крупных городов, приводящая к оттоку населения из сельской местности, в совокупности с естественной убылью жителей, способствовали стратификации муниципальных образований (МО) Белгородской области по изменению числа жителей (рис. 2).

Следствием процессов глобализации стало и повышение проницаемости пространства, когда ее каналами становятся не только транспортная связность регионов и целых континентов, но и Интернет, сотовая связь, позволяющие обмениваться информацией.

К концу XX века экстенсивное развитие урбанизации в Белгородской области завершилось и перешло в новую, качественную стадию. Безусловно, урбанизацию, ее переход на этап развития «вглубь», формирование больших городов и городских агломераций, необходимо расценивать как фактор-ускоритель динамичного социально-экономического развития территории, поскольку создается агломерационный эффект по П. Кругману [10], агломерационное преимущество в результате концентрации мобильного человеческого капитала, инвестиций, развития инфраструктуры, диффузии нововведений [11]. Но быстрая урбанизация XX в., сопровождавшаяся ростом крупных городов, разрежением населения во внегородском пространстве, экономическим кризисом 1990-х годов [12] – привели к усилению

поляризации, увеличению социально-экономических контрастов в сельской местности, формированию депопуляционной Периферии, которая стала стойкой тенденцией в сельском расселении – и не только Белгородской области.

Рис. 2. Изменение численности населения Белгородской области по данным переписей населения 2002-2010 гг.

Таким образом, действие вышеназванных факторов, формирование агломераций стало главной причиной неравномерного экистического (и экономического) развития территорий, возникновения градиента Центр-Периферия, что отобразилось на системах расселения Белгородской области. Мы полагаем, что в перспективе различия между Центром и Периферией будут только усиливаться. Но признание этого факта не означает, что сокращение сельского населения на Периферии и концентрацию в Центре следует относить к прогрессивным сдвигам. Будущее сельского расселения неопределенно [7], но опыт стран,

вступивших в постиндустриальную стадию развития, свидетельствует о стабильной тенденции к дезурбанизации. Необходимо учитывать закономерности развития расселения для уменьшения возможных потерь в будущем.

Авторы благодарят С. А. Игнатенко за расчеты канонической корреляции.

Литература

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь – М.: БСЭ, 1994. – 640 с.
2. Основные показатели социально-экономического положения городов и районов Белгородской области (2009-2013 гг.). // Стат.сб. – Белгород: Белгородстат. – 2014. – 278 с.: табл.
3. Социально-экономические показатели муниципальных образований Белгородской области в 2013 году. // Стат.сб. – Белгород: Белгородстат. – 2014. – 255 с.: табл.
4. Чугунова, Н. В. Особенности современного социально-экономического и экистического развития пригородной зоны агломерации / Н. В. Чугунова, Т. А. Полякова, С. А. Игнатенко // Проблемы региональной экологии. – М.: Институт географии РАН, – 2012 – №2 – С 35-42.
5. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2013. // Стат. сб. – Белгород: Белгородстат. 2014 – 613 с.
6. Чугунова, Н. В. Развитие системы городского расселения Белгородской области / Н. В. Чугунова, Т. А. Полякова, Н. В. Лихневская // География и природные ресурсы. 2013. – №1 – С. 112-118.
7. Чугунова, Н. В. Сельская местность региона: расселение – прошлое и неопределенное будущее / Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону. 2014. – №3. – С. 122-134.
8. Итоги Всероссийской переписи 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://belg.gks.ru/.
9. Белгородская область от переписи до переписи. // Стат. сб. – Белгород: Белгородстат, 2007. – 48 с.
10. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика, 2005. – №3. – С. 121-126.
11. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. Пер. с анг. / под ред. В. М. Гохмана и Ю. В. Медведкова: – Прогресс, 1968. – 392 с.
12. Нефедова, Т. Г. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии / Т. Г. Нефедова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenie-rossiyskoy-periferii.html
13. Friedmann J. Regional development policy. – Boston: Mass. Intst. Techn. – 1966.

УДК 332.133.б

А. И. Шадрин

A. Shadrin

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF THE SUBURBAN AREAS OF URBAN AGGLOMERATIONS

Рассматриваются вопросы комплексообразования городских агломераций и пригородных зон. Выявляются территориальные районные и локальные воспроизводственные комплексы. Обосновывается приоритетность расселения, прежде всего, ведущих центров человеческого потенциала, в размещении производительных сил и капитала.

In the article are considered questions of complex formation of urban agglomerations and its suburban area. Territorial regional and local reproductive complexes are identified. Priority of settlement is explained, first of all the leading centers of human potential in the distribution of productive forces and capital.

Ключевые слова: комплексообразование, городские агломерации и пригородные зоны, расселение населения.

Keywords: complex formation, urban agglomerations, suburban areas, population settlement.

Повышение эффективности общественного производства, в том числе хозяйствующих субъектов региона, в условиях высокого уровня обобществления в значительной мере определяется комплексностью его развития. Оно основано на пространственном и временном сочетании элементов воспроизводственной структуры региона.

Воспроизводственный комплекс региона в качестве категории экономической географии определяется как общность производственных, социальных, природных объектов и человеческого потенциала на территории, соотношение, взаимодействие и пространственная конфигурация которых повышает эффективность их функционирования, а, следовательно, и региона в целом.

Главным в комплексообразовании региона является взаимосвязь материального воспроизводства, среды обитания и природных ресурсов, воспроизводства человека.

Воспроизводственную структуру агломераций региона целесообразно рассматривать в виде социо-экономико-природного комплекса [1]. Территориальный социо-экономико-природный комплекс определяется как высшая форма пространственной организации производительных сил. Такая форма повышает эффективность производства и конкурентноспособность региона, муниципального образования и страны в целом, а также обеспечивает повышение человеческого потенциала, благоприятную среду обитания и рациональное природопользование.

Территориальные воспроизводственные комплексы подразделяются на районные (со значительной протяженностью) и локальные. Районный тип, к которому относится и регион, характеризуется пространственными разрывами в размещении производительных сил.

Локальный тип, представленный в основном городом и его пригородной территорией, исключает «трение расстояний», имеет сугубо искусственную среду жизнедеятельности и обеспечивает

более тесное взаимодействие между всеми структурными элементами и процессами в территориальном комплексе.

Может быть выделен и третий тип территориального воспроизводственного комплекса, имеющий, прежде всего характеристики локального типа, но также и районного типа. Этот тип представлен группой сближенных поселений, с ярко выраженным поселением – центром, основой, которой может быть производственный (промышленный) узел. Наиболее развитым видом этого типа территориального комплекса являются городские агломерации.

Комплексообразование в регионе во многом определяется характером размещения производства и расселения, соотношением и взаимодействием центров и периферий [2]. Причем все большую роль в размещении производительных сил и капитала играет расселение, прежде всего, ведущие центры человеческого потенциала, которые обычно выступают «точками» инновационного роста.

Инновационная модель воспроизводства и повышение человеческого потенциала в условиях постиндустриальной стадии и перехода к информационному обществу становятся главными факторами развития. Наиболее благоприятные условия для этого имеются в мегаполисах и крупнейших агломерациях, где размещаются наиболее развитые структуры управления, деловой жизни, науки, образования, культуры и материального производства. Достижения ведущих городских центров в виде знаний, культуры, производственных, социальных и управленческих технологий, наукоемкой и высокотехнологичной продукции, а также предоставления качественных услуг затем распространяются на

периферию – другие города и поселения, стимулируя их подъем. Таким образом, разрешается диалектическое противоречие развития центра и окружающей периферии, обеспечивающее комплексирование их воспроизводства.

Комплексирование центров и периферий в регионе объективно определяется разделением функций (труда) между городом и деревней, крупными, средними и малыми городскими поселениями. Территориальная протяженность процесса общественного воспроизводства обусловливается необходимостью использования природных ресурсов, цикличностью и стадиями переработки добываемых ресурсов, вплоть до получения конечного продукта.

В качестве движущих сил комплексообразования в регионе выступают развитие общественно-территориального разделения труда и преодоление противоречий между системообразующими и другими структурными составляющими региона: центрами и периферияими, предрприятия отраслей специализации, вспомогательными, обслуживающими и дополнительными производствами, а также между функциональным развитием и средовым формированием. На комплексообразование воздействуют и общие противоречия развития: экономического и социального, общества и природы.

Актуализируется и такое проявление комплексообразования в территориальном развитии, как взаимодействие центров и периферий. Тем более, что в нашей стране провинция находится в особенно глубоком кризисе, нарастает ее отрыв от ведущих экономических центров.

Развитие экономики и социальной сферы и её диверсификация обычно вызывают уплотнение хозяйственной

деятельности и концентрацию населения на территории, в том числе коммуникаций, а также определенную перестройку средового комплекса региона, особенно в городах и агломерациях [1].

На более высоком уровне формируется более 80 региональных комплексов вокруг административных, индустриальных и культурных центров республик, краев и областей. Центры комплекса регионального типа представлены большим или крупным городом. Эти города специализируются на крупном промышленном производстве, деловых и обслуживающих функциях и являются центрами власти субъектов РФ, финансовыми, научными, образовательными, информационными и коммуникационными центрами регионального значения. Межселенная социальная инфраструктура здесь представлена также предприятиями специализированного обслуживания, профессиональной подготовки кадров среднего и высшего звена.

Следующий иерархический уровень образует 10 территориальных воспроизводственных комплексов окружного типа, представленных крупным экономическим районом, включающим все структурные составляющие современного воспроизводства экономики и социальной жизни. Центрами этих комплексов являются крупнейшие города-мегаполисы с формирующимися вокруг них городскими агломерациями. В мегаполисах сосредотачивается основная инновационная, научная, консалтинговая и проектная деятельность, подготовка кадров высшей квалификации, важнейшие центры средств массовой информации. Мегаполисы являются деловыми, социальными и культурными центрами окружного, общероссийского и международного значения. Здесь размещаются производства

конечной, наиболее сложной и наукоемкой продукции и уникальные виды обслуживания производства и населения: узкоспециализированные медицинские центры, ведущие спортивные, выставочные и музейные комплексы, концертные площадки, зоопарки и т. д.

Вокруг центров округов и регионов – крупных городов формируются агломерации – особый тип территориальных комплексов – наиболее развитые групповые системы населений. Основным признаком агломераций являются тесные экономические и социальные связи между центральными городами и пригородами. Наиболее характерными связями является маятниковая трудовая миграция, а также маятниковые поездки из пригородов на учебу в центральный город, а также поездки жителей центральных городов в пригороды с рекреационными целями. Также особенно характерна филиализация предприятий и организаций, ВУЗов центрального города в пригородной зоне.

Производственная специализация пригородных поселений, как правило, является следствием диверсификации хозяйственного комплекса крупного города. Эффективным является опора предприятий, фирм и организаций периферии на ведущие предприятия и организации, размещенные в центре региона, а также их филиализация, создание дочерних предприятий, формирование других территориальных объединений, в том числе в виде холдингов, промышленно-финансовых групп и др. Нередко предприятия и организации периферии являются вспомогательными и обслуживающими по отношению к социально-экономическому комплексу центра, а сельское хозяйство фактически целиком работает на обеспечение продуктами питания

его жителей. Развитие транспорта, водо-, газо-, электроснабжения, водоотведения, решение проблем рекреации, охраны и улучшения окружающей среды центра и пригородов должно осуществляться на принципах их единства и общности.

Литература

1. Шадрин А. И. Комплексное развитие региона / науч. ред. И. А. Ильин; – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2011. – 268 с.

2. Шадрин А. И. Опыт исследования взаимоувязанного развития групповых систем производства и расселения в Красноярском крае // Развитие региональных городских систем расселения и размещение производства (проблемы взаимодействия). – Новосибирск, ИЭиОПП СО АН СССР, 1984. – С. 113-123.

УДК 911.3

М. Д. Шарыгин, И. И. Кротов

M. Sharygin, I. Krotov

ФУНКЦИИ МЕСТА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

FUNCTION SPACE AS A FACTOR OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT

Рассмотрены основные механизмы функционирования территориальных систем типа «центр – периферия». В данных системах особое внимание обращено на функции места, определяющие развитие малого бизнеса.

Considered main mechanisms of functioning of territorial systems «center-periphery». In these systems drawn special attention to the function space that determines small business development.

Ключевые слова: «центр – периферия», функция места, малое предпринимательство.

Keywords: «center-periphery», function space, small business.

Исследование системы «центр-периферия» проводится на нескольких пространственных уровнях, на каждом из которых можно выделить экономический центр (ядро) и периферию. Данные понятия относительны, поскольку в зависимости от масштаба изучения одна и та же территория может рассматриваться в разных качествах.

Периферийному развитию характерно заимствование у центров технологий, стандартов потребления, культурных ценностей и их внедрение в общественные структуры соответствующего уровня. Несмотря на сотрудничество центра и периферии, в последнее время усилились процессы поляризации между ними. Социально-экономическое неравенство в системе «центр-периферия» объясняется наличием объективных предпосылок, ключевыми из которых являются различное географическое положение, пространственная локализация, доступность благ и услуг и т. д. Промежуточным звеном в данной системе выступает полупериферия, которая хотя и оказывает влияние на периферию, но эксплуатируется при этом центром.

Специфика развития центра и периферии наиболее ярко проявляется при анализе социально-экономического развития территории, городской и сельской местности, конкретного места. Место представляет собой компактную часть территории с индивидуальными чертами, отличающимися от окружающей местности. Место – это нетаксонированная пространственная единица, в которой может разместиться хозяйственный объект, в том числе и малое предприятие. В нашем представлении *местом* является участок территории с индивидуальной характеристикой, факторами притяжения и имиджа.

Выбор территории для ведения хозяйственной деятельности определяется внутренним потенциалом места. Каждое место имеет определенную степень инфраструктурного обустройства, плотность и уровень образования проживающего населения, хозяйственного освоения, сохранения природного и культурно-исторического наследия и т. д.

Функция места определяется не только его потенциалом развития (природным, человеческим, инфраструктурным, инновационным, инвестиционным и др.), но и потенциалом притяжения (инвесторов, туристов, хозяйственных объектов и т. д.).

Особенности функций места как фактора развития хозяйственных объектов и, в частности, малого предпринимательства прослеживаются как на общероссийском, так и региональном уровнях. *Объектом* нашего исследования является Пермский край – старопромышленный регион со сложившейся территориальной структурой хозяйства. Центром региона является миллионный город Пермь – ядро городской агломерации. Ближайшая к агломерации территория имеет типичные черты полупериферии, которая переходит в типичную периферию.

Конкретные места в центреактивно используют потенциал притяжения. Они выполняют агломерационные, обслуживающие, инновационные, организационные и иные функции. Реализация их притягательного потенциала приводит к концентрации и разнообразию малого предпринимательства. Большинство небольших фирм здесь занято оптовой и розничной торговлей, строительством, операциями с недвижимым имуществом, арендой, предоставлением услуг, обрабатывающим производством, транспортом и связью, финансовой деятельностью. Хотя

отраслевым лидером среди малых предприятий города Перми остается торговля, наивысшую рентабельность показывают обрабатывающая промышленность и финансовая сфера.

Совершенно иная ситуация складывается в периферийной части Пермского края. Несмотря на маргинальную ситуацию периферии, на ее территории имеются места с высоким потенциалом развития. Природно-ресурсные возможности и историко-культурное наследие этих мест являются важным фактором именно малого, а не крупного предпринимательства. Имеющийся потенциал конкретных мест в заброшенной и разрушенной сельской местности наиболее рационально может быть реализован активными и амбициозными предпринимателями.

В северной периферии Пермского края формируется малый бизнес по использованию лесных ресурсов: древесины, грибов, трав и т. д. Так, в Косинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края успешно был реализован проект «Северная ягода», целью которого было налаживание заготовки и переработки дикоросов. Полученная продукция оказалась востребованной не только на местном рынке, но и санаториями (профилакториями) России, в том числе оздоровительными учреждениями Московской области. В планы малого бизнеса входит производство новых видов продукции: фиточая, лечебных подушек, целебных стелек и др.

В Горнозаводском Прикамье активно реализуется туристско-рекреационный потенциал. Главной предпосылкой развития туризма является разнообразие природно-ландшафтных объектов, памятников культурного наследия. Основные группы туристских потоков в муниципальном районе составляют жители Пермского края, соседних регионов и центральных городов России.

Постепенно интерес к этому направлению появляется у иностранных туристов. Инфраструктура горнозаводских маршрутов создается малыми фирмами, обеспечивающими туристов необходимым снаряжением, оборудованием, питанием, предоставляющими дня них транспортные и сопроводительные услуги.

В южной и западной периферии региона создаются малые предприятия агропромышленного типа. Небольшие фермерские хозяйства закупают у местного населения крупный рогатый скот, предоставляют услуги гражданам и юридическим лицам по забою сельскохозяйственных животных.

Для полупериферии Пермского края наиболее целесообразно использовать местный потенциал, как развития, так и притяжения. Другими словами, использовать достоинства центра и периферии. В Березниковско-Соликамском и Лысьвенско-Чусовском промышленных районах малые фирмы получают дополнительный импульс для развития благодаря функционированию на этих территориях крупных производств («Уралкалий», «Соликамскбумпром», «Сильвинит», «Азот», Соликамский магниевый завод, Лысьвенский и Чусовской металлургические заводы). Взаимодействие малого предпринимательства и крупных бизнес-структур способствует внедрению небольшими фирмами в свое производство новых идей, технологий, механизмов, что, в свою очередь, сказывается на повышении качества выпускаемой продукции и уменьшении издержек.

Потенциалы развития и притяжения усиливаются формированием имиджа и позиционированием места в системе регионов и страны.

Отметим, что при географическом позиционировании места представляются главные достоинства и отличительные свойства территории. Географическое позиционирование является важнейшим составляющим, позволяющим заострить внимание на уникальных особенностях места в регионе, стране, мире. При этом не остаются без внимания и типичные географические классические свойства, поскольку они могут быть в определенном отношении существенным достоинством.

Конкуренция, являясь неотъемлемым элементом деятельности малых предприятий, характерна и для территорий (мест), которые начинают борьбу между собой за бóльшую известность, за более благоприятную репутацию, за бóльшее влияние, за участие в эффективных проектах, за привлечение инвестиций и туристов, опираясь при этом на собственные конкурентные преимущества.

Истоками конкурентных преимуществ места служат его уникальные географические свойства, которые выражаются в специализации и социально-экономических функциях территории.

С удивительной находчивостью конкурентные преимущества места используются малым бизнесом. К примеру, при организации своей деятельности в рекреационной сфере субъекты малого предпринимательства на основе принципа ландшафтной контрастности способны оценить пейзажное разнообразие места и принять верное решение о привлекательности этой территории для отдыха населения. Поскольку одни функции территории зачастую взаимоисключают другие, а туризм требует наиболее полного сохранения природы, единственным местом для размещения малых

предприятий рекреационной сферы фактически становится периферия.

Однако, на периферии формируются не только туристские, но и лесопромышленные, горно-промышленные, пастбищные, заповедные зоны как малофункциональные и однофункциональные территории. Большинство этих зон отличаются наличием малых предприятий, внедряющих технологии производства, заимствованные в результате функционирования системы отношений «центр-периферия». Так, вместо производства цельной древесины с ее недостатками (усадка, растрескивание) малые предприятия переходят на изготовление клееного бруса, нашедшего широкое применение в строительстве коттеджей и домов. Применение более сложной технологии производства клееной древесины (сортировка, распиловка и сушка, калибровка и контроль, строгание, склеивание и прессовка, торцовка, профилирование или оцилиндровка, упаковка) требует немалого количества финансовых и трудовых ресурсов, однако, малые предприятия, отличаясь высокой степенью гибкости и маневренности, с целью полного удовлетворения возникшего на этот товар спроса готовы оперативно переходить на новый путь своего функционирования.

Таким образом, применительно к малому предпринимательству функция места может в значительной степени благоприятствовать его деятельности. Успешное развитие малого бизнеса позволяет не только использовать потенциал конкретных мест, но и удовлетворить постоянно изменяющиеся потребности населения в товарах, работах, услугах, обеспечить рабочими местами жителей отдаленных от центра мест.

УДК 911.3(477.75)

А. Б. Швец, А. Н. Яковлев

A. Shvets, A. Yakovlev

О НОВЫХ ТРЕНДАХ «НОВОГО КРЫМА»

ABOUT NEW TRENDS OF THE "NEW CRIMEA"

Рассмотрено появление новых центров воздействия на социокультурную ситуацию в Крыму после его воссоединения с Российской Федерацией. Выявлены контуры геополитического проекта «Новый Крым».

Considered the emergence of new centers of influence on the socio-cultural situation in Crimea after its reunification with the Russian Federation. Revealed the contours of a geopolitical project "New Crimea".

Ключевые слова: социокультурная конфликтность, география, геополитика, Крым.

Keywords: socio-cultural conflict, geography, geopolitics, Crimea

Прошёл год после воссоединения крымской автономии с Российской Федерацией (РФ). Это был период стремительной интеграции нового территориального субъекта в правовое, финансовое, экономическое поле страны, продемонстрировавшей миру способность отстаивать национальные интересы в условиях резкого противодействия государств западной политической культуры.

Высшее руководство России признало уникальность и пионерный характер интеграции Республики Крым и г. Севастополя в структуру Российской Федерации. На полуострове, по словам премьер-министра РФ Д. Медведева, «многие вопросы пришлось решать впервые, буквально на ходу, с колёс», но «в целом задача

состоялась» [1]. Председатель Государственной думы РФ С. Нарышкин отметил, что в течение 2014 года российские законодатели приняли более трёх десятков законопроектов по интеграции Крыма в правовое пространство России, что говорит о достойном завершении исторического воссоединения исконно русских земель, названного «крымской весной» [2].

Признание российской государственной элитой завершения процесса интеграции Крыма и г. Севастополя в российское политико-правовое пространство позволяет утверждать, что Россия не только расширила южную периферию своей геополитической сферы влияния в Восточной Европе, но и начала осуществление геополитического проекта «Новый Крым».

Концептуально «Новый Крым» представляется нам как обоснование миссии Полуострова в ситуации противостояния двух больших геополитических проектов «Объединённого Запада» и «Русского мира» или по формулировкам классической геополитики талассократии и теллурократии. В этом противостоянии Крыму отводится роль охранителя традиций Русского мира, региона, который сможет защитить эти традиции в прямом противостоянии и постоянно воспроизводить их в региональной идентичности жителей.

Наполнение проекта «Новый Крым» реальным содержанием – процесс многоаспектный. В проекте будут политические и экономические тренды. Мы выделяем в нём пространственный тренд важный для общественно-географических исследований.

Новый Крым – это в настоящее время пространство спорной определённости. Согласно официальной позиции Украины и Генеральной Ассамблеи ООН [3] Крым является временно

оккупированной территорией Украины, на которой продолжают действовать требования законодательства Украины [4]. Официальная позиция РФ, основанная на волеизъявлении жителей республики, выраженном в ходе мартовского референдума 2014 года, устанавливает, что с 18 марта 2014 года Крым и Севастополь являются субъектами Российской Федерации как республика и город федерального значения соответственно [5]. Кроме того, 17 марта 2014 года правительство Крыма установило, что на территории Республики Крым не применяется законодательство Украины, не исполняются решения Верховной Рады Украины и иных государственных органов Украины, принятые после 21 февраля 2014 года [6].

Таким образом, в Крыму определены два взаимоисключающих проекта его политико-географической субъектности: российский и украинский. Сущность политико-географической субъектности Крыма была описана крымскими географами Н. В. Багровым [7] и С. Н. Киселёвым [8]. Оба исследователя рассматривали означенную субъектность как возможность для населения региона определять стратегию своего поведения в рамках существующей политической ситуации и существенно влиять на политику целого государства.

Используя упомянутую трактовку политико-географической субъектности региона обозначим пространственные центры, способные при помощи политических, экономических, пропагандистских методов реально изменять стратегию поведения населения Крыма от признания до отрицания какой-либо его субъектности. Очевидно, что таких центров три: *российский, украинский и крымский*. Учитывая наличие внешнего управления Украиной со стороны США, что подтверждается фактом появления граждан этой страны в украинском правительстве, правильнее

считать синонимичным название «американский» для украинского центра политико-географического влияния.

Российский центр по факту и с нарастающей интенсивностью оказывает финансовое, правовое и экономическое влияние на крымскую ситуацию через систему государственных и корпоративных органов банковской, налоговой, миграционной, трудовой и прочих служб, заменивших аналогичные украинские ведомства. Влияние этого центра дифференцирует территориальные пропорции развития Крымского федерального округа, вовлекая в интенсивный социально-экономический рост те районы Крыма, которые в украинский период считались окраинными и удалёнными от главных транспортно-инфраструктурных осей развития полуострова. Это касается в первую очередь Восточного и Юго-Восточного Крыма, по территории которых проходит «дорога жизни» от Керченской паромной переправы.

Крымский центр фактически делит инициативу своего влияния с российским, являясь субъектом федеративных отношений в РФ. Вместе с тем, именно от эффективной работы этого центра зависит накал общественного мнения в Республике Крым. Крымский центр не должен быть только транслятором влияния российского центра. Результативность его деятельности во многом определяется успешностью управленческого менеджмента.

Украинский центр совместно с некоторыми международными организациями (к примеру, специализированными организациями ООН – Международной организацией гражданской авиации – ИКАО, Международной морской организацией – ММО) способствовал превращению территории Крыма в табуированную для контактов с миром, ограничив доступность полуострова по суше, воздуху и морю. Влияние Украинского центра на Крым сказалось на

появлении регионов, меняющих хозяйственную специализацию. Так, перекрытие Украиной поступления воды по Северо-Крымскому каналу вызвало необходимость смены в степной части полуострова влаголюбивых сельскохозяйственных культур на засухоустойчивые. Сократилась транспортная функция городов Джанкой и Красноперекопск. Блокированы для захода иностранных судов морские порты Крыма.

Пространственная блокада Крыма – это фактор риска для проекта «Новый Крым». Ситуация превращения границы между Крымом и миром в барьерный рубеж на неопределённый срок создает феномен «морального и физического дискомфорта» для жителей полуострова. Барьерная граница нарушает ощущение «периметра безопасности», о котором часто пишут психологи и этнологи, объясняя появление случаев агрессивного поведения людей на блокированных по разным причинам территориях.

Создание барьерной границы Украины с Крымом возродило на полуострове проблему этнополитической нестабильности. На территории Украины сформировано крымскотатарское «правительство в изгнании», представленное лидерами пока непризнанной на Украине и практически запрещённой в России организации меджлис-курултай крымских татар. Лидеры этой организации заняли в период «крымской весны» откровенно антироссийскую позицию, призывали к бойкоту референдума, стали организаторами серии конфликтогенных политических акций, основными лозунгами которых были «Нет аннексии Крыма, нет референдуму».

В настоящее время меджлис пытается сформировать внешний центр влияния на ситуацию в крымскотатарской среде. Руководству меджлиса законодательством РФ запрещено на пять лет пересекать

границу Крыма. Это вызвало ряд протестных акций крымских татар и положило начало дифференциации членов меджлиса на пророссийских и проукраинских. Линия этого раскола сохраняется и в среде рядовых крымских татар.

Противоречия, имеющие этнополитическую окраску, фиксировались нами и до воссоединения Крыма с РФ [9; 10]. Но 2014 год стал рекордным по вариантам проявления этнополитических противоречий, зафиксированных крымскими СМИ. Их географическая локализация по-прежнему совпадает с территорией крымского предгорья и центром в г. Симферополь.

Литература

1. Задача интеграции Крыма и Севастополя в состав РФ в целом решена [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.c-inform.info/news/id/21648. – 14.042015.
2. Госдума приняла более 30 законопроектов по интеграции Крыма в Россию [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.mail.ru/inregions/crimea/110/politics/20494697/?frommail=1. – 17.12.2015.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О поддержке территориальной целостности Украины» от 27.03.2014 № 68/262, п. 5, п. 6.
4. Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» от 15.04.2014 № 1207-VII, ст. 1, ст. 3
5. Федеральный Конституционный Закон РФ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 21.03.2014, ст. 1
6. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17.03.2014 № 1745-6/14 «О независимости Крыма», п. 2.
7. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития / Н. В. Багров. – К.: Либідь, 2002. – 253 с.
8. Киселёв С. Н. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье / С. Н. Киселёв // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 68−78.
9. Швец А. Б. География неустойчивого развития в Крыму / А. Б. Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2007. – Т.3, Вып. 2. – С.123-130.
10. Швец А. Б. Типологический подход в исследовании социокультурной конфликтности / А. Б. Швец, А. Н. Яковлев // Ученые записки ТНУ. Серия «География». – 2007. – Т.20(59), № 2. – С.73-79.

УДК 327; 913

В. А. Шупер
V. Shuper

ТЕКТОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ

TECTONIC SHIFTS IN RUSSIA'S SPATIAL STRUCTURE

Кризис рационализма делает невозможными взаимовыгодные отношения между ЕС и РФ, что вызывает необходимость переориентации страны на восток, более быструю, чем того требует грядущая смена лидера мирового развития и перемещение оси мирового развития из Атлантического региона в Тихоокеанский. В таких условиях необходимо форсированное развитие Дальнего Востока. Владивосток должен стать через 15-20 лет третьим городом России, тихоокеанским Петербургом.

The rationalism's crisis makes impossible the mutually beneficial cooperation of EU and Russia. So that the last needs the quick re-orientation to the East, even more quick than conditioned by world development leadership change and much more dynamic development of the Pacific region than of the Atlantic one. So that the accelerated development of the Russian Far East is absolutely necessary and Vladivostok shall become in 15-20 years the third city of Russia, Pacific St. Petersburg.

Ключевые слова: кризис рационализма, лидер мирового развития, Pax Sinensis.

Keywords: rationalism's crisis, world development leadership, Pax Sinensis.

Уже второй раз за свою короткую постсоветскую историю Россия вынуждена прилагать титанические усилия для ликвидации дефектов своего геополитического и геоэкономического положения.

В девяностые и двухтысячные годы было жизненно важно обеспечить условия для бесперебойного экспорта энергоносителей и минимизировать ущерб от утраты ряда важнейших портов. Для этого прокладывались нефтепроводы БТС-1 и БТС-2, был построен газопровод «Северный поток», несмотря на противодействие стран, входящих в ЕС и заинтересованных в сохранении для Украины преимуществ транзитера, которыми она часто злоупотребляла, сооружались новые порты и расширялись существующие. Дальнейшим шагом должен был стать «Южный поток», позволяющий полностью отказаться от транзита газа через Украину. Однако резкое изменение геополитической ситуации заставило Газпром не только отказаться от его сооружения, но и круто изменить свою бизнес-стратегию в Европе, основанную на приобретении активов и стремлении поставлять газ конечным потребителям. Эти активы оказались теперь в зоне риска.

Разумеется, можно серьезно усомниться во вменяемости политического руководства ЕС, которому жизненно необходимо расширять сотрудничество с Россией в политической и экономической областях, но которое вместо этого занимается продвижением «Европейского проекта» с применением всех огневых средств, имеющихся в распоряжении украинской армии, в регионы, категорически не желающие в нем участвовать. В политическом плане сотрудничество с Россией совершенно необходимо для противодействия общим угрозам, таким, как ИГИЛ. В экономическом отношении следует готовиться к новой реальности, которая наступит с Трансатлантическим партнерством по торговле и инвестициям. Очевидно, что в ЕС не придет дешевый сланцевый газ из США. Если он и будет экспортироваться в сколько-

нибудь существенных объемах, что пока не очевидно, то пойдет на рынки Восточной Азии, ибо будет торговаться там с премией к европейской цене. Немецкие химические концерны уже переносят производство в США, где использование дешевого газа позволяет улучшить экономические показатели.

В таких условиях лидеры ЕС должны были бы лезть из кожи вон, чтобы обеспечить политически низкую цену на российский газ. Это вполне реально, поскольку наша страна крайне заинтересована в инвестициях и передовых технологиях для своей ускоренной модернизации, а потому вполне могла бы пойти на подобную мегасделку. Для европейских экономик выгода от реализации такого гигантского проекта была бы двойной. Скорее всего, таким образом удалось бы даже преодолеть стагнацию и встать на путь динамичного развития. Однако прогрессирующий упадок Запада сопровождается интеллектуальным угасанием, что проявляется и в сфере международных отношений. Вместо углубленной «работы над ошибками», направленной на решение острейших политических, экономических, этнических и социальных проблем, стоящих перед ЕС, избран путь внешней экспансии, что позволяет говорить о становлении нового европейского империализма. А ведь еще недавно было, по сути, отказано от европейского дома Турции, значительно более модернизированной и сильной в экономическом отношении, нежели Украина.

Лидеры мирового развития постоянно менялись, в XX веке *Pax Britannica* сменился на *Pax Americana*, через пару десятилетий «многополярного мира» мы будем жить в *Pax Sinensis.* Отметим, что предыдущий период «многополярного мира» начался и закончился мировой войной, поэтому и сейчас следует готовиться к крайне

турбулентным международным отношениям в переходный период. Уже происходящее смещение оси мирового развития из Атлантического макрорегиона в Тихоокеанский в любом случае делает абсолютно необходимым преодоление крайнего убожества тихоокеанского фасада России. Однако, необходимость срочной эвакуации из сошедшей с ума (или выжившей из него) Европы требует быстрого геополитического разворота в условиях острого дефицита экономических и демографических ресурсов и недореформированного, а потому и не отличающегося эффективностью хозяйства.

В 1980-е годы страны ЕЭС проявили дальновидность и самостоятельность, прокредитовав строительство газопровода Уренгой-Помары-Ужгород и его продолжения в страны Западной Европы, несмотря на сугубо отрицательное отношение США к такому проекту. Сейчас параноидальное стремление европейских лидеров лишить Россию «газового оружия», которым ни СССР, ни РФ никогда не пользовались (впрочем, такое стремление следует признать вполне рациональным, если конфликт готовился загодя), заставляет переориентировать поставки энергоносителей на восток. Строятся нефтепровод «Восточная Сибирь-Тихий океан» (ВСТО) и газопровод «Сила Сибири», однако значительно большего внимания с геополитической точки зрения заслуживает газопровод «Алтай», поскольку он будет наполняться газом с месторождений Западной Сибири, где добыча вряд ли будет сколько-нибудь существенно расти. Следовательно, в перспективе речь идет о переориентации газовых потоков с европейского направления на китайское.

По справедливому мнению К. В. Симонова, гендиректора Фонда энергетической безопасности, огромные инфраструктурные инвестиции до поры до времени амортизировали воздействие украинского кризиса на отношения между РФ и ЕС. Теперь гигантские инвестиции, как в сам газопровод «Алтай», так и в его продолжение по китайской территории к наиболее крупным потребителям, всего порядка 4 тыс. км, накрепко и надолго привяжут Россию к Китаю. Китаю тоже предстоят трудные времена в связи с существенным ростом стоимости рабочей силы, неблагоприятными демографическими тенденциями, необходимостью проведения глубоких реформ в госсекторе экономики и многими другими проблемами, вызванными глубокой структурной перестройкой китайского общества. Россия будет жизненно заинтересована в успехе этих преобразований, проводимых в условиях острого соперничества с США, поскольку вынуждена положить все яйца в одну корзину. В то же время КНР едва ли будет оказывать РФ существенную поддержку в ее конфликте с США и ЕС.

Очевидно, что для России предельно нежелательно втягивание в неизбежное грядущее столкновение между США с союзниками и Китаем на стороне последнего, но участие в подобном столкновении на стороне Запада гарантированно приведет к краху самого Российского государства. Между тем, объективное совпадение интересов России и Запада будет крайне трудно реализовать в выстраивании геополитической конфигурации ввиду готовности рассматривать РФ как партнера и соответственно учитывать ее интересы только в случае безоговорочного следования в кильватере США и ЕС. В таких условиях свобода от

союзов, вопреки мнению В. В. Путина, едва ли будет надежной гарантией безопасности России. Придется прилагать все усилия для установления союзнических отношений с Китаем, который и так рассматривает Россию как свой тыл, если попытки договориться о нейтралитете с Западом так ни к чему и не приведут.

В том фактически отчаянном положении, в котором оказалась наша страна, сдвиг на восток становится условием ее выживания. Этот сдвиг уже происходит – достаточно сравнить карты городов-миллионеров СССР в 1989 г. и РФ в 2014 г., которые не приводятся за недостатком места. В первую очередь должно быть форсировано развитие Дальнего Востока. Нам следует вернуться к фундаментальной идее И. М. Маергойза (1908-1975 гг.) начала 1970-х годов о необходимости форсированного развития Дальнего Востока на основе его уникального (уже тогда!) географического положения, с целью сделать его второй базой освоения Сибири, поднимаемой в таком случае мощными потоками, идущими как с запада, так и с востока. Развитие Дальнего Востока требует формирования целостной системы расселения, до сих пор отсутствующей. Для региона характерно двустоличье, соперничество Владивостока и Хабаровска, а также ориентация остальных областных и краевых центров, равно как и Якутска, если рассматривать Дальний Восток в пределах Дальневосточного федерального округа (ДФО), непосредственно на Москву, а не на один из этих двух центров, с единственным исключением в виде Биробиджана, который с очевидностью тяготеет к Хабаровску.

В традиционном соперничестве Владивостока и Хабаровска первый обречен на победу, в силу как несравненно более благоприятного макрогеографического положения,

способствующего тихоокеанской интеграции, так и наличия большой потенциальной агломерации. Сейчас население обоих городов составляет примерно по 600 тыс. жителей, но у Хабаровска агломерации практически нет, а Владивосток может удвоить свою людность за счет таких городов, как Находка, Уссурийск, Артём, Партизанск, Большой Камень, Славянка, Посьет и др. Для этого потребуется развитие скоростного внутри агломерационного транспорта, в т. ч. и морского, предположительно на воздушной подушке, с учетом конфигурации и изрезанности побережья. Масштаб этой задачи по тихоокеанским меркам следует признать скромным – в устье Янцзы на основе скоростного железнодорожного транспорта формируется гигаполис с населением порядка 100 млн жителей. Однако Большой Владивосток в течение полутора-двух десятилетий сможет вырасти в полтора раза и, обогнав Новосибирск, стать третьим городом России, тихоокеанским Петербургом.

В ДФО сложится целостная система расселения во главе с Владивостоком, которая будет удовлетворительно соответствовать правилу «ранг-размер». В дальнейшем произойдет формирование иерархической структуры центральных мест с *K*=2, наиболее примитивной, с перспективой дальнейшей эволюции в направлении увеличения значения *K.* Еще более ограниченные, чем в начале 1970-х годов, ресурсы требуют филигранной точности в выборе локализации и специализации, концентрации сил и средств в немногих локусах, а не их размазывания по территории. В любом случае придется срочно выучить урок Маергойза, который в свое время бездарно прогуляли.

УДК 911.3:338.48

И. М. Яковенко
I. Yakovenko

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РЕКРЕАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

TERRITORIAL RECREATIONAL INEQUALITY AS TREND OF RECREATIONAL PROCESS' DEVELOPMENT

Рассмотрены факторы дифференциации стран и регионов по уровню развития рекреации. Изучены негативные последствия территориального рекреационного неравенства (ТРН) на региональном уровне. Выявлены особенности решения проблемы ТРН на примере Крыма.

The factors of differentiation of countries and regions on the level of development of recreation are considered. The negative consequences of territorial recreational inequality (TRI) are studied at regional level. The features of decision of problem are educed on the example of Crimea.

Ключевые слова: дифференциация рекреационной деятельности; территориальное рекреационное неравенство.

Keywords: differentiation of recreational activity; territorial recreational inequality.

Современный этап мирового рекреационного движения характеризуется сохранением дифференциации стран и регионов по масштабам рекреационного освоения, уровню развития рекреации, роли и места рекреации и туризма в общественной организации территории.

На глобальном уровне детерминантами различной степени вовлечения в систему международного туризма являются: разрыв между странами в уровне социально-экономического развития и

обеспеченности рекреационными ресурсами, влияние государственной туристской политики, интересы транснациональных компаний в сфере туризма, геополитическая ситуация в макрорегионах, состояние мировой финансово-экономической системы и др.

Московские географы [1] рассматривают систему международного туризма как иерархизированную центро-периферическую: на основе 12 важнейших макроэкономических показателей туристской активности выделены Центр мирового туристского пространства (высокоразвитые страны Северной Америки, Европы и Азии (Япония); Полупериферия (Северная Европа, НИС Азии, страны Центрально-Восточной Европы и островные территории Средиземноморского и Карибского бассейнов); Периферия (страны Центральной и Южной Америки – «продвинутая» Периферия; экономически отсталые государства Африки и Южной Азии – «глубокая» Периферия). Более конкретное представление о позиции страны дает Индекс конкурентоспособности наций в туризме, рассчитываемый ежегодно экспертами Международного экономического форума в Давосе [2].

В 2013 г. из 1,15 трлн. долл. валютных поступлений от туризма 745 млрд долл. (64,8%) приходилось на развитые страны и 413 млрд долл. (35,2%) – на развивающиеся [3]. На протяжении последнего десятилетия наблюдается тенденция увеличения доли развивающихся стран в туристских потоках и в валютных поступлениях от туризма. Хотя в данной группе стран факторами конкурентоспособности на мировом рынке туристских услуг часто выступают монокультурная экспортная ориентация отдельных частей страны, обладающих лучшими или эксклюзивными рекреационными ресурсами, и деятельность ТНК по созданию

новых туристских дестинаций и средств их обеспечения, важная роль в продвижении национального турпродукта отводится государству. Так, именно реализация Стратегии развития туризма в Турции, обозначившей приоритеты развития этого сектора экономики до 2023 г., обеспечила вхождение страны в первую топ-десятку стран мира по числу международных туристских прибытий.

На уровне отдельных стран и их регионов более отчетливо проявляется территориальное рекреационное неравенство (ТРН), под которым понимается пространственная разновидность социального неравенства, обусловленная совокупностью природно-географических, социально-экономических, геополитических, социокультурных, экологических и иных условий и факторов, проявляющаяся в различиях между регионами в формах функциональной и территориальной организации, интенсивности и эффективности (социальной, экономической и экологической) рекреационной деятельности. Проведенные Т. А. Таган [4] расчеты с построением кривой Лоренца на основе показателей балансовой прибыли санаторно-курортных и туристских предприятий Крыма и доходов населения, занятых в рекреации, подтвердили наличие существенного неравенства. Разрыв между районами по показателю платежей рекреационных предприятий в бюджет составляет 110 раз (предельным считается десятикратный уровень). Таким образом, на мезорегиональном уровне также прослеживается центро-периферическая модель пространственной организации рекреации. «Центром» рекреационного пространства Крыма продолжают оставаться староосвоенные районы (Южный берег Крыма, Сакско-Евпаторийский район, Юго-Восточный район, принимающие более 60% общего потока туристов, прибывающих в Крым); «полупериферией» – районы, частично сменившие вектор

социально-экономического развития в пользу рекреации и туризма (Юго-Западный район (Севастополь) и районы нового освоения (Северо-Западный и Восточный районы); «глубокой периферией» (районы Северного Крыма, где отсутствуют общественно значимые рекреационные ресурсы и развиваются альтернативные виды хозяйственной деятельности).

ТРН – динамичное состояние неравномерности развития рекреационной деятельности в регионах, оказывающее негативное влияние на характер социально-экономических процессов и требующее регулятивных действий со стороны государства. В Крыму сложилось значительное неравенство жителей разных районов по возможности улучшения качества жизни за счет дополнительного заработка, связанного с предоставлением частных услуг размещения, питания и перевозок туристов в курортный сезон. По данным опросов, при условии полной загрузки коечной сети с мая по сентябрь доходы владельца мини-отеля составляют от 1-3 млн руб. в Южнобережном районе до 100 тыс. руб. в Восточном районе Крыма (Керчь, Ленинский район). Проблема территориального рекреационного неравенства в Крыму в составе Украины усугублялась сложными аграрными отношениями вследствие поляризации рыночной стоимости земли в приморских и внутренних районах Крымского полуострова и расслоения общества по возможности приобретения ценных в рекреационном отношении земельных участков. В данном контексте районами-аутсайдерами являются степные районы Крыма, жители которых лишены возможности улучшения качества жизни за счет использования земельных угодий для производства рекреационных услуг.

Геополитические и социально-экономические трансформации способны радикальным образом изменить расстановку сил на

региональном, национальном и международном рынках туристско-рекреационных услуг. Это со всей очевидностью проявляется на примере Крыма. Вхождение Республики Крым и г. Севастополь в состав Российской Федерации изменило вектор развития региона: если в прошлом Крым был ориентирован на приоритетное развитие въездного туризма, преимущественно соседского, то в сложившихся условиях приоритетом должно стать обслуживание внутреннего туризма. Вместе с тем, появление нового игрока на туристской карте Юга России может привести к обострению внутренней конкуренции между Крымом и районами Черноморского побережья Кавказа, являющимися сегодня «центром» российского рекреационного пространства. На территории самого Крыма изменение транспортно-логистических потоков, явившееся следствием ухудшения российско-украинских отношений, выступит фактором перехода ранее депрессивного в рекреационном отношении Керченского полуострова в район интенсификации рекреационных функций. Восточный вектор туристских потоков (в перспективе усиленный строительством моста через Керченский пролив) может стать стимулом для создания туристского предложения, ориентированного на часть потока и актуализацию неиспользованных рекреационных ресурсов района.

Целевой установкой решения проблемы ТРН следует считать не ликвидацию неравенства, что объективно недостижимо, а смягчение территориальных диспропорций до социально приемлемых норм. В рамках региональной туристской политики государства должны быть предусмотрены следующие мероприятия:

— оптимизация территориальной структуры туристско-рекреационного комплекса страны или региона (переориентация туристских потоков и инвестиций в слабоосвоенные и пионерные

районы путем создания территорий приоритетного развития, введения гибкой ценовой политики, государственных льгот для инвесторов, частно-государственного партнерства, активизации рекламно-имиджевой работы);

— инициирование и поддержка региональных форм кооперирования в сфере рекреации и туризма (создание специализированных туристских кластеров);

— создание сквозных туристских коридоров, связывающих дестинации как традиционных туристских центров, так и объектов природного и культурного наследия периферийных районов (например, туристский коридор «Великий шелковый путь»);

— создание прорывных инновационных туристских проектов в районах-аутсайдерах (строительство крупных тематических парков, создание интерактивных музеев и др.), способных изменить траекторию туристских потоков;

— продвижение совместных программ для конкурирующих рекреационных районов со сходной специализацией. Пилотными образцами такого межрегионального турпродукта явились экскурсионные программы, появившиеся в 2015 г. при участии туроператоров Крыма, Сочи, Краснодара и Ставропольского края.

Литература

1 География туризма [Учебник] / кол. авторов под ред. А. Ю. Александровой. – М.: КНОРУС, 2008. – 592 с.

2 The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https: // www. google. Com/?gws_rd=ssl#q=the travel %26 tourism competitiveness report 2014.

3 UNWTO Tourism Highlights, 2014 Edition [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.google.com/?gws_rd=ssl#q=unwto+tourism+ highlights.

4 Таган Т. А. Общественно-географическое исследование территориального рекреационного неравенства (на примере Крыма): автореф. дис. … канд. геогр. Наук / Т.А. Таган. – Симферополь, 2011. – 20 с.

Сведения об авторах

Ахметов Ренат Шамильевич*,* кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

Андрианова-Ушакова Елена Алексеевна, студентка 4 курса экономического факультета Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, springsae@gmail.com

Бабурин Вячеслав Леонидович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, vbaburin@yandex.ru

Бадов Александр Даурбекович*,* доктор географических наук, профессор кафедры физической и социально-экономической географии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, badov@list.ru

Безруков Леонид Алексеевич, доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, профессор кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, bezrukov@irigs.irk.ru

Бессонова Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, ФГБОУ ВПО Югорский государственный университет Институт менеджмента и экономики, г. Ханты-Мансийск, T_Bessonova@ugrasu.ru

Блануца Виктор Иванович*,* кандидат географических наук, ведущий инженер Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск; blanutsa@list.ru

Бочарников Владимир Николаевич*,* доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, vbocharnikov@mail.ru

Быков Николай Иванович*,* кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, nikolai_bykov@mail.ru

Быковских Алексей Митрофанович*,* кандидат географических наук, доцент кафедры туризма и гостиничного дела Воронежского государственного университета инженерных технологий, г. Воронеж, loge@inbox.ru

Войтеховский Дмитрий Валерьевич, магистр кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Вольхин Денис Антонович, ассистент и аспирант кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, lomden@mail.ru

Воронина Виктория Владимировна, аспирантка кафедры экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, 200289@lenta.ru

Галимов Мирас Амангельдиевич, кандидат географических наук, доцент кафедры географии ЗКГУ им. М. Утемисова, г. Уральск, Казахстан, heritage_mir@mail.ru

Гатарич Драгица, доктор географических наук, ассистент профессор географического факультета Белградского университета, г. Белград, Республика Сербия, gataricgaga@gmail.com

Гнято Слободан, бакалавр факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, slobodangnjato@gmail.com

Гонтарь Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, passat01@mail.ru

Горбанёв Владимир Афанасьевич, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, gorbanyov@is-net.ru

Горохов Станислав Анатольевич, кандидат географических наук, доцент, докторант и старший научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва, stgorohov@yandex.ru

Горячко Мария Дмитриевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, mgoryachko@yandex.ru

Деточенко Лилия Валерьяновна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и геоэкологии, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, LillyaD@rambler.ru

Дирин Денис Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, denis_dirin@mail.ru

Дмитриев Руслан Васильевич, кандидат географических наук, научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Института географии РАН, Москва, dmitrievrv@yandex.ru

Довгалюк Мария Владимировна, студентка 1 курса магистратуры Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, maria.dov@mail.ru

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, alexdru@ctsnet.ru

Евченко Наталья Николаевна, доктор экономических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, natayevch@aaanet.ru

Живанович Зора*,* доктор территориального планирования, ассистент профессор на Географическом факультете Белградского университета, г. Белград, Республика Сербия, zoraz17@yahoo.com

Живкович Миленко*,* доктор географических наук, профессор факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, milenko.reg@gmail.com

Житин Дмитрий Викторович*,* кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, zhitin_dv@mail.ru

Зверев Юрий Михайлович, кандидат географических наук, заведующий кафедрой географии, природопользования и пространственного развития ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград, YZverev@kantiana.ru

Иванова Анна Александровна, студентка 1 курса магистратуры Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербургс, anna93iv@yandex.ru

Иванова Оксана Андреевна, магистр социологии, социолог Центра специальной связи и информатизации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае, г. Барнаул ivanova_sociology@mail.ru

Имашев Эдуард Жусупович, кандидат географических наук, руководитель офиса коммерциализации Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова, г. Уральск, Казахстан, imashev_edik@mail.ru

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, n.kaledin@spbu.ru

Киселёв Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, тел.: +79787815010

Клюев Николай Николаевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва, kkc-17@yandex.ru

Ковалев Юрий Юрьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры теории истории международных отношений Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург, ykowaljow@pochta.ru

Колонистова Анна Николаевна, ассистент кафедры туризма и гостиничного дела Воронежского государственного университета инженерных технологий, г. Воронеж, fyyf.87@mail.ru

Комкова Анна Игоревна, студентка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

Комов Игорь Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения факультета географии, геоэкологии и туризма, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, igrkom@bk.ru

Козина Галина Олеговна, студентка Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, missenj@mail.ru

Красноярова Бэлла Александровна*,* доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, bella@iwep.ru

Кротов Александр Викторович*,* кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, географический факультет, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, krotov_av@mail.ru

Кротов Иван Иванович, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, krotov700@yandex.ru

Кудрявцев Андрей Федорович*,* кандидат географических наук, доцент кафедры физической и общественной географии ФГБОУ ВПО Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, kudr2005@mail.ru

Куница Марина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и землеустройства Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, geodem@mail.ru

Лазарева Жанна Васильевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и методики обучения географии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, zhanna_lazareva@inbox.ru

Лачининский Станислав Сергеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, lachininsky@gmail.com

Лихневская Надежда Владимировна, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

Ломакина Анастасия Игоревна, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН, Москва, Lomakina.lomakina@ya.ru

Любичанковский Алексей Валентинович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, av-lubichan@yandex.ru

Любичанковский Валентин Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, svlubich@yandex.ru

Майич Александер, бакалавр географии, ассистент, факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, stanovnistvo.pmf@gmail.com

Мандич Мира, доктор географических наук, профессор факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, miramandic@yahoo.com

***Маринкович Драшко**,* доктор географических наук, профессор факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, draskom@yahoo.com

Махрова Алла Георгиевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, almah@mail.ru

Миненкова Вера Владимировна, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет», г. Краснодар, minenkova@inbox.ru

Мишлицки-Томич Таня, доктор географических наук, доцент факультета естественных наук, университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина; tanjamislicki@yahoo.com.

***Мурзатаева Мария Маратовна**,* магистрант 1 курса специальности «География», Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, г. Уральск, nemo-murzzzik@mail.ru

Ожегова Людмила Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, luda-ojegova@rambler.ru

Панков Сергей Викторович, доктор географических наук, профессор кафедры географии и землеустройства, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина», г. Тамбов, psv69tmb@mail.ru

Папич Драган, магистр факультета естественных наук, Университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина, papicd@pmfbl.org

Петрашевич Александра, доктор географических наук, доцент факультета естественных наук, университет Баня-Лука, Босния и Герцеговина; apetrasevic@yahoo.com.

Поломошнова Наталья Викторовна, магистрант, географический факультет, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, natusik1p@yandex.ru

Попкова Людмила Ивановна, доктор географических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Курского государственного университета; geopoli@mail.ru; 8-960-693-24-33.

Потоцкая Татьяна Ивановна, доктор географических наук, профессор, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, ptismolensk@yandex.ru

Родоман Борис Борисович, доктор географических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Москва, bbrodom@mail.ru

Родригес М. Матео, доктор географических наук, профессор Гаванского университета, Президент Географического общества Республики Куба, г. Гавана, mateorodriguezjose@gmail.com

Санчес Дарио Цезарь, президент Географического общества Аргентины (La Sociedad Argentina de Estudios Geográficos), доктор наук, профессор, Междисциплинарный институт истории и общественных наук, Буэнос-Айрес, Аргентина

Сафиуллин Марат Радикович, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической географии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Marek1987@yandex.ru

Сафиуллин Радик Газизович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, SafiullinRG@yandex.ru

Сафиуллина Рауза Маратовна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической географии, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, rmsafiullina@yandex.ru

Сахнова Наталья Степановна, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Седова Евгения Юрьевна, магистрант, географический факультет, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, zhenya_sedova@mail.ru

Семенова Инна Владимировна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, inessa.semenova@gmail.com

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Барнаул, a.m.sergienko@mail.ru

Сидоров Валерий Петрович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической и общественной географии ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, sidorov@udm.ru

Сидорчук Ирина Борисовна, ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, aniriwa83@mail.ru

Сикач Ксения Юрьевна, аспирант кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, sikach89@gmail.com

***Синявер Екатерина Евгеньевна*,** аспирант кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Соловьев Александр Борисович, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, Белгородский национальный исследовательский университет «БелГУ», г. Белгород, solovev@bsu.edu.ru

Соцкова Лидия Михайловна, кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии, Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, slms1492@yandex.ua, тел. 60-25-04

Степанов Анатолий Владиславович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права ИППК Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, anatoly_stepanow@mail.ru

Сухинин Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, suhmax@mail.ru

Терещенко Татьяна Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова; г. Уральск, tereshenko_zko@list.ru

Тодосиева Антонина Андреевна, студентка 5 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, odrianta@mail.ru

Трифонова Зоя Алексеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова; zoyatrifonova@mail.ru.

Фаронова Юлия Валерьевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии географического факультета, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, faronova2012@mail.ru

Федорко Виктор Николаевич, магистр географии, учитель географии средняя общеобразовательная школа №233, г. Ташкент, Республика Узбекистан, viktor-f-89@mail.ru

Фесенко Владимир Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, vvfesenko@rambler.ru

Филимонова Ирина Юрьевна, магистрант ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», filimo-irina@yandex.ru

Филобок Анатолий Анатольевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет», г. Краснодар, econgeo@mail.ru

Хамина Наталья Владимировна, аспирант Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, missnatali09@yandex.ru

Хименес Лаура Рамона, научный сотрудник Междисциплинарного института истории и общественных наук (Instituto Multidisciplinario de Historia y Ciencias Humanas – GRUTUS Grupo Turismo Sustentable), Буэнос-Айрес, Аргентина

Чистобаев Анатолий Иванович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский федеральный университет, г. Санкт-Петербург.

Чугунова Надежда Васильевна, кандидат географических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Chugunova@bsu.edu.ru

Шадрин Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры географии и методики обучения географии, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, shadrin1@mail.kspu.ru

Шарыгин Михаил Дмитриевич, доктор географических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, seg@psu.ru

Швец Александра Борисовна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, fusion10@mail.ru

Шупер Вячеслав Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва, vshuper@yandex.ru

Яковенко Ирина Михайловна, доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма географического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, yakovenko-tnu@ya.ru

Яковлев Андрей Николаевич, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, funikuler84@mail.ru

Научное издание

Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / под общей ред. И.Н. Воронина и А. Г. Дружинина

Материалы международной научной конференции (Шестая Ежегодная научная Ассамблея АРГО)

Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.

Материалы сборника – в авторской редакции

Над подготовкой сборника к печати работали:
А. Б. Швец, к.г.н., доцент,
Д. А. Вольхин,
Л. А. Ожегова, к.г.н., доцент
Г.В.Сазонова,
О.А.Павлова-Довгань

Подписано в печать 15.06.2015
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 16,3. Тираж 150 экз. Зак. № 07А/15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: (0652) 70-63-31, +7 978 71 72 901.
E-mail: it.arial@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. (0652) 70-63-31, +7 978 71 72 901.
E-mail: braznikov@mail.ru